

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

Н. П. ТАНЬШИНА

ФРАНСУА ГИЗО:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

Монография

МПГУ
Москва • 2016

УДК 94(44)«14/18» Гизо Ф.
ББК 63.3(2)511
Т14

СОДЕРЖАНИЕ

Рецензенты:

Ж. В. Петрунина, доктор исторических наук

А. А. Орлов, доктор исторических наук

Таньшина, Наталия Петровна.

Т14 Франсуа Гизо: Политическая биография: Монография /
Н. П. Таньшина. – М.: МПГУ, 2015. – 364 с.

ISBN 978-5-4263-0312-6

Франсуа Пьер Гийом Гизо (1787–1874) является одной из ключевых фигур политической жизни Франции эпохи Реставрации (1814–1830) и Июльской монархии (1830–1848). Он был первооткрывателем в различных областях научного знания таких, как педагогика, конституционное право, история и социология. Как и многие из его современников, Гизо совершил две карьеры одновременно: политическую и научную, но неудача первой затмила блеск второй. После Революции 1848 г. в забвении оказался не только политолог эпохи Реставрации, но и крупный специалист по истории Франции и Великобритании. Только с конца XX столетия Гизо стал восприниматься как один из значительных политических деятелей и глубоких политических мыслителей Франции XIX века.

Наполеоновская империя и Ватерлоо, реставрация династии Бурбонов, Июльская революция 1830 г., возведшая на трон короля Луи Филиппа Орлеанского и Февральская революция 1848 г., лишившая его престола, Вторая Республика и Вторая Империя, Франко-прусская война, Седан и Парижская Коммуна – все эти бурные события происходили на глазах Гизо, причем он был не просто их современником, а зачастую самым активным участником.

Рекордсмен по времени нахождения во главе министерства, Гизо был не только ключевой фигурой политической истории Франции в годы Июльской монархии, но и главой большой семьи, заботливым отцом и любящим дедушкой. Потеряв двух жен, на двадцать лет он обрел личное счастье с русской подданной, княгиней Дарьей Ливен, нетитулованной королевой европейской дипломатии.

Для историков и всех, кто интересуется историей Франции и европейской историей.

УДК 94(44)«14/18» Гизо Ф.
ББК 63.3(4ФРА)5-8 Гизо Ф.П.Г.

ISBN 978-5-4263-0312-6

© МПГУ, 2016
© Таньшина Н. П., текст, 2016

ОТ АВТОРА	5
ГЛАВА 1. НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ	12
Ним и Женева	12
Париж. Полина де Мелан и начало карьеры.	16
Первая Реставрация и Сто дней	23
Вторая Реставрация и доктринеры. «История происхождения представительного правления»	28
ГЛАВА 2. РОЖДЕНИЕ ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ	43
На пути к «Трем славным дням»	43
Июльская революция	48
Хартия 1830 года	52
Формирование партийно-политического спектра	57
ГЛАВА 3. ИДЕОЛОГИЯ ГИЗО	65
Орлеанизм: идея либерально-консервативного синтеза	65
Гизо – теоретик власти. Теория представительного правления	72
Социальная философия Гизо	91
Революции – локомотив французской истории?	103
ГЛАВА 4. ИЮЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ: ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ	123
Министерство народного просвещения. Закон Гизо	123
Княгиня Ливен	146
Посольство в Лондоне	157
ГЛАВА 5. ЧЕЛОВЕК С БУЛЬВАРА КАПУЦИНОВ: ВО ГЛАВЕ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ	165
Министерство 29 октября	165
Формирование внешнеполитического курса Июльской монархии. Внешнеполитическая концепция Гизо	170
Урегулирование Восточного вопроса	183
Франко-английское «сердечное согласие»	189
ГЛАВА 6. ФРАНЦИЯ И «ЛИБЕРАЛИЗИРУЮЩАЯСЯ» ЕВРОПА	200
Проблема создания франко-бельгийского таможенного союза	200
«Испанские браки»	204
«Смелее, святой отец!» Политика Франции в итальянских государствах	212
Франция и проблема реформирования Швейцарской конфедерации	220

ГЛАВА 7. ФРАНЦИЯ И «СЕВЕРНЫЕ ДВОРЫ»: ПОПЫТКА ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНОГО СИНТЕЗА	232
«Фальшивая» Июльская монархия и «фасадная» Россия: противоречия франко-российских отношений.	232
«Германская угроза»: миф или реальность?	249
Тернистый путь франко-австрийского сближения.	260
ГЛАВА 8. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА	267
Гизо и Бюжо: политика Франции в Алжире	267
Военные действия на территории Марокко и договор в Танжере	276
Политика в Океании и «дело Притчарда»	283
ГЛАВА 9. ФЕВРАЛЬСКИЙ ГРОМ СРЕДИ ПАРИЖСКОЙ ЗИМЫ	302
Кризис и крушение режима	302
Англия	314
Возвращение в Париж.	316
ГЛАВА 10. ОСЕНЬ ПАТРИАРХА	319
Крымская война. Смерть княгини Ливен	319
Франсуа Гизо и конфессиональный фактор в развитии французского общества	325
Франко-прусская война. Последние годы.	338
Послесловие.	345
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	347
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	357

*Светлой памяти моего Учителя,
Ирины Аркадьевны Никитиной, посвящаяю*

ОТ АВТОРА

«Гизо? – Обогащайтесь!» – примерно так на вопрос об этом политике могла бы ответить читающая публика, более или менее знакомая с историей Франции. Действительно, имя Франсуа Пьера Гийома Гизо (1787–1874), историка, социолога и государственного деятеля, теоретика и практика режима представительного правления, предвестника идей европейской интеграции и мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем, на протяжении долгого времени было незаслуженно забыто. Конечно, как историк Гизо был известен, и его исторические труды по истории цивилизации во Франции, истории Английской революции середины XVII века были известны и популярны в России (вспомним пушкинского графа Нулина, который привез «из чужих краев» среди прочего «ужасную книжку Гизота») и не потеряли значимости и по сей день. Однако, как политик, Гизо был непопулярен как среди своих современников, так и среди исследователей. Вплоть до недавнего времени его воспринимали как ультраконсерватора, душителя реформ, способствовавшего режиму коррупции, в целом как министра, политика которого привела Францию к очередному революционному взрыву.

Даже современники, симпатизировавшие Гизо, описывали его как весьма мрачного, надменного и саркастичного человека, сравнивая его за манеру выступлений и внешний облик с Жаном Кальвином. Например, литературно-политический журнал «La Revue des deux mondes» («Обзорение двух миров»), занимавший лояльную позицию по отношению к правительству короля Луи Филиппа, в 1834 г., публикуя статью о Гизо, писал: «Если бы вам довелось побывать на одном из заседаний французской палаты депутатов, вы увидели бы на скамье министров человека с бледными и впалыми щеками, глаза которого, глубоко ввалившиеся, кажутся огнями, сокрытыми на дне пеще-

ры. Одна рука его обыкновенно засунута под жилет и судорожными своими движениями напоминает игрока, который при лопающемся счастье потихоньку дерет когтями свою грудь. Его протяженная, но тем не менее резкая речь, и пилит, и рубит; голос глухой и почти могильный усугубляет печальное выражение физиономии; и когда он прибегает к сарказму, что, правда сказать, редко случается, насмешка в его устах всегда имеет что-то ужасное»¹.

Франсуа Гизо является одной из ключевых фигур политической жизни Франции времен Реставрации и Июльской монархии. Он был первооткрывателем в различных областях научного знания – таких, как педагогика, конституционное право, история и социология. Однако вплоть до конца прошлого столетия он не был широко известен как глубокий политический мыслитель². Причины этого забвения заключались не только в том, что неудачи Гизо как политического деятеля дискредитировали его как мыслителя, но также в том, что после утверждения Республики и расцвета парламентской демократии во Франции его политическая философия рассматривалась либо как нежизнеспособная, либо как порочная. Негативное отношение к политической философии Гизо было связано и с общими оценками эпохи Реставрации и Июльской монархии как переходного этапа между войнами, революциями и империями, когда не было достигнуто важных позитивных результатов, а напротив, зрели причины для очередного революционного взрыва. Между тем именно в эти годы стали появляться наброски современных политических институтов Франции. Именно тогда были сформулированы политические правила и традиции, пережившие режим Июльской монархии. Как отмечал видный французский исследователь Рене Ремон, «парламентаризм, который Франция практикует до сих пор, своими корнями уходит в конституционную монархию»³.

Возрождение научного интереса к изучению интеллектуального наследия Франсуа Гизо началось с работы видного французского

историка Пьера Розанваллона «Момент Гизо»⁴, опубликованной в Париже в 1985 г. За год до этого Розанваллоном была издана «История цивилизации в Европе» с авторским предисловием и введением. Розанваллон справедливо отмечал, что почти в столетнем «карантине» оказался не только Гизо, но и многие другие философы и публицисты первой половины XIX в., в основном представители либеральной или либерально-консервативной политической мысли. По мнению историка, современный интерес к либерализму начала XIX века связан с определенным кризисом политической культуры, стремившейся «забыть Июль». Розанваллон справедливо рассматривает эпоху Реставрации и Июльской монархии как важный этап в процессе модернизации Франции, укрепления основ либерализма, ставшего доминирующей идеологией индустриального общества. Для него Гизо является неким проводником, изучая политическое наследие которого можно понять развитие либеральной политической культуры во Франции в XIX в.⁵ С именем П. Розанваллона связан отказ от традиционного противопоставления Гизо – либерального теоретика периода Реставрации и Гизо – консервативного практика Июльской монархии, а также отказ от тенденции фрагментировать деятельность Гизо как либерального оппозиционера, теоретика парламентаризма, реакционного министра, догматичного протестанта.

В 1987 г., к двухсотлетию со дня рождения Гизо, во Франции был создан фонд «Гизо – Валь-Рише» по названию нормандского поместья Гизо, где он провел многие годы своей жизни. Результатом работы конференции стал коллективный труд «Гизо и политическая культура его времени». В центре внимания специалистов, собравшихся в Валь-Рише, целое созвездие проблем: Гизо и Французская революция, его отношение к идеям Просвещения, история Английской революции, политическая философия Гизо, его внешняя политика, Гизо и религиозные проблемы того времени; последняя часть статей посвящена философии истории Гизо. Гизо – это историк, социолог и политик одновременно, для него характерна тесная связь мысли и действия. Поэтому в сборнике исследуются как взгляды, так и государственная деятельность Гизо. По словам Марины Валенсиз, автора введения, политика Гизо в сфере образования, его позиция по вопросу о реформе избирательного права, его внешнеполитиче-

¹ Знаменитые современники. Франсуа Гизо // Телескоп. 1834. Ч. 21. № 23–26. С. 463.

² Из работ, написанных в первой половине XIX в., отметим труды Шарля Пута, посвященные, прежде всего, ранним годам жизни Гизо, а из работ второй половины XX в. – труд английского историка Д. Джонсона, посвященный различным аспектам политической деятельности Гизо: *Pouthas Ch.-H. Guizot pendant la Restauration, par préparation de l'homme d'Etat*. Paris, 1923; *Pouthas Ch.-H. La jeunesse de Guizot (1787–1814)*. Paris, 1936; *Johnson D. Guizot. Aspects of Frenche History (1787–1874)*. London, 1963.

³ *Rémond R. La vie politique en France. 1789–1848*. Т. 1–2. Paris, 1965. P. 319.

⁴ *Rosanvallon P. Le moment Guizot*. Paris, 1985.

⁵ *Ibid.* P. 29.

ская деятельность являются примерами осуществления принципов доктринеров на практике. Как отмечал в предисловии к этому сборнику видный французский историк Д. Рише, Гизо, как и многие из его современников, совершил две карьеры одновременно: политическую и литературную, но неудача первой затмила блеск второй. После Революции 1848 г. в забвении оказался не только политолог эпохи Реставрации, но и крупный специалист по истории Франции и Англии⁶. По словам Рише, пришлось ждать конца XX столетия, чтобы Гизо стал восприниматься как один из значительных политических деятелей и глубоких политических мыслителей Франции XIX в. Как отметила М. Валенсиз, Гизо воплотил в себе рождение и гибель конституционной монархии – режима, пытавшегося покончить с эпохой революции и являющегося водоразделом между Империей и Второй Республикой. По словам исследовательницы, деятельность Гизо, одновременно научная и политическая, является попыткой примирить современную Францию с ее историей. Для Гизо исторические штудии и политические размышления являются двумя сторонами одной медали: основать режим представительного правления, сочетавшего бы в себе идеи порядка и свободы. Гизо, побежденный как политик, надолго был забыт как историк, – делает вывод М. Валенсиз⁷.

С конца 1970-х началась «вторая волна» интереса к исторической и политической концепции Гизо (первая пришлась на конец XIX века). Историческая наука, по словам М. Валенсиз, начала освобождаться от «железного ошейника экономического и политического детерминизма», а Гизо перестал восприниматься как бесцветный представитель деловой буржуазии. Французы вновь открыли для себя философа, заложившего основы современной цивилизации, и политика, пытавшегося вывести страну из революционного тупика. Сама эпоха Реставрации и Июльской монархии перестала восприниматься просто как переходный этап между либерализмом Просвещения и демократией второй половины XIX в. В этом сложном периоде французской истории, по мнению М. Валенсиз, Гизо принадлежит особое место: он стоит у его истоков⁸.

В 1990 г. появилась работа известного французского историка, члена Французской академии и Академии нравственных и политических наук, специалиста в области политической истории Франции и непосредственно идеологии орлеанизма, Габриэля де Броя «Гизо»⁹. Г. де Брой – автор первой полной научной биографии Гизо, основанной на обширных архивных источниках. Историк справедливо отмечал: если историческим и политическим работам Гизо, которых насчитывается более шестидесяти томов, посвящен ряд работ, то его публичная и частная жизнь, необыкновенно богатая и насыщенная, не была предметом самостоятельного научного анализа. После открытия архивов Валь-Рише такая работа стала возможной. Автор использовал обширные архивные материалы: архивы членов семьи Шлюмбергер, потомков Гизо, опубликовавших его переписку с княгиней Д.Х. Ливен, объединенных в «Общество Валь-Рише»; архивы «La Maison de France»; королевские архивы Виндзорского замка (бумаги королевы Виктории); муниципальные архивы Тулузы; бумаги герцогов Виктора и Альберта де Броев.

Интеграционные процессы в Европе, активизировавшиеся в конце прошлого столетия, стали еще одной причиной обращения к интеллектуальному наследию Гизо, свидетельством чему является книга французского исследователя Пьера Триомфа «Европа Франсуа Гизо»¹⁰. По словам историка, «Европа, в которой борьба против коммунизма на протяжении полувека являлась скрепляющим фактором, после падения Берлинской стены оказалась в состоянии поиска новой идентичности. Этот поиск становится все более настоятельным в условиях постоянного расширения географических рамок Европы, когда в европейскую дверь стучатся страны Востока, Турция и некоторые страны Магриба». Исходя из этого, отмечает П. Триомф, европейские идеи Гизо заслуживают серьезного внимания: «Гизо был одним из первых в Европе и первым во Франции, попытавшимся осмыслить это единство, опираясь на исторические факторы». Более того, помимо европеизма Гизо, П. Триомф отмечает актуальность общеполитической, политической и исторической концепций Гизо: «Вернуться сегодня к наследию Гизо означает

⁶ François Guizot et la Culture politique de son temps. Colloque de la Fondation Guizot – Val-Richer. Paris, 1991. P. 7.

⁷ Ibid. P. 11.

⁸ Ibid. P. 12.

⁹ Broglie G. de. Guizot. Paris, 1985. См. также работу Г. де Броя по орлеанизму: Broglie G. L'Orléanisme. La ressource libérale de la France. Paris, 1981, а также его новейшую работу по Июльской монархии: Broglie G. de. La Monarchie de Juillet. 1830–1848. Paris, 2011.

¹⁰ Triomphe P. L'Europe de François Guizot. Paris, 2002.

вернуться к целому ряду фундаментальных вопросов, волнующих людей сегодня. Это означает вновь открыть для себя синтетическую и мощную мысль, повлиявшую на многочисленных последующих мыслителей... Перечитывать сегодня Гизо, это значит просто испытать удовольствие, читая книги, написанные ярким и точным языком... Это значит, наконец, вновь окунуться в XIX век, к которому мы испытываем «тайную симпатию, основанную на глубоком с ним сходстве»¹¹.

В 2008 г. во Франции была опубликована еще одна биография Гизо, вышедшая из-под пера известного историка, издателя и критика, почетного президента Общества истории французского протестантизма Лорана Теиса¹². Эта работа написана на стыке двух жанров: классической биографии и истории повседневности. Кроме политической и научной деятельности Гизо в центре пристального внимания автора – «ближний круг» Гизо: его семья, женщины, друзья; места обитания: Ним, Женева, Англия, Нормандия и Париж; ежедневный распорядок жизни Гизо. Из этой книги можно узнать массу подробностей о привычках, стиле жизни французского политика, его предпочтениях в питании и одежде, – все те подробности, которые превращают абстрактного и безжизненного «политического деятеля» в живого человека.

Что касается документального наследия самого Франсуа Гизо, то оно весьма обширно и разнопланово. Это и парламентские выступления Гизо, и его «Мемуары», исторические и публицистические работы. Однако, несмотря на обилие работ, изучение политического наследия Гизо представляет определенную сложность: Гизо не написал объемной работы, в которой систематизировал бы свои политические идеи и принципы. Если в области истории можно выделить три фундаментальных труда: «История цивилизации во Франции», «История цивилизации в Европе» и «История Английской революции», то в сфере политической философии работы подобного рода Гизо не создал. Его политические идеи были сформулированы им в многочисленных статьях, брошюрах, выступлениях перед избирателями и в парламентских речах. Выступления Гизо в верхней и нижней палатах парламента, произнесенные им с 1819 по 1848 гг., были опубликованы в 1863–1864 гг. под редакционным

названием «Парламентская история Франции или собрание речей, произнесенных в палатах с 1819 по 1848 гг.»¹³.

В 1858–1867 гг. были опубликованы восьмитомные «Мемуары» Гизо, отражающие итоговые воззрения автора¹⁴. «Мемуары» Гизо являются ценнейшим источником по истории Франции, охватывая период с последних лет Первой империи и заканчивая февралем 1848 г., не включая непосредственно события Революции 1848 г. В центр авторского повествования и, соответственно, политической жизни Франции Гизо поместил себя. Он очень умело выходит из всех затруднительных положений, обставляя дело таким образом, будто его политика была единственно возможной и правильной в тех условиях. Все противоречия, существовавшие в обществе, Гизо сводил в основном к парламентской борьбе, противоборству между правительственной партией и оппозицией, при этом страна оставалась как бы в стороне, жила своей, изолированной жизнью. Мемуары содержат совсем немного данных по экономическим и социальным вопросам. Лишь в конце последнего тома Гизо поместил резюме об итогах развития Франции за годы Июльской монархии, приведя статистические данные различных министерств.

В основу написания этой книги легли переработанные и дополненные материалы моей кандидатской диссертации, опубликованные в виде монографии: «Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма», а также материалы докторской диссертации, увидевшие свет в виде книги: «Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии», а также статьи, опубликованные в различных изданиях¹⁵. В завершение хотела бы выразить искреннюю признательность тем, кто, так или иначе, оказывал мне содействие в работе над этой книгой. Прежде всего, это относится к главному редактору интернет-портала «Вече Санкт-Петербурга» Вячеславу Александровичу Кочнову, помогавшему мне в стилистической правке текста. Выражаю также благодарность кандидату исторических наук Светлане Юрьевне Рафалюк за идею публикации этой книги.

¹³ Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France. T. 1–5. Paris, 1863–1864.

¹⁴ Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. V. 1–8. Paris, 1858–1867.

¹⁵ Танышина Н.П. Франсуа Гизо: Теория и практика французского умеренного либерализма. М., 2000; Ее же. Политическая борьба во Франции по вопросам политики в годы Июльской монархии. М., 2005.

¹¹ Ibid. P. 84–85.

¹² Theis L. François Guizot. Paris, 2008.

ГЛАВА 1. НАЧАЛО БОЛЬШОГО ПУТИ

НИМ И ЖЕНЕВА

Франсуа Пьер Гийом Гизо родился на юге Франции, в городе Ниме, 4 октября 1787 г. в протестантской семье, однако акт его рождения не был зарегистрирован, поскольку только в ноябре 1787 г. эдиктом Людовика XVI протестантам были возвращены их гражданские права. Лишь 13 мая следующего года родители Гизо, наконец, смогли официально зарегистрировать свой брак и рождение сына.

Отец Франсуа, Андре-Франсуа Гизо, был адвокатом, пользовавшимся большой популярностью в городе. Он обладал ярким ораторским талантом, и когда сын тоже стал знаменитым оратором, мать часто повторяла, что он унаследовал отцовский дар¹⁶. Мать Гизо, Софи-Элизабет Бонисель, была старшей дочерью из пятнадцати детей нимского стряпчего. Заботливая мать, эта очень красивая, веселая женщина была хорошей музыкантшей и превосходной танцовщицей¹⁷. Маленький Франсуа рос спокойным и ласковым ребенком, но не сохранил воспоминаний об этом счастливом периоде. Через два года после появления на свет Франсуа в семье родился второй сын – Жан-Жак, а во Франции началась Революция.

Очень скоро о событиях в Париже стало известно в Ниме. Семья Гизо, олицетворявшая «третье сословие», о котором аббат Сийес заявил, что именно оно «должно стать всем», приветствовала начавшуюся Революцию и активно включилась в политическую жизнь. Однако единодушные сторонников перемен очень быстро сменяется расколом, который самым непосредственным и трагичным образом прошелся по семье Гизо-Бонисель: Андре-Франсуа становится одним из лидеров партии жирондистов в Ниме, в то время как его

тесть Бонисель, назначенный главным прокурором города, примыкает к якобинцам. Вслед за падением жирондистов в Париже в ходе восстания 31 мая – 2 июня 1793 г. аналогичные события происходят в Ниме. Андре-Франсуа Гизо, выступавший за умеренные действия, противившийся экстремизму и массовым репрессиям, в начале 1794 г. был арестован. Революционный суд был скор на расправу и уже 8 апреля того же года он взошел на эшафот. При этом тесть ничего не предпринял ради спасения своего зятя и отца своих внуков. Франсуа было тогда шесть с половиной лет. Гизо смутно сохранил в своей памяти прощальный визит в тюрьму к отцу, но вот что он запомнил более отчетливо: известие о свержении «Неподкупного», лидера якобинцев Максимилиена Робеспьера: он помнил, как вместе с матерью и братом они выбежали на террасу дома и возблагодарили Бога за спасение Франции¹⁸.

Софи-Элизабет, оставшаяся одна с двумя маленькими детьми, очень тяжело переживала гибель мужа и предательство отца; на этой почве у нее случилось нервное расстройство, от которого она оправилась только через три года. Поскольку, по революционным предписаниям, родственники гильотинированных не имели права носить траура, весь период террора Софи-Элизабет провела в добровольном заточении, однако до самой своей смерти (31 марта 1848 г.) она носила на груди прощальное письмо мужа, написанное из тюрьмы.

Детские страхи никогда не проходят бесследно. Конечно, Франсуа был еще совсем ребенком, но, несомненно, казнь отца повлияла на формирование его мировоззрения. В дальнейшем это трагическое событие неоднократно будет становиться предметом политических спекуляций противников Гизо, которые будут усматривать в казни его отца главное событие, повлиявшее на формирование характера историка и политика. Причем, повлиявшее сугубо негативно. На страницах русской публицистики в 1850-е в связи с этим развернулась самая настоящая полемика между либеральными журналами «Отечественные записки» и «Русский вестник». Так, в журнале «Отечественные записки», критиковавших Гизо как консервативного политика, отмечалось, что казнь отца, «это страшное зрелище глубоко запало в его душу и заронило в нее первые семена той глубокой ненависти и того презрения к человеческому роду, которое,

¹⁶ Witte H. Monsieur Guizot dans sa famille et avec ses amis (1787–1874). Paris, 1881. P. 4. Автор книги, Генриэтта Витт – дочь Ф. Гизо.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. P. 6.

скрываясь под наружно-холодными и беспристрастными манерами министра-консерватора, при каждом удобном случае невольно проявлялось наружу. Можно с достоверностью предположить, что и самый консерватизм Гизо зародился в нем под влиянием безумных кровавых сцен, ознаменовавших разгар французской революции. Сын, видевший позорную смерть любимого отца, должен был неминуемо сделаться противником людей и начал, отравивших его светлые, детские впечатления, и, при первой возможности, решительно стать во главе реакционеров, друзей "тишины" и "порядка"¹⁹.

В противовес этому мнению на страницах «Русского вестника» излагалась более взвешенная позиция. Публицист этого издания отмечал: «Едва ли ненависть к людям могла поместиться в сердце семилетнего ребенка. Некоторые писатели видят в казни отца Гизо зародыш тогдашней ненависти последнего к народной анархии; это предположение весьма правдоподобно, но от отвращения к анархии до презрения ко всему роду человеческого расстояния неизмеримое»²⁰.

Как бы то ни было, глубокий и талантливый историк, Франсуа Гизо так и не напишет труда по истории Революции, разрушившей его семью и лишившую его отеческого внимания и заботы. В то же время саму Революцию он всегда считал важным этапом в развитии французской цивилизации, но выступал противником сопровождавших ее кровопролития и насилия, полагая, что необходимо отделить «зерна», то есть позитивные социально-политические завоевания революции: равенство всех граждан перед законом, ликвидацию сословных привилегий, конституционную форму правления, от «плевел»: анархии и деспотизма. Это отчетливо проявится и в ходе его многолетней политической деятельности: Гизо всегда будет стремиться проводить политику «золотой середины», политику умеренную и компромиссную.

В августе 1799 г. мадам Гизо с сыновьями покинула Ним и переехала в Женеву: настало время учебы. «Женева – это моя интеллектуальная колыбель», – так через шестьдесят лет вспоминал Гизо о времени, проведенном в этом городе²¹. Семья жила очень скромно, и расходы на обучение поглощали все сбережения Софи-Элизабет.

Сначала Франсуа обучался в гимназии, затем, в 1801 г., поступил в Женевскую академию, где продолжил получать среднее образование. Основными изучавшимися здесь дисциплинами были классическая античная литература, риторика, арифметика и геометрия. Специфика обучения состояла в том, что ученики сами выбирали темы для изучения, упражнения по степени сложности, имели право объединяться в литературные общества. Обычно образование в такой школе было принято дополнять обучением в частном пансионе, и мадам Гизо выбрала для своих сыновей один из лучших – пастора Дежу. Сама она обосновалась в маленьком домике напротив того, где жил преподаватель, занимавшийся воспитанием ее детей. Она полностью погрузилась в учебные дела своих сыновей, присутствовала на всех уроках, принимала участие во всех их работах, проверяла их домашние задания. Порой, холодными зимними вечерами, когда маленькие детские ручки замерзали, она писала под их диктовку домашнюю работу²².

Юный Франсуа изучал пять языков: латынь, греческий, итальянский, английский и немецкий. Он увлекался верховой ездой, плаванием, рисованием. Под влиянием идей Ж.-Ж. Руссо он приобщился к ручному труду и стал превосходным токарем²³.

В августе 1803 г. Гизо перевелся с филологического отделения на философское. «Только тогда я начал жить», – писал он впоследствии²⁴. За два года юноша открыл для себя радость активной интеллектуальной деятельности, которая с тех пор его не оставляла. Он сохранил свои ученические тетради, которые свидетельствовали о той жадности, с которой он предавался учебе. Курс включал в себя изучение алгебры, геометрии, химии и физики, но главными предметами были философия и мораль. В июне 1805 г. Франсуа получил диплом об окончании отделения.

Однако Софи-Элизабет мечтала о том, чтобы Франсуа, как и его отец, стал адвокатом, а между тем в Женеве не было юридического факультета. Мадам Гизо принимает решение вернуться во Францию, и тем же летом семья оказалась в Ниме.

¹⁹ Гизо и его Записки // Отечественные записки. 1858. Т. 118. № 5–6. С. 689.

²⁰ Литературные заметки (по поводу статьи о мемуарах Гизо, помещенных в № 6 «Отечественных записок» за 1858 г.). С. 344 // Русский вестник. 1858. Т. 15. Июнь. Кн. II.

²¹ Broglie G. Guizot. P. 18.

²² Witte H. Op. cit. P. 11.

²³ Broglie G. Guizot. P. 18.

²⁴ Ibid. P. 20.

ПАРИЖ. ПОЛИНА ДЕ МЕЛАН И НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

В родном, но наполненном печальными воспоминаниями Ниме, Франсуа задержался совсем недолго: уже в начале сентября он едет в Париж изучать право. Отказавшись жить со своим нимским другом, Ахиллом Донаном, он поселился недалеко от него, на улице Фобур-Сен-Оноре. Мать Гизо поручила своего сына бывшему компаньону своего мужа Шабо-Латуру, и особенно его сестре Мире, очаровательной 34-летней женщине, принявшей Франсуа как родного сына. Именно она познакомила молодого провинциала со столицей и ввела в парижское общество. В ноябре 1805 г. Гизо стал студентом Школы права. Каждое воскресенье здесь устраивались своеобразные стажировочные конференции, на которых ученики вели тяжбу с адвокатами. Именно здесь впервые проявилось ораторское дарование Гизо. Однако очень скоро юноша разочаровался в выбранной профессии, сдал в августе 1806 г. экзамены и покинул школу. Он активно занимается самообразованием, погружается в изучение латыни, греческого, английского и даже арабского языков, читает много исторических работ и романов. Скоро в его жизни происходят важные перемены: его покровительница Мира знакомит юного Гизо с бывшим министром наук и искусств Гельветической республики, представителем Швейцарии в Париже Стапфером. С 1803 г. он пребывал в отставке, его дом был открыт для протестантов и многочисленных литераторов. Здесь же Гизо встретил влиятельного постоянного секретаря второго класса Института, либерала, сторонника конституционной монархии, создателя газеты либеральной направленности «Публицист», Сюара. Сюар берет Гизо под свою протекцию.

Не имея средств для жизни и источников дохода, Гизо поступает домашним учителем и секретарем в семью Стапфера. Без поддержки этого человека Гизо очень сложно было бы войти в парижское общество; в многолюдном и шумном Париже юноша чувствовал себя очень одиноко. Со своей стороны, Стапфер проникся симпатией к своему новому секретарю; Франсуа импонировал ему своей уединенностью и серьезностью. Гизо давал по два урока в день сыновьям Стапфера, которые привязались к нему, и которых он тоже любил. Его считали старшим сыном в семье; он с неподдельным удовольствием участвовал в долгих разговорах, вкус к которым со-

хранил на всю жизнь. Стапфера, человека образованного и эрудированного, поражал природный ум Гизо, но в то же время он видел существенные пробелы в его знаниях. Поэтому он настоял на том, чтобы Франсуа возобновил классическое образование; от Стапфера же Гизо во многом перенял вкус к немецкой литературе.

Несмотря на заботу, окружавшую молодого человека в семье Стапфера, в течение первых двух лет пребывания в Париже самым близким для него другом оставалась его мать. Рано оставшись без отца, Франсуа всю свою долгую жизнь будет испытывать глубокую привязанность к матери, она всегда будет оставаться для него непрекаемым авторитетом, а после смерти двух его жен заменит мать его детям. Гизо был в постоянной переписке с матерью, отправляя письма дважды в день. Франсуа писал ей: «Если я не напишу тебе, то буду беспокойным и несчастным; ты – единственный человек, кому я без опасений открываю свою душу»²⁵. В Париж Софи-Элизабет переберется только в 1823 г.

Гизо влечет к литературной деятельности. Одно из своих первых произведений, поэму, он решает отправить знаменитому Ф.Р. де Шатобриану. Письмо отправляет анонимно, через гонца. Шатобриан ответил через того же посредника: «Я с крайним удовольствием прочитал поэму, которую неизвестный имел честь мне адресовать... Я покорен его размышлениями...»²⁶. Похвала такого человека должна была только вселить уверенность в начинающего литератора, тем более, что скоро ему представилась возможность проявить свои способности.

В марте 1807 г. на обеде у Стапфера из рассказа Сюара он узнал, что одна из сотрудниц газеты «Публицист», Полина де Мелан, заболела и какое-то время не могла работать. Гизо предложили подменить Полину и вести ее раздел. 31 марта 1807 г. на страницах «Публициста» появилась его первая статья, за которой последовали семнадцать других, в основном посвященные книгам и театру. Последняя статья была опубликована 6 мая, а через два дня Полина де Мелан приступила к своей хронике и захотела познакомиться со своим любезным заместителем.

В сентябре 1807 г. Гизо начал официально сотрудничать с «Публицистом». Он получил выгодный контракт – двести франков в ме-

²⁵ Witte H. Op. cit. P. 14–15.

²⁶ Broglie G. Guizot. P. 25.

сяц за написание восьми статей. К 1810 г. им было написано двести сорок восемь статей; почти все они были посвящены обзору новых книг, прежде всего иностранных. Помимо «Публициста» Гизо начинает сотрудничество и с другими изданиями: с «Литературными архивами Европы», «Меркурием»; Стаффер выбрал его в качестве корреспондента немецкоязычной газеты, издававшейся в Швейцарии. В 1809 г. он издает «Словарь синонимов».

Встреча с Полиной де Мелан стала определяющей не только в карьере начинающего публициста, но и в его личной жизни. Мелан работала в «Публицисте» с 1801 г., и ее блестящая репутация и поддержка явились драгоценными для Гизо. Постепенно связи между ними начинают укрепляться, они начинают переписываться не только на профессиональные темы. Трудно было найти людей более непохожих, чем они. Он – провинциал, выходец из семьи мелкого буржуа. Она происходила из знатного и богатого дворянского рода. Он – протестант, она – католичка. Он – замкнутый, она – общительная, любительница света и театра. Он – убежденный догматик и теоретик, она – прагматик. Наконец, их разделял возраст: Гизо был младше Полины на четырнадцать лет.

Можно согласиться с мнением Габриэля де Броя, что Гизо и Мелан соединила работа. Именно Полина первой обратила внимание Франсуа на его истинное призвание, которое, по ее мнению, заключалось не в журналистике, а в истории: «Вы всегда лучше говорите о событиях, чем о книгах. Ваш талант, как мне кажется, в высшей степени в области истории»²⁷.

В 1808 г. вместе они начинают переводить «Историю упадка и гибели Римской империи» знаменитого английского историка Эдуарда Гиббона. Эта грандиозная работа была окончена к 1811 г., когда были опубликованы тринадцать томов с комментариями Гизо и Мелан. Это была первая большая историческая работа Гизо. В этом же году он публикует и свою первую книгу: «О состоянии изящных искусств и о Салоне 1810 года», дополненную удачными авторскими рисунками.

В марте 1811 г. Гизо создает журнал «Анналы образования» – периодическое издание для родителей. 15 апреля появился его первый номер. Каждый выпуск журнала состоял из трех основных статей,

рассказа, написанного Мелан или иногда Гизо, библиографии новых изданий, аннотаций учебников и в целом всего нового, связанного с вопросами образования. Журнал также содержал методические советы по изучению чтения, орфографии, рисунка, риторики, логики. Деятельность журнала была успешной, однако после падения Первой империи «Анналы» прекратили свое существование.

9 апреля состоялась свадьба Гизо и Мелан. Церемония была очень скромной, на ней не было ни одного из членов семьи Гизо; она была замечена только в литературных кругах Парижа. Человек, женившийся на немолодой, по тогдашним меркам, женщине, и сам выглядел не очень молодо: незадолго до свадьбы Франсуа перенес болезнь и потерял юношескую свежесть. Худой, с бледным, даже белым лицом; с черными волосами, вьющимися надо лбом; он часто носил тесный сюртук с высоким воротом и узкими плечами, что придавало ему некоторое сходство с горбуном, при том, что он обладал красивой фигурой – таков был двадцатичетырехлетний Франсуа. Современников привлекали две отличительные черты его внешности: расширенные, подвижные, живые глаза, незабываемый взгляд, одновременно глубокий и мягкий, пронизывающий и сверкающий, и голос, очаровывавший своей важностью и тембром. При этом Франсуа держался очень степенно и независимо; его совершенно нельзя было назвать «своим парнем». «Он имел вид ходячей идеи», – так скажет о нем его друг и коллега Шарль Ремюза²⁸.

Между тем женитьба Гизо на Полине Мелан стала предметом для многочисленных пересудов и сплетен. Разница в возрасте, тесные связи семьи Мелан с некоторыми влиятельными приверженцами династии Бурбонов, в частности, аббатом Монтестье, секретарем которого в министерство внутренних дел Гизо будет назначен в 1811 г., давали основания предполагать, что этот брак со стороны Гизо был «планом очень ловко рассчитанной атаки»²⁹.

Вряд ли подобные обвинения были обоснованы, хотя, действительно, Полина сыграла очень важную роль в становлении Гизо как журналиста и публициста и формировании его политической карьеры. Большинство современников сходились во мнении, что это был исключительно союз по любви, и что Гизо был счастлив в браке. В 1813 г. у супругов родился сын Франсуа, который прожил меньше

²⁷ Ibid. P. 31.

²⁸ Ibid. P. 39.

²⁹ Гизо и его Записки. С. 693.

двух месяцев. Спустя два года Полина снова родила сына, которого вновь назвали Франсуа. Он доживет до двадцати одного года.

В 1807 г., когда Гизо впервые вступил в политический мир, империя Наполеона была на вершине своего могущества. Как отмечал русский публицист, современник Гизо, казалось, «ни один голос не смел возвыситься против нее, не только с резким возражением, но даже с робким, косвенным намеком»³⁰. Однако если оппозиции не существовало в смысле прямого противодействия власти, то, как отмечал отечественный дореволюционный историк В. А. Бутенко, «она продолжала жить в форме враждебного настроения некоторых оппозиционных кружков, в форме «общественных салонов»³¹. Одним из таких центров оставался салон легендарной Жермены де Сталь. Дочь знаменитого банкира Неккера, изгнанная из Парижа и преследуемая Наполеоном, в своем швейцарском имении Коппе она создала литературно-политический кружок, центр средоточия либеральной мысли, который несколько раз посещал и Гизо. Другим таким центром, но более умеренной направленности, был салон графини Ремсфорд (вдовы Лавуазье). Завсегдатаями этого салона были и сотрудники «Публициста», в том числе Гизо и Мелан.

Много лет спустя, на страницах своих «Мемуаров», Гизо так отзывался об этом периоде своей жизни: «Я жил в оппозиции, но оппозиции, совсем не похожей на ту, которая росла и развивалась на наших глазах на протяжении последующих тридцати лет. То были развалины философского кружка и либеральной аристократии XVIII века, последние представители тех салонов, где обо всем свободно думалось и говорилось, где все подвергалось критике, где все обещали и на все надеялись, но не столько из честолюбия или эгоистических расчетов, сколько по живости и особым свойствам ума. Ужасы и неудачи революции не побудили оставшихся в живых свидетелей той эпохи отказаться ни от своих идей, ни от своих желаний; они остались искренними, либеральными, но без всяких претензий, как большая часть людей, которые много страдали и мало успели в своих начинаниях. Они ненавидели и живо порицали деспотизм, но не предпринимали ничего, чтобы укротить

или ниспровергнуть его. Это была оппозиция просвещенных и независимых зрителей, не имевших ни желания, ни случая выйти на сцену и стать актерами»³².

Именно в это время Гизо пробует себя на политическом поприще: в 1811 г. он получил место мелкого чиновника в министерстве иностранных дел. Как и многие другие, он был уверен в прочности могущества Наполеона, о чем впоследствии писал в «Мемуарах»: «...что касается до самого повелителя, то оппозиция того общества, среди которого я находился, не могла иметь для него никакой практической и непосредственной важности. То была оппозиция мысли и разговоров, без прямой цели, без ожесточения, имевшая важность с точки зрения будущности, но не вступающая в современную политику, и готовая за недостатком свободы в жизни довольствоваться долго свободой мысли и выражений...»³³.

Тем временем в марте 1812 г. умер титулованный ученый кафедры истории на философском факультете, специалист по истории античности Левек. По выбору ректора Университета Фонтана его сменил на этой должности Лакретель, оставив вакантным место заместителя. По рекомендации Сюара, который характеризовал Гизо как «человека редких достоинств», которого он «бесконечно любит и уважает»³⁴, Гизо стал не заместителем Лакретеля, а возглавил специально под него созданную кафедру Новой истории: 25 июля кафедра истории была разделена на две части: кафедру Древней истории для Лакретеля и Новой истории для Гизо. Ректор Фонтан решил даже нарушить устав Университета, поскольку молодому профессору еще не было двадцати пяти лет.

Гизо не скрывал своих опасений, принимаясь за новое дело. Конечно, его многочисленные критические статьи, знание языков и литературы во многом подготовили его к преподавательской деятельности. Однако он брался за преподавание истории, не имея ни специального образования, ни хоть какого-нибудь опыта. 11 декабря 1812 г. состоялся его вступительный урок в «Коллеж дю Плесси» перед учениками Эколь нормаль и немногочисленной публикой. По традиции, на первом уроке лектор должен был произнести несколько приветственных слов в адрес императора Наполеона. Но молодой

³⁰ Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация // Русский вестник. 1858. Т. 15. № 5–6. С. 314.

³¹ Бутенко В.А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 1. 1814–1820. СПб., 1913. С. 80.

³² Guizot F. Mémoires pour servir à l'Histoire de mon temps. V. 1–8. P., 1858–1867. V. 1. P. 6.

³³ Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. С. 316–317.

³⁴ Broglie G. Guizot. P. 40.

профессор проявляет характер: как и его друг, учитель и единомышленник, профессор философии Пьер Руайе-Коллар, он не желал смешивать политику с наукой. Несмотря на все увещевания Фонтана, утверждавшего, что император обращает на это особое внимание, Гизо отказывается произнести приветственный адрес. «Делайте, что хотите, – сдался, наконец, ректор. – Если на вас пожалуются, мне придется отвечать: буду защищать себя и вас, как только могу»³⁵. Что касается Руайе-Коллара, то ему было тогда сорок девять лет. Парижский адвокат, сторонник конституционной монархии, он примкнул к Революции и был секретарем Парижской коммуны вплоть до восстания 10 августа, когда к власти пришли жирондисты. Депутат от Марны в Совете пятисот, он был исключен из него 18 фрюктидора, присоединился к роялистам и стал главой секретного бюро Людовика XVIII во Франции, находясь на этом посту до 1803 г. Гизо высоко ценил дружбу с этим человеком: «Он сделал очень многое для моей карьеры. Он действительно содействовал моему внутреннему развитию. Он открыл для меня перспективы и научил истинам, которые без его помощи я никогда не смог бы постичь»³⁶.

Лекции Гизо имели блестящий успех. Как отмечали современники, успеху сопутствовали внешний облик и манеры молодого профессора: «Его бледное выразительное лицо, его важный и серьезный вид, его звучный и мерный голос, пуританская простота костюма, чувство собственного достоинства, выразившееся в каждом его движении – все это обаятельно действовало на молодежь, всегда готовую увлечься всякою, хоть чем-нибудь выдающимся, но резко и эффектно выдающейся личностью»³⁷. Руайе-Коллар так отзывался об ораторском таланте своего друга: «То, что Гизо понял сегодня утром, кажется, он это знал вечно»³⁸.

Гизо отказался произнести приветственное слово в адрес императора не только потому, что не желал смешивать науку и политику. Несмотря на в целом высокую оценку личности Наполеона, он не мог восхищаться установленными им порядками. Он писал в «Мемуарах»: «С тех пор, как я принял сам участие в государственном управлении, я научился быть справедливым по отношению

к императору Наполеону: в высшей степени могучий и деятельный гений, пораженный своей антипатией к анархии, своим глубоким административным инстинктом, своими энергичными и неутомимыми усилиями для воссоздания общественного остова. Но гений этот не поставил себе никаких пределов, не принимал ни от Бога, ни от людей никаких границ своим страстям и воле, и поэтому он был революционером, несмотря на то, что постоянно боролся с революцией; отлично понимая насущные потребности общества, он понимал несовершенно, можно даже сказать, грубо, нравственные потребности человеческой природы, и то давал им полное удовлетворение, то с неистовой гордостью презирал и оскорблял их»³⁹. В то же время Гизо полагал, что в эти годы Франция нуждалась именно в таком государственном деятеле, как Наполеон, поскольку никто лучше, чем он, не мог бы преодолеть состояние анархии в обществе. Однако никто, как Наполеон, «...не питался... такими химерами в отношении будущего; он обладал Францией и Европой, и Европа выгнала его даже из Франции; имя его останется более великим, чем его дела, потому что славнейшее из этих дел, его победы, совершенно и навсегда исчезли вместе с ним»⁴⁰. Больше всего в наполеоновском правлении Гизо поражали «надменность грубой силы и презрение права, избыток революции и отсутствие свободы»⁴¹.

ПЕРВАЯ РЕСТАВРАЦИЯ И СТО ДНЕЙ

Прошло два года после начала преподавательской деятельности Гизо, и современники увидели, что Империя оказалась Колоссом на глиняных ногах: могущественная держава Наполеона рухнула, во Франции была восстановлена монархия во главе со старшим братом казненного короля Людовика XVI Людовиком XVIII. Для Гизо проблема выбора не стояла: он всецело оказался на стороне реставрированной монархии Бурбонов. Он писал в «Мемуарах», что всегда предпочитал «политику справедливости и свободу под сенью закона»⁴². В годы Империи, по его словам, он «потерял надежду на это, но рассчитывал вновь обрести ее в период Реставрации»⁴³.

³⁵ Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. С. 320.

³⁶ Broglie G. Guizot. P. 41.

³⁷ Гизо и его записки // Отечественные записки. 1858. Т. 119. № 7–8. С. 692.

³⁸ Delbez L. Les grands courants de la pensée politique française depuis le XIX siècle. Paris, 1970. P. 40.

³⁹ Guizot F. Mémoires... V. 1. P. 5.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibid. P. 27.

⁴³ Ibidem.

Поэтому для него восстановление династии Бурбонов было «единственным серьезным решением»⁴⁴. Гизо надеялся, что с Реставрацией мир и свобода окончательно установятся во Франции: «Война не была для Бурбонов ни необходимостью, ни страстью; они могли царствовать, не прибегая всякий раз к новой демонстрации силы, к новому потрясению воображения народов. С восшествием на престол Бурбонов иностранные правительства могли поверить и, действительно, верили в искренний и длительный мир»⁴⁵.

По протекции Руайе-Коллара Гизо становится генеральным секретарем министра внутренних дел аббата Монтестье, которому в то время было пятьдесят семь лет, это был умный и обаятельный человек. В годы Революции он был депутатом от парижского духовенства в Генеральных штатах, а его двоюродный брат был депутатом от дворянства. В отличие от последнего, он не присоединился к третьему сословию и заседал справа. «Не доверяйте этой маленькой змее, она вас соблазнит», – так отзывался о нем маркиз Мирабо⁴⁶. После восстания 10 августа 1792 г., приведшего к власти жирондистов, Монтестье эмигрировал в Англию, находился при Людовике XVIII, с которым был тесно связан. Возвратившись в Париж после падения якобинской диктатуры, он стал личным эмиссаром короля в роялистском комитете, одним из влиятельных членов которого был Руайе-Коллар. Наполеон отправил его обратно в Англию, но 1 апреля 1814 г. он вернулся и был назначен министром внутренних дел в правительстве Ш.-М. Талейрана⁴⁷. Это было первое министерство Реставрации, которое, как верно отмечал Г. де Брой, было, скорее, придворным советом, а не представительным правительством. Каждый министр был изолирован и работал напрямую с королем, которого занимали только личные вопросы и этикет. Министры хищно соперничали друг с другом. В этом министерстве Монтестье был единственным, кого окружали способные помощники.

Гизо приступил к работе в начале мая 1814 г., хотя приказ о его назначении был утвержден только 24 мая. И сразу же принял участие в самом главном на тот момент проекте: в подготовке конституционной Хартии. Кроме того, в должности секретаря министра

внутренних дел Гизо принял непосредственное участие в разработке трех мер: представления, сделанного от имени короля палатам о внутреннем состоянии Франции; закона о свободе книгопечатания и реформы народного образования.

Гизо и года не прослужил в новой должности, как в стране грянули перемены: 26 февраля 1815 г. в восемь часов вечера Наполеон с 1100 солдат старой гвардии и корсиканского батальона сели на корабли. 20 марта утром он прибыл в Фонтенбло, а в девять часов вечера водворился в Тюильри. Так началась последняя авантюра поверженного императора – «Сто дней».

Несмотря на двойственное отношение к наполеоновскому режиму, Гизо демонстрирует свою лояльность императору и тут же принимает Дополнительный акт. Это не помогло, и он был отправлен в отставку. В официальном издании «Le Moniteur universel» от 11 мая 1815 г. появилась статья, в которой, помимо прочего, сообщалось о его отставке, несмотря на подписание Дополнительного акта⁴⁸. Гизо, не называя статью клеветой, утверждал, будто бы в ней речь шла вовсе не о Франсуа Пьере-Гийоме Гизо, а о некоем Жан-Жаке Гизо, который в то время также был сотрудником в министерстве внутренних дел⁴⁹. Темная и не очень красивая история, в которой еще предстоит разобраться.

Возвращение Наполеона поставило либеральную оппозицию в непростое положение: до 20 марта Наполеон был узурпатором, покушавшимся на конституционный порядок, и приверженцы политической свободы оставались верны своим идеалам, содействуя борьбе Бурбонов против него. Но после 20 марта Наполеон стал законным французским монархом, признанным всей страной. Бурбоны вновь оказались за границей; европейские державы отказались от каких бы то ни было контактов с Наполеоном. Либералы были убеждены, что их политические планы могли быть осуществлены только с династией Бурбонов. Гизо и его единомышленники – П. Руайе-Коллар и П. Барант были отправлены в отставку. Первое время они занимали позицию молчаливой

⁴⁴ Ibid. P. 30.

⁴⁵ Ibid. P. 31.

⁴⁶ Broglie G. Guizot. P. 46.

⁴⁷ Ibid. P. 46.

⁴⁸ В статье сообщалось: «Господин министр внутренних дел произвел некоторые перемены в сфере своего управления; но сколь ложно мнение, что на меру эту имел будто бы влияние отказ некоторых лиц в принятии Дополнительного акта. Это можно видеть уже из того, что многие из чиновников, подписавших акт, а именно г-н Гизо, получили отставку, между тем как другие, которым совесть не позволяла подобного поступка, остались на своих местах». См.: Гизо и его записки // Отечественные записки. 1858. Т. 119. С. 199.

⁴⁹ Там же.

оппозиции, но вскоре приходят к выводу, что режим Наполеона крайне непрочен, и в скором будущем Францию ожидает вторичная Реставрация. Поэтому они сочли своим долгом содействовать тому, чтобы вторая Реставрация не была бы простым повторением опыта и ошибок первой. Либералы знали, что король, бежавший в Гент, на территорию Бельгии, находился в окружении почти исключительно представителей крайних роялистов во главе с Блакасом. Они опасались, как бы Людовик XVIII, раздраженный своим изгнанием, по возвращении во Францию не стал бы проводить политику в духе реакции⁵⁰. Руайе-Коллар при содействии Пакье и некоторых других умеренных роялистов установил постоянные связи с двором Бурбонов в Генте. К Людовику XVIII ежедневно отправлялся особый курьер с подробным отчетом о положении дел. В конце мая, когда положение стало особо критическим, в Гент было решено отправить Гизо со специальным поручением: противодействовать влиянию реакционеров при дворе и склонять короля на путь умеренно-либеральной политики. Впоследствии эта поездка Гизо в Гент станет одним из излюбленных предметов для нападок на него со стороны политических противников. «Бегство в Гент» – именно так будет ими именоваться этот визит, а сам Гизо будет обвиняться в предательстве и измене национальным интересам Франции. Как только против Гизо поднималась волна критики по какому-либо вопросу, кто-нибудь из его оппонентов обязательно припоминал «бегство в Гент». Гизо был вынужден защищаться. Тридцать лет спустя, будучи министром иностранных дел Июльской монархии, на заседании палаты депутатов 26 января 1844 г., в ответ на очередные обвинения своих противников в измене, он заявил, что он поехал в Гент, «чтобы привезти советы Людовику XVIII... советы конституционных роялистов, которые предвидели его возвращение во Францию...» и которым было не все равно, «возвратится ли он под знаменем Хартии или под знаменем контрреволюции»⁵¹. Гизо особо подчеркивал, что он руководствовался тогда главной и единственной политической задачей: служить конституционной монархии. «Желание видеть ее реализованной в моей стране, желание помогать, содействовать своим слабым участием со-

⁵⁰ Бутенко В.А. Указ соч. С. 174.

⁵¹ Le Moniteur universel. 1844. 27 janvier.

зданию этого прекрасного и великого правительства – это было моей единственной политической мыслью», – заявил он⁵².

Либералы были готовы всеми средствами содействовать вторичной Реставрации Бурбонов. Как отмечал русский публицист Е. М. Феоктистов, «даже завоевание, которое считалось одним из страшных бедствий, и особенно страшным во Франции, с ее воинственными привычками, с ее воспоминаниями о прежних подвигах и преклонением перед славой, казалось им не очень опасным злом, если бы только можно было этой ценой низвергнуть ненавистное им правительство»⁵³. Гизо впоследствии писал в своих «Мемуарах»: «Было бы безрассудно и несправедливо нападать на Реставрацию за присутствие во Франции чужеземцев, которые явились в ее среду как следствие безумного честолюбия Наполеона и могли быть удалены только Бурбонами»⁵⁴. В 1844 г., на упоминавшемся заседании Палаты депутатов, представители левой оппозиции упрекали Гизо в том, что, по его мнению, для Франции лучше «Ватерлоо и предательство». Так, республиканец Ледрю-Роллен заявил, что слова Гизо – «это язык предателя и англичанина!», а его единомышленник Гарнье-Пажес обвинил министра в отсутствии национального чувства и патриотизма⁵⁵. Французский историк и политический деятель времен Третьей республики Жюль Симон справедливо отмечал, что в то время, как либералы видели, что режим Наполеона непрочен и обращали свои взоры к Людовику XVIII, в широких слоях населения преобладало великое чувство: «Родина превыше всего!». Гизо же и его коллеги не видели большей услуги для Франции, чем обеспечить ей легитимность и свободу посредством восстановления династии Бурбонов⁵⁶.

Гизо так объяснял, что выбор пал именно на него: «Я был и моложе, и независимее всех в нашем небольшом кружке. Выбор пал на меня для исполнения этого не совсем приятного поручения, и я согласился, не колеблясь. Но я считал бы для себя стыдом, если бы страх ответственности или соображения о будущем принудили меня отказаться от того, что я полагал необходимым исполнить для блага своего Отечества»⁵⁷.

⁵² Ibidem.

⁵³ Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. С. 336.

⁵⁴ Там же. С. 337.

⁵⁵ Le Moniteur universel. 1844. 27 janvier.

⁵⁶ Simon J. Thiers, Guizot, Rémusat. Paris, 1885. P. 238.

⁵⁷ Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. С. 338.

Гизо пробыл в Генте до окончания Ста дней. Установление режима второй Реставрации и восстановление власти Людовика XVIII ознаменовали начало следующей страницы в жизни и деятельности Франсуа Гизо, неразрывно связанной с историей развития умеренно-либеральных идей и их последовательного воплощения на практике.

ВТОРАЯ РЕСТАВРАЦИЯ И ДОКТРИНЕРЫ. «ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ»

Влияние союзников, безусловно, стесняло Бурбонов, не позволяя выходить за рамки Хартии. В этом смысле первая Реставрация была достаточно либеральной. После Ста дней и окончательного поражения Наполеона в июне 1815 г. положение изменилось. Вторая Реставрация началась с белого террора над бонапартистами и теми, кто поддержал возвращение Наполеона, а заодно и над активными участниками революции. Около 70 тысяч человек подверглись репрессиям – были казнены, осуждены или высланы за пределы Франции.

После подписания Второго парижского трактата 20 ноября 1815 г. во Франции было сформировано министерство, главой которого по предложению императора Александра I стал герцог А.-Э. Ришелье, эмигрировавший из Франции в годы Революции, получивший от императора Павла I пост заместителя в Новороссии и генерал-губернатора Крыма. Острый на язык Талейран язвительно заметил, что Ришелье получил свой пост исключительно за то, что «лучше всех во Франции знает Крым». Конечно, это не было единственной заслугой «дюка», как его называли в Одессе. Министерство Ришелье находилось у власти с конца сентября 1815 до 29 декабря 1818 г.

После Ста дней Палаты были распущены. Новые выборы, происходившие в обстановке растерянности и подавленности избирателей, почти везде принесли успех крайним роялистам. Как справедливо отмечала отечественная исследовательница Е. В. Киселева, неистовая кампания ультра против кабинета Ришелье осенью 1815 г., который стремился создать условия для сближения противников и сторонников восстановления Старого порядка, ставила под угрозу достижение успокоения страны в рамках конституционной монар-

хии. В это время правительство получило поддержку со стороны умеренного крыла либералов, конституционалистов-роялистов, или доктринеров, которые взяли под свою защиту принципы, гарантированные Хартией. После крушения режима Наполеона именно конституционалисты-роялисты смогли наиболее полно выразить надежду части французского общества на возможность сочетания монархии Бурбонов со свободой, необходимой для обеспечения прав человека⁵⁸. Одним из лидеров этой немногочисленной группы либералов, получившей название доктринеров, стал Гизо.

Его карьера после Ста дней развивалась успешно. Он перешел в министерство юстиции и вскоре был назначен членом Государственного совета и директором департаментского управления. Несмотря на то, что Гизо в это время еще не был членом Палаты депутатов, занимая до 1820 г. пост в Государственном совете, он подчеркивал: «Монархическо-конституционная партия, образовавшаяся в 1815 г., стала сразу же и моей»⁵⁹.

Конечно, группу доктринеров сложно было назвать политической партией в современном значении этого слова; они были очень малочисленными и не старались обрести новых приверженцев: «Их четверо, но они начинают хвалиться, что их только трое, когда им кажется, что нет в мире четырех голов такой силы; и тотчас же они претендуют, что их пятеро, когда они хотят напугать врагов своей численностью», – справедливо отмечал французский исследователь Д. Бажж⁶⁰. Гизо называли «диванным Монтескье», отдавая дань его интеллекту, и в то же время, подчеркивая малочисленность группы. Кроме него, «мозговой центр» группы составляли П. Руайе-Коллар, П. де Барант, Ш. Ремюза, Л.-В. де Брой, К. Жордан, Серр, Беньо. Впрочем, они же являлись и основными действующими лицами группы доктринеров.

Группа доктринеров, отмечал Гизо, образовалась быстро, спонтанно, без предварительно составленного плана, с одной единственной целью: «поддержать Реставрацию, не переставая бороться с реакцией – в этом поначалу состояла вся ее политика»⁶¹. По его

⁵⁸ Киселева Е.В. Либералы «конституционалисты» в эпоху Реставрации во Франции. 1814–1830 гг. // Европейский либерализм в новое время. Теория и практика. М., Институт всеобщей истории РАН. 1995. С. 156.

⁵⁹ Guizot F. Mémoires... V. 1. P. 115.

⁶⁰ Bagge D. Les Idées politiques en France sous la Restauration. Paris, 1952. P. 99.

⁶¹ Guizot F. Mémoires... V. 1. P. 115.

словам, по своим целям и составу эта либеральная группировка не имела какого-либо системного характера. Среди ее лидеров «были люди разного положения в обществе, разного происхождения, пришедшие со всех концов политического и социального горизонта»⁶². Гизо писал: «Схожесть суждений и чувств о современных событиях и о завтрашнем дне, о законных правах и интересах страны, вдруг сблизили людей, до сих пор бывших такими разными. Они объединились как жители одного квартала, пришедшие с разных концов, и, не зная и не видя раньше друг друга, вместе работали, чтобы потушить великий пожар»⁶³.

Действительно, процесс формирования политических партий во Франции был весьма длительным и специфичным. Долгое время здесь не было партий английского или американского образца, строго организованных и располагающих четкими программами. Политические партии в современном смысле появились во Франции только в последние годы XIX века. В годы Реставрации и Июльской монархии под партиями понимали группы людей, сблизившихся на основе схожего понимания определенных вопросов, внутри которых не было партийной дисциплины. Это в полной мере относится и к либеральным группировкам. Французский либерализм первой половины XIX века оставался скорее политическим течением, чем партией. Он существовал в виде конгломерата слабо связанных между собой влиятельных личностей, общественно-литературных кружков и салонов, либеральных газет и журналов.

Кружок доктринеров состоял из лиц, обращавших на себя внимание своими выдающимися талантами и своим солидным образованием. Главную роль сначала в нем играл Руайе-Коллар, выдвинувшийся в качестве лидера нового умственного течения еще в конце эпохи Империи и занимавший кафедру философии в Сорбонне. Близкий друг Руайе-Коллара, Камил Жордан, а также Серр были талантливыми политическими ораторами. Беньо был известен своим административным опытом и литературным талантом. Герцог де Брой отлично знал английское право и специализировался по самым разнообразным вопросам законодательства. Барон Проспер де Барант одинаково успешно преуспел как на государственной службе, так и на литературном поприще. Гизо соединял в себе черты вы-

дающегося ученого, талантливого преподавателя и энергичного администратора. Доктринеров объединяло отрицательное отношение к экстремизму и насилию в годы Революции. Старшие представители кружка (Руайе-Коллар, Жордан, Беньо, Серр) сами подверглись преследованиям за свои умеренные взгляды во время якобинского террора. Младшие представители (Гизо, Брой) потеряли своих отцов на гильотине. В годы Империи все они, кроме Камила Жордана, занимали государственные должности: Руайе-Коллар служил в ведомстве народного просвещения, Серр был председателем суда в Гамбурге, Беньо являлся префектом, затем министром в королевстве Вестфальском, Проспер де Барант также занимал должность префекта⁶⁴.

Почему группа получила название «доктринеров»? Существует несколько версий происхождения этого термина. По мнению В.А. Бутенко, он вошел в обиход практически одновременно с окончательным оформлением кружка, так как и де Брой, и Пакье свидетельствуют, что в 1817 г. они еще не имели этого названия. Газета «Французская Минерва», орган группы «независимых», то есть либералов левого толка (лидерами «независимых» были Б. Констан, Ж. Лаффит, Ж.-М. де Лафайет), объясняла происхождение названия следующим образом: члены кружка считали необходимым для каждого правильного государства признание некоторых принципов или доктрин. В соответствии с другой версией, название «доктринеры» случайно вырвалось из уст одного роялистского депутата во время парламентских дебатов. Один из биографов Гизо, особенно недоброжелательный к нему лично, и к доктринерам вообще, так объяснял происхождение этого слова. Однажды старый экзекутор Палаты депутатов сказал: «Вы видите перед собой творца этого слова. Да, «доктринер» – это не что иное, как прозвище, которое я дал когда-то Руайе-Коллару. Слово «доктрина» просто не сходило у него с языка: "Не верьте их пагубным доктринам! Какие гнусные доктрины!", и т. д. Когда он, бывало, наговорится вдоволь о чуждых доктринах, тотчас же примется проповедовать свои собственные. Однажды я не вытерпел и сказал одному из моих товарищей: «Он все еще не кончил доктринерствовать? Экой мерзкий доктринер!»⁶⁵. Политический деятель тех лет Дювержье де Горанн утверждал, что

⁶² Guizot F. Mémoires... V. 1. P. 115.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Бутенко В.А. Указ. соч. С. 326.

⁶⁵ Гизо и его записки // Отечественные записки. 1858. Т. 119. 550–551.

Руайе-Коллар получил прозвище «доктринера» еще в 1816 г., и этот термин впоследствии распространился на всю группу его единомышленников. В любом случае, участники этого течения получили наименование «доктринеров» за пристрастие к наукообразной форме изложения своих речей.

Что касается доктрины, то, по мнению ряда исследователей, у них как раз не было неизменной доктрины, и в политической жизни они были оппортунистами. Например, французский исследователь Жан-Жак Шевалье полагает, что доктрина конституционных роялистов заключалась как раз в том, в том, чтобы не иметь никакой доктрины. Единственный принцип, который они признавали – это не признавать никакого принципа. Доктринеры полагали, что нет худшего рабства, чем не иметь возможности выбора. По мнению другого французского историка, Д. Бажж, доктринеры не имели и не создали собственной школы, как не имели и руководителя⁶⁶. Исторически они были оппортунистами и стремились к достижению власти; в политическом плане для них была характерна идея равновесия властей в условиях свободы; в социальном – идея господства «среднего класса» как стержня нации⁶⁷.

Тем не менее постоянная склонность, особенно Руайе-Коллара и Гизо, разбирать каждый вопрос с отвлеченно-философской точки зрения, ставить его непременно на принципиальную почву и высказывать свое заключение догматично авторитарным тоном делает название «доктринеры» очень подходящим для них⁶⁸.

Доктринеры представляли наиболее умеренное направление французского либерализма. Французский исследователь Анри Гуссе назвал их «авторитарными либералами», защищавшими принципы твердой власти⁶⁹, а современный отечественный исследователь Е.В. Киселева, также подчеркивая умеренный характер политических воззрений доктринеров, называет их программу «либерально-консервативной»⁷⁰.

Своей основной задачей они считали примирение старой и новой Франции, поиск эффективного синтеза идей конституционализ-

ма и роялизма. Программным документом доктринеров в известной мере можно считать работу Гизо «О представительном правлении и о современном состоянии Франции», написанную им в 1816 г. Гизо так писал о целях и задачах группы доктринеров в своих «Мемуарах»: «Для борьбы с роялистской партией и из самых недр ее образовалась вскоре оппозиция, умевшая быть одновременно и монархической, и народной, ибо она защищала от нападков роялистской партии престол, оскорбляя его одновременно своей смелостью, и страну, которую она сильно тревожила. Эта оппозиция, после долгой и упорной борьбы, опираясь на королевскую власть и симпатии в обществе, мало-помалу приобретала большинство в палате и становилась опорой правительства»⁷¹.

Доктринеры имели свои периодические органы: «Философские, политические и литературные архивы», «Глоб», «Ревю франсез». Они пытались на страницах этих журналов дать критический анализ принципов философии просвещения и создать новую научную и политическую теорию.

Конституционная Хартия 1814 г. являлась для доктринеров и Гизо залогом стабильности и прочности новой французской государственности. Гизо и Руайе-Коллар приняли непосредственное участие в разработке основных положений Хартии. По их замыслу, она должна была явиться оплотом против возвращения к Старому порядку и гарантировать правильное функционирование институтов конституционной монархии. Опасаясь возможного повторения социальных катаклизмов, которые только что пережила Франция, доктринеры выступали за умеренный, компромиссный характер нового законодательного акта. Они очень высоко оценивали значение Хартии для дальнейшего развития Франции. Так, по мнению Руайе-Коллара, Хартия явилась лучшей страницей французской истории, сочетая в себе принципы легитимности и свободы⁷².

Смысл Хартии и установленного ею порядка подробно разбирался на страницах полупериодического журнала доктринеров «Философские, политические и литературные архивы», который стал появляться с середины 1817 г., раз в два-три месяца. Наиболее активное участие в работе этого издания принимал Гизо, отмечавший

⁶⁶ Bagge D. Op. cit. P. 99.

⁶⁷ Ibid. P. 100.

⁶⁸ Бутенко В.А. Указ. соч. С. 325–326.

⁶⁹ Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Изд. второе. Т. 3. М., 1938. С. 93.

⁷⁰ Франция в период реставрации Бурбонов. Июльская революция 1830 года // История Европы. Т. 5. М., 2000. С. 195.

⁷¹ Guizot F. Mémoires... V. 1. P. 115.

⁷² Бутенко В.А. Указ. соч. С. 335.

без ложной скромности, что он был «душою всего предприятия»⁷³.

Во многом под влиянием идей Ш.-Л. Монтескье, доктринеры были сторонниками английских порядков, английской конституционной системы. Очень часто их обвиняли в слепом подражании английской политической системе, в том, что они пытались перенести ее на неподготовленную французскую почву. Так, русский публицист Е. М. Феокистов писал, что «внимательное изучение английской истории, вместо того, чтобы показать им разницу между этой страной и их собственным отечеством, воспитало в них, напротив, мысли о поразительном их сходстве в политическом отношении. Они видели, как в XVII веке английское государство было потрясено целым рядом переворотов, результатом которых было не уничтожение какого-либо из государственных элементов, а напротив, примирение между ними посредством взаимных уступок, определения взаимных их прав и окончательного торжества конституции»⁷⁴. Гизо писал: «В Англии... аристократические и демократические классы долго боролись за власть, но вследствие удачного взаимодействия и благоразумия они смогли договориться и объединиться... В этом политическом согласии различных классов, в гармонии их взаимных прав и взаимовлияния, Англия обрела внутренний мир, величие, стабильность и свободу»⁷⁵.

Поэтому конституционный порядок во Франции, по мнению Гизо, мог утвердиться на тех же основах, что и в Великобритании, с той лишь разницей, что главная роль при новом государственном устройстве отводилась не аристократии, как в Англии, а среднему классу, то есть буржуазии. Сама же идея о гармоничном взаимодействии буржуазии, дворянства и духовенства – это сущность концепции доктринеров и самого Гизо. Он писал: «Что касается меня, я всегда был исполнен глубокого уважения к событиям и именам, прославленным в нашей истории, но, несмотря на приверженность свою к новым нравам, когда Людовик XVIII вступил во Францию с Хартией в руках, я не считал ни позором, ни унижением для себя пользоваться этими правами и защищать их, под владычеством старинной династии и в общей среде всех французов, знатных и незначительных... Уже в то время, хотя может быть, и не совсем ясно,

я сознавал, что необходимо содействие всех просвещенных и независимых сословий, и старых, и новых, для спасения нашего отечества от попеременного деспотизма или анархии, что без этого мы никогда не будем пользоваться вместе и свободой, и порядком»⁷⁶.

На обвинения в том, что он слепо копирует английскую модель, Гизо отвечал, что в первые годы Реставрации Англия его несколько не интересовала, он тогда еще серьезно не занимался ни ее политическими институтами, ни ее историей: «Я жил среди общества, насквозь французского, очень сильно пропитанного настоящим французским духом»⁷⁷.

Аналогичные идеи развивал и Руайе-Коллар, утверждавший, что правительство, созданное во Франции на основе конституционной Хартии, не было парламентским по английскому образцу: «В Англии инициатива сосредоточена в палате общин... у нас это право целиком в руках короля, который управляет независимо от палат»⁷⁸. Отмечая различия исторического развития Франции и Великобритании, он подчеркивал: «Если вы хотите учредить английское правительство на основе нашей французской Хартии, дайте нам английское устройство, нравственное и физическое, сделайте так, чтобы история Англии была нашей!..»⁷⁹

В октябре 1816 г. Людовик XVIII решил распустить «бесподобную палату» с преобладающим влиянием ультрароялистов и взял более либеральный курс. С этого времени и вплоть до 1820 г. доктринеры были в тесном контакте с правительством и последовательно поддерживали министерства Ришелье, Дессоля и Деказа. Но, как верно отмечал В. А. Бутенко, их нельзя было назвать ни правящей, ни правительственной партией. Доктринеры всегда оставались независимыми сотрудниками, готовыми поддержать правительство только в том случае, если его политика будет соответствовать их собственной⁸⁰.

До 1817 г. доктринеры не примыкали ни к одной политической организации, и ограничивались участием в парламентских обсуждениях без всякого предварительного соглашения со своими поли-

⁷³ Guizot F. Mémoires... V.1. P. 199.

⁷⁴ Феокистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. С. 323–324.

⁷⁵ Guizot F. Mémoires... V. 1. P. 111.

⁷⁶ Феокистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. С. 325–326.

⁷⁷ Guizot F. Mémoires... V. 1. P. 111.

⁷⁸ Lavergne L. Royer-Collat, orateur et politique // Revue des Deux Mondes. Т. 35. Sept.–oct. 1861. P. 572.

⁷⁹ Ibidem.

⁸⁰ Бутенко В.А. Указ. соч. С. 363.

тическими единомышленниками. Во многом это было связано с замкнутым характером группы, что вызывало недовольство даже тех, кто был близок к ним по своим политическим взглядам. Роялисты, для которых доктринеры предполагали сохранить часть их прав, относились к ним враждебно, поскольку они не хотели мириться с новым общественным устройством, а доктринеры, несмотря на свою умеренность, казались им людьми, зараженными новыми опасными идеями. Группа «независимых» также относилась к ним враждебно, по причине того, что доктринеры не отказывались от дореволюционной французской истории и пытались примирить старое и новое общество. Только после раскола министерского центра, к концу 1818 г. доктринеры были в постоянном контакте с представителями левого центра и фактически стали лидерами этого течения⁸¹. Сам же Гизо уверял в «Мемуарах», будто доктринеры пользовались уважением как справа, так и слева именно за их умеренную позицию.

Программа конкретных политических действий, предлагаемых доктринерами, также была весьма умеренной и сводилась к следующему: они выступали за издание избирательного закона, который передавал бы руководящую роль на выборах представителям «среднего класса»; реорганизацию армии на демократической основе; свободу печати, обещанной Хартией; преобразование суда присяжных с тем, чтобы ему была предоставлена большая независимость; введение в департаментах местного самоуправления, в целях смягчения чрезмерной централизации, установленной Наполеоном. Доктринеры считали, что эту программу преобразований должно осуществить правительство, а они будут его поддерживать до тех пор, пока оно будет следовать намеченному пути.

Главное достижение, реализованное доктринерами в это время — это принятие избирательного закона. Реформирование избирательной системы являлось одним из сложнейших вопросов, стоявшим перед правительствами Реставрации. Дело в том, что Конституционная Хартия 1814 г. установила высокий имущественный и возрастной ценз: избирательным правом обладали французы, достигшие тридцати лет и платящие не менее трехсот франков прямых налогов в год. Для того чтобы быть избранным в палату депутатов, необходимо было достичь сорока лет и платить не менее тысячи

⁸¹ Там же. С. 356.

франков прямых налогов в год. В результате такой системы избирательное право получал очень ограниченный круг граждан, но само наличие выборного органа власти в бывшей абсолютной монархии означало установление представительной формы правления. В то же время система, установленная Хартией, была очень непрочной, и уже в 1815–1816 гг. во время деятельности «бесподобной палаты» развернулась острая борьба за реформу избирательного права, установленного Хартией. Правительство, возглавляемое Ш.-М. Талейраном (6 июля – 24 сентября 1815 г.), в своем проекте пыталось уменьшить число избирателей и обеспечить преобладающее влияние правительства в избирательных коллегиях; крайние роялисты требовали понижения избирательного ценза с 300 до 50 франков, что увеличило бы число избирателей до двух миллионов человек. Доктринеры поддерживали проект министерства, поскольку в условиях господства ультрароялистов они выступали за сильную королевскую власть, отводя палате депутатов только чисто совещательную роль. Однако этот законопроект не был реализован, поскольку ордонансом от 5 сентября 1816 г. «бесподобная палата» была распущена⁸².

После 5 сентября 1816 г. обновленный кабинет герцога Ришелье (министерство 24 сентября 1815 – 29 декабря 1818 г.) вернулся к обсуждению законопроекта о реформе избирательного права, в основу которого был положен законопроект, предложенный Руайе-Колларом. Он настаивал на предоставлении избирательного права всем лицам, соответствующим имущественному цензу и на признании прямых, а не двухстепенных выборов. В обсуждении законопроекта принимали участие Руайе-Коллар, Гизо, Барант. Под влиянием Руайе-Коллара было установлено, что выборы будут происходить только в главных городах департаментов. Это создавало благоприятное положение для городского населения и соответствовало желанию доктринеров передать руководящую роль на выборах представителям «среднего класса». По окончании обсуждения Гизо по поручению министра внутренних дел Лэне подготовил для него речь, которую тот должен был произнести в палате при внесении законопроекта, а сам опубликовал в «Le Moniteur universel» несколько статей в качестве комментариев к новому закону. К со-

⁸² Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. Т. 3. С. 101.

жалению, авторство Гизо установить очень сложно, поскольку в то время статьи были анонимными. При обсуждении законопроекта в Палате депутатов именно доктринеры защищали его от нападков ультрароялистов.

Законопроект был принят ста тридцатью двумя голосами против ста в Палате депутатов, и большинством в 17 голосов в Палате пэров, и вошел в историю как закон 5 января 1817 г. Избирательное право получали французы, достигшие тридцати лет и платившие триста франков прямых налогов в год. Право быть избранными получали французы, достигшие сорока лет и платившие тысячу франков прямых налогов. Закон вводил прямую подачу голосов в главном городе каждого департамента. Ежегодно обновлялась одна пятая палаты депутатов. Таким образом, избирательное право получали 90 тыс. человек⁸³.

Гизо высоко оценивал значение этого закона: «Если избирательная система 1817 г. погибла в бурях 1848 г., все-таки страна была обязана ей тридцатью годами свободного и спокойного правительства, которое было одновременно сильным и в то же время под серьезным контролем, и за весь этот период среди господства различных партий и революционных потрясений, этой системы было достаточно для сохранения мира, для общественного процветания, для уважения всех законных прав». Он отмечал, что основная задача этого закона заключалась в том, чтобы «...положить конец революционной эпохе и утвердить конституционный порядок»⁸⁴. Как и Руайе-Коллар, Гизо полагал, что введение в то время всеобщего избирательного права было бы крайне опасным для общественной стабильности: «В то время всеобщее избирательное право было еще во Франции только орудием разрушения или обольщения: разрушения, когда оно предоставляло всю политическую власть в руки толпы, обольщения, когда оно использовалось для уничтожения политической свободы в пользу неограниченной власти, сохраняя только видимость права и призрачное участие народа. Выйти из этой чере-

⁸³ Прямая подача голосов в главном городе округа сводила почти на нет то исключительное влияние крупных землевладельцев и сельского дворянства, которым они пользовались в окружных коллегиях при двухстепенных выборах. Но избиратели, платившие 300 франков прямых налогов, оказались более либеральными, чем предполагали министр внутренних дел Лэне и доктринеры: в палате депутатов увеличилось число представителей партии независимых: в 1817 г. они составляли 25 человек, в 1818–45, в 1819–90. См.: *Лависс Э., Рамбо А.* Указ. соч. Т. 3. С. 104.

⁸⁴ *Guizot F. Mémoires...* V. P. 166.

ды то насилия, то обмана, ввести политическую власть в ту сферу, где свободно и независимо господствуют конституционные интересы общества, и упрочить тем самым посредством прямого избрания депутатов открытое и сильное влияние на правительство – вот чего хотели достичь авторы этого закона, ни больше, ни меньше»⁸⁵.

Как видим, доктринеры пытались избежать крайностей, занять умеренную позицию между ультрароялистами, считавшими, что избирательным правом должны обладать 15 – 20 тыс. избирателей, и левыми либералами, требовавшими установления всеобщего избирательного права⁸⁶.

Однако период активного сотрудничества доктринеров с правительством был недолгим. Королевская власть не желала идти так далеко, как того хотели конституционные роялисты. После убийства 13 февраля 1820 г. герцога Ш.-Ф. Беррийского, второго сына графа д'Артуа, будущего короля Карла X, и падения министерства Деказа во Франции наступил период реакции.

Перемены в правительственном курсе отразились самым непосредственным образом на карьере Гизо: он был отстранен от своих должностей, вступает в ряды оппозиции правительству и возвращается к преподавательской деятельности на Факульте де летр Сорбонны. Этим же временем датируется и начало нового этапа в развитии идеологии доктринеров. Именно Гизо, а не Руайе-Коллар, отныне – их главный теоретик. Если Руайе-Коллар, как, впрочем, и Гизо, прежде выступали за идею сильной королевской власти в качестве противовеса ультрароялистам, то теперь, когда правительство само перешло к реакционным мерам, Гизо выступает убежденным защитником парламентаризма, идеи сильной власти парламента.

7 декабря 1820 г. Гизо начал читать курс лекций, посвященный истории цивилизации в Европе от падения Римской империи до начала 1789 г., из которого впоследствии была составлена «История происхождения представительного правления», опубликованная спустя тридцать лет, в 1851 г. Лекции Гизо имели блестящий успех и стали важным событием не только в научной, но и в общественно-политической жизни Франции, хотя он всячески подчеркивал свое стремление отгородиться от любых аналогий с современной политикой. Впоследствии он так отзывался о специфике своего курса:

⁸⁵ *Ibid.* P. 166–167.

⁸⁶ *Lavergne L. Op. cit.* P. 576.

«Я отбросил в своем курсе все, что могло бы иметь намек на тогдашние обстоятельства, на систему и образ действий правительства. Я строго заключился в сферу общих идей и воспрещал себе всякие нападки, всякие намеки на события и на борьбу, происходившие в то время»⁸⁷. Однако абстрагироваться от текущей политики было сложно, и политическое кредо Гизо, те политические принципы, которые он отстаивал, не могли не найти отражения в его лекциях.

В умеренно-либеральном журнале «Русский вестник», выступавшем в защиту конституционно-монархических принципов, давалась следующая характеристика лекционного курса Гизо: «...На всем преподавании Гизо, совершенно от него независимо, отразился его политический образ мыслей. Прежде чем смотреть на Гизо как на ученого деятеля, надо видеть в нем человека политического; его лекции не были только плодом спокойного изучения предмета в прошлом, безо всякого отношения к настоящему. Гизо – сторонник конституционного правления; он служил ему делом, в правительственной сфере; когда она была ему закрыта, он перенес свои убеждения на кафедру и продолжал им служить научным образом». В «Русском вестнике» обоснованно формулировалась и основная идея курса: «...доказать, что конституционный образ правления вытекал естественно из всего предшествующего исторического развития Франции»⁸⁸.

А вот как сам Гизо объяснял задачи своего курса: «Я избрал предметом своего курса историю древних политических учреждений христианской Европы и происхождение представительного правления в разных государствах, где оно было испробовано с успехом или без успеха. Таким образом, я близко касался поразительных затруднений той современной политики, от которой я решился держаться вдали, но вместе с тем, предмет этот давал мне случай стремиться путем науки к двойной цели, которую я имел в виду, то есть разрушать революционные теории и привлекать интерес и уважение к прошедшим судьбам Франции». Кроме того, являясь убежденным сторонником компромисса между старой, дореволюционной Францией, и новым, постреволюционным обществом, Гизо стремился показать необходимость опоры на традиции, использования богатейшего опыта, накопленного французской цивилизацией:

«Мне хотелось возобновить старую Францию в памяти и в понимании новых поколений, ибо было бы столь же бессмысленно, сколько и несправедливо презирать наших отцов в ту минуту, когда мы сами, много заблуждаясь в свою очередь, делали шаг на том пути, по которому они шли в продолжении стольких столетий. Я был в одно и то же время либерал и антиреволюционер, предан основным началам нового французского общества и исполнен уважения к старой Франции»⁸⁹.

По его глубокому убеждению, было ошибочно противопоставлять Францию Старого порядка и Францию постреволюционную, и рассматривать революцию как некий водораздел между ними. Считая революцию конца XVIII века высшим этапом в развитии французской цивилизации, Гизо подчеркивал ее теснейшую взаимосвязь с предшествующей и последующей историей страны. Эта идея пронизывала весь его лекционный курс: «...Во мне было убеждение, что наши предшественники 1789 г. слишком мало ценили старую Францию, ее общественные элементы, предания, нравы, и что для прочного утверждения свободы надлежало обращать больше внимания на прошедшее»⁹⁰.

Однако лекционный курс Гизо был воспринят властями как излишне либеральный. 12 октября 1822 г. он был запрещен, а Гизо лишен кафедры и должности в Государственном совете.

Отстраненный от дел, он погружается в исторические исследования. В 1823 г. издает огромные собрания материалов: «Собрание мемуаров по истории Франции» (31 том) и «Собрание мемуаров по истории Английской революции» (26 томов), публикует знаменитую книгу Мабли «Наблюдения о французской истории», добавив к ней четвертую часть «Опыты по французской истории».

В эти же годы Гизо пристально изучает историю Великобритании. Он отмечал в своих «Мемуарах»: «При внимательном сравнении исторического и общественного развития Франции и Англии, не знаешь, чему более удивляться, сходству или различию этих двух стран. Никогда две нации, чуждые и по происхождению, и по многим условиям, не были так тесно соединены в своих судьбах и не оказывали, одна на другую, то войнами, то мирными сношениями, такого постоянного влияния. Поверхностно, следовательно, и оши-

⁸⁷ Феоктистов Е. М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. С. 362.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 363–364.

⁹⁰ Там же. С. 367.

бочно думают те, кто считает французское и английское общество столь враждебными между собой, что они не могут заимствовать друг у друга политических примеров, иначе как под условием пустого и бесплодного подражания. Даже долгая борьба не была в состоянии разрушить ту явную или тайную связь, которая существует между ними»⁹¹. Как видим, Гизо признавал как значительные различия, так и элементы сходства в английской и французской системах. В то же время, он признавал ошибки, допущенные доктринерами, отмечая, что «...мы иногда слишком поспешно и слишком безусловно заимствовали от Англии. Мы не обращали достаточного внимания на характер и особенные условия французского общества»⁹².

ГЛАВА 2. РОЖДЕНИЕ ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ

НА ПУТИ К «ТРЕМ СЛАВНЫМ ДНЯМ»

Тем временем в стране происходят серьезные перемены. 16 сентября 1824 г. умирает король Людовик XVIII. Корону наследовал его младший брат, граф д'Артуа под именем короля Карла X. 29 мая 1825 г. в Реймском соборе проходит торжественная церемония коронации 67-летнего монарха.

Первые шаги нового короля буквально обескуражили либералов, которым хорошо были известны ультрароялистские убеждения графа д'Артуа. В своей первой тронной речи перед депутатами и пэрами Карл X заявил о намерении уважать Конституционную Хартию, подписанную его покойным братом. Дальнейшие решения как будто бы подтверждали благие намерения короля. Он отменяет цензуру, чем сразу же приобретает симпатии прессы, приближает к себе одного из вождей либеральной партии герцога Орлеанского, даровав ему титул Королевского Высочества, вводит в состав Королевского совета своего сына, герцога Ангулемского, известного симпатиями к идеям конституционализма. Эти первые решения обнадежили общество. Когда 27 сентября 1824 г. Карл X уже в новом качестве торжественно въехал в столицу, он был встречен неподдельными проявлениями радости. Последующее развитие событий показало, что первоначальное заигрывание с либералами должно было обеспечить Карлу X спокойное наследование власти – не больше.

Отрезвление началось с возобновлением после летнего перерыва работы парламента, куда по прямому указанию короля правительство Виллеля внесло законопроект о материальном возмещении убытков эмигрантам, потерявшим в годы революции недвижимое имущество. Общая сумма предложенной компенсации была оценена в 987 млн франков, которые предложено было взыскать путем чрезвычайного налога. Этот законопроект, с восторгом поддержанный

⁹¹ Там же. С. 365–366.

⁹² Там же.

депутатами-ультрароялистами, составлявшими в Палате абсолютное большинство, без труда был проведен через палату и утвержден королем. Почти миллиард франков, собранных с буржуазии и крестьянства, был распределен среди 25 тыс. дворян, бывших эмигрантов. Налогоплательщики, вмиг избавившиеся от всяких иллюзий, окрестили чрезвычайный налог «эмигрантским миллиардом».

Между тем Карл X продолжал развивать наступление на свободы, гарантированные Хартией. В апреле 1825 г. был принят «закон о святотатстве», предусматривавший суровые кары (вплоть до смертной казни) за кражу или осквернение предметов религиозного культа. Усиливается влияние клерикалов, и особенно иезуитов, прежде всего, в системе народного образования. Закрывается прославленная Эколь Нормаль – главное высшее педагогическое учебное заведение Франции. 30 апреля 1827 г. король распускает Национальную гвардию, считавшуюся в роялистских кругах недостаточно надежной, а 24 июня того же года восстанавливает им же отмененную тремя годами ранее цензуру. Все чиновники, выразившие недовольство восстановлением цензуры, были уволены с государственной службы. Казалось бы, реакция торжествует, а оппозиция подавлена.

Во всяком случае, именно к такому ошибочному выводу приходит Карл X, решивший закрепить победу и изгнать либеральную оппозицию из Палаты депутатов. В ноябре 1827 г. он распускает парламент и назначает внеочередные выборы, результаты которых повергли его в ужас. На волне всеобщего, хотя и скрытого недовольства, в новую палату прошли 190 (вместо прежних 19) депутатов от оппозиции. Король вынужден был дать отставку Виллелю и поручить формирование нового правительства умеренному роялисту Ж. де Мартиньяку, который в одинаковой мере не устраивал ни правых, ни левых, ни – что самое главное – самого короля, заявлявшего, что скорее согласился бы быть дровосеком, нежели царствовать на манер английских королей.

В это самое время в семейной жизни Гизо происходит трагедия: 1 августа 1827 г. от туберкулеза умирает его жена Полина. Перед смертью она приняла протестантизм, приобщившись к религии мужа. Через год с небольшим, 8 ноября 1828 г., Гизо женился на племяннице Полины, Элизе Дилон. Современники Гизо и историки всегда спорили о том, почему Гизо так быстро вступил во вто-

рой брак. Некоторые говорят о том, что, у него уже давно был роман с Элизой, проживавшей с Полиной и Гизо под одной крышей с 1823 г. Новейший биограф Гизо, Лоран Теис, считает, что дело было в том, что Гизо абсолютно не выносил одиночества; ему нужен был кто-то, с кем он мог бы разделить свою жизнь, свою душу и сердце⁹³. Элиза была молодой, привлекательной и темпераментной девушкой; общение с тетей, ее мужем и их друзьями развило ее ум. Гизо считал, что не следует желать лучшего. Он любил свою вторую супругу так же, как любил первую. Его душа не остыла; он всегда помнил свою первую жену и любил вторую. Гизо, как он это будет делать еще не раз, начинал свою жизнь заново. Элиза станет ему доброй помощницей в его научной и политической деятельности. Между августом 1828 и январем 1833 г. у супругов родятся трое детей: Генриэтта, Полина и Гийом, заботиться о которых будет их старший брат Франсуа. В доме номер два по улице Виль-Эвек, что в квартале Мадлен, они вместе проживут до марта 1833 г. Спустя два месяца после рождения сына Гийома Элиза умерла от послеродовой горячки. Гизо пришлось все начинать сначала. И, что самое трагичное, смерть Элизы повлияла на жизнь Гийома; он будет чувствовать себя виноватым в смерти матери. Самое страшное, это чувство будет преследовать и его отца. В октябре 1837 г., после смерти старшего и любимого сына Гизо, Франсуа, убитый горем отец напишет своей подруге Лор де Гаспарен ужасные слова: «Мой малыш Гийом – это мой ребенок, но это не мой сын. И кто знает, станет ли он им когда-либо?»⁹⁴

Но вернемся в 1827 год. Гизо – в рядах либеральной оппозиции. Он становится активным членом, а впоследствии и руководителем общества «На Бога надейся, а сам не плошай», основанного в целях содействия свободе выборов, крайне стесненной во время Реставрации.

С формированием министерства Мартиньяка в 1828 г. Гизо возвращается к преподавательской деятельности и историческим занятиям. В 1828–1830-х гг. был опубликован его шеститомный «Курс современной истории», в который вошли «История цивилизации во Франции» и служащая введением к ней «История цивилизации в Европе». В 1828 г. вышла первая часть его «Истории Английской

⁹³ Theis L. François Guizot. Paris, 2008. P. 184.

⁹⁴ Ibid. P. 201.

революции». Вторая же часть работы увидит свет только во второй половине столетия.

Кабинет Мартиньяка, лишенный в Палате поддержки не только оппозиции, но и роялистского большинства, продержался до конца августа 1829 г. Карл X нашел неудачнику Мартиньяку «прекрасную», как он считал, замену в лице своего давнего друга и единомышленника князя Полиньяка. Большую часть жизни Жюль де Полиньяк, в девятилетнем возрасте вывезенный родителями из охваченной революцией Франции, провел в эмиграции. Впоследствии он стал активным участником антибонапартистских заговоров, за что десять лет при Наполеоне отсидел в тюрьме. Он ненавидел все, что было связано с революцией. Таков был новый глава правительства, чьи умонастроения были хорошо известны в политических кругах Франции. Выдвигая своего протеже на ответственный пост, Карл X и помыслить не мог, что Полиньяк окажется не спасителем, а могильщиком режима Реставрации Бурбонов.

Назначение Полиньяка пришлось на период экономической депрессии с присущим ей ростом безработицы и ростом цен. С весны 1829 г. в ряде департаментов не прекращались крестьянские выступления. Либеральная оппозиция призывала своих сторонников отказываться от уплаты налогов. Рупором либералов стала основанная в начале 1830 г. в Париже А. Каррелем, Л.-А. Тьером и Ф. Минье газета «Le National».

В это время начинается депутатская карьера Гизо. 23 января 1830 г. он был избран членом Палаты депутатов от департамента Лизье и Понт-Эвек, в Нормандии, вместо умершего знаменитого химика Николя Воклена, открывшего хром. Позднее здесь он приобрел имение Валь-Рише. На выборах он получил двести восемьдесят один голос из четырехсот сорока шести голосовавших⁹⁵.

Либеральная оппозиция приветствовала избрание Гизо: он получил поздравления от прославленного генерала Лафайета и Шатобриана, Дюпон де л'Эра и герцога де Броя⁹⁶. В Палате депутатов Гизо примыкает к центру.

2 марта 1830 г. открылась очередная парламентская сессия, на которой Карл X в тронной речи повторил ставшие уже привычны-

ми угрозы по адресу либералов и высказал намерение править без оглядки на оппозицию и общественное мнение. Эти заявления вызвали взрыв возмущения в обществе. 16 марта Гизо впервые выступает в Палате в статусе депутата по поводу дискуссии об Адресе в ответ на тронную речь короля. Он предложил обратить внимание Карла X на сложную обстановку, сложившуюся в стране, и осудил новое министерство князя Полиньяка за бездействие, заявив: «На мой взгляд, никогда еще власть не показывала себя такой слабой... спасовавшей перед трудностями, сомневающейся в самой себе, в своих средствах, в своем будущем»⁹⁷. В этот же день Палата депутатов направила королю Адрес, в котором содержалась резкая критика кабинета Полиньяка. В ответ Карл X объявил заседания Палаты прерванными до 1 сентября, а 16 мая того же года вообще распустил Палату и назначил новые выборы. Его решения были расценены депутатами от оппозиции как незаконные. Депутаты объявили, что если сам король не уважает обязательства перед нацией, определяемые в Хартии 1814 г., то нация, со своей стороны, может считать себя свободной от верности трону.

Однако выборы в Палату, проходившие под грохот орудий французской армии в Алжире, тем не менее завершились убедительной победой оппозиции. Вместо прежних 221 в палате оказалось 274 оппозиционных депутата, в то время как число приверженцев режима сократилось до 143. На перевыборах 24 июня Гизо был также вновь избран.

Правительство охватила паника. Крайне правые требовали распустить только что избранную Палату. Полиньяк, возмнивший себя Жанной д'Арк, всюду рассказывал, что ему явилась Дева Мария и призвала его спасти Францию от внутреннего врага. Роялисты советовали королю использовать для подавления антиправительственных настроений экспедиционный корпус де Бурмона, отозвав его из Алжира. Полиньяк и его единомышленники самонадеянно толкали короля на дальнейшее обострение конфликта с либералами, не просчитывая все возможные последствия такой тактики. Они даже не позаботились усилить столичный гарнизон надежными частями. К концу июля 1830 г. в Париже находилось всего 14 тыс. солдат, которых можно было считать более или менее лояльными.

⁹⁵ *François Guizot et Madame Laure de Gasparin. Documents inédits. (1830–1864). Paris, 1934. P. 21.*

⁹⁶ *Simon J. Op. cit. P. 256.*

⁹⁷ *Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France. T. 1–5. Paris, 1863–1864. T. 1. P. 19.*

Этого оказалось совершенно недостаточно для того, чтобы подавить вспыхнувшее в городе 27 июля 1830 г. стихийное восстание, сразу же переросшее в революцию.

Непосредственным поводом для вооруженного выступления парижан стала публикация 26 июля в правительственной газете «Le Moniteur universel» королевских ордонансов, по существу, отменявших Хартию 1814 г. Распускалась только что избранная Палата и вводился новый избирательный закон, по которому право голоса предоставлялось почти исключительно крупным землевладельцам; права Палаты депутатов существенно урезались, а ее численность сокращалась с 428 членов до 258; цензура получала самые широкие полномочия, сделавшие практически невозможным издание оппозиционных газет.

Когда Карл X подписывал эти роковые для него ордонансы, он сказал присутствовавшим при этом министрам: «Теперь, господа, мы связаны не на жизнь, а на смерть». Казалось бы, он понимал ответственность момента. Тем более странным и необъяснимым был его отъезд на следующий день на охоту в Рамбуйе. Король даже не отдал распоряжений усилить столичный гарнизон верными частями. Он лишь назначил маршала Мармона военным губернатором Парижа, но не дал ему никаких инструкций. Таковую же беззаботность проявил и Полиньяк, отправивший министров отдыхать после трудов праведных и сам уединившийся в своем доме.

ИЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Принятие ордонансов 26 июля было единодушно воспринято в Париже как начало государственного переворота с целью восстановления режима абсолютной монархии. Вечером того же дня депутаты оппозиции и либеральные журналисты собрались в здании редакции газеты «Le National» и составили протест против последних мер правительства, оценив их как противозаконные.

Утром следующего дня Полиньяк был разбужен звуком разбитого окна. Посмотрев на улицу, он увидел около своего дома толпу возбужденных парижан. Министр поспешил покинуть дом через черный ход.

В это же самое утро, в пять часов Гизо возвращается в Париж из Нима, куда он отправился накануне. В одиннадцать часов он «вступил в революцию».

С утра 27 июля между восставшими и правительственными войсками уже велись ожесточенные уличные бои. Достоверно не установлено, кто 27 июля первым бросил клич: «Долой Бурбонов!» Принято считать, что это сделали студенты во главе с Годфруа Кавеньяком.

Когда начались вооруженные столкновения, Гизо решил не оставаться безучастным зрителем и ждать развязки событий. В три часа дня он появляется на первом собрании у Казимира Перье, «где тридцать депутатов, напуганных собственной смелостью, вопрошали себя, имеют ли они право объединиться»⁹⁸.

Гизо присутствует на всех заседаниях депутатов, произносит много речей, его дом на улице Виль-Эвек, откуда были слышны ружейные выстрелы, является местом регулярных встреч. В то же время, его нельзя увидеть на баррикадах; более того, он противился всяким контактам с народом.

Призыв Кавеньяка низвергнуть Бурбонов напугал Гизо, как и некоторых других либералов, таких как Казимир Перье, Адольф Тьер и других, еще надеявшихся на компромисс с королем. Они готовы были удовлетвориться отменой ордонансов и отставкой Полиньяка. Им возразил ветеран революции, 73-летний генерал Лафайет, осознавший серьезность момента и настаивавший на том, чтобы поддержать начавшееся восстание и возглавить его.

Жена Гизо, Элиза, оставившая об этих днях воспоминания («Воспоминания мадам Гизо о революции») записала свои впечатления: «Начало восстания. Надежды мало»⁹⁹.

На следующий день, 28 июля, Гизо остается дома редактировать протест против королевских ордонансов. Среди депутатов не было единства по поводу дальнейших действий. Тьер, Каррель и Ремюза настаивали на взятии в свои руки руководства восстанием. Гизо высказался против.

Пока парламентская оппозиция пыталась выработать общую программу действий, уличные сражения приобретали все более ожесточенный характер. Часть депутатов, в том числе и Лафайет, в этот день присоединились к восставшим, объехав возведенные на улицах баррикады. Появление Лафайета в рядах восставших породило слух о воссоздании распущенной Карлом X Национальной

⁹⁸ Broglie G. Guizot. P. 110.

⁹⁹ Ibidem.

гвардии, создателем которой в июле 1789 г. был генерал Лафайет. Бывшие национальные гвардейцы стали собираться, формируя роты и батальоны.

В полдень Гизо зачитывает свой проект протеста: депутаты констатировали ситуацию, создавшуюся ордонансами, протестовали против этих мер, рассматривали себя законными избранниками, которым помешали осуществлять их полномочия. Депутаты выражали свою преданность королю. Текст не содержал ни окончательной резолюции, ни средств действия; в нем не говорилось о народном движении. Единственное требование – это отмена ордонансов и смена министерства. Некоторые из присутствующих нашли, что этот проект слишком резок, другие считали, что надо идти дальше и создать Временное правительство. Гизо защищал свою позицию; он полагал, что не следует содействовать народному бунту; депутаты не должны участвовать ни на стороне народа, ни против него. Они являются только посредниками при короле, а не руководителями народного восстания. Всякое неосторожное поведение может скомпрометировать их благие намерения¹⁰⁰.

Эта позиция легального и умеренного сопротивления нашла поддержку большинства депутатов. В то же время, из протеста, составленного Гизо, были исключены выражения почтительности по отношению к королю.

Утром 29 июля Лафайет взял на себя прежние функции главнокомандующего Национальной гвардии, чем вызвал смтение в рядах правых либералов. Первым из них, кто верно оценил новые реальности, оказался Гизо, неожиданно поддержавший Лафайета. Понимая, что развитие событий грозит анархией, он решает направить движение в организованное русло. «Безопасность Парижа зависит от решимости почтенного генерала», – заявил он и предложил сформировать Муниципальную комиссию для обеспечения обороны и снабжения революционного Парижа. В комиссию вошли пять депутатов от оппозиции. Лафайет был утвержден в должности главнокомандующего Национальной гвардии.

В этот же день восставшие заняли здание Ратуши, куда переместилась Муниципальная комиссия, взявшая на себя функции управ-

ления городом. Новый орган власти превратился и в руководящий центр разворачивавшейся революции.

К 29 июля соотношение сил изменилось в пользу восставших; народ грабил Тюильри и архиепископство. В ночь с 29 на 30 июля вся власть в городе перешла в руки Муниципальной комиссии и главнокомандующего Национальной гвардии. В Ратуше народные делегации провозгласили создание народного правительства во главе с генералом Лафайетом.

Между тем Казимир Перье, Дюпен, Брой и Себастьяни пытались добиться отмены ордонансов и замены министерства. Эти меры, вырванные у Карла X к пяти часам, и учреждение министерства Мортемара–Казимира Перье многим казались выходом из кризиса. Гизо, не ставя под сомнение королевскую легитимность, не мог простить королю жестокости по отношению к народу и отказался примкнуть к новому правительству¹⁰¹.

30 июля появилась тенденция рассматривать муниципальную комиссию в Ратуше в качестве Временного правительства. Тьер редактировал прокламацию в пользу герцога Орлеанского и расклеивал ее по Парижу. Для Гизо победа парламента была одержана, теперь речь шла о консолидации сил. Он не хотел, чтобы под давлением народного движения был изменен государственный строй или чтобы народ овладел властью. Когда Бенжамен Делессер предложил объявить о лишении прав на престол Карла X и восшествии герцога Орлеанского, он отказался принимать участие в этой акции¹⁰². Однако вскоре Гизо изменяет свою точку зрения и присоединяется к депутатам, предложившим герцогу Орлеанскому звание генерал-лейтенанта королевства.

Гизо был избран секретарем палаты (наряду с Бераром, Бенжаменом Констаном и Виллеменом). Он составил Адрес, предназначенный герцогу Орлеанскому. Речь шла о просьбе принять функции генерал-лейтенанта при условии сохранения трехцветного знамени и сохранении за Лафайетом командования Национальной гвардией. Как отмечал Г. де Брой, в тот момент Гизо еще не допускал мысли, что народное движение могло изменить конституционный порядок.

31 июля ночью в Пале-Рояль Луи Филипп консультировался со своими ближайшими советниками. Была подготовлена проклама-

¹⁰⁰ Ibid. P. 111.

¹⁰¹ Ibid. P. 113.

¹⁰² Ibidem.

ция к жителям Парижа, в составлении которой принимал участие Гизо (по крайней мере, ему принадлежала заключительная фраза: «Отныне Хартия будет истиной»)¹⁰³.

На следующий день Одиллон Барро заявил, что муниципальная комиссия отказывается опубликовать Адрес, составленный Гизо. Ему было поручено подготовить новую прокламацию, составленную в более решительном тоне, в которой бы выражалось уважение к народному героизму и осторожность по вопросу разработки новой конституции.

Муниципальная комиссия хотела поставить Луи Филиппа перед свершившимся фактом и самой назначить министерство из числа наиболее активных и популярных депутатов. Гизо был предложен пост министра народного просвещения, с которым он согласился.

Июльские дни закончились для Гизо 1 августа. 2 августа, в Рамбуйе Карл X подписал акт отречения от престола за себя и за бездетного дофина, герцога Ангулемского, в пользу внука – герцога Бордоского. Одновременно он назначил герцога Орлеанского наместником королевства и одобрил собрание палат 3 августа. Затем королевская семья отбыла в Шербур.

7 августа 1830 г. Палата депутатов, предварительно объявив трон вакантным, предложила его Луи Филиппу, герцогу Орлеанскому, главе младшей ветви низложенной династии и его потомкам по мужской линии в порядке первородства. Через два дня состоялась церемония гражданской коронации: герцог Орлеанский принял присягу на верность конституции, подписал Хартию, после чего ему были вручены королевские регалии. Отныне он именовался Луи Филиппом I, королем французов.

Революция окончилась, в стране установился режим Июльской монархии. Последующие восемнадцать лет история Франции будет неразрывно связана с именем Франсуа Гизо.

ХАРТИЯ 1830 ГОДА

Гизо очень высоко оценивал события Июльской революции, подчеркивая ее умеренный характер и сравнивая ее с событиями Славной революции в Англии. Однако он опасался всплесков экс-

тремизма и насилия, которыми она сопровождалась, и считал необходимым направить ее в мирное русло. Эта идея мирного, эволюционного развития, идея свободы и порядка в противовес анархии и деспотизму станет политическим кредо и жизненной философией Гизо. Он полагал, что революция 1830 г. закрепила во Франции необходимые атрибуты парламентской монархии, режима представительного правления, и поэтому усилия либералов должны быть направлены не на постоянную модернизацию политической системы Франции, а на стабилизацию уже достигнутого. Отсюда и его весьма осторожное отношение к различным проектам постоянного реформирования французского общества, отсюда и его приверженность политике Спротивления, то есть правого, умеренного либерализма, в противовес политике Движения, предусматривавшей более активные действия во внешней политике и реформы в сфере внутренней политики. Политический либерализм и социальная консервация – вот два столпа программы орлеанизма, то есть умеренного либерализма времен Июльской монархии, названного так по правящей Орлеанской династии, ярчайшим теоретиком и практиком которого явился Гизо.

Новый государственный строй был законодательно оформлен в конституционной Хартии 1830 г., являвшейся несколько измененным вариантом Хартии 1814 г. и свидетельствовавшей о дальнейшей либерализации режима, укреплении конституционного строя и переходе от наследственного к выборному способу передачи государственной власти¹⁰⁴.

Хартия, создававшая законодательную базу для режима парламентского правления, рассматривалась в качестве договора между французским народом и свободно избранным им королем; в ней отсутствовало вступление, в котором говорилось, что королевская власть «дарует» французам основные свободы и права; они были признаны естественными и неотъемлемыми. Если в Хартии 1814 г. католическая религия провозглашалась государственной религией французов, то в Хартии 1830 г. говорилось только о том, что католическая религия является религией, «исповедуемой большинством французов» (ст. 6). Расширились политические права и свободы граждан, была отменена цензура. Восстанавливался баланс законо-

¹⁰³ Ibid. P. 115.

¹⁰⁴ О Хартиях 1814 и 1830 г. см.: *Rosanvallon P.* La monarchie impossible. Les Chartes de 1814 et de 1830. Paris, 1994.

дательной и исполнительной властей, нарушенный ранее в пользу последней. Король лишался права по своему усмотрению отменять законы или приостанавливать их действие (ст. 14 Хартии 1814 г., позволявшая королю промульгировать ордонансы, была изменена: отныне ордонансы не могли больше ни приостанавливать законы, ни освобождать от их исполнения). Законодательная инициатива исходила от короля и разделялась между королем, палатой пэров и палатой депутатов (ст. 15). Согласно статьям 15–19 и 46–49 палаты имели право вводить налоги и формировать бюджет страны, получили право законодательной инициативы и др. Длительность парламентской сессии устанавливалась в 5–6 месяцев. Относительно контроля парламента за правительством статья 13 содержала очень нечеткую формулировку: в ней говорилось об ответственности министров перед парламентом, но о какой ответственности: политической или уголовной и перед каким судом – это было неясно.

Конституционная Хартия 1830 г. вводила существенные изменения в избирательную систему: был сокращен возрастной ценз: до 25 лет для того, чтобы получить избирательное право и до 30 лет для того, чтобы быть избранным (ст. 32, 34). Председатели избирательных коллегий назначались избирателями, а не королем (ст. 37). Окончательно принципы избирательного права были сформулированы в избирательном законе от 19 апреля 1831 г. Избиратель должен достиг 25 лет, платить 200 франков прямых налогов в год (ст. 1). Если в округе было менее 150 таких избирателей, то голоса получали самые влиятельные из тех, кто платил менее 200 франков. Собственник нового дома освобождался на 2 года от уплаты налогов; при этом считалось, что он платил прежнюю сумму налога. Кроме того, правительство предлагало предоставить избирательное право без цензовых ограничений так называемым «талантам» или «способным», то есть генеральным советникам, мэрам и их помощникам, должностным лицам судебного ведомства, адвокатам, нотариусам и стряпчим, врачам, профессорам и приват-доцентам различных факультетов, преподавателям «Коллеж де Франс», Музея и высших государственных школ. Палата согласилась только понизить для этих лиц ценз до 100 франков (ст. 3). Право быть избранными получали французы, достигшие 30 лет и платившие 500 франков прямых налогов в год (ст. 38). Если в департаменте было менее 50 таких человек, то избирались наиболее влиятельные из

тех, кто платил менее 500 франков. Палата депутатов состояла из 459 депутатов, избравшихся на пять лет (ст. 59). Особо оговаривалось, что депутаты за свою парламентскую деятельность не получают ни жалованья, ни вознаграждения¹⁰⁵. Избирательный корпус составлял 166 813 избирателей, плативших 200 франков прямых налогов, 1 262 избирателя, плативших менее 200 франков и 668 «талантов» – всего около 170 тыс. избирателей (168 813 человек, по другим данным – 188 000¹⁰⁶), что составляло несколько больше пяти избирателей на одну тысячу жителей. Эта реформа почти вдвое увеличила число избирателей по сравнению с периодом Реставрации. Хотя Франция далеко отставала от Великобритании (в Великобритании в 1832 г. было 800 тыс. избирателей, то есть 32 избирателя на одну тысячу жителей) и Бельгии по количеству избирателей на 1 тыс. жителей, в целом тенденция была прямо противоположной тому, что происходило в годы Реставрации.

Что касается социального состава *pays légal*, то есть части общества, обладавшей избирательным правом, то 80 % составляли земельные собственники, 15 % – промышленники и торговцы, 5 % – лица, получавшие жалованье или зарплату и 0,3 % – «способные», то есть те, кто платил менее 100 франков прямых налогов, и для которых их интеллектуальные заслуги компенсировали недостаток имущественного ценза¹⁰⁷. Избирательный корпус состоял, прежде всего, из земельных собственников, промышленники и коммерсанты были в меньшинстве. Исходя из всего этого, французский исследователь Р. Ремон сделал вывод о неправомерности представления Июльской монархии как режима господства крупной торгово-промышленной буржуазии. По его мнению, в обеих палатах парламента промышленная буржуазия была представлена незначительно. Кроме того, следует учитывать сложность и многогранность понимания самого термина «буржуазия» во Франции конца XVIII – первой трети XIX вв. В годы Июльской монархии под «буржуазией» понималась достаточно разнородная социальная группа, к которой относили как торгово-промышленные, финансовые (рантье) круги, то есть те слои, которые именуются «буржуазией», в марксистском

¹⁰⁵ См.: Dechappe m-me, Dechappe L. L'Histoire par les textes. La France contemporaine 1814–1914. Histoire politique. Paris, 1927. P. 155–156.

¹⁰⁶ Лавуассе Э. Рамбо А. Указ. соч. Т. 3. С. 356.

¹⁰⁷ Ibid. P. 315.

понимании этого термина, так и различные круги чиновников, так называемую «административную буржуазию», а также профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, то есть «университетскую» буржуазию¹⁰⁸. Принадлежность к буржуазии определялась не только (и не столько) богатством, состоянием, сколько достатком, позволяющим «жить буржуазно». Как справедливо отмечал еще в 1925 г. французский исследователь Э. Габло, человека делает буржуа не богатство, а то, как это богатство приобретает и как тратится¹⁰⁹.

Годы Июльской монархии явились важным этапом на пути становления и развития либеральной идеологии во Франции, системы парламентаризма и правового государства. Именно в эти годы были сформулированы политические правила и традиции, пережившие режим Июльской монархии и явившиеся составной частью современных политических институтов Франции.

В первые годы Июльской монархии, помимо реформы избирательного права, министерским кабинетом во главе с известным деятелем либеральной оппозиции времен Реставрации банкиром Ж. Лаффитом были проведены и другие важные политические реформы. Закон от 21 марта 1831 г. восстанавливал выборность муниципальных советников, которые со времен Наполеона назначались правительством. В соответствии с законом от 22 марта 1831 г. вместо королевской гвардии была образована Национальная гвардия, членами которой могли стать все граждане, платившие налоги и на свои средства приобретающие обмундирование. Национальные гвардейцы сами выбирали офицеров. Только высшие командиры назначались королем.

Однако после отставки кабинета Лаффита, последовавшей в том же 1831 г., темп реформ замедлился. Лишь в 1833 г. был принят закон о выборах членов генеральных советов департаментов и окружных советов. К выборам генеральных и окружных советов, наряду с цензовыми избирателями, были допущены так называемые «таланты», или «способные», а к муниципальным выборам еще более

¹⁰⁸ Ibid. P. 315. О неоднородности французской буржуазии ярко свидетельствует следующий пример: в Париже буржуазия составляла 20 % населения, однако избирательный корпус Парижа составлял 2 % жителей, то есть основная масса парижских «буржуа» – это мелкая и средняя буржуазия, не соответствовавшая избирательному цензу. См.: Histoire de la France. La France de la bourgeoisie. 1815–1850. Paris, 1970. P. 100–101.

¹⁰⁹ См.: Зелдин Т. Франция. 1848–1945: честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург, 2004. С. 17.

широкие слои средней и мелкой буржуазии. Корпус муниципальных избирателей увеличился до 2,9 млн человек. Замедление темпа реформ привело к росту оппозиционных настроений в обществе.

ФОРМИРОВАНИЕ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

После Июльской революции 1830 г. в русле французской умеренно-либеральной традиции сложилась доктрина орлеанизма, явившегося французским вариантом умеренной либеральной идеологии (хотя не все либералы были орлеанистами), а либералы-доктринеры времен Реставрации получили возможность для практической реализации своих идей.

Идеология орлеанизма – это, прежде всего, идеология компромисса, в том числе между дворянством и буржуазией, между ними и остальным народом, это «золотая середина», равным образом враждебная как деспотизму, так и анархии, как революционным потрясениям, так и контрреволюции. Девизом либералов-орлеанистов были понятия «свобода» и «порядок». Свобода рассматривалась ими, прежде всего, как характеристика политической и духовной жизни общества. «Порядок» означал для орлеанистов отказ от крайностей революционного радикализма и ультрароялизма, защищенность от бунтарства толпы и политических притязаний родовой аристократии.

Торжество орлеанизма привело к формированию в обществе уникальной по своей эклектике атмосферы философских, религиозных, мировоззренческих дискуссий. В среде орлеанистов можно было наблюдать огромное разнообразие характеров и убеждений, исходя из чего исследователи говорят об орлеанизме как о «мираже» или «хамелеоне», предпочитая вести речь об орлеанистах, нежели об орлеанизме. Однако в социальном плане орлеанизм прочно ассоциировался с победой «партии собственности», торжеством элитарных принципов общественной жизни. Орлеанизм стал ярко выраженной идеологией «новой аристократии» – нотаблей, влиятельных лиц, представителей знати, крупных землевладельцев, богатых предпринимателей.

Французский либерализм отличается доктринерством, верностью традициям, бескомпромиссностью, что дает основание го-

ворить о некоем «консервативном либерализме». Такая верность изначально провозглашенным принципам и доктринам имела для французского либерализма двойные последствия: она снискала ему репутацию негибкого, чуждого духу реформ, в первую очередь социального плана, но это же доктринерство позволило ему избежать конъюнктурных изменений на крутых поворотах истории. Умеренные либералы не подвергали сомнению общую целесообразность модернизации, однако ограничивали ее рядом оговорок. С их точки зрения, речь могла вестись только о реформах, призванных продолжить исторически избранный путь нации, то есть либерально-консервативная модель предполагала сочетание реформизма с охранительными функциями. Политический либерализм и социальная консервация, порядок и свобода – два столпа программы орлеанизма.

Однако 219 депутатов, провозгласивших Луи Филиппа королем французов, были далеко не единодушны в вопросе о политике, которой следовало придерживаться. После сердечного единогласия первых месяцев революции 1830 г., победители Июля разошлись в своих взглядах по поводу интерпретации Июльской революции и ее последствий. Во Франции появляются политические группы «Движения» и «Сопrotивления», представляющие собой два фланга либеральной идеологии Июльской монархии.

В годы Реставрации и Июльской монархии речь шла, скорее, не о партиях, а об идеологических тенденциях; под партиями понимали группы людей, сблизившихся на основе схожего понимания определенных вопросов; во Франции в эти годы не было партий английского или американского образца, строго организованных и располагающих четкими программами. Кроме того, в годы Июльской монархии теория представительного правления продолжала покоиться на постулате абсолютной свободы депутата, который должен действовать независимо от всякого давления, прислушиваясь только к голосу своей собственной совести (только в 1910 г. во французском парламенте был принят закон о создании парламентских групп).

Группа «Сопrotивления» составила правый, или консервативный фланг орлеанизма. Лидеры Сопrotивления – Ф. Гизо, Л.-В. де Брой, К. Перье полагали, что с победой Июльской революции и установлением власти Луи Филиппа Орлеанского револю-

ция является оконченной и все усилия должны быть направлены не на дальнейшее совершенствование политических институтов, а на их стабилизацию, на упрочение уже достигнутого. Умеренные либералы объявили революцию «оконченной» 9 августа. Гизо под политикой Сопrotивления понимал сопротивление «беспорядку, химерическим желанием, революционным предприятиям». Принимая позитивные достижения французской революции и новое общество, основанное на принципах свободы и гражданского равенства, он отрицательно относился к периоду якобинской диктатуры и был противником методов революционного правления. Исходя из этого, политику Сопrotивления Гизо именовал «либеральной и антиреволюционной»¹¹⁰.

«Движение» объединяло сторонников продолжения революционных преобразований в сфере внешней и внутренней политики. К группе Движения принадлежали активные участники Июльской революции, сторонники трехцветного знамени, составившие в ходе «Трех славных дней» исполнительную комиссию в Ратуше (Ж. Лаффит, Ж.-М. Лафайет, Дюпон). В области внутренней политики лидеры Движения выступали за дальнейшее реформирование политико-правовой системы Франции в сторону ее демократизации. Если умеренные круги Движения (генерал М.-Ж. Лафайет, О. Барро, Ж. Лаффит) признавали целесообразной концепцию невмешательства, принятую правительством Франции в качестве основополагающей линии внешней политики, то радикальные (Ф. Моген, генерал М. Ламарк) рассматривали события 1830 г. как начало коренных преобразований в Европе, настаивая на необходимости активного вооруженного вмешательства в дела соседних государств с целью содействия национально-освободительному движению и в целях территориального расширения Франции.

Несмотря на наличие острой и непрекращающейся политической борьбы между сторонниками политики Движения и Сопrotивления, она не носила антагонистического характера. Речь уже не шла о кардинальном изменении существующих порядков, это уже не была борьба между Старым порядком и новой, постреволюционной Францией; разногласия происходили, прежде всего, по вопро-

¹¹⁰ Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 524.

сам тактического характера, зачастую являясь средством борьбы за министерские посты и привилегии¹¹¹.

Только в первые годы после Июльской революции лидеры Движения занимали важные министерские посты (в первом правительстве Июльской монархии (министерство 11 августа – 2 ноября 1830) семь министров являлись сторонниками политики Сопrotивления, четыре – сторонниками политики Движения. Командующим национальной гвардией стал генерал М.-Ж. Лафайет, О. Барро был назначен префектом округа Сены. Однако такое правительство являлось очень нестабильным в силу противоречий по вопросу о путях дальнейшего развития Франции, существовавших между министрами). С созданием министерства К. Перье (13 марта 1831 – 16 мая 1832) важнейшие министерские посты занимали сторонники политики Сопrotивления.

К концу 1830-х, когда политический режим несколько окреп, между орлеанистами обнаружили расхождения по вопросу понимания прерогатив королевской власти. Борьба между теорией преобладания парламента и теорией преобладания короля обострилась во Франции во время политического кризиса, связанного с образованием коалиции против министерства графа Луи Моле (1837–1838). Моле, политик весьма образованный и умный, обладавший твердым характером, равно удаленный от догматичности Гизо и от оппортунизма Тьера, имел в глазах короля то неопределимое достоинство, что проявлял себя готовым проводить его линию и был убежденным сторонником необходимости влияния короля на государственные дела.

Доктрина сторонников сильной власти парламента в печати была сформулирована Дювержье де Горанном в работе «О принципах представительного образа правления и об их практическом применении», в которой о необходимости заменить «личное управление парламентамским режимом»¹¹² и был сформулирован лозунг «Король царствует, но не управляет» (считается, что авторство этой

¹¹¹ Ф. Р. де Шатобриан, очень точно характеризуя разногласия среди орлеанистов, отмечал, что оппозиция, «никогда не нанесет королю, которого она сама и посадила на трон, удар в спину, какой она нанесла Карлу X; она домогается должностей; она жалуется, она злобится, но, столкнувшись лицом к лицу с Филиппом, она отступает, ибо ей хочется ворочать делами, но не хочется разрушать то, что она создала и на чем держится. См.: *Шатобриан Ф.Р. де. Замогильные записки*. М., 1995. С. 554. Очень часто подобные явления можно было наблюдать в парламенте во время обсуждения ответного Адреса на тронную речь короля: по отдельным параграфам дискуссии были весьма ожесточенными, однако в конечном итоге Адрес получал необходимое большинство.

¹¹² Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. Т. 3. С. 371.

формулировки принадлежит А. Тьеру), ставший девизом коалиции. Лидеры коалиции: Гизо, Тьер и Барро выступили с идеей создания ответственного министерства, признавая за королем право назначать министров, но с тем условием, что его выбор будет падать на лиц, указанных большинством палаты депутатов¹¹³. В то же время, именно тогда проявились разногласия между Тьером и Гизо по вопросу о прерогативах королевской власти. Если Тьер полагал, что король должен царствовать, а министры – управлять, то Гизо считал необходимым активное участие короля в управлении государством в согласии с палатами.

К 1840 г. партийно-политический спектр выглядел следующим образом. Либералы-орлеанисты разделились на правый центр во главе с Гизо; левый центр во главе с А. Тьером; близкую к нему «династическую левую» во главе с О. Барро и «среднюю партию» (незначительную группу под руководством А.-М. Дюпена, занимавшую промежуточное положение между обоими центрами).

Кроме различных направлений либералов, к парламентамской оппозиции относилась группа легитимистов, возглавляемая в парламенте П.-А. Беррье. Для легитимистов Луи Филипп был узурпатором, «похитившим» корону у герцога Бордоского, имевшего права на престол благодаря двойному отречению: Карла X и герцога Ангулемского в Рамбуйе. Эта партия не была многочисленной; она рекрутировалась из парижской аристократии, из среды провинциального сельского дворянства; ее активно поддерживало духовенство. Наибольшее влияние легитимисты имели в Бретани и Вандее, где крестьяне в большинстве своем сохраняли верность легитимной монархии.

Легитимисты не являлись однородным течением; их можно разделить на три группы, каждая из которых отстаивала свой путь реставрации монархии. Существовала группа сторонников насильственных действий, считавших себя преемниками шуанов революции конца XVIII в. Этим сторонников «теории заговора» возглавлял герцог де Кар. Его стратегия была опробована в 1832 г. герцогиней Беррийской, мате-

¹¹³ Коалиция отличалась слишком пестрым составом, чтобы быть долговечной. Сразу же после падения министерства среди руководителей коалиции началась борьба за власть. Гизо хотел получить портфель министра иностранных дел или внутренних дел, или пост председателя палаты. Тьер и Одилон Барро хотели предоставить ему только пост министра народного просвещения. Кабинет не мог сформироваться в течение двух месяцев; только после попытки восстания под руководством Барбесса 12 мая 1838 г. Франция получила министерство. Главой министерства стал маршал Н. Сульф, в него не вошел ни один из лидеров коалиции.

рью наследника трона Бурбонов, однако подготовка к запланированному восстанию была обнаружена раньше, чем оно вспыхнуло, хотя сама идея заговора продолжала существовать. Во-вторых, существовала названная выше легитимистская фракция в парламенте во главе с Беррье, убежденная в том, что монархию можно и нужно восстановить законным путем, участвуя в выборах и завоевав на них большинство. Беррье выступал за конституционную монархию, хотя и не сформулировал четко, насколько либеральной он ее видел. В-третьих, выделялось левое крыло, «народный легитимизм». Их тактика заключалась в перехвате инициативы у левых и восстановлении монархии путем референдума, т. е. законным, но не парламентским способом. Эта группа легитимистов была в числе первых, кто требовал расширения избирательного права, адресуя свою пропаганду массам. Их лидер, аббат де Женуд, был редактором «La Gazette de France», придерживающийся концепции монархии одновременно легитимной и демократической.

В начале 1830-х возникли тайные общества, республиканские по своим целям, которые пытались силой свергнуть режим Июльской монархии. Республиканцы не располагали такими финансовыми средствами, как легитимисты, но имели четкую организацию с подразделениями по всей Франции. Республиканцы последовательно создали целый ряд тайных обществ: «Общество друзей народа», «Общество прав человека», «Времен года» в Париже и «Общество мятюзелистов» в Лионе. В 1832 и 1834 гг. ими были организованы восстания в Париже, подавленные правительственными войсками. Республиканские лозунги звучали во время восстаний лионских ткачей в 1831 и 1834 гг. Последним в этой серии выступлений было республиканское восстание в Париже в 1839 г.

Первоначально требования республиканцев не шли дальше предоставления избирательных прав несколько большему числу французов, отмены наследственного звания пэра, предоставления нации права выбирать членов верхней палаты, муниципальных и департаментских советников. Лишь позднее республиканцы стали требовать всеобщего избирательного права. Лидерами республиканцев являлись Араго, Гарнье-Пажес, Ледрю-Роллен. Оплот позиций республиканцев, газета «Le National», начавшая выходить 3 января 1830 г., во время внешнеполитических кризисов неизменно выступала за военное вмешательство Франции в европейскую политику, призванное отомстить за «позор» 1815 г.

Французская социалистическая партия образовалась вследствие раскола республиканцев. При основании «Общества прав человека» Годфруа Кавеньяк, перепечатывая в качестве программы «Декларацию прав человека и гражданина» 1793 г., для определения собственности дал определение не Конвента, а Робеспьера: «Собственность есть право каждого гражданина на пользование той частью материальных благ, которая обеспечивается ему по закону». Те республиканцы, которые признавали собственность естественным правом, отделились от него. В заявлении партии говорилось, что она имела в виду «не столько политические перемены, сколько социальное переустройство, равномерное распределение общественных повинностей и выгод, полное установление царства равенства»¹¹⁴. В 1839 г. партия приняла название коммунистической.

Особое направление левой оппозиции представляла основанная Луи Бланом в 1843 г. газета «La Réforme». Единственным представителем этой группы в парламенте был Ледрю-Роллен. Группа присоединилась к кампании в пользу избирательной реформы, но она требовала не частичного расширения избирательного корпуса, а всеобщего избирательного права.

Еще одну оппозиционную группу составляли бонапартисты, стремившиеся к свержению режима Июльской монархии Принц Луи Наполеон, племянник Наполеона, ставший в 1832 г., после смерти герцога Рейхштадтского, наследником наполеоновских притязаний, предпринял в 1836 г. в Страсбурге и 1840 г. в Булони попытки вооруженного захвата власти, закончившиеся неудачей. Однако после этих событий имя Луи-Наполеона стало известно широкой публике и приобрело определенную популярность. Правительство само неосторожно задело «наполеоновскую легенду», возвратив останки Наполеона во Францию (12 мая 1840 г. английское правительство согласилось вернуть Франции останки Наполеона I) и восстановив на Вандомской колонне его статую; французское общество пришло в состояние чрезвычайного возбуждения, в стране опять заговорили о победах, завоеваниях и естественных границах.

Помимо парламентской оппозиции в годы Июльской монархии существовали «партии», которые после падения режима будут оспаривать решающую роль в правительстве – католическая

¹¹⁴ Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. Т. 3. С. 386.

и социалистическая. Католическая партия стала формироваться после 1830 г., когда правительство официально порвало с духовенством и во Франции наступил резкий период антиклерикализма, в какой-то мере послуживший хорошим уроком для клерикалов: они в большинстве своем поняли невозможность восстановления клира как привилегированной корпорации (к тому же, в основном духовенство пополнялось из народной среды). Некоторые члены духовного сословия начали приходить к мысли, что им необходимо искать поддержку именно в народе. Так как народ требовал свободы, то и духовенство должно стать либеральным, вместо привилегий надо требовать от правительства свободы. Инициатива этой новой тактики принадлежала бывшим легитимистам. Ламеннэ, прежде один из ярких защитников абсолютизма, стал столь же ревностным защитником свободы. Он начал издавать газету «Будущее» («L' Avenir»); главными сотрудниками издания были Монталамбер и Лакордер. Их программа была сформулирована Ламеннэ в письме к Монталамберу: «освободить религию от рабского подчинения правительствам... и завоевать вольности, гражданские вольности, конечной целью которых является свобода духа»¹¹⁵. В области внутренней политики они требовали отделения церкви от государства и свободы преподавания. В сфере внешней политики партия выступала за необходимость активного вмешательства в дела государств, борющихся за обретение независимости, оказания вооруженной помощи Бельгии, Польши и Италии.

Луи Филипп принял вызов, брошенный ему противниками трона, организовавшими в 1835–1836 гг. на жизнь короля несколько покушений. Он подверг заговорщиков и участников восстаний суровым преследованиям. Их десятками заключали в тюрьмы, высылали за границу. В сентябре 1835 г. правительство добилось издания серии репрессивных законов, которые несколько ограничивали свободу печати и полномочия судов присяжных заседателей, а также передавали политические дела в ведение простых уголовных судов, получивших право рассматривать их даже в отсутствие обвиняемых.

ГЛАВА 3. ИДЕОЛОГИЯ ГИЗО

ОРЛЕАНИЗМ: ИДЕЯ ЛИБЕРАЛЬНО- КОНСЕРВАТИВНОГО СИНТЕЗА

Французский либерализм второй трети XIX в., именуемый по названию правящей Орлеанской династии орлеанизмом, явился ярким образцом умеренного либерализма, вобравшего в себя многие положения, традиционно приписываемые консерватизму. Исходя из этого, в классической французской историографии и в советской исторической науке либералов-орлеанистов традиционно относили к консерваторам, или, по крайней мере, подчеркивали их эволюцию в 1840-е в сторону «крайнего консерватизма» на том основании, что они противились проведению реформ социально-экономического и политического плана, в частности, реформы избирательной системы¹¹⁶. Современные исследователи также склонны определять политику орлеанистов в 1840-е как политику «социального консерватизма».

Действительно, до сих пор не прекращаются споры о том, что такое «либерализм», поскольку это мировоззрение отличается многовариантностью, наличием особых национальных течений. В этой связи представляется целесообразным использование «ситуативного определения» значения «либерализма» и его национальных моделей, когда применимо к каждому крупному историческому событию (или процессу) устанавливаются те, кто по отношению к нему являлся либералами, а кто – консерваторами.

Кроме того, нам представляется рискованным противопоставлять консерватизм либерализму, ибо между истинным консерватизмом и правильно понятым либерализмом гораздо больше общего, чем отличного. Это в полной мере применимо к либе-

¹¹⁵ Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. Т. 3. С. 383–384.

¹¹⁶ Большая советская энциклопедия. М., 1929. Т. 16.

ралам-орлеанистам. Анализируя деятельность французских умеренных либералов времен Июльской монархии, следует учитывать специфику французского классического либерализма, его отличие от либерализма англо-саксонского, прежде всего, его умеренный характер, что дает основание говорить о некоем «консервативном либерализме». Крупный французский исследователь Рене Ремон отмечал, что подобная концепция либерализма не исключала того, что этот либерализм был консервативным. Политический либерализм и социальная консервация – вот два столпа программы орлеанизма¹¹⁷.

Именно таковой считал свою политическую позицию Гизо, именуя себя сторонником «либеральной, консервативной и анти-революционной политики».

Для французского умеренного либерализма были характерны ценности, традиционно рассматриваемые как консервативные. Это нашло выражение во внутри- и внешнеполитических программах либералов. Прежде всего, это относится к их интерпретации основополагающей идеи либерализма – идеи свободы. Для либералов свобода, и прежде всего свобода политическая, была связана с огромной ответственностью человека за свои действия. Гизо полагал, что для эффективной реализации принципа политической свободы было необходимо наличие двух условий: во-первых, чтобы свобода стала признанным политическим правом, чтобы народы и правительства научились пользоваться своими правами на основе закона; во-вторых, чтобы страна и органы власти, пользуясь плодами политической свободы, осознали все ее трудности и опасности¹¹⁸.

Кроме того, Гизо полагал, что в правовом государстве (либеральная ценность) должно царствовать не только право, но и порядок (девиз орлеанистов – «Свобода и порядок»), а поэтому правовое государство должно быть сильным (консервативная ценность).

Гизо выступал за мирный, эволюционный путь развития общества, признавая революцию только как крайнее средство разрешения конфликта, когда все легальные методы сопротивления

уже были исчерпаны. Отсюда высокая оценка им Июльской революции 1830 г., приведшей их к власти. Он постоянно подчеркивал ее умеренный, даже некий консервативный оттенок: Франция «хотела революции, которая не была бы революцией, и которая дала бы ей, одновременно, порядок и свободу»¹¹⁹. По его мнению, после Июльской революции «...следовало очистить великое событие от революционных элементов, замешанных в нем, и с которыми многие хотели связать его навсегда»¹²⁰.

Опора на традиции, идея преемственности – это базовые принципы консервативного мировоззрения. В то же время, эти идеи были характерны для французских умеренных либералов. Они исходили из необходимости примирения, компромисса между Старым порядком и революцией, то есть дореволюционной Францией и новым, постреволюционным обществом. Гизо полагал, что Франция должна активно использовать весь тот позитивный исторический опыт, накопленный за века, предшествующие 1789 году. В годы Реставрации, когда во Франции значительно возрос интерес к минувшей революции и существовала насущная необходимость определить пути дальнейшего развития государственности в этой стране, было очень важно помочь общественному мнению найти правильную точку зрения на революцию.

Кроме того, считая Революцию конца XVIII в. высшим этапом в развитии французской цивилизации, Гизо подчеркивал ее взаимосвязь с предшествующей и последующей историей Франции. В работе «Три поколения» он писал, что революция «продолжает свое течение и повсюду совершает завоевание; она полна сил и надежд. Она – дочь прошлого и мать будущего»¹²¹.

Консервативная идея необходимости следования традиции как базовой ценности нашла отражение в позиции, занятой либералами-орлеанистами по отношению к проектам дальнейшего реформирования французского общества. Во многом по причине отказа либералов осуществить ряд важных реформ, прежде всего реформу избирательного права, их называли консерваторами. Действительно, для умеренных либералов революция с установлением нового

¹¹⁷ *Rémond R.* La droite en France de la première Restauration a la V-em République. Paris, 1963. P. 93.

¹¹⁸ *Guizot F.* Meditations sur la religion chretienne dans ses rapports avec l' état actuel des societees et des esprits. Paris, 1869. P. LVI.

¹¹⁹ *Guizot F.* Trois générations. 1789–1814–1848. Paris, 1863. P. 182.

¹²⁰ *Феокистов Е.М.* Записки Гизо. Водворение Июльской монархии // Русский вестник. 1859. Т. 21, май. Кн. I. С. 283.

¹²¹ *Guizot F.* Trois générations... P. 54.

политического режима и новой Орлеанской династии являлась оконченной, и все усилия должны быть направлены не на дальнейшее совершенствование политических институтов, а на их стабилизацию, на упрочение уже достигнутого.

Либерально-консервативный синтез проявляется и в интерпретации французскими либералами категории равенства, которая является весьма важной и наиболее противоречивой. Для либералов-орлеанистов была характерна трактовка этого принципа, свойственная современным неоклассическим либералам и консерваторам, которые исходили из естественного неравенства людей, полагая, что люди не равны ни по биологическим параметрам, ни по уму, ни по нравственному облику. Как отмечал Гизо, идея равенства являлась разрушительной для прогресса общества, поскольку вела к нивелированию заслуг отдельной личности, к тому, что человек становится таким, как все: «Это нивелирование вместо справедливости, это постоянное обезглавливание социального корпуса вместо свободного развития всех его членов». Гизо полагал, что люди являются неравными по своим способностям, задаткам, чертам характера, талантам, добродетелям. Соответственно, в обществе существуют права, которые распределяются согласно неравенству, существующему в обществе, согласно заслугам каждого отдельного человека. К числу таких прав относятся политические права, в том числе избирательное право. Именно это неравенство людей, по мнению Гизо, «является одной из самых могущественных причин, которые притягивают людей друг к другу, делают их необходимыми друг для друга, и, таким образом, формируют общество»¹²².

Умеренные либералы были против немедленного расширения избирательного права во Франции, являясь сторонниками цензовой демократии и жестко увязывая собственность и политические права. По твердому убеждению либералов, начиная с Б. Констана, только собственность, предоставляющая достаточный досуг, дает человеку возможность осуществлять политические права.

Либералы-орлеанисты полагали, что дальнейшее расширение избирательного корпуса во Франции в тех условиях являлось бы преждевременным и даже опасным, поскольку в политическую жизнь ока-

зались бы вовлечены совершенно не подготовленные для этого слои населения, не обладавшие должным образовательным уровнем¹²³.

Умеренность орлеанистов отчетливо проявилась в их отрицательном отношении к идеям народного суверенитета. Один из теоретиков умеренного либерализма П. Руайе-Коллар писал: «Претензии самой капризной и сумасбродной тирании не идут так далеко, как претензии народного суверенитета, потому что никакая тирания не свободна до такой степени от ответственности»¹²⁴. Для французских либералов было характерно обращение к кантианской этике: человек по природе своей несовершенен, он не может утверждать, что в каждую конкретную минуту обладает истиной. Поэтому и абсолютная власть, как и суверенитет, не может принадлежать никому – ни одному человеку, ни нескольким, ни всем людям. Гизо убежден, что право власти принадлежит не людям, а истине, разуму и справедливости, высшему божественному закону. Он писал: «Я не верю ни в божественное право, ни в суверенитет народа. Я верю в суверенитет разума, справедливости, права: это в них заключен легитимный суверенитет, который ищут и всегда будут искать люди, поскольку разум, правда и справедливость никогда не царствуют полно и неослабевающе. Никакой человек, никакое собрание людей не владеет и не может ими владеть... беспредельно»¹²⁵.

По мнению Гизо, в каждом обществе заключено определенное количество этих справедливых представлений о взаимных правах людей и их отношениях. Эти понятия существуют среди людей, составляющих данное общество, но распределены между ними неравномерно, в зависимости от умственного и нравственного развития человека. Поэтому необходимо собрать эти рассеянные частицы справедливости и разума и организовать их в правительство. Именно представительная форма правления, по мнению Гизо, решает эту задачу. Она заключается не в простой сумме голосов, а во всех институтах свободного государства: выборах, гласности, свободе слова, ответственности, системе разделения властей. Гизо был уверен, что представительная форма правления позволяет выделить все то количество истины, которое доступно данному обще-

¹²³ Подробнее об этом см.: Тяньшина Н.П. Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма. М., 2000. С. 172–193.

¹²⁴ Цит. по: Бутенко В.А. Указ. соч. С. 336.

¹²⁵ Guizot F. Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du Ministère actuel. Paris, 1820. P. 201.

¹²² Ibid. P. 33–37.

ству и превратить эту истину в единственную законную для данного общества власть.

Носителем политического разума и справедливости, по мнению Гизо, является средний класс, под которым он понимал очень широкую категорию, включавшую в себя все страты общества, кроме аристократии и беднейших слоев населения, то есть наемных рабочих и крестьян. Идея среднего класса как основы общества, как гаранта его процветания и стабильности – это сущность либеральной концепции орлеанистов.

Исходя из приведенной выше трактовки принципа народного суверенитета, нетрудно понять, что отношение умеренных либералов к носителю этого суверенитета, то есть к народу, было неоднозначным. Гизо писал в своих «Мемуарах»: «Поскольку я сражался с демократическими теориями и сопротивлялся народным страстям, мне часто говорили, что я не любил народ, не сочувствовал его нищете, не понимал его инстинктов, нужд, желаний». Он полагал, что любовь к народу может проявляться в разных формах: «Если любовь к народу заключается в том, чтобы разделять все его чувства, все его вкусы и уделять этому больше внимания, чем его интересам, быть по любому поводу склонным и готовым думать, чувствовать и действовать, как он... то это не моя позиция...» Гизо писал, что он любит народ с преданностью глубокой, но свободной, и несколько беспокойной; он готов служить ему, но не быть его рабом, не потворствовать любым его желаниям и идеям. Для Гизо любить народ – это, прежде всего, его уважать, а значит, не обманывать его, и не позволять народу обманывать самого себя: «Ему предлагают суверенитет; ему обещают полное счастье; ему говорят, что он имеет право управлять государством, и достоин всех радостей жизни. Я никогда не повторял эту вульгарную лесть; я считал, что народ имел право... стать способным и достойным быть свободным, то есть вносить свой вклад в развитие общества»¹²⁶.

Исходя из своего отношения к идее народного суверенитета, умеренные либералы отрицательно относились к идее о необходимости легитимации власти большинства, то есть к демократии. Такой подход был характерен для большинства либералов того времени: демократия в смысле народовластия, по их мнению, могла привести

общество только к анархии или к диктатуре. По словам Гизо, «справедливость и мудрость отнюдь не всегда встречаются в желаниях численного большинства»¹²⁷. В работе «О демократии во Франции», написанной в январе 1849 г., то есть под прямым впечатлением от событий февральской революции 1848 г. во Франции, Гизо называл демократию «величайшим из зол, которое подтачивает и разрушает правительство и свободы, достоинство и счастье граждан»¹²⁸.

Впоследствии Гизо более взвешенно подходил к этой проблеме, отмечая, что демократия играет большую роль в современном ему обществе, но политическое развитие, по его мнению, не исчерпывалось только ею: демократия – это «сок, который питает корни и циркулирует в ветвях дерева, но она не является самим деревом, с его цветами и плодами. Она – ветер, который дует и гонит вперед корабль, но она не является ни солнцем, которое освещает дорогу, ни компасом, который ими управляет. Демократия имеет дух прогресса, но у нее нет дара предохранения и предвидения. Она слишком легко возбуждается и слишком слабо сопротивляется»¹²⁹.

Выше отмечалась, что как в советских, так и во французских исследованиях прежних лет подчеркивалась эволюция «вправо» французских либералов в 1840-е. Скорее всего, французские либералы, находившиеся у власти, которых современники зачастую справедливо обвиняли в доктринерстве, напротив, не до конца осознавали, что решение новых задач, выдвинутых новыми обстоятельствами, было невозможно в рамках прежних доктрин. Как справедливо отмечал Дж. Грей, «если вообще и возможна стабильность в политике, то ее обеспечивают постоянные изменения, а не застывший характер структуры основных свобод и легалистских конструкций»¹³⁰.

Это в итоге признали сами умеренные либералы. В частности, Гизо писал в 1847 г.: «...Мы являемся решительными консерваторами... Но в то же время... мы решили быть консерваторами разумными. Мы верим, что для самых консервативных правительств существует долг и необходимость признать и осуществить без колебаний изменения, которых требуют социальные нужды, рожденные новым состоянием дел и духа... Если они будут отклонены, то это

¹²⁶ Ibid. V. 3. P. 54–55.

¹²⁷ Guizot F. Trois générations... P. 36.

¹²⁸ Guizot F. De la démocratie en France. Paris, 1849. P. 2.

¹²⁹ Guizot F. Trois générations... P. 211.

¹³⁰ Грей Дж. Поминки по просвещению. М., 2003. С. 251.

приведет... сначала к глубокой болезни, потом к продолжительной борьбе, и, рано или поздно, к ужасному взрыву»¹³¹.

Эту же мысль Гизо развивал после крушения режима Июльской монархии. В работе «Наши надежды и наши разочарования» (1855 г.) он писал, что после периода испытаний и потрясений общество просит у власти только порядка, как основного условия его существования. Но оно не может долго довольствоваться только этим; «активные силы развиваются в состоянии покоя, общество просыпается...» Он отмечал, что если правительство не способно удовлетворить потребности общества в развитии, если оно не может обеспечить общественный прогресс, «то оно оказывается неспособным осуществлять задачу обеспечения порядка и общественной безопасности; тогда правительство и нация или отдалятся друг от друга, или вместе погибнут во взаимной антипатии...»¹³². Как видим, через семь лет после своей отставки Гизо понимал, что общество нуждается не только в спокойствии и порядке, но и в постоянном развитии, в движении вперед, которое возможно путем осуществления хорошо продуманных и детально разработанных реформ.

Итак, либерализм времен Июльской монархии – это умеренное политическое течение. Либералы-орлеанисты зачастую исповедовали ценности, которые в настоящее время считаются прерогативой консерваторов. В отличие от либерализма англо-саксонского, французский либерализм носил доктринерский, бескомпромиссный характер, что дает основание говорить о некоем «консервативном либерализме». Такая верность изначально провозглашенным принципам и доктринам имела для французского либерализма двоякие последствия: она снискала ему репутацию негибкого, чуждого духу реформ, в первую очередь социального плана, но это же доктринерство позволило ему избежать конъюнктурных изменений на крутых поворотах истории.

ГИЗО – ТЕОРЕТИК ВЛАСТИ.

ТЕОРИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ

Сложнейшие проблемы парламентаризма, представительного правления, создания правового государства всегда были в центре

¹³¹ Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 353.

¹³² Guizot F. L'Église et la société chrétienne en 1861. Paris, 1861. P. 232–233.

внимания Франсуа Гизо, начиная с его работы 1816 года «О представительном правлении» и заканчивая его самыми поздними произведениями, относящимися ко второй половине XIX века («Три поколения», 1863 г.). Большой интерес представляет изучение его взглядов как видного социолога, историка и политического деятеля на проблемы парламентаризма и определение возможной эволюции в его взглядах. Сразу можно отметить, что точка зрения Гизо не была застывшей, неизменной, несмотря на свойственный ему догматизм и доктринерство; она эволюционировала по мере развития общества, изменения политической и социально-экономической реальности. В то же время, Гизо нельзя назвать оппортунистом, как его политического соратника Руайе-Коллара, во взглядах Гизо было гораздо больше постоянства относительно основных положений его теории. Не случайно, что в сборник его работ, опубликованный в 1869 г. «Melanges politiques et historiques» вошли работы, написанные им в годы Реставрации. Это означает, что Гизо остался верен тем идеям, которые он защищал в первой трети XIX века, будучи молодым политиком.

Гизо всегда был противником абсолютизма и сторонником конституционной монархии, считая ее идеальной формой государственного устройства, которая была установлена во Франции на основе конституционной Хартии 1814 г. Он был противником установления во Франции республиканской формы правления, считая, что пятнадцать веков монархического правления не создали во Франции благоприятных условий для республики. В то же время, саму идею существования республики он допускал, высоко оценивая республиканский строй в США.

Итак, залог прочности государственного устройства заключался для Гизо в конституционной монархии и Хартии 1814 г. Он писал в своих «Мемуарах»: «Наследственная монархия, превратившаяся в монархию конституционную, заключала в себе, по моему мнению, все условия прочности и представлялась надежным поприщем для примирения сословий и партий, так яростно враждовавших когда-то между собой»¹³³.

Как справедливо отмечал Гизо в работе «О правительстве во Франции со времен Реставрации и о современном министерстве»

¹³³ Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. № 5–6. С. 325.

(1820 г.), если «либералы требовали всей Хартии, то роялисты – ничего, кроме хартии»¹³⁴. Хартия, устанавливавшая во Франции новое государственное устройство на штыках интервентов, была далеко неоднозначно встречена во французском обществе и вызвала самые разнородные чувства, которые, впрочем, как отмечал Лависс, сходились в одном: в недоверии и недовольстве ею. В отношении Хартии Гизо занял позицию «золотой середины»: он соглашался, что правление, установленное Хартией, носило на себе следы иноземного влияния и «имело физиономию несколько странную», но добавлял, что в 1814 г. задумываться об этом было некогда: обстоятельства требовали неперемennого преобразования прежней монархической власти, а Хартия из всех других способов этого преобразования представлялась наилучшей: она была делом необходимости, неизбежным следствием, вытекавшим из обстановки, сложившейся во Франции¹³⁵. Гизо так писал о Хартии в своих «Мемуарах»: «Взятая сама по себе и несмотря на свои собственные несовершенства и на возражения своих противников, Хартия была удобоисполнимою политической машиной; власть и свобода находили в ней одинаковые средства для своих действий и для своей защиты, и не настолько, вообще, плох был механизм, сколько были плохи приставленные к нему работники»¹³⁶. Как справедливо отмечал французский исследователь Д. Бажж, Хартия была необходимой, разумной и своевременной, но в то же время, она была лишь политическим инструментом, и все зависело от того, как ею воспользуются на практике. Следует отметить, что французские либералы периода Реставрации далеко неоднозначно отнеслись к Хартии. По верному замечанию французского государственного деятеля правого спектра Бартелеми, если партия независимых (более радикальные либералы) видела в Хартии только первый шаг на пути к будущему, то доктринеры (более умеренные либералы) считали порядок, установленный Хартией, «абсолютно хорошим»¹³⁷. Но если Руайе-Коллар рассматривал Хартию только как текст для комментариев, то Гизо, как верно отмечал Д. Бажж, видел в ней материал, из которого можно создать нечто новое. Хартия не была для Гизо десятью заповедями, раз и навсегда

данными; она явилась только инструментом, с помощью которого можно было проводить свою политику и направлять ее в нужное русло согласно обстоятельствам¹³⁸.

В первые годы существования режима Реставрации, во время правления министерства Ришелье и господства «бесподобной палаты» среди доктринеров преобладала точка зрения Руайе-Коллара, в основу своей концепции поставившего сильную королевскую власть. Палате депутатов он отводил чисто совещательную роль: она должна только доводить до сведения короля различные мнения, существующие в обществе. Это было естественно в условиях ультрароялистской реакции «бесподобной палаты»: если бы такая палата располагала неограниченной властью, то это грозило бы отказом от основных положений Хартии 1814 г., поэтому в этих условиях Руайе-Коллар защищал идею сильной королевской власти, а не парламента. Гизо был согласен с мнением Руайе-Коллара о том, что всевластие палат ведет к узурпации власти, к тому, что, несмотря на провозглашенные политические свободы, на самом деле политические права будут отсутствовать, поэтому именно реставрированная королевская власть должна быть точкой опоры в обществе¹³⁹. В работе «Три поколения» Гизо отмечал, что в то время он, тогда еще не заседавший в Палате депутатов (ему еще не было сорока лет), полностью одобрял политику своих политических товарищей, направленную против «мстительной власти палаты 1815 года, и их усердие защитить от ее притязаний королевскую власть»¹⁴⁰. В то же время, он подчеркивал, что, несмотря на то, что он «оказывал... партии сопротивления свое самое старательное содействие, теория... об основных властях государства...его отнюдь не удовлетворяла»¹⁴¹. Гизо занял свойственную ему позицию «золотой середины», стремясь соединить идею сильной королевской власти с парламентским образом правления по примеру Великобритании. Эти мысли нашли свое выражение в работе «О представительном правлении и о современном положении Франции» (1816 г.), которая была направлена против учений теоретиков крайних партий Витролля (лидер ультрароялистов) и Б. Констана (лидер независимых). Как отмечал

¹³⁴ Guizot F. Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du Ministère actuelle. P. 141.

¹³⁵ Гизо и его записки // Отечественные записки. 1858. Т. 119. С. 188–189.

¹³⁶ Guizot F. Mémoires... V. 1. P. 35.

¹³⁷ Гизо и его записки // Отечественные записки. 1858. Т. 119. С. 362.

¹³⁸ Bagge D. Op. cit. P. 130.

¹³⁹ Guizot F. Trois générations... P. 113.

¹⁴⁰ Ibid. P. 118.

¹⁴¹ Ibidem.

В. А. Бутенко, Гизо, знавший английский государственный строй лучше Руайе-Коллара, не мог так легко осудить систему парламентского министерства¹⁴². В то же время, его личное прошлое в гораздо меньшей степени связывало его с принципом легитимизма и династией Бурбонов, чем прошлое Руайе-Коллара, что давало Гизо возможность более беспристрастно оценить положение королевской власти во Франции. Поэтому после 1820 г., когда ультрароялистская реакция перешла в наступление, и доктринеры оказались в оппозиции правительству, политическая система, построенная Руайе-Колларом, потерпела неудачу, и именно Гизо взял на себя задачу создать новую теорию для своей партии – теорию парламентаризма. В работе «О представительном правлении» сущность английской парламентской системы Гизо видел не в том, что фактическое руководство перешло в руки Палаты общин, а том, что «правительство решилось поместиться в недрах самих палат, установить здесь центр своей деятельности и управлять... среди них и посредством них»¹⁴³. Как видим, Гизо призывал к гармоничному взаимодействию королевской власти, правительства и парламента, к совместной работе всех ветвей власти. В 1816 г. Гизо, прежде всего, делал упор именно на взаимодействии, а не на разделении властей, как Руайе-Коллар. Гизо настаивал в это время на слиянии законодательной и исполнительной власти: «Так как общество одно, то и правительство тоже должно быть одно»¹⁴⁴. В этой работе Гизо называл теорию разделения властей «напрасной», считая, что она вносит дисбаланс в политическую систему, так как правительство и парламент, по его мнению, при системе разделения властей будут находиться в постоянной вражде друг с другом, и борьба между ними закончится либо разрушением наиболее слабого элемента, либо слиянием ветвей власти. Поэтому власть, по мнению Гизо, должна быть единой в своей основе, хотя и раздельной внешне¹⁴⁵. Гизо ни в коем случае не отвергал сам принцип разделения властей, но выступал за согласованные действия различных ветвей власти, настаивая на их гармоничном взаимодействии и внутреннем единстве. Он полагал, что согласно теории разделения властей, король представляет собой

правительство, Палата депутатов – оппозицию, а Палата пэров – посредника между ними. В действительности же, напротив, король, Палата пэров и Палата депутатов должны составлять одну и ту же власть, которая управляет соединенной силой этих трех элементов. При этом оппозиция, существующая в парламенте, является, по мнению Гизо, оппозицией внутренней, которая действует в самом правительстве. Такая оппозиция, считал Гизо, является своеобразным средством устрашения власти, когда одно наличие оппозиции будет обязывать правительство быть мудрым и твердым¹⁴⁶.

Гизо не рассматривал вопрос о том, как эта гармония между властями должна осуществляться на практике. Он ссылаясь только на право роспуска палаты и на «законное» влияние, которое должно оказывать на выборах правительство, а также был убежден в необходимости сильной королевской власти. Гизо писал: «Мы далеки от того, чтобы думать, что природа представительного правления обязывает короля быть только королем-лентяем или азиатским монархом, за которого управляет визирь»¹⁴⁷. Гизо продолжал: «Только король хочет и может действовать, он один имеет право желать власти и управлять. Министры же только освещают волю короля, это не только их долг, но и необходимость, поскольку без воли короля министры – это ничто, они ничего не могут без него»¹⁴⁸. Таким образом, именно король, по мысли Гизо, определяет политический курс страны, министры являются лишь исполнителями его воли; их основная обязанность – доводить мнение короля до сведения парламента, а мнение палат до сведения короля. Что касается ответственности министров за акты королевской власти, то ответственные министры, по мнению Гизо, вовсе не получают инициативы в делах управления. Принимая свои портфели, они лишь «подтверждают, что взгляды и намерения короля вполне совпадают с их собственными, или, что они надеются приобрести на взгляды короля достаточное влияние, чтобы не бояться скомпрометировать себя, исполняя его намерения»¹⁴⁹.

В вопросе о законодательной инициативе Гизо в этот период решительно встает на сторону королевской власти. В руках па-

¹⁴² Бутенко В.А. Указ. соч. С. 353.

¹⁴³ Guizot F. Du gouvernement représentatif et de l'état actuel de la France. Paris, 1816. P. 31.

¹⁴⁴ Ibid. P. 25.

¹⁴⁵ Ibid. P. 28– 29.

¹⁴⁶ Ibid. P. 30.

¹⁴⁷ Ibid. P. 8.

¹⁴⁸ Ibid. P. 39.

¹⁴⁹ Guizot F. Melanges politiques et historiques. Paris, 1869. P. 36– 40.

лат, которые, по его мнению, являются по отношению к правительству «естественно нападающей властью», законодательная инициатива неизбежно превращается в «орудие агитации и беспорядка». С ее помощью парламент будет бороться с правительством, а правительство, все время вынужденное защищаться, всегда будет слабым и неустойчивым, и либо погибнет само, или сокрушит власть палат¹⁵⁰. Гизо подчеркивал, что если в Англии право законодательной инициативы принадлежит парламенту, то это не потому, что оно должно ему принадлежать, а потому, что парламент в Англии является центром сосредоточения власти. Парламент является инструментом, с помощью которого король управляет. Во Франции же право законодательной инициативы должно принадлежать именно королю, а не парламенту, поскольку именно королевская власть, по мнению Гизо, являлась центральным органом власти¹⁵¹.

Гизо справедливо полагал, что после пережитых Францией революционных потрясений общество нуждалось в существовании некоего авторитета, внушавшего бы уважение и доверие. Таким авторитетом, по его мнению, могла быть только реставрированная королевская власть: «Король должен говорить, приказывать и предлагать»¹⁵², а не замыкаться в себе и не быть пассивным под предлогом своей неприкосновенности и ответственности министров¹⁵³.

Гизо неоднократно подчеркивал, что система парламентского правления находилась во Франции только в стадии становления, во Франции, в отличие от Великобритании, не было опыта парламентской деятельности. Поэтому революция, целями которой были свобода и справедливость (под которой Гизо понимал справедливые, то есть равные для всех граждан, законы), закончилась борьбой политических групп за власть. Эта борьба не только не прекратилась после 1814 г., но разгорелась с новой силой. В таких условиях, считал Гизо, только королевская власть могла быть посредником между противоборствующими общественными интересами¹⁵⁴. Отсюда вытекала основная задача королевской власти: стремиться быть над-

классовой, внепартийной силой, которая смогла бы объединить под своей эгидой все общество¹⁵⁵.

В феврале 1820 г. ремесленником Лувелем был убит племянник короля герцог Беррийский. Ультрароялисты добились от Людовика XVIII отставки Деказа; к власти пришло министерство герцога Ришелье. После выборов 1820 г. большинство в Палате депутатов заняли ультрароялисты. Лидеры группы доктринеров – Гизо, Руайе-Коллар, Барант, К. Жордан – были лишены своих должностей в Государственном совете. Гизо сохранил за собой преподавательскую деятельность в Сорбонне. Еще до начала своего курса лекций по новой истории он опубликовал несколько работ по важнейшим политическим вопросам, стоявшим перед Францией в тот период: «О правительстве во Франции со времен Реставрации и о современном министерстве» (1820), через несколько месяцев – «О средствах управления и об оппозиции в современном положении Франции», «О заговорах и о политическом правосудии» (1821), «О смертной казни по политическим вопросам» (1822), в которых выступил против политики правительств Реставрации, которые все больше склонялись на сторону ультрароялистов. Впоследствии, уже после падения режима Июльской монархии, в своих «Мемуарах» он отмечал, что и в 1850-е он мог подписаться под каждым словом, написанным им в годы Реставрации: «Тридцать шесть лет прошло. За этот долгий период времени, в течение восемнадцати лет я принимал участие в работе моего поколения по созданию свободного правительства. Это правительство было сметено. Однако, и я заявляю это без скептических колебаний и без ложной скромности: то, что я написал в 1821 г. о средствах управления и об оппозиции в современной Франции, я и сегодня перечитываю с удовлетворением и почти со всем согласен»¹⁵⁶. Гизо писал в «Мемуарах», что в этих работах он пытался опровергнуть мнение большей части консерваторов, согласно которому после всех смут и переворотов во Франции не мог утвердиться стабильный режим. Наоборот, он утверждал, что конституционная Хартия предоставляла такую возможность, и исполнение этой сложной задачи зависело от всей французской нации. Он подчеркивал, что никакая человеческая мудрость не в состоянии спасти народ, если

¹⁵⁰ Бутенко В.А. Указ. соч. С. 355.

¹⁵¹ Guizot F. Du gouvernement représentatif et de l'état actuel de la France. P. 51– 52.

¹⁵² Guizot F. Melanges politiques et historiques. P. 65– 66.

¹⁵³ Guizot F. Du gouvernement représentatif et de l'état actuel de la France. P. 36– 39.

¹⁵⁴ Ibid. P. 2– 6.

¹⁵⁵ Ibid. P. 77.

¹⁵⁶ Guizot F. Mémoires... V. 1. P. 302– 303.

он сам ничего не делает для своего спасения¹⁵⁷. Власть, со своей стороны, должна удовлетворять насущные нужды и потребности общества, именно в этом она черпает свою поддержку и опору. По мнению Гизо, одной из причин ослабления королевской власти во Франции в XVIII в. явилось именно то, что все связи, соединявшие прежде правительство и народ, были расторгнуты самим правительством¹⁵⁸. Он отмечал, что люди, управляющие государством, часто впадают в заблуждение: они считают, что власть самодостаточна, что она имеет свою собственную силу, свою жизнь, не только отличную, но и независимую от жизни общества: «Министры, префекты, мэры, солдаты – это то, что власть называет средствами управления, и когда она ими владеет... она полагает, что управляет, и удивляется, встречая на своем пути препятствия, потому что она не владеет своим народом, как своими агентами»¹⁵⁹. Истинные средства управления, по мнению Гизо, заключены в недрах самого общества и не могут быть отделены от него: «Слава Богу, человечество не является полем, возделываемым земледельцем; человеческое общество само производит свои самые прочные средства управления»¹⁶⁰. Гизо разделял гражданское общество и политическое. В работе «О демократии во Франции» он так определяет эти понятия: гражданское общество – это «семья, собственность во всех видах: земля, капитал или зарплата; труд во всех его формах: индивидуальный или коллективный, интеллектуальный или ручной; положение людей в обществе и отношения между людьми, которые приводят к семье, собственности и труду...»¹⁶¹. Итак, гражданское общество – это сфера частных, личных отношений граждан, без вмешательства органов власти. Политическое общество – это отношения, возникающие между людьми в их взаимодействиях с правительством, то есть с органами власти¹⁶². Взаимодействие власти и гражданского общества Гизо рассматривал в двух аспектах: во-первых, власть как бы договаривается с общей массой граждан, которых она непосредственно не видит и с которыми она непосредственно не общается; во-вторых, непосред-

ственные отношения с индивидами, которые находятся в прямых отношениях с государственной властью, то есть с должностными лицами. Поэтому «воздействовать на массы и управлять посредством индивидов – это и означает управлять»¹⁶³. Гизо отмечал, что из этих двух аспектов власть часто забывает первый. В этом, по его мнению, заключается фатальная ошибка, поскольку именно в массах, в самом народе власть должна черпать свою важнейшую силу, свои средства управления¹⁶⁴. Гизо приводит такой пример: с 1795 по 1799 гг. Директория пыталась управлять Францией, но напрасно; это правительство, по его мнению, преклонялось перед индивидуальными интересами и было неспособно подняться до интересов страны. Люди, стоявшие во главе государства, как и большинство чиновников, занимались только собой, «одна Франция была забыта»¹⁶⁵. Что сделал Наполеон? «Он отнюдь не забыл индивидов, но он в первую очередь занимался массами. Он сделал кое-что для каждого из своих приближенных и многое для народа, который был далеко от него. Он признавал его нужды, понимал его чаяния... и стал «общественным» деятелем»¹⁶⁶. Наполеоновский режим пал. Означало ли это, спрашивал Гизо, что Наполеон пренебрег личными интересами своего окружения? Нет, конечно: «никогда еще человек не был окружен таким кортежем индивидуальных интересов; никогда человек не имел больше средств и большего искусства руководить людьми. Но в то же время, он забыл Францию. Он не находил больше в чувствах и интересах нации свои главные средства управления»¹⁶⁷. Как видим, именно нация, общественное мнение являются для Гизо основой сильной власти. В умении договариваться с массами, по его мнению, заключается «великая пружина власти»¹⁶⁸. Гизо приводит слова Христа: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию». (Ев. от Марка, гл. 2, стих 17). Задача власти, по мысли Гизо, заключается в том же самом: она имеет дело, главным образом, с социальными болезнями. Ее искусство состоит в том, чтобы находить в самом обществе точку опоры...»¹⁶⁹

¹⁵⁷ Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. С. 361.

¹⁵⁸ Guizot F. Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du Ministère actuelle. P. 287.

¹⁵⁹ Guizot F. Des moyens de gouvernement et d'opposition dans l'état actuel de la France. P., 1821. P. 129.

¹⁶⁰ Ibid. P. 129.

¹⁶¹ Guizot F. De la democratie en France. P. 72.

¹⁶² Ibid. P. 73.

¹⁶³ Ibid. P. 130.

¹⁶⁴ Ibid. P. 131.

¹⁶⁵ Ibidem.

¹⁶⁶ Ibid. P. 132.

¹⁶⁷ Ibidem.

¹⁶⁸ Ibidem.

¹⁶⁹ Ibid. P. 149.

К сожалению, именно этого взаимодействия между властью и обществом не хватило режиму Июльской монархии и явилось одной из главных причин его падения. То, что Гизо очень точно понимал как теоретик, он не смог реализовать на практике.

7 декабря 1820 г. Гизо начал читать свой курс лекций в Сорбонне. Он писал, что в этом курсе он отбросил все то, что могло иметь намек на современную ему систему и образ действия правительства¹⁷⁰. В то же время для Гизо история всегда была теснейшим образом связана с политикой, она служила обоснованием правильности его политических идей. Поэтому, как верно отмечал русский публицист Е. М. Феокистов, лекции Гизо не были спокойным изучением прошлого, без всякой связи с настоящим. Гизо – убежденный сторонник конституционной монархии; он служил ей делом, находясь на государственной службе; когда же эта сфера деятельности оказалась закрытой для него, он продолжил развивать свои идеи с преподавательской кафедры. Основной мыслью его курса было доказать, что конституционный образ правления вытекал из всего предшествующего исторического развития Франции. Гизо неоднократно подчеркивал, что история Франции – это не только 1789 год, но и вся предыдущая история; вся история страны заключалась для него в постепенном восхождении к современной цивилизации. Гизо писал: «Я избрал предметом своего курса историю древних политических учреждений христианской Европы... Таким образом, я близко касался поразительных затруднений той современной политики, от которой я решился держать себя вдали. Но вместе с тем, предмет этот, естественно, давал мне случай стремиться путем науки к двойной цели:... разрушить революционные теории и привлекать интерес и уважение к прошедшим судьбам Франции»¹⁷¹. Вся история Франции была поэтапным восхождением к представительному образу правления. Он писал, что ему «хотелось воскресить старую Францию в памяти и в понимании новых поколений, так как было бы столь бессмысленно, как и несправедливо презирать опыт предшественников, поскольку современное поколение французов совершало огромный шаг на

том же пути, по которому следовала Франция в течение многих столетий»¹⁷². Как видим, Гизо был всецело предан интересам нового французского общества и полон уважения к истории Франции, он выступал за примирение новой и старой Франции, за их мирное сосуществование.

В декабре 1821 г. министерство Ришелье пало, к власти пришло крайне правое министерство Виллелея, бывшего лидера ультрароялистов в «бесподобной палате». Курс Гизо был запрещен. Лишенный государственных должностей и преподавательской кафедры, он всецело посвятил себя изучению вопросов государственного строительства во Франции, парламентаризма, что и привело его к пристальному анализу политической истории Великобритании, как страны, имевшей давнюю традицию конституционного образа правления.

В это время Гизо проявил себя уже как решительный защитник парламентаризма, поскольку он видел, что королевская власть не смогла обеспечить для страны конституционное правление. Особенно ярко эти проблемы нашли свое выражение в упоминавшейся выше работе «О правительстве во Франции со времен Реставрации и о современном министерстве» (1820). Здесь Гизо выступил как убежденный сторонник системы парламентаризма и защитник сильной власти парламента. Теперь Гизо полагал, что именно парламентам должен принадлежать решающий голос в формировании министерства: «оспаривать у палат решающее влияние на формирование министерства или требовать от министров быть сильными без поддержки палат, значит, отказаться от представительного правительства»¹⁷³. Если раньше в качестве посредника между различными ветвями власти, между властью и гражданским обществом Гизо рассматривал королевскую власть, то теперь эта посредническая функция отводилась именно парламентам. Парламент, по его мысли, является единственным звеном, соединяющим власть и общество: «Ослабьте их связь и общество и власть отдалятся, изолируются друг от друга, не смогут признать и постичь друг друга»¹⁷⁴. Сильный парламент является единственным средством, способным примирить монархию и Хартию, то есть старую

¹⁷⁰ Феокистов Е. М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. С. 362.

¹⁷¹ Там же. С. 363.

¹⁷² Там же. С. 364.

¹⁷³ Guizot F. Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du Ministère actuelle. P. 284.

¹⁷⁴ Ibid. P. 287.

и новую Францию¹⁷⁵. Как видим, если для Руайе-Коллара, как и для Гизо в 1816 г. именно королевская власть являлась гарантом стабильности в обществе, связующим элементом между ветвями власти, то для Гизо в 1820 г. такой силой являлся именно парламент. Как и четыре года назад он подчеркивал мысль о необходимости взаимодействия государства, органов власти и гражданского общества. Но во Франции, как уже отмечал Гизо, не было опыта парламентаризма, как в Великобритании или в США; в отличие от Франции, в этих странах «...дерево выросло на своих корнях, здание возводилось на старинном фундаменте»¹⁷⁶. В Англии и Соединенных Штатах, по его мнению, прогресс системы представительного правления был внутренней необходимостью; каждая новая потребность, возникающая в обществе, приводила к развитию новых, более совершенных институтов. Во Франции же, наоборот, представительный образ правления пришел извне; представительное правление «сверху спустилось на страну, которая сама не создала его. Таким образом, мы сразу получили высшие формы, не располагая более простыми и незаметными элементами»¹⁷⁷. Гизо полагал, что у французов был некий идеальный, взращенный на идеологии Просвещения, книжный образ представительного правления, который, казалось, должен был немедленно воплотиться на практике: «Мы требовали от представительного правления быть всем, чем оно должно быть, хотя так мало сделали для этого»¹⁷⁸.

Убежденный сторонник конституционной монархии и яростный противник абсолютизма, Гизо признавал огромную позитивную, централизующую роль королевской власти на определенном этапе развития французского общества. Эти идеи были им ярко раскрыты в его курсе лекций по истории цивилизации в Европе и во Франции, прочитанном в Сорбонне в 1828–1830 гг. В «Истории цивилизации во Франции» он писал, что «королевская власть – это учреждение, наиболее, может быть, содействовавшее образованию европейского общества, слиянию всех общественных элементов в две силы – правительство и народ»¹⁷⁹. По его мнению, «королевская власть, очевидно, играла огромную роль в истории европейской цивилиза-

ции... развитие ее долго шло, так сказать, одним шагом с развитием общества, – прогресс их совершался одинаково и одновременно»¹⁸⁰. Он писал, что королевская власть «является самым прочным учреждением, которое весьма трудно избежать там, где его еще нет, и уничтожить там, где оно уже существует»¹⁸¹. Королевская власть, по мнению Гизо, выражается не просто в личной воле монарха. Она «есть олицетворение державности, верховной власти по праву, то есть той существенно разумной, просвещенной, справедливой, беспристрастной воли, которая выше всякой отдельной личной воли, и поэтому имеет право управлять людьми»¹⁸². Одновременно Гизо задается вопросом: «Существует ли такая правовая верховная власть, есть ли такой высший закон, который имеет право управлять людьми?». По его мнению, «верховная власть, по праву полная и неизменная, никому принадлежать не может... всякое присвоение ее какой-либо единоличной силой опасно и ложно в самых коренных основах своих»¹⁸³. Поэтому Гизо настаивал на необходимости ограничения всякой власти, «каково бы ни было ее происхождение – завоевание ли, наследственность или избрание»¹⁸⁴.

Гизо очень высоко оценивал деятельность Людовика XIV, при котором абсолютизм во Франции достиг апогея. Людовик XIV, по мнению Гизо, впервые представил Европе «зрелище правительства, уверенного в самом себе, свободного от всяких внутренних врагов, спокойно обладавшего своей территорией, своим народом, исключительно преданного правительственным трудам и заботам. Правительство Людовика XIV первое подало пример исключительного попечения о своих выгодах, первое соединяло в себе все свойства власти, окончательно установившейся и прогрессивной, которая не чуждается нововведений, потому что рассчитывает на долговечность свою»¹⁸⁵. Гизо задается вопросом: «Каким образом правительство столь блестящее, столь прочное... так быстро дошло до такого упадка?». И отвечает: «...единственным принципом, единственным основанием этого правительства была абсолютная власть – и вот почему оно дошло до заслуженного падения». Правительство Лю-

¹⁷⁵ Ibid. P. 293.

¹⁷⁶ Ibid. P. 289–290.

¹⁷⁷ Ibid. P. 290.

¹⁷⁸ Ibidem.

¹⁷⁹ Гизо Ф. История цивилизации во Франции. Т. 1. С. 157–158.

¹⁸⁰ Там же. С. 158.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же. С. 160.

¹⁸³ Там же. С. 160–162.

¹⁸⁴ Там же. С. 162.

¹⁸⁵ Там же. С. 256.

довика XIV, по мнению Гизо, «это факт великий, блистательный могучий, но лишенный основания и корня»¹⁸⁶. Он отмечал, что при абсолютной власти отсутствовали политические силы и учреждения, которые «существовали бы сами по себе и были способны к политической деятельности, к сопротивлению... Воля и действие центральной власти – вот все, что ярко проявляется в это время». По мнению Гизо, только свободные учреждения могли обеспечить не только мудрость, но и прочность правительства. Он верно отмечал, что «нет системы, которая могла бы существовать без помощи общественных учреждений»¹⁸⁷.

Итак, Гизо делал вывод о необходимости ограничения любой власти, «умственной или материальной, кому бы она ни принадлежала, правительствам или народам, мыслителям или государственным деятелям, в какой бы сфере она ни проявлялась...», поскольку всякая человеческая власть «носит в самой себе врожденный недостаток, зародыш слабости и злоупотреблений»¹⁸⁸.

Если в 1816 г. Гизо выступал как защитник сильной власти короля, в 1820–1830 гг. как сторонник сильной власти парламента, то, начиная с 1840 г. он вновь настаивает на необходимости сильной королевской власти, которая обладала бы реальными властными функциями, а также на идее парламентского министерства, под которой он понимал наличие сильного парламента, обладающего правом назначать и смещать министров. В то же время эта система, по его мнению, подразумевала сильное правительство, что было необходимо для гармоничного взаимодействия всех ветвей власти.

Политический строй, установленный после Июльской революции 1830 г., Гизо считал идеальной формой государственного устройства. Конституционная монархия, по его мнению, являлась «правлением, основанным на взаимном уважении прав, на принципе договора между королем и страной». Он подчеркивал свою приверженность монархической идее: «...все знают, что я убежденный монархист. Я убежден, что монархия – это слава и спасение нашей страны... Монархия – это наследственность трона, освященная временем». Конституционное правительство, по мнению Гизо, – это

«организованный социальный суверенитет», суверенитет разума и справедливости, вне которого общество «плывет наугад, подвергаясь опасностям революции»¹⁸⁹. Гизо отмечал, что начиная с 1830 г. конституционная монархия «доказала свое право управлять Францией, поскольку она удовлетворяла различные потребности общества, его самые противоречивые нужды»¹⁹⁰.

Выше отмечалось, что во время своей оппозиции в 1820-е Гизо был убежденным сторонником парламентаризма, преобладающей роли представительного органа в системе государственных властей. Эта позиция ярко проявилась во время его участия в коалиции против министерства Луи Моле (1839), когда возобновилась борьба между теорией преобладания палаты и теорией доминирования короля. В печати парламентская доктрина была сформулирована Дювержье де Горанном в его книге «О принципах представительного образа правления и об их практическом применении». В ней говорилось: «Если только выборы не являются пустой декорацией... то необходимо предоставить законно опрошенной нации решающий голос... парламенту должно принадлежать последнее слово...». Исходя из этого автор настаивал на необходимости заменить «личное управление парламентским режимом»¹⁹¹. Здесь же был сформулирован лозунг «Король царствует, но не управляет», ставший девизом коалиции. Лидеры коалиции – Гизо, Тьер и Одиллон Барро – признавали за королем право назначать министров, но с тем условием, что его выбор будет падать на лиц, указанных ему большинством Палаты депутатов. Они хотели опрокинуть «придворное министерство», чтобы поставить на его место министерство парламентское, то есть выбранное парламентом. Гизо писал о причинах, которые побудили его присоединиться к коалиции: «В коалиции я видел давно желанный случай расширить основание правительства, образовать одну обширную конституционную партию, сблизить, примирить людей, в сущности, одушевленных одинаковыми желаниями, стремящимися к одной и той же цели. Между Одиллоном Барро, Тьером и мною не было непреодолимых преград, непримиримого разногласия. Ничто не мешало нам соединиться, по крайней мере,

¹⁸⁶ Там же. С. 256–257.

¹⁸⁷ Там же. С. 257.

¹⁸⁸ Там же. С. 261.

¹⁸⁹ Le Moniteur universel. 1842. 19 août.

¹⁹⁰ Ibid. 1841. 26 août.

¹⁹¹ Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. Т. 3. С. 371.

на время, для одной специальной цели»¹⁹². Из уважения к правящей династии Гизо не назвал одну из главных причин коалиции: она была направлена не столько против министерства Моле, сколько против самого Луи Филиппа. Его влияние все увеличивалось, и, по мнению многих политиков, выходило за пределы его конституционной власти. Среди членов правительства не было «ни замечательных дарований, ни твердых, настойчивых характеров»¹⁹³. Пользуясь этим, король лично вмешивался в дела управления, назначал чиновников, решал вопросы внешней политики. Министерство стало орудием в руках короля и потеряло все свое конституционное значение. Поэтому Луи Филипп так крепко держался за министерство Моле, упорно поддерживая его против возрастающей оппозиции. Впоследствии в «Мемуарах» Гизо отмечал ошибочность своего участия в коалиции (но не защиты принципа парламентаризма). Он писал, что «предвидел последствия своего решения, но увлекся своею старинною, задушевною мыслью укрепить, возвысить влияние палаты депутатов. Устремясь к этой цели, я забыл о чувствах и взглядах моей партии, я следовал только своему собственному чувству, своей собственной идее»¹⁹⁴.

Однако, когда Гизо 29 октября 1840 г. стал министром иностранных дел, его позиция вновь изменилась. Теперь он настаивал на необходимости сильной исполнительной власти. Можно сказать, что Гизо выступал за учение тори, заключавшееся в признании за королем права выбирать своих министров, принимая во внимание мнение палаты, но, не связывая себя окончательно с желанием большинства. Тьер, лидер левого центра, был сторонником учения вигов, согласно которому король обязан выбирать своих министров, повинаясь желанию народа, выражавшемуся в парламентском большинстве. Гизо, поддерживавший тезис «король царствует, но не управляет» во время коалиции, теперь был не согласен с ним. Он писал в «Мемуарах»: «Престол – это не пустое кресло, которое заперли на ключ, чтобы кто-нибудь не вздумал на него усесться. В этом кресле восседает лицо, одаренное разумом и свободой воли, имеющее, подобно всем людям, свои собственные понятия, чувства

и желания»¹⁹⁵. Обязанность короля, «ибо обязанности существуют одинаково для всех и для всех священны», состоит, по мнению Гизо, в том, чтобы «управлять при содействии других органов государственной власти, установленных Хартией, опираясь на их мнения и прислушиваясь к их советам»¹⁹⁶. Он подчеркивал, что «корона покоится на голове существа разумного и наделенного свободой воли, с которым мы вступаем в договор...»¹⁹⁷. Как видим, Гизо отстаивал идею не божественной сущности королевской власти, а идею общественного договора, заключенного между королем и нацией. Он допускал, что если королевская власть не будет выполнять основные потребности общества, оно имеет право расторгнуть этот договор. Итак, если Тьер полагал, что король должен царствовать, а министры – управлять, то Гизо в 1840-е считал необходимым активное участие монарха в управлении государством в согласии с палатами.

Заслуга королевской власти, по мнению Гизо, заключается в том, что она вносит в правительство одновременно действие, развитие, и в то же время постоянство. Он настаивал на необходимости сильной королевской власти; только тогда она сможет соответствовать своему предназначению и будет способствовать осуществлению задач, стоящих перед страной¹⁹⁸. Гизо с сожалением отмечал, что в современном ему обществе, в 1840-е, во Франции наблюдалась тенденция к ослаблению королевской власти, точнее, двух ее элементов: непосредственно королевской власти и администрации¹⁹⁹.

Гизо подчеркивал важную роль администрации на протяжении всей французской истории и особенно со времени Революции конца XVIII в., когда именно администрация была «принципом и залогом национального единства, общественного порядка, прогресса в развитии цивилизации». Именно благодаря централизации, по мнению Гизо, Франция стала «единой и управляемой»²⁰⁰.

Гизо полагал, что при представительном правлении было необходимо ослабление централизации и создание более сильной местной власти. По его мнению, «начиная с 1830 года французское законодательство пыталось уменьшить централизацию, то путем

¹⁹² Арсеньев К.К. Записки Гизо. Испанские дела: министерство Моле и коалиция // Русский вестник. 1861. Т. 36. С. 199.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же. С. 203.

¹⁹⁵ Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 84.

¹⁹⁶ Ibidem.

¹⁹⁷ Ibidem.

¹⁹⁸ Le Moniteur universel. 1842. 19 août.

¹⁹⁹ Ibid. 1841. 26 août.

²⁰⁰ Ibidem.

введения избирательного принципа в местную администрацию, то отправлением большого числа дел местным властям...»²⁰¹. В то же время Гизо подчеркивал, что процесс децентрализации является очень сложным и длительным, как «переход от абсолютной монархии к свободному правительству и как переход от правительства революционного к правительству стабильному»²⁰². Он отмечал, что Наполеону пришлось приложить массу усилий, чтобы разрушить во Франции революционную администрацию и создать администрацию имперскую. Гизо делал следующий вывод: с пороками централизации нужно бороться, но только при условии, что не будет разрушено то, «что составляет единство французского общества и французского правительства»²⁰³.

Определяя функции правительства, Гизо, как и в годы Реставрации, полагал, что обязанность министров – доводить до сведения короля мнения о политике, которую они считают нужной и возможной осуществлять в парламенте. Задача министров заключается в поддержании согласия между различными ветвями власти, в недопущении преобладания одной власти над другой: «...они не должны возвышать королевскую власть над палатами, или палаты над королевской властью. Соединять их, напротив, одной мыслью и одинаковым образом действия, – вот в чем состоит конституционное правительство: в разделении властей, в системе сдержек и противовесов»²⁰⁴. В отличие от 1816 г., теперь Гизо настаивал именно на разделении властей, на системе сдержек и противовесов, и в то же время на гармоничном взаимодействии всех ветвей власти: «Все власти должны действовать твердо и в полную силу, согласно своей роли и своим пределам». Ослабление же «одной из ветвей власти приведет к тому, что будет ослаблена и потрясена государственная система в целом»²⁰⁵.

Итак, Гизо настаивал на гармоничном взаимодействии трех ветвей власти, на участии парламента в формировании министерства. Однако, как справедливо отмечал французский исследователь Ж. К. Карон, на практике Гизо требовал абсолютного повиновения министров, выбиравшихся не столько по способностям, сколько по

²⁰¹ Le Journal des Débats. 1847. 10 août.

²⁰² Ibidem.

²⁰³ Ibidem.

²⁰⁴ Ibidem.

²⁰⁵ Le Moniteur universel. 1841. 26 août.

покорности, и осуществлял тесный контроль за действиями чиновников как в провинции, так и в Париже²⁰⁶.

По мнению Гизо, основной чертой правильного министерства является его гомогенность и необходимое большинство в палатах. По мнению французского историка Ф. Понтея, в годы Июльской монархии, как раз наоборот, министерские кабинеты являлись гетерогенными, поскольку не было ни одной группировки, которая могла бы управлять в одиночестве. Министры заседали в Палате депутатов, но, как главы министерских департаментов, они считались чиновниками; они назначались королем и получали жалованье.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ГИЗО

Вопросы о взаимоотношениях государства и общества, о том, к чему общество и государство вправе обязывать человека, и что он вправе требовать от государства и общества, всегда были объектом пристального изучения либеральной философии. Для постнаполеоновской Франции эти проблемы были особенно актуальными: либеральные принципы, провозглашенные в годы революции конца XVIII века, и начавшиеся реализовываться в годы нахождения у власти либеральных конституционалистов – фельянов, а потом жирондистов, были свернуты в годы якобинской диктатуры и в период правления Наполеона I, который сохранил основные социально-экономические завоевания революции, но в политической сфере установил режим жесткой власти, не подразумевающей диалога между государством и обществом. В годы Июльской монархии либералы-орлеанисты получили возможность практической реализации своих идей.

В либеральной гносеологии именно человек является носителем основных знаний, от которых зависит процветание или деградация общества. Если в наполеоновское время во главу угла ставились, прежде всего, общегосударственные интересы, идея «величия Франции», а права и свободы отдельного человека задвигались на второй план, то в годы Июльской монархии орлеанисты предприняли попытку «индивидуализировать» свою политику. Однако им не удалось в значительной мере отойти от «коллективистской идеоло-

²⁰⁶ Caron J.-C. La France de 1815 à 1848. Paris, 1993. P. 130.

гии», в основе которой – желания, интересы, воля государства, класса, коллектива. И если Наполеон Бонапарт представлял себя «отцом французов», то либералы-орлеанисты значительно сузили свои патерналистские функции до выразителя интересов так называемого «среднего класса», который, правда, они трактовали как весьма широкую социальную категорию.

В настоящее время к среднему классу (*middle class*) в странах Запада относится подавляющее большинство населения. Лингвострановедческий словарь «Американа» дает следующее определение «среднего класса»: это «лица умственного труда, работающие по найму и получающие достаточно высокую заработную плату, а также дивиденды с вложенного капитала, что позволяет им владеть современным домом, оплачивать учебу детей в колледже или университете, а также пользоваться социальными гарантиями, которые предоставляет участие в коммерческих пенсионных, медицинских и иных страховых фондах. К этой социальной категории относятся и те квалифицированные рабочие, зарплата которых – часто выше средней – позволяет им пользоваться перечисленными преимуществами»²⁰⁷.

Для Франции в силу исторических особенностей издавна было характерно преобладание средних слоев и среднего сектора в экономике. Ряд французских исследователей полагает, что как некая социальная общность средний класс возник во Франции на рубеже XIX–XX вв. Однако концепция среднего класса как гаранта социально-экономической и политической стабильности общества была сформулирована еще в первой половине XIX в. либералами-орлеанистами.

В ходе промышленного переворота во Франции не сложилось такой жесткой полярной структуры, как в Великобритании. Франция оставалась страной мелких собственников, со своими частными интересами; здесь сформировалась почва для развития различных идеологических концепций. Как отмечал русский публицист XIX в. Г. Вызинский, было «невозможно провести определенную и постоянную черту между высшим классом буржуазии, с одной стороны, и низшими ее слоями, с другой. Между буржуазией, в собственном смысле этого слова, и тем, что французы называют *le peuple*, со-

вершались постоянные приливы и отливы; высшие слои непрерывно пополняются низшими: между ними нет и не может быть такого глубокого разделения, как между буржуазией и родовой, и поземельной аристократией или духовенством. Между средним сословием и народом существует, напротив, постоянная внутренняя связь, постоянное взаимодействие, потому что первое вышло и выходит из второго»²⁰⁸.

Специфика Франции породила особую политическую культуру, которая опирается в средние слои, в теорию их преобладания в обществе. Однако интерпретация ими этого термина существенно отличалась как от современных прочтений, так и от трактовки, характерной для английской традиции тех лет.

В англо-саксонской традиции *middle class* – это буржуазия в традиционном понимании этого термина, то есть слой, промежуточный между дворянством (*gentry*) и простым народом. Поэтому он исторически обозначал «буржуазию», то есть крепких горожан, которые в средние века еще не делились на крупную, среднюю и мелкую буржуазию. Французские же либералы под *les classes moyennes* – понимали более широкую социальную категорию, включавшую в себя служащих, чиновников, лиц свободных профессий, а также собственно торгово-промышленную буржуазию.

Здесь, однако, следует учитывать сложность и многогранность понимания самого термина «буржуазия» во Франции конца XVIII – первой трети XIX веков. Для историков-марксистов понятие «буржуазия» имело, прежде всего, социально-экономическое содержание. Буржуазия рассматривалась как «господствующий класс капиталистического общества, собственник средств производства, эксплуатирующий наемный труд»²⁰⁹. Между тем буржуазия именно в таком понимании начала формироваться во Франции достаточно поздно. Как в конце XVIII в., так и в начале XIX в., термин «буржуазия» применялся для обозначения более или менее определенного социального слоя. Французская буржуазия в предреволюционный период – это в основном юридическая и отчасти социально-культурная категория. Так называли жителей городов, принадлежавших

²⁰⁸ Вызинский Г. Защитники парламентаризма и оппозиционная литература во Франции // Русский вестник. 1858. Т. 17. Октябрь, кн. II. С. 569.

²⁰⁹ О неоднозначности термина «буржуазия» см.: Чудинов А.В. Смена вех: 200-летие революции и российская историография // Французский ежегодник. М., 2002.

²⁰⁷ Американа. Англо-русский лингвострановедческий словарь. М., 1996. С. 595.

к третьему сословию, имевших вполне определенный правовой статус и отличавшихся от других социальных групп особым образом жизни²¹⁰.

Сам термин «буржуазия» в первой половине XIX в. был широко распространен, хотя и без какого-либо четкого определения. В декабре 1847 г. правительственная газета «Le journal des Débats», стремясь показать, что буржуазия – это открытый и обширный слой французского общества, дала ей следующую характеристику: «Буржуазия – это не класс, это положение. Его достигают, его теряют. Его можно достичь работой, бережливостью, способностями. Его можно потерять вследствие праздности, расточительности и пороков. Буржуазия – это класс, двери которого открыты для всех, как на вход, так и на выход»²¹¹.

В обществе XIX в. понятие «буржуазия» соответствовало различным социальным реалиям. Было достаточно сложно провести четкую грань между ремесленником, использующим труд пяти-шести помощников и хозяином кузницы, между торговцем с улицы Сен-Дени и марсельским судовладельцем, между преподавателем королевского колледжа и знаменитым парижским медиком. Они отличались по образу жизни и уровню культуры, имели различные политические пристрастия от консерватизма до республиканизма. Однако все они именовались «буржуазией», хотя этот термин употреблялся без какого-либо четкого определения.

Орлеанисты полагали, что средний класс, или буржуазия, является классом открытым, постоянно расширяющимся за счет вливания в него представителей других социальных страт, по мере развития их материального благосостояния и повышения образовательного уровня. Буржуазия, по мнению Гизо, не требовала для себя какой-либо исключительности и доминирования; она являлась классом, в котором «всегда хватит места для тех, кто хочет и умеет туда войти»²¹².

В среде крупной финансовой буржуазии доминировала группа парижских банкиров, как их называли, «дворянство буржуазного класса»; мир крупной промышленной буржуазии составлял совсем другую категорию, то есть наблюдалось заметное социальное

расслоение и разделение банковской и промышленной буржуазии. Мелкая буржуазия – владельцы магазинов и хозяева ремесленных мастерских – часто была очень близка к народу, из среды которого она вышла.

О неоднородности французской буржуазии ярко свидетельствует следующий факт: в Париже буржуазия составляла 20 % населения, однако избирательный корпус Парижа составлял 2 % жителей, то есть основная масса парижских «буржуа» – это мелкая и средняя буржуазия, не соответствовавшая избирательному цензу. 30 % парижских состояний были сосредоточены в руках 1 % населения²¹³.

Идея среднего класса как основы общества, как гаранта его процветания и стабильности есть сущность социально-политической концепции Гизо. Он писал в «Мемуарах», что средний класс – это «наилучшая защита принципов 1789 г., социального порядка, гражданских и политических свобод, прогресса и стабильности»²¹⁴.

Гизо являлся сторонником цензитарной демократии, отклоняя принцип народного суверенитета и идею демократии как народо-властия; он был убежден, что право власти принадлежит не людям, а истине, разуму и справедливости, некоему высшему божественному закону. Носителем политического разума и справедливости Гизо считал именно «средний класс».

Само развитие цивилизации заключалось для него в постепенном развитии и преобладании среднего класса. В работе «О демократии во Франции», написанной в 1849 г., он писал: «Во все времена, для всех государственных нужд, для войны и для мира, средние классы обильно снабжали поколения людьми способными, действующими, готовыми пожертвовать собой на службе родине».

Со времени революции конца XVIII века рост влияния среднего класса являлся, по мнению Гизо, характерной чертой французской истории. В 1830 г. именно средние классы, писал он, привнесли «в это сложное предприятие дух справедливости и политической искренности... Несмотря на все страсти, на все опасности, которые их одолевали... они серьезно хотели... конституционного порядка; они уважали и поддерживали внутри страны свободу,

²¹⁰ Там же. С. 17–18.

²¹¹ Цит. по: Histoire de la France. La France de la bourgeoisie. P. 101.

²¹² Guizot F. Mémoires... V. 6. P. 349.

²¹³ Histoire de la France. La France de la bourgeoisie. P. 100–101. О парижской буржуазии см.: Daumard A. Maisons de Paris et propriétaires parisiens au XIX-e siècle. Paris, 1965.

²¹⁴ Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 23.

одновременно законную и эффективную, вне – мир активный и процветающий»²¹⁵.

Термин «средний класс» Гизо трактовал очень широко: он включал в себя все социальные слои, кроме аристократии и беднейшей части населения, то есть наемных рабочих и крестьян. Средний класс для Гизо – это буржуазия в широком толковании этого социального слоя, это класс открытый, постоянно расширяющийся за счет вливания в него представителей других социальных групп, по мере развития их материального благосостояния и повышения интеллектуального уровня.

Гизо выступал за примирение старой и новой Франции, за сотрудничество всех социальных групп общества. По его мнению, во Франции в годы Июльской монархии не было больше той глубокой социальной пропасти между буржуазией и народом, подобной той, которая разделяла прежде дворянство и буржуазию. Он писал в работе «Церковь и христианское общество в 1861 г.»: «Хотят ли записать в законах, что буржуа одни будут освобождены от того или иного налога, одни будут пользоваться такими привилегиями, что никто другой не может сделаться полковником, придворным или судьей, если он не докажет, что он простолюдин? Слава Богу, политическая справедливость выше законов возмездия; эмансипированные побежденные требуют наследства прежних завоевателей. Все, что от вас хотят, это – принять равенство, вам предлагаемое»²¹⁶.

Как видим, концепция среднего класса, сформулированная Гизо, его представления о его социальном составе, его интересах весьма расплывчаты, неточны, не доведены до логического конца. Вероятно, Гизо сознательно предложил именно такую концепцию, пытаясь сгладить социальные противоречия в обществе, прикрывая интересы правящего слоя интересами бесосновательно расширенного социального блока, которого на самом деле в те годы еще не существовало.

Отметим, что такая концепция среднего класса как обширного слоя, существовавшего в те годы во Франции, включающего разные социальные группы и являющегося гарантом стабильности и процветания всего общества, имела своих оппонентов. В частности, либерал, интеллектуал Алексис де Токвиль определял средний класс как

вполне определенную и достаточно узкую социальную группу. Он писал: «В 1830 г. среднее сословие одержало окончательную и такую полную победу, что все политические права, все льготы, все привилегии, вся правительственная власть оказались замкнутыми и как бы наваленными в кучу в узких рамках этого одного сословия, в которое был закрыт доступ легально всем, кто стоял ниже, а фактически всем, кто стоял выше. Таким образом, среднее сословие сделалось единственным руководителем общества, даже, можно сказать, взяло его в арендное содержание. Оно заместило все должности, до крайности увеличило их число и приучилось жить почти столько же за счет государственной казны, сколько своим собственным трудом»²¹⁷. Как видим, Токвиль, сожалеющий о подавлении аристократии «демократией», определял средний класс скорее как крупную торгово-промышленную, финансовую и аграрную буржуазию.

Итак, как либералы в годы Июльской монархии, так и современные исследователи именно средний слой определяют как основу общества, как гарант социальной стабильности и экономического благосостояния. Однако, если в современных условиях средний класс сохраняет свое благополучие во многом благодаря активной социальной политике и помощи со стороны государства, то либералы-орлеанисты, считая средний класс открытым социальным слоем, однако, не стремились расширять его путем активной социальной политики, считая ее уделом частных благотворительных организаций. Рассуждая о среднем классе, они имели в виду, прежде всего, класс политический, игнорируя экономический аспект. Отметим, что еще со времен Реставрации политическая экономия рассматривалась во Франции как дисциплина подозрительная, по причине своей кажущейся связи с философией и идеологией XVIII века (в условиях антипросветительской реакции в постреволюционной Франции).

Положение о том, что активная социальная государственная политика приведет к нивелированию заслуг каждой отдельно взятой личности, была неразрывно связана с интерпретацией умеренными либералами идеи равенства, одной из самых противоречивых и неоднозначных категорий либерализма. Французские либералы сформулировали концепцию равных и неравных прав. Они полагали, что

²¹⁵ Guizot F. De la démocratie en France. P. 95.

²¹⁶ Guizot F. L'Eglise et la société chrétiennes en 1861. P. 233

²¹⁷ Токвиль А. Воспоминания Алексиса Токвиля, изданные графом Токвилем. М., 1893. С. 11.

все люди по факту своего рождения обладают равными неотъемлемыми правами, среди которых наиболее важные – права на жизнь, свободу, собственность. В то же время люди не равны ни по биологическим параметрам, ни по уму, ни по нравственному облику. Либералы-орлеанисты в духе современного неоклассического либерализма и консерватизма исходили из представления о естественном неравенстве людей, считая, что попытки искусственного выравнивая их экономического положения через вмешательство государства приводят к элиминации стимулов частной предпринимательской инициативы и препятствуют экономическому развитию. Как писал Гизо в своих «Мемуарах», «долг правительства – прийти на помощь обездоленным классам, помочь им в их растущем стремлении к благам цивилизации. В этом нет ничего более очевидного и более святого. Но это должно делать не государство, а сами люди»²¹⁸.

В этом отношении Гизо придерживался базового для классического либерализма принципа *laissez-faire* («позволяйте делать») – представления о том, что социальное творчество освобожденного человека и естественный, нерегламентированный ход общественного развития могут наилучшим образом решить практически все проблемы, стоящие перед человечеством. Такой подход во многом был связан с интерпретацией категории свободы классическими либералами, которая воспринималась ими сквозь призму проблемы освобождения, эмансипации личности в условиях распада феодального общества, когда складывались основы особого негативного понимания свободы как «свободы от» – от диктата общества, искусственных, навязанных извне ценностей, внешних ограничений.

В то же время в русле классического либерализма Гизо полагал, что государство должно создавать нормальные политические условия, поддерживать внутренний мир и внешнеполитическую стабильность для успешного развития экономической активности граждан. Еще в своих ранних работах он подчеркивал взаимосвязь между внутривнутриполитической стабильностью и социально-экономическим положением основных групп населения: «Если классы одновременно зажиточные и трудолюбивые будут чувствовать себя униженными, если они будут жить в состоянии моральной депрессии, сталкиваясь лицом к лицу с наглостью... это будет иметь

очень опасные последствия для общественного спокойствия и для самой власти»²¹⁹.

Для орлеанистов богатство было важно не само по себе: оно принималось в расчет, скорее, как показатель личных заслуг, умственных способностей или моральных качеств. Именно в этом ракурсе следует интерпретировать лозунг, сформулированный Гизо, в своем кратком варианте широко известный, как «Обогащайтесь!», который понимается подчас искаженно и неверно, символизируя якобы господство духа стяжательства, жажду неумеренного обогащения и денег. В полном варианте этот лозунг звучит следующим образом: «Обогащайтесь посредством труда и бережливости, и вы станете избирателями!»

Гизо подчеркивал два момента обогащения: обогащение, получение прибыли является естественным вознаграждением за труд, и, кроме того, постепенная эволюция условий жизни посредством труда представляется для него, несомненно, более надежной, чем импровизированная трансформация и революционные потрясения. До настоящего времени остается спорным вопрос, когда Гизо мог произнести оба этих выражения. Сам Гизо не повествует об этом ни в «Мемуарах», ни в своей переписке, ни в многочисленных статьях. Во время обсуждения в Палате депутатов 1 марта 1843 г. вопроса о секретных фондах Гизо произнес речь об «истинных нововведениях», откуда можно было извлечь урезанный лозунг: «Обогащайтесь!». Но эти слова нельзя вырывать из общего контекста его речи: «Было время, славное время, когда нация боролась за обретение социальных и политических прав... Это дело совершено, права завоеваны, теперь переходим к другим. Вы хотите продвинуться вперед, вы хотите совершить то, что не успели сделать ваши отцы. Вы правы... В настоящее время, исходя из этих прав, создавайте свое правительство, укрепляйте свои институты, просвещайтесь, обогащайтесь, улучшайте моральные и материальные условия нашей Франции: вот истинные инновации»²²⁰. Он призывал отнюдь не к непомерному обогащению, а к уважению труда, посредством которого человек сможет подняться на более высокую ступень социальной лестницы, опираясь на свои собственные таланты и способности.

²¹⁸ Guizot F. Mémoires... V. 6. P. 347.

²¹⁹ Guizot F. Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du Ministère actuel. P. 146–147.

²²⁰ См.: Broglie G. Guizot. P. 126.

Как видим, Гизо и в целом либералы-орлеанисты полагали, что если государство и общество будет жестко диктовать индивидууму возможности использования таланта, умения и имеющихся у него средств, то область для его жизненного маневра может оказаться слишком узкой и общество законсервируется в имеющемся состоянии²²¹.

Итак, для орлеанистов было характерно следование одному из важнейших постулатов социальной философии либерализма – человеку нужно дать ровно столько власти над необходимыми ему вещами, сколько потребуется для реализации индивидуальных целей в соответствии с его уникальными навыками, идеями и знаниями. Максимально использовать индивидуальные знания и умения для достижения личных целей и жизненного успеха человеку позволяет частная собственность, являющаяся одной из базовых категорий либерализма.

Умеренным либералам Июльской монархии был, однако, чужд идеал процветания на американский манер; среди них не было крупных промышленников, промышленные предприятия носили семейный характер. В условиях развития промышленной революции главным богатством по-прежнему считалась земля: именно земельная рента являлась источником капиталов для развивающейся промышленности. Это буржуазное общество по своим вкусам, нравам, взглядам было весьма близко миру землевладения²²². Отметим, что в годы Июльской монархии французское общество продолжало оставаться сельским: 75 % населения страны составляло крестьянство²²³.

Именно земельная собственность давала так называемое *notabilité*, то есть знатность, влияние в обществе. Как правило, те, кто сумел нажить состояние в результате занятий торгово-промышленной или интеллектуальной, научной деятельности, покупали землю. По словам Гизо, именно земельная собственность являлась объектом устремлений человека: «Те, кто ею владеют, предаются все большему и большему наслаждению. Те, кто ею еще не обзавелись, всеми силами стараются ее приобрести. У крупных собствен-

ников снова входит в моду жить на своей земле. Буржуа, достигший определенного достатка, размещается в деревне на отдых. Крестьяне мечтают об увеличении своего участка. В то время как движимая собственность все более успешно развивается, земельная собственность становится все более желанной и ценной»²²⁴.

Гизо определял причины, по которым земельная собственность была предпочтительной: это ее устойчивость, меньшая изменчивость, лучшая сопротивляемость социальным изменениям. Однако эти причины сугубо материального характера – не единственные. Движимая собственность, капитал могут дать человеку богатство. Земля же дает ему и нечто другое, то, что Гизо называл «частицей мира». Земельная собственность, по его словам, как бы объединяет бытие конкретного человека со всем миром, она носит вселенский характер, связана с космосом, с Богом, земельная собственность возвышает индивидуума над природой и создает для его семьи «домашнюю родину». Кроме того, по мнению Гизо, земельная собственность наиболее гармонично соответствует природе человека: благодаря ей жизнь и деятельность человека становятся более нравственными. Он подчеркивал, что почти во всех сферах профессиональной деятельности, не связанных с землей, успех зависит от усилий человека, его профессиональных навыков и способностей. В сельскохозяйственной деятельности человек постоянно ощущает присутствие Бога, во многом зависит от сил природы.

Как видим, цензитарная система обеспечивала доминирование общества, в котором главным богатством по-прежнему оставалась земельная собственность²²⁵.

В то же время, несмотря на приверженность в социальной сфере принципу *laisser-faire*, экономическая модель французского либерализма, по мнению ряда исследователей, носила «консервативный оттенок», что нашло свое выражение, прежде всего, в приверженности французских либералов принципу протекционизма, который, на первый взгляд, никак не согласовывается с либеральной экономикой. По мнению французского исследователя Ж. Тушара, следует различать либерализм, принимающий технический прогресс, благопритвствующий свободному развитию промышленности и либерализм, в экономическом отношении консервативный и протекци-

²²¹ См.: Мовсеян А.Г. Либерализм и экономика. М., 2003. С. 55.

²²² Согрин В.В., Патрушев А.И., Токарева Е.С., Фадеева Т.М. Либерализм Запада XVII–XX веков. М., 1995. С. 66–67.

²²³ Histoire de la France. La France de la bourgeoisie. P. 96.

²²⁴ Guizot F. De la démocratie en France. P. 80.

²²⁵ Rémond R. La vie politique en France. 1789–1848. T. 1–2. Paris, 1965. T. 1. P. 305.

онистский²²⁶. Первая модель либерализма превалировала в Англии, вторая – во Франции, где либерализм, в общем, более смелый в плане политическом, в экономическом отношении показал себя осторожным и неуверенным.

Традиционно политика протекционизма, проводимая правящими кругами Франции в годы Июльской монархии, рассматривалась как серьезный тормоз на пути быстрого экономического развития. В то же время, следует учитывать, что без подобных защитительных мер экономика страны была бы не в состоянии выдержать конкуренцию, прежде всего, Великобритании, Бельгии или Пруссии после создания Таможенного союза 1834 г. Французские умеренные либералы были не согласны с позицией английских либералов, в частности, Адама Смита, утверждавшего, что государство не должно вмешиваться в торгово-промышленные вопросы. По мнению Гизо, интересы промышленности и торговли должны находить эффективную поддержку со стороны государства. Он говорил о «легитимности принципа протекционизма, применяемого в интересах промышленности и торговли» и подчеркивал, что «всякое разумное правительство... должно его осуществлять»²²⁷. В целом, несмотря на некоторые негативные стороны системы протекционизма, такие как искусственное сдерживание иностранной конкуренции, высокие монопольные цены на внутреннем рынке, что затрудняло быстрое развитие производства и приводило к низкой покупательной способности основной массы населения, протекционистские меры, принимаемые либералами-орлеанистами, были эффективными²²⁸.

Либерализм является поборником сложной организации общества, он приветствует создание гражданского общества, наполненного многочисленными, независимыми от государства разнообразными организациями. Самое страшное – когда государство противостоит гражданину при отсутствии иных общественных организаций. Как отмечал Гизо в «Истории цивилизации во Франции», только свободные учреждения могли обеспечить не только мудрость, но и прочность правительства. По его словам, «нет системы, которая

могла бы существовать без помощи общественных учреждений»²²⁹. Именно нация, общественное мнение рассматривались французскими либералами как основа сильной власти. К сожалению, эти идеи о необходимости взаимодействия гражданского общества и государства в годы Июльской монархии остались во многом благими пожеланиями. Ошибка либералов заключалась именно в том, что они отгородились от страны рамками так называемой *pays legal*, то есть частью общества, участвующей в политической жизни страны в качестве избирателей и самих «слуг народа». Орлеанисты, заботясь о парламентском большинстве, слишком мало заботились о большинстве в стране, о самом народе. «Я могу только сожалеть о вас», – говорил король Луи Филипп эльзасским рабочим, которые жаловались на недостаток работы. «Это дело не касается палаты», – отвечал президент Сوزه на петиции подобного рода²³⁰.

Итак, сложнейшая конструкция социальной философии либерализма создавалась путем множества проб и ошибок, в ходе длительной и продолжающейся общественной эволюции. Это особенно четко прослеживается на примере формирования либеральной философии и идеологии во Франции, происходившей на фоне революционных потрясений и кризисов конца XVIII и всего XIX века. Идеи классического либерализма, сформулированные в первой половине XIX века, пережили свое время, и, претерпев определенную эволюцию, стали базовыми категориями и ценностями современного общества.

РЕВОЛЮЦИИ – ЛОКОМОТИВ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИИ?

Французская революция конца XVIII века, ее причины и предпосылки, цели и задачи, движущие силы, влияние, оказанное ею на дальнейшее развитие страны, – это одна из тех проблем в истории Франции, которая неизменно привлекала внимание Франсуа Гизо. Для него эта революция была реальной действительностью, в которой прошли его детство и отрочество, и стала историей в годы его молодости. В годы Реставрации Бурбонов, когда началась по-

²²⁶ Touchard J. Histoire des idées politiques. Paris, 1962. P. 517.

²²⁷ Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France. P., 1863–1864. Т. 1–5. Т. 4. P. 542.

²²⁸ Накануне заключения договора 1860 г. с Великобританией, импорт мануфактурных изделий во Францию составлял всего 0,7% объема национального промышленного производства (3% общего импорта).

²²⁹ Гизо Ф. История цивилизации во Франции. Т. 1–4. М., 1877–1881. Т. 1. С. 257.

²³⁰ Вызинский Г. Защитники парламентаризма и оппозиционная литература во Франции // Русский вестник. 1858. Т. 17. Октябрь. Кн. II. С. 570.

литическая и научная карьера Гизо, во Франции отмечалось усиление интереса к проблемам минувшей революции, изучение ее опыта стало настоятельной необходимостью, поскольку перед страной стояла проблема определения ее дальнейшего политического и социально-экономического развития. Французский исследователь П. Розанваллон в работе «Момент Гизо» справедливо отмечает, что если до 1815 г. большинство политических деятелей, даже представители ультрароялистов, отвергая якобинский террор, признавали закономерность революции, то после установления режима Реставрации, особенно в годы правления «бесподобной палаты», обострилась борьба вокруг вопроса о ее закономерности²³¹. В 1818 г. появилась работа Жермены де Сталь «Размышления об основных событиях французской революции», ставшая ориентиром либеральной историографии. Дочь банкира Неккера, она пыталась оправдать политику своего отца, на которого взваливали ответственность за революцию. Жермена де Сталь, кумир тогдашних интеллектуалов, призывала к углубленному пониманию французской революции, к определению ее сильных и слабых сторон, к разграничению позитивного и негативного в революции, «духа, рожденного революцией» от «духа, рожденного в период революции». С 1823 г. в Париже стали выходить первые тома «Истории французской революции с 1789 года до 18 брюмера» Адольфа Тьера; в 1824 г. появилась работа Ф. Минье «История французской революции», в которой он приветствовал революцию и высоко оценивал ее значение для изменения социальной структуры общества, но отрицательно относился к якобинскому террору. Гизо же, являвшийся ровесником революции, не написал специального научного исследования, посвященного непосредственно ей, однако, во многих своих произведениях он обращался к изучению основных проблем революции. К числу этих работ относятся: «О представительном правлении во Франции» (1816), «О правительстве во Франции со времен Реставрации и до современного министерства» (1820), курс лекций по истории нового времени, прочитанный им в Сорбонне в 1820 – 1822 гг., курс лекций по истории цивилизации в Европе и во Франции (1828–1830), работы более позднего периода: «О демократии во Франции» (1849) и «Три поколения

(1863), в которой Гизо рассматривал вопросы, связанные с тремя революциями во Франции: Революцией конца XVIII века, Революцией 1830 г., Революцией 1848 г. В 1818 г. появились четыре статьи Гизо, опубликованные в журнале «Политические и литературные архивы», выпускаемом доктринерами. Гизо был ведущим сотрудником этого журнала.

П. Розанваллон справедливо задается вопросом: почему Гизо написал «Историю Английской революции», но не написал историю революции во Франции?²³². Сам Гизо не дал на него ответа ни в своих «Мемуарах», ни в переписке. Как считает Розанваллон, причину этого нужно искать в той интерпретации французской революции, которую дал Гизо: он не считал целесообразным уделять основное внимание фактологии, его интересовал анализ важнейших проблем революции. Гизо рассматривал революцию как важнейший этап в многовековом развитии французской цивилизации, потребность в которой стала ощущаться задолго до 1789 года, а ее результаты, по его мнению, оказали огромное влияние на дальнейшее развитие страны. Гизо, по верному наблюдению Розанваллона, стремился понять революцию «не столько в ее событиях, сколько в ее принципах»²³³. Действительно, Гизо не занимался детальным изучением конкретных событий, связанных с революцией; это не входило в его основную задачу. Наиболее важным он считал понять идейно-политические истоки, причины революции, ее историческое значение.

Отмечая, что каждую революцию можно анализировать в двух аспектах: как определенный этап в развитии цивилизации, и как событие, ограниченное начальной и конечной датой, Гизо справедливо полагал, что французскую революцию нужно изучать именно как наивысший этап в поступательном развитии французской цивилизации, продолжавшийся, по его мнению, и в современной ему Франции. В этом отношении этому подходу близка позиция известного французского историка Ф. Фюре, для которого Французская революция завершилась только в 1875 г. с институционализацией во Франции режима Третьей республики. Розанваллон справедливо отмечал, что если Гизо не создал истории революции, то он работал над созданием ее теории. По его мнению, изучение Гизо истории

²³¹ Rosanvallon P. Op. cit. P. 59.

²³² Ibid. P. 205.

²³³ Ibidem.

Английской революции позволяло ему глубже понять причины возникновения, цели, задачи революций во Франции²³⁴.

Изучая историю Английской революции середины XVII в., Гизо пришел к выводу, что, несмотря на существенные различия между ней и Французской революцией конца XVIII столетия, между этими революциями было и много общего: «Конечно, различие обоих переворотов немаловажно, как это видно из самих последствий их; но, в сущности, положение дел было весьма сходно, и значение событий в окончательном виде их – одно и то же»²³⁵. Июльская революция 1830 г. являлась, по мнению Гизо, французским аналогом Славной революции 1688–1689 гг. в Англии. Главной же причиной обращения Гизо именно к истории Английской революции представляется следующее: Гизо, стремясь определить пути дальнейшего развития государственности во Франции в постнаполеоновскую эпоху, обратился в годы Реставрации к изучению истории Великобритании как страны, в которой в результате революции значительно усилилась власть парламента, в целом режим конституционной монархии, являвшейся, по твердому убеждению Гизо, идеальной формой государственного устройства.

С первых лет существования режима Реставрации, когда Гизо стал заниматься изучением вопросов, связанных с революцией, он занял в оценке этого события неизменно свойственную ему позицию «золотой середины», пытаясь найти путь к установлению во Франции парламентской монархии, в равной степени удаления как от абсолютизма, так и от крайностей якобинизма²³⁶. Различая и выявляя положительные и отрицательные стороны в революции, Гизо хотел определить средний путь политического развития Франции, хотя эта теория, по справедливому замечанию Розанваллона, не являлась ни новой, ни оригинальной²³⁷. Р. Капланов в статье «Франсуа Гизо: у истоков либерального европеизма» верно отмечает, что в первые годы Реставрации, когда во Франции значительно возрос интерес к минувшей революции и существовала необходимость определить пути дальнейшего развития государственности в этой стране, было очень важно помочь общественному мнению найти

правильную точку зрения на революцию, отделить «зерна» – то есть ее позитивные социально-политические завоевания: равенство всех граждан перед законом, ликвидацию сословных привилегий, конституционную форму правления – от «плевел»: анархии и деспотизма²³⁸.

Высоко оценивая Французскую революцию, Гизо рассматривал ее как наивысший этап в развитии французской цивилизации, неразрывно связанный со всей предыдущей историей. Основное внимание он уделил рассмотрению причин революции, ее идейно-политическим истокам, движущим силам, целям и задачам, поставленным и решавшимся в ходе революции, изучению ее достижений и ошибок, в том числе насилия и террора, определению значения и результатов революции.

Гизо, как и в целом доктринеры, пытался примирить «новую», постреволюционную Францию со «старой», дореволюционной, подчеркивал связь между ними. Революция была для него не каким-то изолированным фактом, а событием, имеющим глубокие исторические корни. Эта мысль нашла яркое отражение в курсе лекций по новой истории, прочитанном Гизо в Сорбонне в 1820–1822 гг. Он писал: «Я хотел доказать, что усилия, употребленные нашим временем к установлению в государстве политической свободы и ее гарантий, не заключали в себе ничего нового или странного; что в продолжение всей нашей истории, более-менее безвестно, более или менее неудачно, но уже неоднократно, Франция бралась за это дело; что, схватившись за него с жаром и страстью, поколение 1789 г. было и право и не право: право потому, что оно возобновило великую попытку своих отцов; не право потому, что приписывало себе ее честь и изобретение, и почитало себя призванным, на основании одних только идей и своих желаний к созданию совершенно нового мира. Я хотел, таким образом, служа интересам современного общества, пробудить в нем справедливость и сочувствие к нашим нравам, к тому старинному французскому обществу, которое, на продолжении пятнадцати столетий, трудолюбиво и славно собирало для нас доставшееся нам наследство цивилизации»²³⁹. Гизо был прав, утверждая, что «заб-

²³⁴ Ibid. P. 206.

²³⁵ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. СПб., 1892. С. 260.

²³⁶ Rosanvallon P. Op. cit. P. 60.

²³⁷ Ibidem.

²³⁸ Капланов Р.М. Франсуа Гизо: у истоков либерального европеизма // Европейский альманах. История. Традиция. Культура. М., 1990. С. 59.

²³⁹ Гизо и его записки // Отечественные записки. 1858. Т. 118. № 5–6. С. 584.

вание своего прошлого и презрение к нему составляют в народе важный недостаток и великую слабость»²⁴⁰. Итак, Гизо подчеркивал, что борьба за глубокие преобразования была далеко не новой в истории Франции, новыми были только формы, но суть – борьба за свободу и порядок, то есть борьба против деспотизма и произвола, началась задолго до революции. Гизо развивал эту мысль и в курсе лекций по истории цивилизации во Франции и в Европе (1828 – 1830 гг.). История Франции показывает, писал Гизо, что «мы не такие мечтательные утописты, как нас обвиняют. Цель, к которой мы стремимся, в сущности та же, что цель наших предков: подобно нам, они трудились над освобождением и воспитанием, нравственным и материальным, различных классов нашего общества; подобно нам, они старались создать гарантии хорошего заведования общественными делами, прав и вольностей частных лиц, в свободных учреждениях и в действительном участии народа в управлении»²⁴¹. Таким образом, полагал Гизо, французская революция была не только изолированным кризисом, мечтой поколения, охваченного революционным пылом; она была естественным продолжением всего хода французской истории; революция – это ускоренное развитие того процесса, который уже в течение пятнадцати веков Франция рассматривала как прогресс в развитии цивилизации²⁴².

Главную причину революции Гизо усматривал в том, что королевская власть, особенно начиная с Людовика XIV, порвала все связи, соединявшие ее с формирующимся обществом, с третьим сословием, терявшим свое прежнее политическое значение и большую часть своих свобод. Королевская власть перестала быть выразителем общенациональных интересов и наряду с аристократией стала тормозом на пути прогрессивного развития французского общества. Именно отказ королевской власти от проведения коренных преобразований, требуемых обществом, явился, по мнению Гизо, главной причиной революции. Однако он не выступил с резкой критикой Людовика XVI и его окружения, поскольку «они так дорого заплатили за свои ошибки, и такую горькою ценою их испутили,

что было бы очень жестоко постоянно беречь их память»²⁴³. Гизо полагал, что ответственность за революцию лежала не только на Людовике XVI, но и на всей французской нации: «Нация, стремившаяся стать свободной, не может оправдываться тем, что она, как толпа, была подчинена безумным или извращенным желаниям своих руководителей»²⁴⁴. Гизо считал, что возникновение революции во Франции было результатом общих ошибок, допущенных всем «поколением 1789 года». Как видим, в своей оценке причин Революции Гизо близок идеям, развиваемым в современной историографии: главные причины Революции – это причины социально-политического характера, неспособность власти адекватно отвечать на модернизационный вызов.

Каковы же были, по мнению Гизо, цели и задачи революции, цели «дворянства, духовенства, третьего сословия, всего этого народа, еще так мало привыкшего действовать вместе?»²⁴⁵. Эти цели он определил так: «справедливость в социальном порядке и свобода в порядке политическом; соблюдение личных прав всех граждан и эффективное участие всей нации в управлении государством; справедливое общество и свободное правительство»²⁴⁶. При этом «справедливость» Гизо понимал как установление равенства граждан перед законом. Он подчеркивал, что реформ требовало все общество, а не только его наиболее передовые представители, принимавшие участие в управлении государством, такие как Неккер, Тюрго; сама нация, по словам Гизо, «все классы общества: духовенство и дворянство, третье сословие, деревенские собственники и жители городов, вместе и активно вступили в бой»²⁴⁷. Он отмечал, что хотя между интересами различных классов общества, естественно, были противоречия, дух реформ и политического прогресса доминировал как в третьем сословии, так и в среде дворянства и буржуазии.

Именно в дворянстве и духовенстве третье сословие должно было найти, по мнению Гизо, своего искреннего и естественного союзника. Он настаивал на необходимости социальной гармонии, единства действий всех классов общества, представителей «новой»

²⁴⁰ Там же.²⁴¹ Гизо Ф. История цивилизации во Франции. Т. 1–4. М., 1877–1881. Т. 1. С. 6.²⁴² Guizot F. Trois générations. 1789–1814–1848. Paris, 1863. P. 54.²⁴³ Ibid. P. 29.²⁴⁴ Ibid. P. 30.²⁴⁵ Ibid. P. 23.²⁴⁶ Ibid. P. 13.²⁴⁷ Ibid. P. 14.

и «старой» Франции. К сожалению, полагал Гизо, этого гармоничного взаимодействия достичь не удалось, и страна оказалась, по его выражению, «втянутой в революцию». Может быть, несколько переоценивая результаты Английской революции, Гизо полагал, что в Англии «установились и никогда не прекращались тесные связи между различными классами общества. Там аристократия и демократия умели жить и процветать вместе, взаимно поддерживая и сдерживая друг друга»²⁴⁸. Во Франции же «дворянство и буржуазия не соединились, чтобы бороться с деспотизмом, или чтобы положить прочные основания свободы и пользоваться ею, а остались раздельными: они горячо хватались за каждый удобный случай, чтобы удержать или оттеснить друг друга...»²⁴⁹ Во Франции, продолжал Гизо, различные классы общества не сумели усвоить «сопряженного с собственной выгодой уважения к чужим правам...»²⁵⁰ Именно отсутствие согласия между дворянством и буржуазией привело, как считал Гизо, к революции: «Они не сумели действовать заодно, чтобы быть вместе свободными и сильными и тем отдали себя и Францию на жертву революциям»²⁵¹.

Гизо во многом унаследовал от своего наставника и друга Руайе-Коллара отношение к аристократии. Аристократия, по мнению Руайе-Коллара, «защищала колыбель народов», «была богата великими людьми», «украшала человеческую природу великими добродетелями»²⁵². Но время аристократии, продолжал Руайе-Коллар, прошло, она осталась только «историческим воспоминанием», французская почва завоевана равенством. Гизо же подчеркивал мысль о том, что аристократия не должна остаться в стороне от развития «новой» Франции, тем более она не должна этому противодействовать. Аристократия должна примириться с потерей своих привилегий и объединиться с другими классами общества, содействуя прогрессу французской цивилизации.

Гизо полагал, что французское дворянство в целом не выполнило своего исторического предназначения; «вследствие тщеславия или недостатка просвещения и политического духа оно самоизолировалось, хотело остаться привилегированным классом в самом

себе, а не стать во главе нации»²⁵³. Дворянство, по мнению Гизо, не стало союзником королевской власти, а было то ее соперником, то ее слугой²⁵⁴. Растущая демократия, то есть народ, которому не хватало союзников для достижения своих свобод, могла освободиться от гнета дворянства только с помощью королевской власти, и королевская власть в период борьбы за централизацию, «воспользовавшись этим демократическим союзом, смогла какое-то время быть одновременно и народной, и абсолютной»²⁵⁵. Как видим, Гизо справедливо отмечал прогрессивную роль абсолютной монархии в борьбе за централизацию государства, против феодальной раздробленности и сепаратизма. В то же время он был прав, утверждая, что в дальнейшем королевская власть отказалась от взаимодействия с различными классами общества, что и явилось главной причиной революции.

Важное место в работах Гизо занимают вопросы об идейных истоках революции. В работе «Три поколения» Гизо выделял три основные идеи, доминировавшие в обществе накануне и в ходе революции и, по его мнению, оказавшиеся ложными: «никто не должен повиноваться законам, с которыми он не согласен»; «легитимная власть – это власть численного большинства»; «все люди являются равными»²⁵⁶.

Первая идея, по мнению Гизо, является деструктивной для власти и ведет к анархии. Гизо, как это часто он делал, обращается к примеру семьи: разве законам, устанавливающим власть и повиновение в семье, дети всегда охотно и добровольно подчиняются? Повиновение авторитету родителей, по мнению Гизо, – это нравственный долг, без чего не было бы самой семьи. Те же процессы, по его мнению, происходят и в обществе: разве законы, даже в самых свободных странах, являются предметом постоянного обсуждения и оспаривания? Ведь какими бы правильными и справедливыми они ни были, в обществе всегда найдутся люди, которые будут действовать вопреки закону. А если так будут поступать все члены общества, то это приведет к анархии. Гизо полагал, что большинство людей испытывает обязанность повиноваться законам вследствие

²⁴⁸ Гизо Ф. История Английской революции. Т. 1–3. СПб., 1868. Т. 1. С. 78.

²⁴⁹ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. СПб., 1892. С. 6.

²⁵⁰ Там же. С. 7.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Бутенко В.А. Указ. соч. С. 332.

²⁵³ Guizot F. Trois générations. P. 18.

²⁵⁴ Ibid. P. 19.

²⁵⁵ Ibid. P. 21.

²⁵⁶ Ibid. P. 31.

не своих желаний, а «справедливости и мудрости, присущих законам и власти»²⁵⁷. Хотя скорее люди соблюдают закон из-за страха ответственности и наказания за его нарушение. В этих рассуждениях Гизо есть что-то и от патриархальной теории происхождения королевской власти, и от Николло Макиавелли. Итак, Гизо был убежден, что законы должны быть обязательными для всех, и все члены общества должны быть равными перед ними. В то же время, он отмечал, что «люди имеют право на справедливые законы (то есть равные для всех. – Т.Н.), на справедливый порядок, и, следовательно, на учреждения, которые им это будут гарантировать»²⁵⁸. В этом, по мнению Гизо, заключается цель и высший закон общества.

Утверждение о том, что законной является только власть численного большинства, Гизо считал разрушительным для свободы; власть не может и не должна принадлежать численному большинству: «справедливость и мудрость не всегда встречаются в желаниях численного большинства»²⁵⁹. Разве в большинстве, спрашивает Гизо, сосредоточены все нравственные добродетели, все человеческие идеалы? Большинство – это безличная и посредственная масса, а власть должна принадлежать людям наиболее способным и достойным.

Идея равенства людей, с точки зрения Гизо, являлась разрушительной для прогресса общества. Да, люди являются равными от природы, и «это природное сходство предоставляет им права, равные и священные для всех»²⁶⁰. Но, с другой стороны, продолжает Гизо, люди являются неравными по своим способностям, задаткам, чертам характера, талантам, добродетелям. Соответственно, существуют права, распределяющиеся согласно неравенству, существующему в обществе, согласно заслугам каждого отдельного человека. К числу таких прав относятся политические права, в том числе избирательное право. Именно это неравенство людей, по мнению Гизо, «является одной из самых могущественных причин, притягивающих людей друг к другу, делающих их необходимыми друг для друга, и, таким образом, формирующих общество»²⁶¹. Итак, он полагал, что все люди являются равными в том отношении, что они –

люди, и что они равны перед законом, но в то же время физически и психологически люди отнюдь не равны. Таким образом, естественноправовую теорию Гизо рассматривал только с точки зрения юридического права, в смысле равенства перед законом.

В условиях антипросветительской реакции, наблюдавшейся во Франции в годы Реставрации, позиция Гизо по отношению к Просвещению не могла быть однозначной. С одной стороны, либералы XIX века – это наследники идей умеренного Просвещения, прежде всего, Ш.-Л. Монтескье. С другой стороны, Гизо выражал свое несогласие с важнейшими идеями Просвещения, выделяя три главные ошибки философов-просветителей: волонтаризм, теорию народного суверенитета, и, что менее понятно, теорию общественного договора. Гизо был не согласен с концепцией «благородного дикаря» Ж.-Ж. Руссо, считая ложной саму веру во всемогущество человека, в то, что человек является хозяином общества и самого себя²⁶². Гизо отмечал, что человек «способен одновременно и на хорошее, и на плохое, он одновременно и свободен, и зависим»²⁶³. Если человек забывает это, он неправильно оценивает самого себя и не может верно определить свое место в мире; он забывает Бога и ставит себя на его место. Именно в плену этого заблуждения пребывало, по мнению Гизо, «поколение 1789 года»: «Это здесь яд, который так быстро отравил благотворный источник французской революции и примешал столько зла к таким превосходным замыслам и надеждам»²⁶⁴. Поэтому Гизо предостерегал своих соотечественников от абсолютизации любых политических доктрин. В «Истории цивилизации в Европе» он отмечал: «...Человеческий дух достиг почти абсолютной власти, в свою очередь, он возымел чрезмерное доверие к самому себе...»²⁶⁵ Как следствие, «...обладание неограниченной властью имело в это время пагубное влияние на человеческий дух, он свратился с истинного пути своего, с презрением и ненавистью стал относиться к действительным фактам и общепринятым идеям, а эта незаконная ненависть привела его к заблуждению и тирании»²⁶⁶.

Принимая Революцию как закономерное историческое явление, обусловленное серьезными причинами, Гизо отвергал сопрово-

²⁵⁷ Ibid. P. 36.

²⁵⁸ Ibidem.

²⁵⁹ Ibidem.

²⁶⁰ Ibid. P. 37.

²⁶¹ Ibidem.

²⁶² Ibid. P. 39.

²⁶³ Ibid. P. 40.

²⁶⁴ Ibid. P. 41.

²⁶⁵ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. С. 261.

²⁶⁶ Там же.

ждавшие ее произвол и насилие. Он отмечал разительный контраст между первыми шагами революции и ее дальнейшим развитием, «между надеждами сегодняшнего дня и тем спектаклем, который развернулся на завтра. Какие расстояния, какая пропасть между 1789 и 1793 годом! Всего за четыре года Франция одолела этот путь и упала в бездну в тот самый момент, когда она уже стучалась в двери рая, созданного своими собственными руками!»²⁶⁷ Гизо спрашивал себя: «Как такая невероятная катастрофа не оставила после себя только впечатление страха и ужаса?.. Как столько ужасных, сумасшедших и абсурдных преступлений, столько неслыханных страданий и возмутительных ударов по человеческой совести, человеческому сердцу и здравому смыслу могли быть так сглажены и почти прощены... так воспеты в литературе и живописи, так обольщали и пленяли человеческое воображение?..»²⁶⁸ Обобщая особенности развития революции как таковой, Гизо сделал вывод о том, что революции являются глубоко несовершенными, даже самые благоприятные из них. Люди, «делавшие» революцию, были, по мнению Гизо, далеко не идеальными: «...большинство было, по правде говоря, только людьми посредственными и простыми... декламаторами, упивавшимися своими собственными речами, или же были злобными и завистливыми заговорщиками»²⁶⁹. Он подчеркивал, что революция неизбежно подвергается опасности захлебнуться в крови; революция «...сама по себе уже есть беспорядок, страстный и безвестный, который ввергает общество в великие бедствия, великие опасности, великие злодеяния»²⁷⁰. Гизо повторял: какой бы необходимой и закономерной ни была революция, она «подвергает общество великим смутам, и оно долгое время остается в положении шатком и опасном»²⁷¹.

Гизо продолжал развивать мысль Руайе-Коллара и вообще французских либералов начала XIX века о переплетении созидательных и разрушительных тенденций в революции. Он был категорически не согласен с теми приверженцами Старого порядка, для которых само слово «революция» стало синонимом преступления, безумия, бедствия, которые не признавали в «этих вулканических потрясе-

ниях человеческих обществ никакого хорошего принципа, никакого положительного результата»²⁷². Руайе-Коллар был прав, утверждая, что революция «совершила много отрицательного, но и много положительного; она была источником многих заблуждений, но и являлась также отправной точкой многих истин»²⁷³. Для всех доктринеров была характерна идея Гизо, высказанная им с преподавательской кафедры: революция – это высшая стадия многовековой эволюции, нашедшая свое завершение в обществе равенства перед законом и преобладания средних классов. Ш. Ремюза писал: «Говорить только о зле, совершавшемся революцией, – это абсурд. Она была закономерна, но почти всегда была не права в своих действиях»²⁷⁴. Осуждая якобинский террор, Гизо, чей отец погиб на гильотине, писал: «Террор погубил революцию. Но террор – это не вся революция, он был случаем, которого могло и не быть»²⁷⁵ (хотя Гизо полагал, что в ходе каждой революции выявляются и консолидируются деятели, являющиеся приверженцами экстремистских взглядов).

Гизо постоянно подчеркивал: какими бы благими целями не руководствовалась революция, к каким бы идеалам она ни призывала, она была войной. Война привела к победе: победе равенства над привилегиями, третьего сословия над дворянством и духовенством²⁷⁶. Французский политический деятель конца XIX в. Жюль Симон отмечал, что Гизо был «пылким другом революции 1789 года и пылким врагом революции 1793 года»²⁷⁷. Сам Гизо отмечал: «Мудрая революция меня возвысила, и я не хочу опускаться», но «революция жестокая меня поразила, она разрушила мою страну; я не хочу ей позволить возродиться»²⁷⁸.

Поэтому реальный смысл революции заключался для Гизо в том, чтобы завершить ее, то есть поддержать революцию в принципах 1789 года и воспроизвести некий эквивалент Славной революции в Англии. П. Розанваллон верно отмечал, что Гизо пытался интегрировать в новое общество позитивные моменты революции (свободу и равенство перед законами) и отбросить негативные (якобинский

²⁶⁷ Guizot F. *Trois générations*. P. 46.

²⁶⁸ Ibidem.

²⁶⁹ Ibid. P. 47.

²⁷⁰ Гизо Ф. История Английской революции. Т. 1. С. 75.

²⁷¹ Там же. С. 80.

²⁷² Guizot F. *Trois générations*. P. 49.

²⁷³ Bagge D. *Op. cit.* P. 100.

²⁷⁴ Girard L. *Les libéraux français. 1814–1875*. Paris, 1985. P. 72.

²⁷⁵ Ibid. P. 73.

²⁷⁶ Guizot F. *Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du Ministère actuelle*. P. 138.

²⁷⁷ Simon J. Thiers, Guizot, Rémusat. Paris, 1885. P. 256.

²⁷⁸ Ibid. P. 256–257.

террор и наполеоновскую диктатуру)²⁷⁹, хотя отношение Гизо к Наполеону I и его режиму было далеко не однозначным. Гизо восхищался 1789 годом как величайшей датой социальной эмансипации среднего класса, но он ненавидел, как отмечал Франсуа Фюре, нескончаемый поток политических насилий, сопровождавших революцию. Гизо, по справедливому замечанию Фюре, настаивал на необходимости фиксировать государственные учреждения во Франции, вместо того, чтобы их постоянно изменять²⁸⁰.

Выделяя положительные и отрицательные стороны революции, Гизо считал, что она была права в своих принципах и своих намерениях: «рассматриваемая с этой точки зрения, она предполагала ввести справедливость, то есть власть нравственного закона в отношении граждан между собой и в их отношении с правительством»²⁸¹. Но, если рассматривать революцию как событие, имевшее дату начала и конца, то революция, по мнению Гизо, была реваншем, триумфом и местью большинства, долгое время угнетаемого господствовавшим меньшинством²⁸². Революция стремилась к установлению справедливости, и в то же время была упорной ожесточенной борьбой: «Справедливость для всех, но война против некоторых – это неизбежное следствие революции»²⁸³.

«Что же случилось с революцией?» – задается вопросом Гизо. «Первые и единокорные надежды были обмануты, вместо гармоничного прогресса французского общества в недрах политической свободы во Франции разразилась гражданская война, свободу сменила тирания; различные классы и партии устали от разрушения и саморазрушения; победители бродят, шатаясь, среди созданных ими самими развалин; они бы хотели остановиться, но не могут. Старого порядка уже не существовало, а нового еще не существовало; национальная независимость, без конца героически защищаемая, постоянно подвергалась опасностям»²⁸⁴. И в это самое время «явился Бонапарт, чтобы скоро стать Наполеоном»²⁸⁵. Именно он, по мнению Гизо, совершил то, к чему тщетно взывала Франция при

²⁷⁹ Rosanvallon P. Op. cit. P. 62.

²⁸⁰ Furet F. La Révolution de Turgot à Jules Ferry. 1770–1880. Paris, 1988. P. 358.

²⁸¹ Guizot F. Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du Ministère actuelle. P. 139.

²⁸² Ibid. P. 139.

²⁸³ Ibid. P. 140.

²⁸⁴ Guizot F. Trois générations. P. 55–56.

²⁸⁵ Ibid. P. 56.

терроре: произошла «реакция революции против самой себя»²⁸⁶, то есть «консолидация важнейших завоеваний революции с отказом от некоторых ее самых законных чаяний и самых возвышенных надежд»²⁸⁷.

Если современные исследователи склонны ограничивать Французскую революцию 1799 годом, то Гизо считает период с 1789 по 1799 г. лишь первым этапом революции. Второй этап – это эпоха Консульства и Империи (1799–1814). Для Гизо, при его неоднозначной оценке личности Наполеона, годы Консульства и Первой империи явились наивысшим этапом революции, когда произошло упрочение ее основных завоеваний.

В отношении к самому Наполеону ярко проявилась оценка Гизо роли личности в истории: «В кризисные моменты своей истории народы не могут обойтись без великого человека... Когда он пришел... Франция признала в нем того, кого она ждала. Он шел вперед, она следовала за ним»²⁸⁸. Заслуга Наполеона, по мнению Гизо, состояла в том, что он восстановил во Франции «социальную конструкцию», то есть создал органы государственного правления, преодолев анархию и разрушение. Наполеон, по словам Гизо, сумел возвести на революционных руинах органы новой французской государственности, взяв все лучшее, что было создано в годы революции; он сумел реабилитировать и упрочить во Франции государственную власть, «пережившую упадок и деградацию»²⁸⁹.

Гизо полагал, что обладал инстинктом и даром управлять людьми: «Власть возрождалась и крепла в той мере, в какой возвышался сам Наполеон; это была власть персонифицированная»²⁹⁰. Конкордат, заключенный Наполеоном в 1802 г., Гизо считал ярким доказательством нравственного гения и практического здравого смысла Наполеона: он правильно понимал «служебную» роль церкви в государстве²⁹¹. Эта идея о гармоничном взаимодействии церкви и государства была очень характерна для Гизо.

Почему же империя Наполеона рухнула? Ответ для Гизо однозначен: Наполеон, как и его предшественники, пренебрегал

²⁸⁶ Ibidem.

²⁸⁷ Ibidem.

²⁸⁸ Ibid. P. 57.

²⁸⁹ Ibid. P. 65.

²⁹⁰ Ibidem.

²⁹¹ Ibid. P. 66.

правами и свободами человека. Для него политическая свобода – это единственная эффективная гарантия безопасности частных интересов, право – это единственная эффективная гарантия во взаимоотношениях между людьми, между обществом и органами власти, а также в международных отношениях²⁹². Историческая миссия Наполеона, по мнению Гизо, заключалась в том, чтобы продолжить революционные преобразования, и в то же время не допустить нового насилия; установить порядок в недрах общества и заставить уважать Францию на международной арене. Наполеон выполнил свою задачу «с гениальным успехом»²⁹³. Но, в то же время, продолжает Гизо, в своих действиях Наполеон руководствовался «фантазиями своих мыслей и страстей, и, вместо того, чтобы направить Францию в нужное ей русло, вовлек ее в новый виток крайностей и ужаса, в заблуждения революционного духа и анархии»²⁹⁴. Наполеон отступил от своей исторической роли, от задач, возложенных на него историей, он перестал выполнять общественные потребности.

И еще одна революция, Июльская, означавшая для Гизо возможность воплощения теоретических принципов в жизнь. Поэтому все дифирамбы достаются ей; Гизо – это настоящий певец Июльской революции, хотя, как известно, либералы ее не готовили, а совершил ее, прежде всего, парижский народ. Для Гизо Июльская революция явилась окончательной победой постреволюционной Франции над дореволюционной, окончательной победой среднего класса. Если общей целью всех революций, по мнению Гизо, была борьба с анархией или тиранией, борьба за осуществление важнейших социальных и политических реформ, которые абсолютная власть не смогла осуществить²⁹⁵, то характер и цели Июльской революции были совсем иными. Предпринятая от имени нарушенных Карлом X законов и с целью их защиты, она была призвана восстановить законный порядок, но одновременно наносила серьезный удар по королевской власти²⁹⁶. Революция, по мнению Гизо, не могла ограничиться простым восстановлением погрязших законов: она должна была осуществить «глубокие общественные преобразования и создать про-

чную и разумную власть»²⁹⁷. Умеренный либерал, Гизо подчеркивал консервативный оттенок этой революции: Франция «хотела революции, которая не была бы революцией, и которая дала бы ей, одновременно, порядок и свободу»²⁹⁸. Он отмечал значительное сходство Революции 1830 г. во Франции и Славной революции 1688–1689 гг., которая также, по его мнению, «была делом чистой обороны, и обороны вынужденной: в этом первопричина ее успеха»²⁹⁹. Славная революция была «точна и определительна в своих целях»³⁰⁰, она «не вызывалась изменять основы общественной жизни и судьбы человечества; она отстаивала известную веру, известные законы, положительные права, и этим ограничивались все ее притязания и помышления. Она произвела революцию гордую и в то же время скромную, которая дала народу новых вождей и новые гарантии, но которая, как скоро эта цель была достигнута, сочла себя удовлетворенною и остановилась, не желая чего-нибудь меньшего, но не имея притязаний и на большее»³⁰¹. Другая важная заслуга Славной революции, по мнению Гизо, заключалась в том, что она была совершена не народом, а «организованными политическими партиями, и при том организованными задолго до революции»³⁰². Тори и виги были образованы не для того, «чтобы ниспровергать установленный порядок: это были партии легального правления, а не партии заговора и восстания. Они были доведены до того, что изменили государственное правление; они родились не для этой цели и без труда возвратились к порядку...»³⁰³. При этом Гизо подчеркивал, что виги и тори действовали солидарно, а не боролись друг с другом, как это было во Франции в годы Революции конца XVIII в., или как это произошло после Июльской революции. Гизо был не согласен с утверждением, что Славная революция – это революция верхов, дело аристократии, революция антинародная³⁰⁴. Эта революция, по его мнению, была совершена в интересах всего общества, в ее ходе были осуществлены две важнейшие идеи: провозглашены гарантии личных прав всех членов общества и усилена роль парламента

²⁹² Ibid. P. 68.²⁹³ Ibid. P. 76.²⁹⁴ Ibidem.²⁹⁵ Ibid. P. 180.²⁹⁶ Ibid. P. 181.²⁹⁷ Ibidem.²⁹⁸ Ibid. P. 182.²⁹⁹ Гизо Ф. История Английской революции. Т. 1. С. 75.³⁰⁰ Там же.³⁰¹ Там же. С. 78.³⁰² Там же.³⁰³ Там же.³⁰⁴ Там же.

в управлении государством³⁰⁵. Славная революция, по мнению Гизо, была народной по принципам и результатам, но аристократической по исполнению и движущим силам. Английская нация была «доведена» до революции и прибегла к ней лишь как к крайней мере, «чтобы спасти свою веру, свои законы, свою свободу и осуществить ее с помощью «друзей порядка», а не «революционеров»³⁰⁶. «Дело английского народа восторжествовало через английскую аристократию»; в этом, по мнению Гизо, заключался «великий характер революции 1689 г.»³⁰⁷. Этого, сожалел Гизо, не произошло во Франции в 1830 г.; дух консенсуса и социальной гармонии, как и в годы Революции конца XVIII в., уступил место народным страстям; после победы Июльской революции согласие в стане победителей сменилось ожесточенной борьбой между сторонниками группы Движения, выступавшими за углубление революции и приверженцами группы Сопrotивления, убежденными, что необходимо остановиться на достигнутом.

Несмотря на то, что Июльская революция была для Гизо «самым разумным, самым тихим и кратким из этих потрясений»³⁰⁸, «восхищаясь такими всеобщими чувствами, такими проявлениями могущества разума... и героической сдержанностью», Гизо «содрогался, видя возвышающуюся и возрастающую, с минуты на минуту, огромную волну безумных идей, brutальных страстей, порочных поползновений, ужасных фантазий, готовых разразиться и все потопить»³⁰⁹. Июльская революция, подчеркивал Гизо, была совершена не «законной властью», а «народным восстанием»³¹⁰. «Вместе с изумительным возвышением народного духа тотчас же явилась и величайшая национальная опасность»: Франция снова подверглась опасности впасть в хаос революции. К счастью, продолжает он, «в это самое время, посреди хаотичного волнения, восстановилась политика порядка, сохранения законной свободы»³¹¹, проводимая группой Сопrotивления, перед которой стояла двойная задача: «одновременно бороться против стойких представителей старого французского общества и безрассудных детей нового, против ре-

ставрации и революции»³¹². Под политикой Сопrotивления Гизо понимал сопротивление «беспорядку, химерическим желаниям, революционным предприятиям»³¹³; эта политика, по его словам, осуществлялась «с единственным оружием – со свободой, не прибегая ни к каким исключительным законам, ни к каким жестокостям... уважая все права и свободы своих врагов»³¹⁴. Итак, революция должна быть завершена, Франция не нуждалась больше в нововведениях, она должна упрочить все то позитивное, что уже было достигнуто. Главный залог этого, по мнению Гизо, заключался в укреплении во Франции режима конституционной монархии, в синтезе традиции и современности. Как отмечал П. Розанваллон, во Франции было установлено равенство граждан перед законом и сохранен сам монархический принцип, то есть продолжена связь с предшествовавшей традицией; Июльская революция явилась «политическим компромиссом и историческим синтезом новой и старой Франции»³¹⁵.

Итак, полагал Гизо, современную Францию необходимо рассматривать как наследницу революции. Это наследие нужно принять с точки зрения положительных результатов революции, а не сопро-вождавшего ее экстремизма и насилия. Поэтому даже Революция 1848 г., приведшая к крушению Июльской монархии, к крушению политической карьеры и политических идеалов самого Гизо, не рассматривалась им как отклонение от поступательного развития общества. Оценивать опыт революции 1848–1849 гг. только негативно – это значит, для Гизо, разувериться во всей французской истории, во всей предыдущей традиции, и не только Франции, но и всей Европы³¹⁶. Эта революция, по его мнению, была также борьбой за свободу и прогресс в развитии цивилизации, как и Революция конца XVIII в.: «это те же намерения, те же идеи, часто даже те же формы и те же слова»³¹⁷. Революция 1848 г. – это та же борьба классов, «наполнявшая нашу историю»³¹⁸. Все это так, но, похоже, за этим обоснованием закономерности Революции 1848 г. наблюдается некоторое стремление сгладить свои собственные ошибки и просчеты...

³⁰⁵ Там же. С. 79.

³⁰⁶ Там же. С. 80.

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Guizot F. De la démocratie en France. P. 23.

³⁰⁹ Ibidem.

³¹⁰ Guizot F. Trois générations. P. 182.

³¹¹ Русский инвалид. 1847. 8 января.

³¹² Guizot F. Trois générations. P. 184–185.

³¹³ Ibid. P. 186.

³¹⁴ Ibidem.

³¹⁵ Rosanvallon P. Op. cit. P. 211.

³¹⁶ Guizot F. Trois générations. P. 222.

³¹⁷ Ibid. P. 46.

³¹⁸ Ibid. P. 35.

Что касается «классовой борьбы», то, как справедливо отмечал французский исследователь П. Триомф, некоторые страницы «О демократии во Франции» Гизо вполне могли бы быть написаны Карлом Марксом, признававшим Гизо и Огюстена Тьерри создателями классовой теории. Более того, продолжает П. Триомф, между Гизо и Марксом прослеживаются и другие параллели: «Оба автора имели сходное телеологическое представление об истории: для Гизо кульминацией являлась буржуазная монархия, для Маркса – диктатура пролетариата. Оба интересовались европейской цивилизацией, усматривая в ней цивилизацию универсальную. Несмотря на то, что они пришли к диаметрально противоположным выводам, концептуальный долг Маркса по отношению к Гизо очевиден...»³¹⁹.

ГЛАВА 4. ИЮЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ: ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ. ЗАКОН ГИЗО

Сразу же после Июльской революции в августе 1830 г. Гизо возглавил Министерство внутренних дел, но уже в сентябре 1830 г. вышел из его состава, будучи несогласным с левым, как ему представлялось, курсом правительства. В 1832 г. он получил портфель министра народного просвещения и на этом посту разработал очень важный закон о начальном образовании, вошедший в историю как «закон Гизо», а самого Гизо французские историки считают первым знаменитым во Франции министром народного просвещения. Кроме того, Гизо восстановил уничтоженную Наполеоном Академию нравственных и политических наук.

Гизо был убежден в необходимости теснейшей взаимосвязи социальных вопросов с проблемами воспитания и образования, отмечая: «...Невежество народа является источником многих зол, от которых страдает нация... Образование, если оно хорошее – это одновременно добродетель индивидуального и коллективного прогресса, даже если человек, пользующийся его плодами, еще не осознал потребности в нем...» Несмотря на обладание не самым важным министерским портфелем, уже тогда Гизо играл одну из ключевых ролей в политической жизни страны, являясь проводником в жизнь идей умеренного либерализма. Пост министра народного просвещения Гизо занимал четыре с половиной года, с 11 октября 1832 по 15 апреля 1837 г., с двумя перерывами: первый, в несколько дней, во время министерства Бассано; второй – в течение семи с половиной месяцев, во время министерства Тьера. Французский историк Фабьен Ребуль отмечал, что никто больше, чем Гизо, бывший издатель «Анналов образования», автор «Размышлений об истории

³¹⁹ *Triomphe P.* Op. cit. P. 84.

и современном состоянии образования во Франции», не признавал жизненной важности «правительства разума»³²⁰. По мнению исследователя, важные успехи в других отраслях политической и научной деятельности не помешали Гизо остаться в истории, в том числе как автору закона о начальном образовании от 28 июня 1833 г., который носит его имя, и как автору незавершенного проекта о среднем образовании 1836 г.

Выступления Гизо в правительстве и парламенте на тему народного просвещения становятся сразу педагогическими и политическими. Согласно ему, образование улучшает человеческую природу и может трансформировать само общество. Но оно является также составной частью политических институтов и отражает состояние общества. Он полагал, что после крушения Старого порядка и революционных потрясений необходимо было создать систему воспитания для новой Франции, которая не будет опираться «либо только на государство, либо на церковь, либо на просвещенную элиту, и не будет возлагать на одну из этих сил заботу воспитания и образования народа»³²¹. Новая система образования и воспитания должна основываться на содействии всех сил общества. Гизо отмечал, что французское общество после Июльской революции сильно отличается от того, каким оно было в 1789 г.; оно испытывает гораздо большую потребность в образовании.

Итак, Гизо подчеркивал важную социально-политическую роль народного просвещения в обществе. В условиях коренных изменений социально-политического строя перед Францией встали новые цели и задачи, для правильного решения которых было необходимо повысить уровень образования основной массы населения и на первом этапе дать хотя бы элементарные знания, что было особенно важно в условиях, когда основная масса населения, прежде всего крестьянство, была неграмотной.

Основное внимание Гизо уделял развитию начального образования. Феликс Понтей верно отмечал, что в представительном правлении определяющим является именно развитие начального образования. Представительное правительство не является таковым, если оно не занимается интеллектуальным, гражданским и нравственным воспитанием граждан. Начальное образование –

это лучший способ народного возрождения; оно является первейшей необходимостью с точки зрения экономической, политической и социальной³²².

Гизо подчеркивал – для того, чтобы улучшить материальное состояние народа, прежде всего, его необходимо просветить: «...Чтобы улучшить условия жизни людей, сначала надо очистить, укрепить и просветить их души»³²³. В этом вопросе Гизо стоял на позициях, близких просветителям. Но он подходил к этой проблеме не с абстрактной точки зрения, не просто как ученый-теоретик, а как активный практик, видя основное решение этой проблемы в коренной модификации системы начального образования. К тому же для Гизо решение вопроса о начальном образовании было теснейшим образом связано с разрешением социально-политических проблем. Гизо отмечал, что образование воспитывает стремление к знаниям, стимулирует жизнь низших и средних классов общества, прежде всего, буржуазии.

Гизо полагал – для того, чтобы начальное образование способствовало социальной стабильности в обществе, оно должно быть теснейшим образом связано с религиозным воспитанием: «...Необходимо, чтобы народное образование осуществлялось в недрах религиозной атмосферы, чтобы религиозные традиции и впечатления проникали сюда... Религия не является предметом для изучения или упражнения, которой определено свое место и свой час; это вера, закон, который должен везде и постоянно чувствоваться и который существует только такой ценой...»³²⁴

Гизо доказывал, что взаимодействие государства и церкви в деле народного образования являлось не предположением, основанным на моральных рассуждениях, а исторически доказанным фактом. Только в тех странах и в те времена народное просвещение по-настоящему процветало, где либо церковь, либо государство, либо, еще лучше, одно и другое вместе сделали это своим долгом. Пример Голландии, Германии, США свидетельствуют об этом: «Необходимо в этой работе влияние власти всеобщей и постоянной, какой является власть государства и его законов, или власти моральной,

³²⁰ François Guizot et la Culture politique de son temps. P. 163.

³²¹ Guizot F. Mémoires... V. 3. P. 54.

³²² Histoire général de l'enseignement et de l'éducation en France. V. 1–4. Paris, 1981. T. 1. P. 189–190.

³²³ Guizot F. Mémoires... V. 3. P. 55.

³²⁴ Ibid. V. 3. P. 63.

езде присутствующей и постоянной, какой является власть церкви и ее ополчения»³²⁵.

Гизо тщательно занимался разработкой законопроекта, он изучал опыт других стран, прежде всего, Германии, Швейцарии, Голландии и предыдущий французский опыт. Он писал: «Когда внимательно смотришь на то, что произошло в деле народного просвещения с 1789 по 1832 г., поражаешься сразу мощью идеи и тщетностью попыток ее реализации». Гизо писал, что этот вопрос занимал всех людей, управлявших или пытавшихся управлять Францией. С 1792 по 1795 гг. Конвент издал семь декретов, которые постановили, что повсюду будут созданы начальные школы и предписывали, чем они будут – «слова бесплодные, и, однако, искренние»³²⁶. В годы Первой Империи мало занимались и мало говорили о начальном образовании; Наполеона больше интересовало среднее образование. В годы Реставрации «возобновились великие политические битвы»: Руайе-Коллар и Кувьер пытались увеличить число начальных школ, улучшить их состояние; по их предложению король издал ордонансы, направленные местным властям в целях содействия начальному образованию. В это же время были сделаны попытки применения новых методов обучения: системы взаимного, синхронного обучения; методы ланкастерской школы.

В 1816 г. Людовик XVIII учредил в каждом кантоне для контроля за народным просвещением благотворительный комитет, в который входили старший по возрасту священник и мировой судья. Всякий, желавший открыть школу, должен был иметь свидетельство о добропорядочном поведении и обладать специальным дипломом, быть представлен мэром и священником коммуны, утвержден благотворительным комитетом и, наконец, назначен ректором (в период с 1824 по 1830 гг. право назначения учителей было передано «департаментскому комитету» под председательством епископа).

Народные учителя, принявшие на себя обязательство заниматься педагогической деятельностью в течение десяти лет, освобождались от военной службы (по закону 1818 г.). Для подготовки народных учителей правительство Реставрации открыло несколько «низших нормальных школ», но для пополнения кадров оно, главным образом, рассчитывало на религиозные конгрегации. С 1821 по 1826 г.,

как отмечал Гизо, Корбьер, министр народного просвещения, подписал восемь ордонансов, разрешавших открытие в четырнадцати департаментах религиозных конгрегаций, ведавших начальным образованием, и нескольких новых школ. Чтобы получить право заниматься педагогической деятельностью, члены религиозных конгрегаций не нуждались в дипломах, выдававшихся ректором; для них было достаточно получить у приора ордена «свидетельство о послушании». Такая несовершенная система имела ничтожные результаты: в 1833 г. большинство коммун не имели народных школ.

Важнейший вопрос, который предстояло решить – вопрос о всеобщности и обязательности начального образования: «Нужно ли было сделать начальное образование абсолютной обязанностью для всех детей, которую закон налагал бы на всех родителей и устанавливал бы некоторые наказания в случае пренебрежения им, как это практиковалось в Пруссии и в большинстве германских государств»³²⁷. Гизо, объясняя причины этого, отмечал, что всеобщее и обязательное начальное образование «существует только у народов, до этого мало требовательных в деле свободы; оно родилось у них как продолжение Реформации XVI века... когда гражданская власть в предметах религиозных, или стоящих рядом с ними, являлась высшей властью». У свободных же народов, в том числе и у французов, где после 1830 г. светская и духовная власть являются независимыми, это условие плохо приспособляется к действительности: «Там, где традиции этого не санкционируют, законы терпят неудачу...» Гизо приводит в пример Великобританию: «народное образование является там объектом внимания и настойчивых усилий со стороны национальных и муниципальных властей, однако никто не предлагает повелевать родителями абсолютно и через закон». Начальное образование достигло больших успехов и в Соединенных Штатах; по мнению Гизо, отдельные штаты и частные ассоциации пошли на большие жертвы, чтобы увеличить число школ и улучшить их состояние; но они «...не мечтают проникнуть внутрь семьи, чтобы там силой рекрутировать учеников»³²⁸.

Следующий важный вопрос, стоявший на повестке дня – это вопрос о свободе образования, то есть о свободной конкуренции частных и государственных школ, светских и духовных. Гизо отмечал,

³²⁵ Ibid. V. 3. P. 60.

³²⁶ Ibid. V. 3. P. 56–57.

³²⁷ Ibid. V. 3. P. 61.

³²⁸ Ibid. V. 3. P. 61–62.

что на этот счет не могло быть двух мнений: Хартия гарантировала свободу образования. В то же время, полагал Гизо, не могло быть и речи о том, чтобы начальное образование было полностью отдано частным школам. Он писал: «Здесь необходимо действие государства. Свободная конкуренция государственных и частных школ, открывавшихся на одинаковых основаниях, это все, на чем настаивали самые требовательные либералы, и то, с чем соглашались самые осторожные сторонники власти».

Большие споры вызвал вопрос о бесплатности обучения. Гизо отмечал, что оно было «всеобщей мечтой»³²⁹. В Конституции 1791 г. говорилось о бесплатности начального образования; Национальный Конвент, поддержав этот принцип, установил минимум жалования учителям в тысячу двести ливров. Как отмечал Гизо, «опыт показал бесплодность этих обещаний, столь же мало основанных на праве, сколь и невозможных для реализации»³³⁰. Поэтому, полагал он, государство должно предложить обучение всем детям, но сделать его бесплатным только для тех, кто не в состоянии платить за него.

Именно эти положения лежали в основе проекта Гизо. Он предусматривал создание двух степеней начального образования: первая – элементарное, «необходимое повсюду, в самых отдаленных деревнях и для людей самого низкого социального положения», вторая – высшее начальное образование, предназначенное для городского населения, «которое по своим нуждам и вкусам относилось к более сложной, более богатой и более требовательной части общества»³³¹. Гизо предполагал строго ограничить элементарное образование самыми простыми знаниями, а начальное высшее образование сделать более разнообразным и объемным.

Один из самых важных аспектов нового законопроекта – это вопрос о подготовке кадров, учителей для начальных школ. Гизо заимствовал систему нормальных начальных школ, первый опыт которых был опробован во Франции в 1810 г.; к 1833 г. насчитывалось 47 таких учреждений. Гизо сделал такую систему «обязательной и всеобщей». Он писал: «При современном состоянии и при существенно светском характере нашего общества, это является единственной возможностью иметь для начального образования учителей, подго-

товленных для своей миссии»³³². Гизо отмечал, что создавая систему начальных нормальных школ, он был далек от мысли ликвидировать второй источник пополнения школы учителями – религиозные конгрегации. В «Мемуарах» мы читаем: «...я желал, напротив, чтобы они широко развивались, и чтобы между ними и нормальными светскими школами установилось славное содействие»³³³. Гизо даже намеревался пойти дальше и содействовать общественному признанию и уважению религиозных конгрегаций, посвятивших себя начальному образованию. В итоге закон от 28 июня 1833 г. превратил институт коммунальных учителей в общественное учреждение и интегрировал их в Университет, то есть в общую систему образования. Как отмечал Ф. Ребуль, таким образом, учителя, являясь представителями правительства, установили бы на местах моральное влияние в народной среде, в котором правительство нуждалось больше, чем во власти сборщиков налогов, полицейских комиссаров и жандармов³³⁴.

Проект закона о начальном образовании был представлен в Палате депутатов 2 января 1833 г. Гизо, недавно перенесший болезнь, еще не мог сам прочитать свою речь. За него это сделал его коллега Ренуар.

Проект содержал два важнейших принципа: утверждение свободы начального образования и создание общенародного начального образования, которого фактически не существовало. Это была одна из самых ярких речей, написанных Гизо. Однако проект натолкнулся на враждебность «католической правой», поскольку церковь хотела сохранить свою монополию в начальном образовании и крайней левой, выступившей против свободы образования, видя в этом угрозу создания монополии церкви.

Именно по вопросу о религии в школе Гизо лично выступил при обсуждении проекта. Выше отмечалось, что он полагал, по соображениям нравственным и социальным, что школа должна оставаться связанной с церковью, и начальное образование должно сочетать нравственное и религиозное воспитание. В Палате депутатов «католическая правая» утверждала, что начальная школа должна зависеть только от церкви. Большинство палаты стремилось сократить

³²⁹ Ibid. V. 3. P. 63.³³⁰ Ibidem.³³¹ Ibid. V. 3. P. 65.³³² Ibid. V. 3. P. 66.³³³ Ibid. V. 3. P. 67.³³⁴ François Guizot et la Culture politique de son temps. P. 166.

влияние церкви и ограничить ее свободу. Гизо предложил сохранить существующую систему освобождения от необходимости получения «диплома способностей» для членов духовных конгрегаций. Большинство палаты отклонило это предложение и настаивало также на необходимости исключения религиозной программы из сферы школьного обучения.

Проект Гизо предусматривал создание в каждой коммуне «Коммунального комитета начального образования», в котором участвовал бы и кюре. Задачи комитета – наблюдать за школой и представлять утверждение преподавателей перед министром народного просвещения. Палата депутатов в первом чтении проголосовала за упразднение коммунального комитета, но Палата пэров восстановила его; во втором чтении Палата депутатов утвердила это положение (Гизо отмечал, что ему пришлось приложить для этого максимум усилий)³³⁵. Палата отклонила проект образования для девочек, поставленного под контроль женских конгрегаций.

В целом, несмотря на все разногласия, закон был принят без существенных изменений и вошел в историю как «закон Гизо».

По этому закону каждая коммуна должна была содержать светскую или конгрегационную, то есть приходскую школу на свои собственные средства или сообща с соседними коммунами. При каждой школе создавался коммунальный наблюдательный комитет, а в главном городе округа – окружной комитет. Учителя должны были представить свидетельство о нравственности, выданное мэром их коммуны и обладать аттестатом на звание народного учителя низшей или высшей степени. Только народные учительницы из монахинь могли представить вместо этих документов выданное приором свидетельство. Закон предоставлял народным учителям квартиру, жалованье и пенсию³³⁶. В случае недостатка обычных коммунальных расходов, выделяемых на эти нужды, были утверждены два специальных налога, один – муниципальным, другой – генеральным советом департамента. «Если же этих местных налогов будет недостаточно, министр народного просвещения должен будет восполнить дефицит посредством дотации, выделяемой из кредита, который ежегодно предоставляется начальному образованию из бюджета государства».

³³⁵ Guizot F. Mémoires... V. 3. P. 70.

³³⁶ Лавуассе Э., Рамбо А. Указ соч. Т. 3. С. 412.

После совещания с министром внутренних дел Тьером, Гизо направил префектам и ректорам детальные инструкции, разъяснявшие их полномочия в «деле исполнения нового закона и условий его гармоничного развития»³³⁷. Гизо писал, что он сделал шаг дальше: по его просьбе Тьер подготовил распоряжение, согласно которому ежегодно в каждом департаменте начальное образование будет объектом особых статей местного бюджета и отчет об этом будет ежегодно передаваться министру народного просвещения.

На места, для самих учителей, Гизо направил обстоятельное письмо, датированное 18 июля 1833 г., которое было составлено Ш. Ремюза. Г. Брой так отзывался об этом письме: «...Этот изящный текст элегантно языка и благородной мысли возвышал в преподавателе чувство достоинства от его новой миссии, ее социальной важности, способствовал росту его личной ответственности за детей...»³³⁸.

Сам Гизо высоко оценивал значение этого закона. В обращении к учителям отмечалось: «Этот закон... воистину является Хартией начального образования, и поэтому я желаю, чтобы он дошел до вашего сведения и использовался всеми преподавателями. Если вы осмысленно его изучите, если вы внимательно поразмышляете над его положениями... вы будете обеспечены знанием своего долга и своих прав...» Обращаясь к преподавателям, Гизо подчеркивал важность их скромной ежедневной миссии: «...Хотя карьера учителя начальной школы очень скромна, хотя его заботы и его время чаще всего ограничены пределами коммуны, его труд интересует все общество, он осуществляет очень важную общественную функцию»³³⁹. Гизо четко проводил мысль, что образование имеет общегосударственную необходимость и интерес, что государство весьма заинтересовано в развитии народного просвещения: «не только для коммуны и в чисто местных интересах закон желает, чтобы все французы получили, если это возможно, знания, необходимые для общественной жизни и без которых ум человека слабеет и иногда огрубевает; это также важно для самого общества и в общегосударственных интересах, потому что свобода может быть гарантированной и стабильной только у народа достаточно просвещенного, который способен

³³⁷ Guizot F. Mémoires... V. 3. P. 72.

³³⁸ Broglie G. Guizot. P. 159.

³³⁹ Guizot F. Mémoires... V. 3. P. 344.

при всех обстоятельствах внимать голосу разума». Всеобщее начальное образование, отмечал Гизо, будет одной из гарантий социального порядка и социальной стабильности³⁴⁰.

Гизо сравнивал заботу учителя о детях с отеческой заботой и власть учителя с властью отца в семье: «Учитель призван отцом семьи к разделу его естественной власти; он должен ее исполнять с той же бдительностью и почти с той же нежностью. Не только жизнь и здоровье детей подчинены его заботам, но воспитание их души и ума зависит от него почти полностью».

Особенно Гизо подчеркивал роль морального фактора в деле воспитания; он отмечал, что это «самая важная и самая трудная часть» миссии учителя. Он писал учителям: «...Доверяя вам ребенка, каждая семья просит вас возвратить его порядочным человеком, а страна – хорошим гражданином. Знайте: добродетели не всегда следуют за просвещением, и уроки, полученные в детстве, могут стать печальными, если они были обращены только к разуму». Гизо перечисляет основные нравственные принципы, которые учитель должен развивать в детях в процессе обучения и воспитания: «Вера в Провидение, святость духа, подчинение родительскому авторитету, уважение законов и прав...»³⁴¹.

В целях улучшения воспитания детей, большое внимание Гизо уделял проблеме взаимоотношений семьи и школы. Он считал, что учитель должен часто общаться с родителями своих учеников, при этом отношения с ними должны быть доброжелательными, иначе «...власть над детьми будет скомпрометирована, и плод его уроков будет для них потерян»³⁴². Чтобы установить постоянные отношения между министерством и образовательным корпусом, в октябре 1832 г. Гизо организовал публикацию «Всеобщего учебника начального образования» – периодического сборника, который содержал основные документы педагогического плана, знать которые было необходимо преподавателям на местах. В докладе на имя короля от 19 октября 1832 г. Гизо отмечал, что сборник должен содержать: публикацию всех документов относительно народного просвещения во Франции; публикацию всего того, что достигнуто в этой сфере за рубежом;

анализ работ, посвященных народному просвещению; конкретные советы и указания³⁴³.

Три недели спустя после опубликования закона Гизо направил его 39 300 учителям, сопровождая его письмом. Он получил 13 850 ответов, которые дали ему основание думать, что он «не напрасно стучал в двери этих скромных жилищ, где тысячи невежественных детей должны встретиться с незнакомым им человеком, и для большинства из них вступить в единственную школу в их жизни»³⁴⁴.

В июле 1833 г. Гизо создал должность генерального инспектора всех начальных школ королевства, общественных и частных. Он писал: «Я не хотел контролировать только внешние или материальные дела, являющиеся предметом статистического исследования в деле народного образования, такие как численность школ, учеников, их возраст, расходы; в особенности я поручил инспекторам изучать внутренний режим школ, пригодность, старание, поведение учителей, их отношения с учениками, их семьями, местными властями, гражданскими и церковными, моральное состояние начальных школ...»³⁴⁵. 490 человек, большинство из которых – чиновники различных уровней Университета, занимались этим вопросом в течение четырех месяцев. Они посетили 33 460 школ; отчеты были отправлены Гизо. Через два года по его предложению королевский ордонанс изменил статус этих инспекторов, превратив их из временных в постоянных представителей власти на местах.

Как верно отмечал французский исследователь Г. де Брой, не было ни одного аспекта в деле народного просвещения, который бы не привлек внимания Гизо. Он планировал бесплатно предоставить школам азбуки, учебники по чтению и орфографии, грамматике, географии, нравственному и религиозному образованию. Ремюза в своих «Мемуарах» подчеркивал ту тщательность, с которой Гизо относился к исполнению закона 1833 г. Впервые Гизо оставил свои теоретические занятия и попытался трансформировать социальную реальность на самой дорогой его сердцу почве, на почве образования. По словам Г. де Броя, он одновременно выполнял теоретическую, правительственную и административную работу³⁴⁶.

³⁴⁰ Ibid. V. 3. P. 344–345.

³⁴¹ Ibid. V. 3. P. 348.

³⁴² Ibid. V. 3. P. 349.

³⁴³ Ibid. V. 3. P. 341.

³⁴⁴ Ibid. V. 3. P. 75.

³⁴⁵ Ibid. V. 3. P. 76–77.

³⁴⁶ Broglie G. Guizot. P. 160.

Каковы были результаты политики в сфере начального образования? 15 апреля 1834 г., меньше чем через год после утверждения закона от 28 июня 1833 г., Гизо представил Луи Филиппу отчет о его исполнении в детальном докладе. В течение этого года число начальных школ для мальчиков увеличилось с 31 420 до 33 695; количество учеников в них увеличилось с 1 200 715 до 1 654 828. В 1 272 коммунах были построены, приобретены или полностью отремонтированы школьные здания. Для подготовки учителей было учреждено 15 новых «нормальных» школ. К концу 1848 г. число начальных школ для мальчиков увеличилось до 43 514; количество учеников, обучаемых в них, – до 2 176 079; количество школьных зданий – с 10 316 до 23 761. Число «нормальных» школ увеличилось до 77³⁴⁷.

Главная задача Гизо заключалась в «генерализации» начального образования. Она включала в себя следующие принципы: свобода, дававшая простор конкуренции; децентрализация, вследствие которой начальное образование поручалось местным органам; вмешательство государства, впервые интегрировавшее начальное образование в университетский корпус и гарантировавшее его всем³⁴⁸.

Между тем на практике некоторые из этих принципов трансформировались. Хотя обязанности образования не существовало, в коммунах публиковались специальные списки с фамилиями родителей, не посылавших своих детей в школу. Закон не устанавливал бесплатного начального образования, но предполагал бесплатное обучение для бедных детей за счет коммуны. Однако точных предписаний по этому вопросу выработано не было.

Начальное образование соединялось в связанную систему. В каждой коммуне была своя начальная школа, свой учитель; в каждом городе, насчитывающем не менее 6 тыс. жителей или в главном городе кантона создавалась начальная высшая школа по немецкому образцу; в каждом департаменте – «нормальная» школа для подготовки будущих учителей. Для управления начальным образованием создавались: коммунальный совет, состоящий из мэра, кюре (или пастора) и трех муниципальных советников; совет округа, состоявший из префекта, судьи, кюре, генерального советника; департаментская комиссия, выдававшая

дипломы, подтверждавшие способности преподавателей, а также дипломы директорам школ³⁴⁹.

«Соль» реформы заключалась в изменении положения преподавателя. Он становится важным лицом в коммуне, чиновником, интегрированным в Университет, получавшим фиксированную зарплату в 200 франков в год от государства и вознаграждения, вносимые родителями согласно таксе, установленной муниципальным советом.

На практике реформа столкнулась с большими трудностями. Преподаватели чаще всего были людьми посредственными, плохо знавшими предмет, который они собирались преподавать. Жалование для новых учителей было недостаточным, что не способствовало привлечению квалифицированных специалистов. Учитель оказывался изолированным, подчиненным местным властям, без возможностей какого-либо изменения или повышения. Учителя часто имели дополнительные заработки: имели ферму, занимались торговлей, держали лавки, постоянные дворы, даже кабаки³⁵⁰. Коммуны зачастую противились открытию школ; родители не пускали детей учиться во время полевых работ³⁵¹.

За годы Июльской монархии значительно вырос бюджет министерства народного просвещения. В 1832 г. он составлял 7 883 803 франков, в 1835 г. – 12 371 527 франков, в 1837 г. – 13 826 460; в 1847 г. – 19 269 438 франков, то есть был более чем удвоен. 71 % расходов приходился на коммуну, 11 % – на департамент, 12 % – на государство³⁵².

Следующий важный шаг, который предстояло осуществить в деле народного просвещения – это реформировать среднее образование и решить вопрос о свободе образования, обещанной ст. 69 Хартии 1830 г. Что представляла собой система среднего образования к 1832 г., когда Гизо стал министром народного просвещения? В годы Реставрации в среднем образовании сохранялась система, созданная Наполеоном. Императорские лицеи были просто переименованы в королевские коллежи и сохранили свое название вплоть до 1848 г. В программе коллежей изучению Закона Божьего отво-

³⁴⁹ Ibidem.

³⁵⁰ Ponteil F. Histoire de l'enseignement en France. Les grandes étapes. 1789–1964. Paris, 1966. P. 204.

³⁵¹ Broglie G. Guizot. P. 162.

³⁵² Ibidem.

³⁴⁷ Guizot F. Mémoires... V. 3. P. 84.

³⁴⁸ Broglie G. Guizot. P. 161.

дилось гораздо больше места, чем изучению философии, которое ограничивалось изучением логики; преподавание истории было перенесено в младшие классы.

Наряду с государственными средними учебными заведениями и независимо от них стали развиваться духовные средние школы. Еще на основании декрета 1808 г. частные учебные заведения подлежали надзору Университета и должны были получать от него предварительное разрешение. Действие этого правила не распространялось на «малые семинарии», которые епископы имели право создавать в своих епархиях для подготовки будущих священников. Со временем число таких семинарий и их учеников значительно возросло, причем только часть выпускников впоследствии вступала в духовное звание. На деле же малые семинарии являлись постоянными средними учебными заведениями, некоторые из которых были под контролем иезуитов. В этом быстром развитии семинарий общественность, еще не привыкшая к идее свободы образования, видела только посягательство на монополию университета. 16 июня 1828 г. Мартиньяк склонил Карла X подписать два ордонанса: первый ограничивал число воспитанников малых семинарий 20 тыс. человек и требовал, чтобы списки назначенных епископами ректоров и директоров утверждались королем; второй ставил малые семинарии под контроль Университета и требовал от профессоров семинарий присяги в том, что они не принадлежат к запрещенным конгрегациям. Таким образом, монополия Университета была усилена³⁵³.

Сразу же после Июльской революции Барт, министр народного просвещения в первом правительстве Июльской монархии, ордонансом от 3 февраля 1831 г. создал комиссию, которая должна была подготовить проект закона о среднем образовании.

Монталиве, министр народного просвещения в кабинете Казимира Перье, сформированного в марте 1831 г., полагал, что свобода образования является преждевременной: либералы, пришедшие к власти, опасались, что свобода образования будет способствовать росту влияния католических организаций и тайных обществ³⁵⁴.

С 1834 г. в парламенте усилились дебаты по вопросу среднего образования во время обсуждения бюджета на 1835 г. Многие парла-

ментарии требовали не только свободы образования, но и преобразования самой системы среднего образования, которую они считали анархичной и плохо приспособленной к потребностям времени: основой среднего образования являлось изучение «мертвых» языков; если и давались какие-то научные знания, исторические сведения, то только в виде дополнения. Молодой человек, выйдя из школы, встречал общество, совершенно неизвестное ему, был непригодный ни к сельскохозяйственной, ни к промышленной, ни к торговой деятельности; у него не было даже интереса к этому. У юноши могло возникнуть только два желания: или измениться самому, или изменить общество, переделать его по своему усмотрению. Он становится сначала реформатором, а затем и революционером³⁵⁵. Парламентарии полагали, что в области среднего образования, как и начального, Франция должна следовать примеру Германии.

Итак, стремление реформировать систему среднего образования было всеобщим: католики требовали свободы образования; промышленники и торговцы – создания образования практического и современного. Как отмечал Морис Гонтар, у всех было доверие к министру-реформатору, проводшему закон о начальном образовании³⁵⁶.

Гизо придавал огромную важность среднему образованию, поскольку оно предназначалось для представителей среднего класса, защитником и идеологом которого был он сам. Гизо обращается к системе среднего образования, созданной Наполеоном: Наполеон, создавая Университет, руководствовался «глубоким пониманием нашего общественного состояния, его историей, природой, его потребностями; он понимал, что после... революционных потрясений... для того, чтобы утвердить победу средних классов и обеспечить их роль в обществе, необходимо культивировать и развивать в этом классе любовь к наукам, знаниям, стремление к интеллектуальному превосходству, в целом привычку к умственной работе, чтобы сделать их действительно достойными своего положения». Гизо отмечал огромную важность интеллектуального потенциала среднего класса: «Магистраты, администраторы, адвокаты, медики, преподаватели, ученые, писатели – это не только внутренняя потребность народа, это его достоинство, это уважение во всем мире».

³⁵³ Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. Т. 3. С. 410–411.

³⁵⁴ Gontard M. L'enseignement secondaire en France de la fin de l'Ancien Régime à la loi Falloux. 1750–1850. Paris, 1984. P. 165–166.

³⁵⁵ Ibid. P. 168–170.

³⁵⁶ Ibid. P. 171.

Говоря о значимости такого образования, Гизо в то же время отмечал сложности, с которыми оно встречалось: многие представители старых дворянских фамилий еще не доверяли Университету, не решались отправлять своих детей учиться вместе с детьми буржуа.

Поэтому, согласно Гизо, было необходимо «...полностью отказаться от принципа государственного суверенитета в деле общественного образования и принять... со всеми последствиями свободную конкуренцию между государством и его соперниками, светскими или церковными, частными или корпоративными». Он отмечал, что при такой системе «никто из претендентов не мог жаловаться, поскольку все они могли полностью и свободно употреблять все свое оружие»³⁵⁷, и в то же время государство контролировало бы уровень борьбы, не давая ей выйти за рамки закона. По мнению Гизо, для Университета «было лучше согласиться на открытую борьбу со своими соперниками, чем защищать свое доминирование и свои привилегии, разжигая зависть озлобленных врагов». В то же время, опасения, что свобода образования приведет к засилью католичества, были велики. Гизо отмечал, что французское общество «видело в церковной свободе предвестник церковного доминирования, объект антипатии и страха»³⁵⁸. Гизо выделил три основные идеи, которые должны лечь в основу нового закона: необходимость поддержать Университет, обеспечить свободу образования и отложить решение вопросов, будораживших общественное мнение, и тем самым представлявших опасность для общественного спокойствия (малые семинарии, религиозные конгрегации и др.) Эти вопросы должны быть объектом специальных мер, а закон должен быть посвящен общим вопросам среднего образования.

Гизо сам не понаслышке знал о ситуации, сложившейся в коллежах. В августе 1832 г. его сын Франсуа окончил учебу в коллеже и собирался поступать в Политехнический институт. Гизо писал, что в личности своего сына он видел «...что-то, не отвечающее современному состоянию общества, его естественным потребностям»³⁵⁹.

Гизо полагал, что в деле среднего образования не было той срочности, что в начальном образовании. К 1835 г. проект закона был готов, но встретил резкую критику со стороны левой оппозиции, не-

довольной статьями, гарантировавшими свободу среднего образования. На заседании 1 января 1836 г. Гизо представил окончательный вариант законопроекта. Проект допускал, наряду с общественными учреждениями, королевскими и коммунальными, существование частных учреждений, не подчинявшихся Университету, которые могли открываться без его разрешения и могли быть закрыты только по решению суда. От руководителей частных учреждений требовался только диплом о нравственности и способностях. Между тем министр мог направлять в эти учреждения своих инспекторов «всякий раз, когда он сочтет это необходимым». В проекте, как и предусматривалось Гизо, ничего не говорилось о малых семинариях и конгрегациях, остававшихся в ведении прежнего законодательства.

Далее, в проекте признавалась необходимость разнообразить программу среднего образования. Поскольку представители среднего класса трудятся в различных сферах, среднее образование должно отвечать его потребностям в получении самых разнообразных знаний. Проект определял два вида среднеобразовательных учреждений. Во-первых, традиционные королевские или большие коммунальные коллежи, дававшие традиционное классическое образование с упором на изучение литературы. Во-вторых, коммунальные коллежи второго порядка, дававшие знания, необходимые в торгово-промышленной деятельности. Здесь преподавали древние языки, французский язык, географию, математику, физику и специальные дисциплины в области торговли, промышленности сельского хозяйства, с учетом специфических интересов того или иного района.

6 января кабинет, оказавшись в меньшинстве, подал в отставку. В новом правительстве, возглавляемом А.Тьером, пост министра народного просвещения занял Пеле де ля Лозер. Палата назначила из своей среды комиссию, докладчиком которой был назначен Сен-Марк Жирарден. Она, в целом, присоединилась к общим положениям проекта Гизо и затронула те же вопросы, что и в отношении начальной школы: диплом способностей, сертификат нравственности, запрещение преподавательской деятельности конгрегациям, не имеющим на то прав. К тому же она занялась вопросом о малых семинариях и иезуитах. Некоторые члены комиссии требовали, чтобы на иезуитов не распространялось право пользования свободой образования; большинство отклонило эти меры как дискриминационные.

³⁵⁷ Guizot F. Mémoires... V. 3. P. 101–103.

³⁵⁸ Ibid. V. 3. P. 103.

³⁵⁹ Broglie G. Guizot. P. 163.

Было предложено, чтобы малые семинарии подчинялись действию закона и были включены в систему частного среднего образования. Это было выгодно малым семинариям: они освобождались бы от обязательств, налагаемых на них ординасом 1828 г., ограничивавшим число учеников. Но большинство комиссии высказалось против этого предложения.

5 июля 1836 г. Пеле де ля Лозер обратился к префектам и ректорам с предложением высказать свое мнение о законопроекте, в том числе о малых семинариях. Они в целом согласились с новой программой среднего образования, но рекомендовали быть крайне осторожными в вопросе о свободе образования. Генеральный инспектор Бюрнуф писал, что вне Парижа и крупных городов «светские учреждения, общественные или частные, не в состоянии конкурировать с церковными учреждениями». Огромное большинство отцов семей стремится отдать своих детей в более дешевые католические школы. Низкий уровень знаний не беспокоит большинство родителей. Он отмечал, что малые коммунальные коллежи уже не в состоянии выдерживать конкуренцию малых семинарий и пансионеров, находящихся под патронажем клерикалов³⁶⁰. Было очевидно, что большинство ректоров и префектов были обеспокоены ростом малых семинарий и активностью иезуитов.

К тому же, иезуиты сами себя скомпрометировали. После многих лет изгнания, на следующий день после Июльской революции иезуиты стали возвращаться во Францию. Они восстанавливали свои общины и создавали новые. 25 июля 1835 г. они появились в Париже. Гизо обещал иезуитам: «Когда закончится обсуждение закона о свободе образования, не опасайтесь, что вы окажетесь в исключении; исключений не будет ни для кого». Он выполнил свое обещание: проект закона 1836 г. не содержал положений, ограничивающих права членов общества. Префект полиции в докладе министру народного просвещения отмечал, что в клерикальной среде о проекте говорят с «ликованием»³⁶¹. Впоследствии по соглашению с папой новицианты были распущены, а иезуитские заведения закрыты (ординас 6 июля 1845 г.). Результаты этих мер были незначительными и не помешали в дальнейшем части французской

буржуазии воспитывать своих дочерей в монастырях, а сыновей в католических учебных заведениях³⁶².

Между тем в сентябре 1836 г. Пеле де ля Лозер после отставки Тьера оставляет министерство. Когда законопроект вновь был поставлен на обсуждение в Палате, Гизо снова был министром народного просвещения. Обсуждение законопроекта задерживалось по причине болезни, а затем и смерти сына Гизо Франсуа. В начале марта 1837 г. в конфиденциальном докладе префекта полиции министру народного просвещения говорилось о «надеждах, которые связывают легитимисты, и, в частности, фракция этой партии, известная под именем партии священников, с некоторыми положениями закона о среднем образовании». Доклад был основан на данных собрания иезуитов на улице Регар, 15, которые предоставил один священник, «пользующийся их доверием, и от которого они не скрывали своих мыслей, проектов и надежд». В докладе отмечалось, что иезуитов, которых было во Франции ко времени Июльской революции 800 человек, в настоящее время – 1500. Прежде у них были три малых и одно большое ученичество, а к 1837 г. – пять малых и одно большое. Парижский орден только что отправил в Нант трех отцов, которые должны создать в этом городе ученичество. В качестве заключения отмечалось: «Отцы уверены, что если закон о среднем образовании пройдет таким, каким его представило правительство, они будут в состоянии открыть 20 коллежей к концу ближайших каникул»³⁶³.

Заседания 14 и 15 марта были посвящены общему обсуждению законопроекта. Некоторые депутаты (де Траси, Вирей, Мерлен) сочли недостаточными изменения в программе среднего образования. Они полагали, что проект «далек от того, чтобы соответствовать общественному прогрессу»; что в нем слишком много места отводилось классическому образованию. Среднее образование, отмечали депутаты, «вместо умов изящных и эрудированных», должно сформировать людей практичных, обладающих знаниями в области промышленности, которые пригодились бы им в жизни. Другие депутаты опасались роста влияния иезуитов в среднем образовании.

15 марта в обсуждение законопроекта вмешался Гизо. Он доказывал необходимость установления свободы образования, обещанной

³⁶⁰ Gontard M. Op. cit. P. 174.

³⁶¹ Ibid. P. 175.

³⁶² Лавусс Э., Рамбо А. Указ. соч. Т. 3. С. 385.

³⁶³ Gontard M. Op. cit. P. 176.

Хартией 1830 г. 17, 20 и 23 марта обсуждалась вторая глава проекта «Публичные учреждения среднего образования». Было сделано два важных предложения. Араго выступил против преобладающего изучения греческого и латинского языков и высказался за более глубокое изучение современных языков и наук. Он сожалел, что большое число преподавателей «имело мало вкуса, мало склонностей и расположения к научным дисциплинам». Ламартин, защищая преподавание литературы и древних языков, ответил: «Разве человек – это машина, орудие, предназначенное исключительно для того, чтобы получать зарплату? Разве человек имеет только меркантильные, земные интересы?»³⁶⁴.

В конечном итоге проект Гизо получил большинство в 57 голосов, а при окончательном голосовании – большинство в 29 голосов. Можно было ожидать, что проект не встретит большого сопротивления в Палате пэров, и что вскоре Франция получит второй закон Гизо. Однако через несколько дней министерство пало, и Гизо покинул, на этот раз окончательно, министерство народного просвещения. Впоследствии, вернувшись к власти, он не возобновлял обсуждение своего законопроекта, так и оставшегося нереализованным.

В области высшего образования Гизо не ставил своей целью осуществление такой же масштабной реформы, как в начальном или среднем образовании. Он отмечал, что во французском обществе не было такой настоящей потребности в кардинальных реформах в этой сфере. Мы читаем в «Мемуарах»: «...Достигнутый уровень высшего образования являлся достаточным для практических нужд общества, которое рассматривало его со смесью удовлетворения и беспечности»³⁶⁵. Гизо отмечал, что он только наполовину разделял первое из этих чувств и совсем не разделял второе. По его мнению, в области математики и физики превосходство французской школы было общепризнанным; в филологии, философии и истории французская высшая школа начала развиваться не так давно, но успешно. В то же время, полагал Гизо, высшее образование было достаточно слабо развито во Франции: полноценный университет существовал только в Париже.

Прежде чем заняться разработкой проектов реформ, Гизо хотел заручиться поддержкой, как он писал, не просто коллег, но друзей

и единомышленников. В первый год его министерства такой случай представился: четыре кафедры университета (греческого языка и греческой философии, санскритского языка и философии, французской литературы и политической экономии) стали вакантными по причине смерти их руководителей. Гизо мог выбирать из кандидатов, представленных Коллеж де Франс и Институтом. Кафедру санскритского языка и литературы занял Вюрнуф; греческого языка и литературы – Жуффруа; французской литературы – Ампер и политэкономии – Росси. Последний же 29 ноября 1834 г. в Коллеж де Франс стал вести курс конституционного права.

Гизо понимал, что одного университета в Париже было явно недостаточно. Он предполагал осуществить децентрализацию высшего образования. Еще в годы Реставрации он принимал участие в разработке ордонанса от 17 февраля 1815 г. о всеобщей организации режима Университета, целью которого была децентрализация не управления образованием, а самого образования, особенно высшего. Согласно ордонансу создавались университеты, распределенные по департаментам, где должны быть все факультеты: филологический, исторический, математический, физический, права и медицины.

Гизо подчеркивал: начальная школа – это «насущенный хлеб нации», но, как говорится в Евангелии, не хлебом единым жив человек. Поэтому, для величия нации необходимо, чтобы «великая культура духа не была феноменом редким и сконцентрированным только на вершине общества»³⁶⁶. Гизо предполагал создать четыре центра образования, кроме Парижа: в Страсбурге, Рейне, Тулузе и Марселе. Так можно было бы повысить значение периферийных образовательных центров. Однако реформа не была осуществлена.

Кроме того, Гизо предполагал реформу «более морального, нежели научного» плана, направленную на создание более благоприятных условий для обучающейся молодежи. Он намеревался, по примеру Великобритании, создать студенческие городки при университетах. Когда Гизо посетил Оксфорд и Кембридж, его особенно поразило соединение в них дисциплины со свободой: «молодые люди обучаются в различных колледжах, составляющих университет; имеют свое жилье, но вместе обедают, вместе присутствуют на

³⁶⁴ Ibid. P. 177.

³⁶⁵ Guizot F. Mémoires... V. 3. P. 113.

³⁶⁶ Ibid. V. 3. P. 136–137.

общих молитвах, должны возвращаться в определенный час. Здесь существуют многочисленные правила и привычки, напоминающие семейные: подчинение большинству, уважение властей». Гизо отмечал разительный контраст между английской и французской системой высшего образования: в Париже молодые люди, выйдя из школы, попадают в огромный город, одинокие, без поддержки и совета: «Никто не знает, никто не может подсчитать, сколько наших детей теряется в этом беспорядке...»³⁶⁷ Поэтому, полагал Гизо, необходимо совместное проживание студентов, с большой степенью личной независимости и свободы, но с дисциплиной, под присмотром наставников. Этот проект, к сожалению, также не был реализован.

Итак, Гизо отмечал важную социально-политическую роль образования для прогрессивного развития общества, настаивая на необходимости взаимодействия и сотрудничества политиков и ученых в деле управления государством. Он писал в «Мемуарах»: «Два дела, на мой взгляд, являются необходимыми: первое, чтобы силы, посвятившие себя интеллектуальной работе, элита писателей и ученых, были привлечены к управлению государством; чтобы они свободно объединялись вокруг правительства и находились бы с ним в естественных и привычных отношениях. Второе, чтобы правительство не оставалось чуждым к нравственному развитию последующих поколений... чтобы оно смогло установить личные связи между ними и государством, в недрах которого их создал Бог». Сами правительства, существовавшие в годы Июльской монархии, называли «правительствами ученых»; впервые видные деятели французской науки находились в таком количестве во главе государства. «Людей разума по профессии»³⁶⁸ Гизо знал очень хорошо, поскольку сам был одним из них.

Гизо рассматривал Университет, созданный в 1808 г., объединивший высшее и среднее образование, а после закона 1833 г. и начальное образование в единую систему, как инструмент, который король должен использовать в интересах нации, содействуя развитию свободных конкурирующих учреждений. Гизо ставил перед собой следующие цели в области народного просвещения: во-первых, передать управление воспитанием и образованием правительству; во-вторых, объединить всех людей, служащих в учреждениях на-

родного просвещения в единый корпус; в-третьих, поставить образовательные учреждения под контроль специальной администрации. Система образования должна функционировать как аналог социальной системы, а университет являться прототипом общества.

Гизо был убежден в необходимости теснейшей взаимосвязи социальных вопросов с проблемами воспитания и образования: «...Невежество народа является источником многих бед, от которых страдает нация... Образование, если оно хорошее, – это сразу добродетель индивидуального и коллективного прогресса, даже если человек, пользующийся его плодами, не испытывает еще потребности в нем... Не опасайтесь, что массы неистово попросят вас обучить их, поднять выше того морального и интеллектуального уровня, на котором они находятся. Они не ведают этой потребности; надо развить ее в них, чтобы они получали от этого удовлетворение...»³⁶⁹.

Если система образования должна быть аналогом социальной системы, то встает вопрос о социальном неравенстве, существующем в обществе. Применительно к образованию Гизо подчеркивал, что дети рождаются с очень разными способностями, склонностями и задатками, что накладывает отпечаток на организацию воспитания и обучения. Образование носит иерархический характер: дети представителей беднейшей части населения получают только элементарные навыки счета, письма; так называемое «трудолюбивое население» городов может отправить своих детей в высшие начальные школы, где они приобретут профессиональные знания; для детей из среднего класса, то есть из семей крупной буржуазии, созданы средние учебные заведения, дающие либо традиционное, классическое образование, либо образование, необходимое для занятий торгово-промышленной деятельностью. Высшая школа дает профессиональное образование. Как отмечал Ребуль, такая система предполагала наличие нескольких степеней, скорее параллельных, нежели последовательных³⁷⁰.

С 1829 по 1847 г. объем средств, выделявшихся из бюджета на нужды народного просвещения, увеличился в 2,7 раза (с 7 292 000 франков до 19 269 438 франков)³⁷¹. При этом основные средства шли на развитие начального образования: в 1829 г. на начальное обра-

³⁶⁷ Ibid. V. 3. P. 140–142.

³⁶⁸ François Guizot et la Culture politique de son temps. P. 164–165.

³⁶⁹ Ibid. P. 165–166.

³⁷⁰ Ibid. P. 165.

³⁷¹ Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 612.

зование было выделено 99 677 франков, на среднее – 1 809 498; в 1832 г. на начальное – 1 056 400 франков, на среднее – 1 737 481; в 1834 г. – 1 568 796 на начальное, 1 738 701 на среднее; в 1835 г. – 4 921 356 и 1 639 414 франков соответственно³⁷².

КНЯГИНЯ ЛИВЕН

15 февраля 1837 г. у Гизо скоропостижно скончался от воспаления легких 21-летний сын Франсуа. После смерти сына у Гизо осталось трое детей: старшей дочери Генриэтте на тот момент было восемь лет, Полине – шесть, Гийому – четыре.

Вернувшись на улицу ля Виль-Эвек после погребения Франсуа, Гизо бросился на постель своей дочери Генриэтты, прошептав: «У меня есть только ты»³⁷³. Сорок пять лет спустя она вспоминала об этом, как будто это произошло только вчера. Гизо, несомненно, принимал участие в воспитании и обучении своих детей, однако именно жёны, сначала Полина, потом Элиза, выполняли все материнские заботы. Вторично овдовев, и особенно после смерти Франсуа, Гизо все хлопоты переложил на плечи 72-летней матери.

Гизо занялся обустройством Валь-Рише, поместья, находящегося в департаменте Кальвадос, в Нормандии, купленного им в 1836 г. Он хотел быть поближе к избирателям, а заодно дать детям возможность дышать свежим воздухом и бывать на море: Трувиль тогда становился модным местом. В 1831 г. здесь же Гизо впервые увидел море. Но для Гизо поместье значило гораздо больше. Как уже отмечалось, в годы Июльской монархии обладание землей определяло социальный статус человека. Большинство его коллег и друзей были земельными собственниками: у некоторых, как у Броя и Баранта, были родовые замки; Моле имел поместье в Шамплантре; Сент-Олер – в Этиоле. Помимо самого аббатства, Гизо стал владельцем семидесяти пяти гектаров лугов и обрабатываемых земель, а также ста гектаров леса. За все это Гизо уплатил немалую сумму – 85 тыс. франков, что по нынешнему курсу соответствует примерно 350 тыс. евро, однако доходы от поместья незначительны: в год оно приносило от 2500 до 3000 франков³⁷⁴.

Гизо планировал, что его сын Франсуа станет управляющим Валь-Рише, но ему пришлось восстанавливать усадьбу самому. Гизо очень полюбил это полуразрушенное старинное аббатство XII века, окруженное вековыми деревьями. Гизо его восстановил; здесь он жил с конца июня, после окончания парламентской сессии, и до ее открытия в начале ноября. Валь-Рише после обустройства стало местом, где обосновалась его семья. Отец занимался всем, что касалось детей: «Завтра я везу моих девочек к Каэн, к их провинциальному дантисту. Им нужно удалить по два молочных зуба. Нет возможности ждать возвращения в Париж. Новые зубки сзади давят. Это путешествие меня немного беспокоит. Но я их мать»³⁷⁵. Он серьезно беспокоился об их здоровье, особенно того, что касалось простуды и кашля, зная о тяжелой наследственности. Летом он возил своих детей на море в Трувиль, тогда эта мода только начала развиваться, внимательно следил за питанием детей. Он считал, что в рационе должно преобладать мясо. Он писал матери из Лондона в 1840 г.: «Чем больше я за ними наблюдаю, тем больше я убеждаюсь, что сила, несомненно, превосходящая, англичан проистекает от того, что они обычно питаются превосходным мясом». Соответственно, он рекомендовал матери: «Давайте хорошие куски говядины, телятины и баранины. Это они любят больше всего»³⁷⁶. Наполнив желудок, можно было приступить к занятиям: «Досуг, движение, свобода – вот о чем надо беспокоиться. Свобода заключается не в том, чтобы дети были предоставлены сами себе. Даже просто присутствие взрослого в моменты их детских развлечений лишает их разболтанности, воодушевляет их, что для них так хорошо»³⁷⁷. Не склонный вмешиваться в игры детей, Гизо вместе с детьми работал в саду, кормил уток и лебедей, собирал клубнику, разгадывал шарады или играл в настольные игры. «Мне доставляет удовольствие видеть моих детей счастливыми»³⁷⁸. Но самым важным моментом было чтение, глубоко проникавшее в сердце и душу детей, а потом и внуков. Чтение об охоте на тигров в Индии, романы Вальтера Скотта – голос, интонация, жесты Гизо, его комментарии были потрясающими: «Вы не можете представить себе, в какое эк-

³⁷² François Guizot et la Culture politique de son temps. P. 170.

³⁷³ *Theis L.* Op. cit. P. 194.

³⁷⁴ Ibid. P. 284.

³⁷⁵ Ibid. P. 195.

³⁷⁶ Ibid. P. 196.

³⁷⁷ Ibidem.

³⁷⁸ Ibidem.

зальтированное состояние приходили мои дети. Они подсказывали на стульях, они грезили всю ночь... Я тщательно подбирал, что им почитать. Я избегал того, что могло слишком возбудить их неокрепшие нервы»³⁷⁹.

Обустроив Валь-Рише, Гизо не забывал и о своих избирателях. В 1831 г. он добился выделения 16 тыс. франков на строительство новых рынков в Лизье; 7 тыс. франков были выделены в следующем году на больницы; 5 тыс. франков округ получил в качестве помощи во время эпидемии холеры в мае 1832 г.; 3 тыс. франков были выделены в том же году на строительство ланкастерской школы; 3 тыс. томов книг были переданы муниципальной библиотеке. Гизо содействовал созданию в Лизье Музея изящных искусств, который представил свою первую экспозицию в 1838 г. Благодаря его содействию в 1845 г. был принят план строительства железной дороги Париж—Шербур через Лизье. На поезде этот путь занимал шесть часов, в то время как на дилижансе — шестнадцать³⁸⁰.

* * *

В это сложное время в жизни Гизо произошла судьбоносная встреча. Она на двадцать лет определит его дальнейшую личную жизнь и во многих отношениях повлияет на развитие его политической карьеры. Первой такой судьбоносной встречей можно считать знакомство с Полиной де Мелан, его первой женой, которая ввела никому не известного начинающего литератора в высшее столичное общество. Вторая встреча случилась тоже с женщиной, русской подданной княгиней Дарьей Христофоровной Ливен³⁸¹. Во многом благодаря этой встрече Гизо превратился в настоящего политика, имевшего для своей деятельности не только парламентскую трибуну, но и политический салон — пространство, необходимое для достижения политических успехов.

Этот союз, длившийся двадцать лет, был и странным, и взаимовыгодным. Княгиня Ливен, супруга князя Христофора Андреевича Ливена, на протяжении двадцати двух лет, с 1812 по 1834 гг., зани-

³⁷⁹ Ibidem.

³⁸⁰ Ibid. P. 281—282. Отметим, что 11 июня 1842 г. правительство приняло закон о развитии во Франции сети железных дорог, с которого началось широкомасштабное железнодорожное строительство. Законом предусматривалось создание сети железных дорог, расходящихся из Парижа лучами, причем государство брало на себя все расходы по созданию инфраструктуры.

³⁸¹ Подробно о княгине Ливен см.: Таньшина Н.П. Княгиня Д.Х. Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009.

мавшего пост посла Российской империи в Англии. Родная сестра Александра Христофоровича Бенкендорфа, шефа Третьего отделения, любимица императора Николая I. Женщина, за которой закрепилась слава интриганки, которую уважали и боялись сильные мира сего, которой приписывали многочисленные романы и увлечения. Действительно, Дарья Христофоровна была незаурядной женщиной; по отзывам современников, именно она, а не ее супруг, была настоящим послом, точнее, посланницей в Лондоне. Министр иностранных дел Карл Васильевич Нессельроде вступил с ней в частную переписку и шутил, что у него было два посла в Лондоне. Она была в доверительных отношениях с английским королем Георгом IV, с ведущими английскими политиками, такими как лорд Чарльз Грей, автор знаменитой парламентской реформы 1832 г., с Дж.-Г. Абердином, что будет особенно важным в 1840-е гг. Что касается ее «романов», то самым известным и самым продолжительным, хотя, большей частью, по переписке, был роман с «кучером Европы» австрийским канцлером Клеменсом фон Меттернихом. Об этом романе историки ведут дискуссии до сих пор, споря, прежде всего, по вопросу о том, австрийская или российская сторона была инициатором этих «романтических отношений», и чего в этом романе было больше, любви или политики. В 1834 г. князь Ливен был отозван со своего дипломатического поста и супруги вернулись в Петербург. Христофор Андреевич получил высокое назначение на должность воспитателя наследника престола, цесаревича Александра. Дарья Христофоровна, как фрейлина Ее Императорского Величества, стала обучать наследника манерам и обхождению в свете. Однако очень скоро однообразная жизнь в Царском Селе наскучила княгине, привыкшей к насыщенной политическими событиями и интригами европейской жизни. За годы пребывания в Лондоне она стала западным по духу и стилю жизни человеком. Она не могла долго оставаться в России. Страшное несчастье ускорило ее отъезд: в 1835 г. за один месяц она потеряла двух своих сыновей, Артура и Георгия, которые умерли от скарлатины в Дерпте, где обучались в университете. Под предлогом восстановления своих физических и душевных сил княгиня отправляется на лечение в Баден, а осенью 1835 г. обосновалась в Париже, не приняв еще окончательного решения и не имея императорского разрешения на длительное пребывание за границей.

Всего за два года пребывания в Париже княгиня создала себе солидное положение. Она тщательно скрывала свои материальные и душевные заботы от всех, кроме одного человека, которому она вскоре привыкла говорить все. Этим человеком стал для нее Франсуа Гизо. Их многолетней дружбе было суждено сыграть существенную роль в определенной стабилизации непростых русско-французских отношений в годы Июльской монархии.

По словам самого Гизо, они познакомились на обеде у его друга и коллеги герцога де Броя вскоре после приезда княгини в Париж. Герцогиня де Брой, приглашая Гизо, доверительно сообщила ему: «Среди нашего очень узкого круга будет персона очень изысканная и очень несчастная, княгиня Ливен. Она только что потеряла двух своих сыновей. Повсюду в Европе она искала забвения, но нигде его не нашла. Может быть, беседа с вами доставит ей удовольствие»³⁸². Как вспоминал Гизо, он «был поражен печальной торжественностью ее лица и ее манер; ей было пятьдесят лет; она была в глубоком трауре, который никогда не снимала; она начинала разговор и вдруг его прекращала, будто оказываясь каждое мгновение во власти мысли, от бремени которой она пыталась освободиться»³⁸³. Первое время они виделись изредка, но постепенно между ними возникли искренние дружеские отношения, которые не прерывались до самой смерти княгини.

Что сблизило французского министра и княгиню Ливен? Сами они объясняли свой роман тем, что оба в недавнем прошлом пережили тяжкие утраты. Княгиня, как отмечалось выше, потеряла двух сыновей.

На следующий день после смерти сына княгиня написала Гизо письмо с соболезнованиями: «Среди всех свидетельств соболезнования, которые Вы получили в связи с постигшим Вас несчастьем, простите мне мое тщеславие надеяться, что мои воспоминания что-то значат для Вас? Я дорого заплатила за право понять, как никто другой Вашу боль... Подумайте обо мне, в сто крат более несчастной, чем Вы, поскольку по прошествии двух лет я также страдаю, как в первый день, и однако Бог ниспослал мне сил вынести этот ужасный приговор. Я сожалею, что у меня есть лишь право выразить Вам в письменном виде мое самое живое, самое

³⁸² Guizot F. *Mélanges biographiques et littéraires*. Paris, 1868. P. 205–206.

³⁸³ Ibid. P. 206.

нежное участие и, позвольте мне добавить, мою самую искреннюю дружбу»³⁸⁴.

Этот странный союз можно было считать взаимовыгодным. Гизо подарил княгине свое присутствие и поддержку. Княгиня, со своей стороны, предоставила Гизо свой салон – пространство, игравшее в светской географии Парижа весьма важную роль. При Июльской монархии все значительные политические лидеры принимали в своем салоне гостей, в число которых входили не только светские знакомые, но и должностные лица. Гизо использовал для этой цели салон княгини Ливен, делившийся на две части: в одной половине, именуемой «большой гостиной», восседала на канаве княгиня в окружении своих приверженцев; в другой, называемой «малым кружком», беседовали перед камином пять–шесть дипломатов или депутатов; сам Гизо присоединялся попеременно то к завсегдатаям «большой гостиной», то к членам «малого кружка». В салоне княгини Ливен Гизо удалось превратить свой политический успех в успех светский³⁸⁵.

Для политика той поры эти две составляющие успеха были взаимосвязанными. Адольф Тьер, например, так и не смог дополнить свой политический успех успехом светским: его жена и ее мать не смогли стать подлинными хозяйками светского салона. Для Гизо салон Ливен был весьма важен, особенно с учетом того, что сам он в быту был очень скромным и к традиционным светским увлечениям относился более чем прохладно. Гизо не был меломаном, хотя любил Россини, и не часто посещал Оперу. Он не был и частым посетителем театров; пьесы он предпочитал читать и многие знал наизусть. Он не любил путешествовать. Кроме Женевы, где прошло его детство, и Англии, где он занимал посольскую должность, потом совершал короткие протокольные визиты и куда бежал в 1848 г., за шестьдесят лет своей взрослой жизни он лишь десять дней 1850 года провел на водах в Эмсе, где лечилась княгиня Ливен; на одну неделю он приезжал к ней в Брюссель в 1854 г.³⁸⁶

Отношения Гизо и княгини Ливен развивались в рамках салонной общезительности: влюбленные встречаются ежедневно, но не

³⁸⁴ *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven*. Préface de J. Schlumberger. T. 1–3. Paris, 1963–1964. T. 1. P. 3–4.

³⁸⁵ *Мартен-Фюжье А.* Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж». 1815–1848. М., 1998. С. 241, 209.

³⁸⁶ *Theis L.* Op. cit. P. 359, 365.

ведут совместную жизнь; точнее, их совместная жизнь ограничена пределами света. Связь Гизо с княгиней развивалась по образцу, унаследованному от XVIII века: дама исполняла роль хозяйки салона, в котором царил великий человек – ее любовник. На эту же модель ориентировались при Июльской монархии и некоторые другие пары: графиня де Кастеллан и Моле, графиня де Буань и Пакье и самые прославленные любовники – г-жа Рекамье и Шатобриан. В отличие от пар, связанных узами законного брака, эти незаконные пары не были обязаны передавать потомкам имя и состояние, однако они исполняли очень важную социальную функцию: поддерживали, прославляли и, участвуя в политической жизни и покровительстве искусствам, передавали следующим поколениям представление о превосходстве выдающегося ума.

Салон княгини посещали столько же ради Гизо, сколько ради нее самой. Но близкие люди являлись к ней только в известный час; они знали, что Ливен и Гизо, когда он был в Париже, обязательно виделись дважды в день. Виктор Гюго писал об их отношениях: «Г-н Гизо каждый день выходит прогуляться после завтрака в 12 часов и всякий раз отправляется на улицу Сен-Флорантен посидеть часок-другой у княгини Ливен. Вечером он опять возвращается туда же и, за исключением каких-нибудь официальных случаев, проводит у нее все вечера»³⁸⁷.

Эти совместные часы Гизо и Ливен хотели проводить без докучливых посетителей. Для княгини, уделявшей огромное внимание этикету, это было очень важно. Поскольку под политикой она понимала дипломатию, неудивительно, что она придавала такое огромное значение этикету и безупречным манерам. Иметь хорошие манеры – это опасаться фамильярности, сохранять дистанцию при общении с посторонними. Время, когда Гизо приезжал, было известно, и все спешили удалиться к этому часу. Сам он также, судя по всему, тщательно следил за тем, чтобы не путать ее дом со своим собственным. Министр писал княгине 24 апреля 1841 г.: «Вчера я ушел скрепя сердце, только из чувства долга, чтобы никто не подумал, будто я чувствую себя у Вас, как у себя дома, и засиживаюсь позже других»³⁸⁸. Правда, есть свидетельства, что далеко не всегда Гизо удавалось во всем следовать этикету. В литературе, посвящен-

ной Ливен, часто упоминается эпизод, связанный с Проспером Мери-ме, якобы умышленно возвратившимся по окончании вечера в гостиную княгини и увидевшего, что Гизо уходит вовсе не собиравшись и даже снял свою большую ленту³⁸⁹.

С 1837 по 1857 гг. Гизо и Ливен обменялись 5 245 письмами, которые можно рассматривать как памятник политической, дипломатической и сентиментальной истории. Общий объем переписки составляет приблизительно 20 000 страниц книжного формата³⁹⁰. Письма Ливен были всегда живыми, блестящими, деликатными. Серия писем, «пересыпанных, – как писал англичанин Ч. Гревилл, – блестящими самого тонкого остроумия»³⁹¹. Они переписывались каждый день, зачастую возобновляя письмо по нескольку раз на дню. Политические обстоятельства, частые пребывания Гизо со своей семьей в Нормандии, путешествия княгини Ливен – все это надолго их разделяло. Переписка прерывалась разве что зимой, когда оба они были в Париже³⁹². Княгиня тяжело переносила расставания с Гизо; она упрекала его за длительное пребывание в Валь-Рише, за отсутствие писем, за то, что он ее разлюбил. Дарья Христофоровна писала ему 15 сентября 1838 г.: «Расставаясь со мной 16 августа, Вы, видимо, решили ко мне не возвращаться. Я это видела, я это чувствовала. Ваше предложение относительно Бадена (Гизо предлагал ей там встретиться с мужем, чтобы урегулировать их отношения. – *Н.Т.*) подтвердило мои опасения... Я верила, что Вы меня очень любите, я поверила в саму себя, и теперь я все потеряла, я совершенно одна, такая несчастная, как никогда прежде». На следующий день Ливен отправила Гизо короткую записку: «Почему Вы меня совсем не любите? Ваши письма такие изящные, но они такие холодные! Я кутаюсь, но никак не могу согреться!»³⁹³. В другом письме она сообщала Гизо: «Вот триста писем, которые я Вам написала. Это не делает нам чести. Это плохо, когда люди, которые находят удовольствие в обществе друг друга, проводят треть жизни в разлуке»³⁹⁴.

³⁸⁹ См., например: *Шаховская-Глебова-Стреинцева*. Княгиня Ливен. М., 1904. С. 12.

³⁹⁰ *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven*. Т. 1. P. XLVI.

³⁹¹ Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами // *Русская старина*. 1903. № 12. С. 617.

³⁹² После смерти княгини ее наследники передали Гизо все ее письма, адресованные ему. Гизо рассортировал их на письма и записки и распределил по годам. После смерти Гизо эта переписка хранилась в архивах его имения в Валь-Рише, а в 1963–1964 гг. была опубликована.

³⁹³ *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven*. Т. 1. P. 197–198.

³⁹⁴ *Ibid.* P. 309.

³⁸⁷ *Гюго В.* Посмертные записки. 1838–1875. М., 2007. С. 75–76.

³⁸⁸ Цит. по: *Мартен-Фюжье А.* Указ. соч. С. 219.

Именно по этой причине Ливен не любила Валь-Рише. Для Гизо Валь-Рише служило воплощением его буржуазных идеалов, там он вел жизнь, соответствующую его убеждениям и той роли, которую он играл в обществе. Но именно этот мир деревни, семьи, чтения был чужд княгине, ревновавшей Гизо к Валь-Рише. Гизо, извиняясь за свою любовь к поместью, писал Дарье Христофоровне: «Я бы солгал, если бы не сказал, что я испытываю удовольствие, созерцая мой лес, сад, библиотеку, оранжерею и апельсиновые деревья... Это очаровательно. Конечно, в тысячу раз меньше, чем мгновение быть рядом с Вами, чем Ваше слово, Ваш взгляд... Не ревнуйте к моим здешним радостям; они этого не заслуживают. Но простите мне мои чувства»³⁹⁵. Семейный и буржуазный мир, воплощенный в поместье Валь-Рише, представлял собой полную противоположность миру княгини, воплощенному в занимаемом ею особняке на улице Сен-Флорантен. Валь-Рише княгиня посетила всего лишь один раз, в 1846 г., между тем как Гизо очень хотел, чтобы она была рядом с ним в его поместье. Он писал Дарье Христофоровне 12 июля 1846 г.: «Это правда, что мы сами виноваты в наших расставаниях. Здесь чудесно. Моя долина превосходна. У меня есть три желания: тишина, уединение, покой. Я наслаждаюсь всем этим, но каждую минуту мне не хватает Вас... Если бы Вы были здесь, у меня было бы все»³⁹⁶.

Как известно, светский сезон в Париже длился от декабря до Пасхи. В течение мая светское общество покидало столицу. На лето парижане уезжали в свои замки или загородные дома. Если летняя резиденция располагалась достаточно близко от Парижа, течение светской жизни не прерывалось. У княгини Ливен был небольшой загородный дом совсем недалеко от Версаля, в Босежур, где она вела, по словам герцогини Доротей де Дино, «совершенно пасторальную жизнь»; там у нее был маленький сад, где ее часто видели с маленькой лейкой в руках. Сюда же, в Босежур, ежедневно приезжал обедать Гизо³⁹⁷.

Почему Гизо и княгиня Ливен не поженились? В 1839 г. княгиня овдовела, и в принципе ничто не препятствовало их браку. Гизо в одном

³⁹⁵ Ibid. Т. 3. P. 65.

³⁹⁶ Ibid. P. 213.

³⁹⁷ *Dino Dorothee (duchesse de Talleyrand et de Sagan)*. *Cronique de 1831 à 1862*. Т. 1–4. P., 1909–1910. Т. 3. P. 98.

из писем к английскому политику лорду Абердину, написанном после смерти княгини, намекал, что против брака была она: «Я не мог допустить, чтобы жена моя не носила моего имени, а она дорожила своим».

Утверждали, что княгиня не могла выйти замуж за Гизо якобы из-за своих «аристократических предрассудков». В работах, посвященных Дарье Ливен, часто приводится следующий факт. Гуляя как-то по Булонскому лесу с Марией Дмитриевной Нессельроде, супругой российского министра иностранных дел, Дарья Христофоровна сказала графине следующие слова относительно возможного брака с Гизо: «Милая моя, можете ли вы себе представить, чтобы меня называли госпожой Гизо?»³⁹⁸.

Вероятно, дело было отнюдь не в «предрассудках» Дарьи Христофоровны. Она очень любила Гизо, это видно из ее писем; он был для нее всем, она не могла без него жить. Но она не хотела терять свою свободу; ей нравилось ее положение в обществе и ее статус; отказаться от своего имени и титула ради того, чтобы стать женой французского буржуа, пусть даже ведущего политического деятеля, значило отказаться от своего международного престижа. Как отмечала Дж. Кромвель, стань Дарья Христофоровна «мадам Гизо», она превратилась бы во француженку, ее жизнь была бы подчинена жизни ее мужа, она оказалась бы зависимой от него. Брак означал бы конец ее независимости³⁹⁹.

Кроме того, совершенно ясно, какую реакцию вызвало бы известие о появлении «мадам Гизо» у российского императора! Княгиня не без оснований опасалась, что ее брак с французским буржуа грозил бы ей конфискацией ее российских капиталов. Хотя император Николай I все-таки проявил милость к опальной княгине (оставшись в Париже без императорского разрешения княгиня совершила очень дерзкий поступок. Николай прямо заявил князю Ливену, что если его жена не вернется, он «сотрет ее в порошок») и в 1843 г. разрешил ей остаться в Париже⁴⁰⁰.

³⁹⁸ Цит. по: *Daudet E. Une vie d'ambassadrice au siècle dernier. La princesse de Lieven*. P., 1904. P. 364. Доротей де Дино (1817), графиня Перигор (1809), герцогиня Талейран (1838), герцогиня Саган (1845) – одна из выдающихся женщин своей эпохи. Внучка Эрнеста Иоганна Бирона, всевластного фаворита российской императрицы Анны Иоанновны. Была замужем за племянником Ш.-М. Талейрана Эдмоном де Перигором, а со времен Венского конгресса – неизменная спутница жизни, секретарь, помощница князя Талейрана. С княгиней Ливен Доротей познакомилась в Лондоне, где Талейран в 1830–1834 гг. занимал пост посла Франции.

³⁹⁹ *Cromwell J.L. O Dorothea Lieven: a Russian Princess in London and Paris, 1785–1857*. Jefferson, 2007. P. 217.

⁴⁰⁰ О переписке княгини Ливен с императором Николаем I и полученном разрешении остаться в Париже см.: *Тяньшина Н.П.* Восемь лет без права переписки // *Родина*. № 3. 2013.

Все это хорошо понимал и сам Гизо, страстно желавший, чтобы они с княгиней составили семейную пару; для него семейные ценности были священны. Он писал Ливен из Лондона, когда стал посланником: «Я никогда с этим не помирюсь, я всегда буду сетовать на неполноту наших отношений, на то, что мы не живем вместе...»⁴⁰¹.

Гизо понимал все сложности, связанные с этим браком. Во-первых, по личным причинам: учитывая разницу в стиле жизни домашних Гизо и его возлюбленной, их совместное существование оказалось бы нелегким. Гизо был очень привязан к своей семье, к матери, которая воспитывала его детей после смерти жены; он старался как можно больше времени проводить с ними в поместье Валь-Рише. Г-жа Гизо весьма ревниво относилась к даме сердца своего сына. Гизо писал княгине из Валь-Рише: «...Знаете ли Вы, что в моем доме, особенно у моей матери, Вы вызываете огромную ревность. Если бы я не приехал сюда, она была бы в полной уверенности, что Вы были единственной тому причиной»⁴⁰². Во-вторых, по причинам общественно-политическим: женись самый влиятельный министр конституционной монархии на подданной царя, это возмутило бы очень и очень многих. Связь Гизо с княгиней и без того вызывала нарекания журналистов; едкие статьи об их отношениях постоянно появлялись во французских газетах. В начале лета 1842 г. в «Шаривари» появились две недоброжелательные статьи в адрес Гизо и Ливен. Одна из них была озаглавлена «Два голубка», вторая – «Прогулка в тильбюри при свете луны»⁴⁰³. «Французскому министру не пристало выставлять напоказ свой союз с иностранной эгерией», – писала другая газета⁴⁰⁴. Поскольку княгиня Ливен находилась в переписке с императрицей Александрой Федоровной, ее считали русской шпионкой.

Между тем по Парижу циркулировали слухи о том, будто бы Гизо и Ливен тайно обвенчались⁴⁰⁵. Опровергая их, Гизо писал своей приятельнице Лор де Гаспарен: «То, что Вам говорят, не имеет под собой никаких оснований. Я очень привязан к мадам Ливен, и она

занимает большое место в моей жизни. Но все остальное – ложь. И к тому же плохо продуманная. Разве можно допустить, что в нашем обществе возможен тайный брак?»⁴⁰⁶.

ПОСОЛЬСТВО В ЛОНДОНЕ

5 февраля 1840 г. Франсуа Гизо был назначен на дипломатический пост посла Франции в Великобритании. Эта должность в годы Июльской монархии имела особое значение. В условиях, когда консервативные дворы весьма настороженно отнеслись к восшествию на престол короля Луи Филиппа, французская дипломатия особые надежды возлагала на «сердечное согласие» с Великобританией. До этого времени Гизо никогда не бывал в Англии, но всегда интересовался английской историей, еще со времен Реставрации был приверженцем английской политической системы, встречался с некоторыми английскими политическими деятелями и литераторами в Париже.

В это время в Великобритании у власти находилось вигское правительство во главе с лордом Мельбурном. Министерство иностранных дел возглавлял лорд Пальмерстон.

25 февраля Гизо отправился в Лондон. Когда он высадился в Дувре, ему показалось, что Англия очень непохожа на его родную страну; однако уже спустя два часа «это впечатление рассеялось, мне показалось, что я у себя дома. По сути, это та же цивилизация, и у нас гораздо больше общего, чем различного». Британская столица поразила нового французского посла. Он делился с княгиней своими первыми впечатлениями: «Лондон показался мне гораздо красивее, нежели я ожидал, дома гораздо меньше, но в целом вид очень монументальный. Но какая монотонная серость! Весь день без света»⁴⁰⁷. Гизо обосновался в Хертфорд-Хауз, в здании посольства Франции, на Манчестер Сквер.

Княгиня Ливен «заочно» ввела Гизо в высший свет лондонского общества. Как писал французский исследователь Эрнест Доде, «никто не мог быть для него лучшим гидом, чем княгиня Ливен, знавшая Англию и проживавшая здесь на протяжении двадцати двух лет»⁴⁰⁸.

⁴⁰¹ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. 1903. № 12. С. 622.

⁴⁰² *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven*. Т. 3. Р. 66.

⁴⁰³ *Dino D.* Op. cit. Т. 3. Р. 192. Тильбюри – легкая открытая двухколесная карета, с крышей или без, разработана в начале XIX в. лондонской фирмой «Тильбюри».

⁴⁰⁴ Цит. по: *Мартен-Фюжье А.* Указ. соч. С. 223.

⁴⁰⁵ *Castellan E.V.E.B.* Journal du maréchal de Castellane (1804–1862). Т. 1–3. Paris, 1896. Т. 3. Р. 384.

⁴⁰⁶ *François Guizot et Madame Laure de Gasparin*. P. 263–264.

⁴⁰⁷ *Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven*. Т. 2. P. 3.

⁴⁰⁸ *Daudet E.* Op. cit. P. 277.

Когда Гизо появился в Лондоне, высшее общество нашло его немного *parvenu*, выскочкой. Считали, что он слишком открыто выражал свою радость по поводу занимаемого им столь высокого и ответственного поста; свою боязнь, дабы кто-либо не нарушил его прав; отмечали, что он слишком спешил предложить руку хозяйке дома, куда бывал приглашен. Гизо, стремясь успокоить княгиню, писал ей: «Не думайте, что я принимаю все приглашения без разбору. Я их уже много отклонил и еще больше отклоню»⁴⁰⁹.

3 марта 1840 г. княгиня Ливен дала ему очень разумный совет: «...оставайтесь таким, какой Вы есть, серьезным, сосредоточенным и естественным. Берегите себя от упоения Вашим новым положением. Не забывайте, что Вы живете в стеклянном доме. Англичане гораздо умнее и хитрее, чем о них думают, и замечательно наблюдательны и любопытны, хотя делают вид, что на многое не обращают внимания»⁴¹⁰. Искушенная в дипломатии, прожившая много лет в Англии, Дарья Христофоровна напутствовала Гизо: «В целом Вы не должны никому доверять, и Вы должны быть очень осторожны в суждениях, я Вам никогда не устану это повторять. В дипломатии одно неосторожное слово может иметь очень много последствий... Дипломатия – это профессия, как и любая другая, и только занимаясь ею, можно ее постичь»⁴¹¹.

В целом начало дипломатической карьеры Гизо было удачным. Ливен писала своей давней подруге Эмили Каупер, ставшей в декабре 1839 г. супругой лорда Пальмерстона: «Я нахожу, что г-н Гизо совершил удачный дебют. Он написал мне всего лишь несколько строк, но он в восторге. Он очень высокого мнения о вашем муже, его ясном и практичном уме»⁴¹². Княгиня сообщала Гизо о реакции англичан: «Вчера я была у леди Гренвил. Она мне прочитала письмо своего брата, который отзывается о Вас в превосходной манере. Вы достигли большого успеха, Ваш степенный вид, Ваши манеры и разговор всех очаровали. Леди Каупер также хорошо о Вас отзывалась. Она говорит, что Вы вызываете всеобщее любопытство, что все хотят с Вами познакомиться, и что все очень довольны Вами. По ее словам, королева также была с Вами очень любезна»⁴¹³. Леди

Пальмерстон писала княгине: «Я на самом деле считаю, что г-ну Гизо здесь нравится. Все здесь ново для него, и он философски осматривает сцену. Очевидно, что и он понравился здесь. У него превосходные манеры, интересный и содержательный разговор... По своим манерам он больше принадлежит к Старому порядку, чем к новой власти, и это то, что мне в нем особенно нравится»⁴¹⁴.

Резюмируя все эти положительные отклики, княгиня писала Гизо 30 марта: «Во всех письмах говорится о Вас с энтузиазмом. Но я считаю своим долгом, сообщая Вам это, добавить: оставайтесь таким, какой Вы есть. Я знала много людей, которые забывали это. Но, простите, я забыла, что Вы ни на кого не похожи»⁴¹⁵.

Гизо пытался следовать советам Дарьи Христофоровны, обо всем ей детально докладывал; по ее совету он отказался от ложи в Опере. «Будьте спокойны, – писал он княгине, – у меня не будет ложи в Опере! Я даже туда не буду ходить. Почему Вы думаете, что я должен изменить моим вкусам и привычкам. Я уверен, что спектакль мне бы не понравился. Я Вам это часто говорил: я никогда не умел развлекаться один; мне необходимо, необходимо абсолютно разделять всякое живое удовольствие и всякие нежные эмоции»⁴¹⁶.

Между тем вскоре княгине показалось, что Гизо недостаточно внимал ее советам. 4 апреля она писала ему: «Кто же обедает у г-на Маберли? Его жена самая развратная женщина в Лондоне. Гости, по-видимому, вполне соответствовали этому. По правде сказать, муж мой, скорее, переплыл бы Темзу вплавь, чем согласился бы обедать у этих людей, а он далеко не имел репутации такого серьезного человека, как Вы. Если Вы будете принимать, таким образом, приглашения всякого, то настоящий «свет» не будет уже считать за честь пригласить вас к обеду»⁴¹⁷.

Сама Дарья Христофоровна, оставаясь в Париже, держала Гизо в курсе всего, что там происходило. Ее письма можно считать настоящей политической хроникой. Княгиня пристально наблюдала за политическими дебатами и особенно усердно посещала заседания палаты, тщательно информируя Гизо обо всем, что там говорилось и происходило. Через несколько дней после формирования во

⁴⁰⁹ Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven. T. 2. P. 30.

⁴¹⁰ Ibid. P. 11.

⁴¹¹ Ibid. P. 21.

⁴¹² The Lieven–Palmerston correspondence. 1828–1856. London, 1943. P. 183.

⁴¹³ Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven. T. 2. P. 16.

⁴¹⁴ Ibid. P. 40.

⁴¹⁵ Ibid. P. 57.

⁴¹⁶ Ibid. P. 20.

⁴¹⁷ Ibid. P. 62.

Франции министерства во главе с Тьером, политическим противником Гизо, она писала в Лондон: «Вчера я была на заседании палаты. Тьер занял свое место на скамье министров с явным удовольствием. Он монотонно и не очень громко прочел речь. Однако встречен он был весьма холодно»⁴¹⁸.

Несколько месяцев спустя, в письме от 28 мая 1840 г. она подробно описывала свою встречу с Тьером на обеде у российского посла.

«Я веду дело так, чтобы моим преемником мог быть не кто иной, как г-н Гизо.

– Иначе говоря, вы ведете дело так, чтобы остаться у власти навсегда?

– О, разумеется! Я молод и я знаю отлично, что когда-нибудь я укреплю свои позиции; но когда это будет, я не знаю. Увидим. Но если г-н Гизо соскучится в Лондоне, я устрою его здесь»⁴¹⁹. Как известно, Гизо «соскучился» весьма скоро и 29 октября того же года возглавил министерство иностранных дел в кабинете Н. Сульта.

Гизо также, помимо трогательного выражения своих чувств, в своих письмах создавал яркие портреты людей, с которыми он встречался в Великобритании и описывал события, свидетелем которых он являлся. Вскоре после приезда в Лондон он встретился с герцогом Артуром Веллингтоном: «Я видел герцога Веллингтона, – писал он 6 марта 1840 г. – Грустное зрелище, такое же грустное, какое представляет Поццо (имеет в виду бывшего посла России во Франции графа К.О. Поццо ди Борго. – *Н.Т.*); он стал на три или на четыре дюйма меньше ростом, похудел, шатается, смотрит на вас блуждающим, потухшим взглядом, в котором уже отражается душа, готовая отлететь от мира сего, говорит дрожащим голосом, до того слабым, что он напоминает прощальный вздох. Душевно он еще не дошел до того состояния, как Поццо; ум его еще действует, но это стоит ему больших усилий воли и утомляет его»⁴²⁰.

Гизо весьма увлекательно описывал состояние высшего лондонского общества, например, концерт у королевы Виктории, где звучала «прекрасная, но холодная музыка»: «Королева следила за исполнением, по-видимому, с большим интересом, чем ее гости. Принц Альберт дремал. Она взглядывала на него, улыбалась, но,

по-видимому, досадовала и толкала его локтем. Он просыпался и, проснувшись, выражал одобрение, кивая головою, затем снова засыпал. Тогда королева опять принималась будить его»⁴²¹.

* * *

Через три месяца после приезда в Лондон Гизо было поручено вести переговоры с английским правительством относительно возможности перевозки останков Наполеона с острова св. Елены в Париж. Эта идея являлась давней затеей Тьера. Убеденный, что Франции нечего опасаться угрозы бонапартизма, он стремился доказать французам, что из всех политических деятелей Июльской революции именно он был самым пламенным патриотом.

7 мая 1840 г. Гизо получил письмо Тьера, в котором ему предлагалось начать переговоры с лордом Пальмерстоном по этому вопросу. В тот же день посол виделся с английским министром и получил от него согласие. «Вот истинно французская просьба, – писал Пальмерстон своему брату, показывая этим, что он вполне понимал, насколько опрометчив был этот шаг французского правительства. – Но с нашей стороны было бы нелепо отвечать отказом. Поэтому мы решили дать свое согласие как можно скорее и охотнее»⁴²².

В официальной депеше лорду Гренвилу, английскому послу в Париже, Пальмерстон, намекая на национальную вражду между английским и французским народами, отмечал: «Правительство Ее Величества надеется, что если подобные чувства существуют до сих пор, они будут погребены в могиле, в которую будут опущены останки Наполеона»⁴²³.

Почему Пальмерстон так легко уступил просьбе французской стороны? Вероятно, он надеялся отстоять свою позицию в более важном Восточном вопросе, для урегулирования которого Гизо и был направлен в Лондон. К тому же Пальмерстон полагал, что перезахоронение праха Наполеона только ослабит Францию, поскольку дестабилизирует внутреннюю ситуацию в стране и создаст немалые затруднения для правительства.

10 мая Гизо сообщил Ливен об успехе своей миссии: «Я провел за три дня переговоры по одному делу, которое наделает немало

⁴¹⁸ Ibid. P. 11.

⁴¹⁹ Ibid. P. 155.

⁴²⁰ Ibid. P. 14–15.

⁴²¹ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. 1903. № 12. С. 624.

⁴²² Там же. С. 626.

⁴²³ Там же.

шума. С лордом Пальмерстоном приятно иметь дело, когда он одного мнения с вами. Он ведет его быстро и без фокусов»⁴²⁴.

Со своей стороны, Ливен писала Гизо о реакции во Франции на это событие и выражала опасения, что эта акция может иметь негативные последствия для социального порядка и спокойствия во Франции. Она писала 13 мая: «Воспретят ли семейству Бонапарта присутствовать при погребении его останков? Это было бы неслыханной несправедливостью. Но позволить это было бы опасно. Так как эта церемония придется, быть может, на момент новых выборов, то не будет ли это подстроено левой? Словом, все это довольно странно... Я нахожу, что одинаково трудно позволить это и запретить. Несомненно одно, – что вы создали себе этим очень большие затруднения»⁴²⁵.

В письме лорду Абердину она выражалась в более резком тоне об этой затее, имевшей, по ее справедливому замечанию, «огромное политическое значение». «Хотят возбудить страсти, и никого нельзя ввести в заблуждение, что это просто дань памяти великому человеку». Ливен отмечала, что «это спектакль, недостойный и нации, и героя, которого хотят прославить. После того как с энтузиазмом утвердили проект перемещения, теперь спорят о цифрах! Неделю находятся в возбужденном состоянии и торгуются! Вот вам французское легкомыслие. Стране за это будет стыдно...». Отмечая, что в Париж со всех концов страны прибывают депутации и что «возобновляется 1789-й год», княгиня, однако, делала вывод, что «все это очень по-французски!»⁴²⁶.

Сообщая Гизо о реакции иностранных представителей, она писала 18 мая: «У меня был сегодня утром принц Павел Вюртембергский. Он предвидит всяческие бедствия. Он не понимает, как правительство добровольно ищет повода к смуте и уличным беспорядкам. Он говорил об этом Тьеру и страшно все преувеличивал. Тьер сказал: «Я отвечаю за все, но я один могу сделать это. При всяком другом министерстве это могло бы вызвать революцию». Принц также добавил: «Тьер считает себя кардиналом Ришелье. Ничто не сравнится с его смелостью и самоуверенностью»⁴²⁷.

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ Там же. С. 627.

⁴²⁶ The correspondence of lord Aberdeen and princess Lieven. P. 141.

⁴²⁷ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. 1903. № 12. С. 627–628.

* * *

1830–1840-е характеризовались очередным резким обострением Восточного вопроса, явившегося следствием естественного распада многонациональной Османской империи. Османская империя стала узлом международных противоречий, соперничества между Францией и Великобританией за господство в Сирии, Ливане и Египте, с одной стороны, и борьбы всех западноевропейских держав за подрыв и уничтожение влияния России на Ближнем Востоке, с другой стороны.

Преимущества, полученные Россией по условиям Ункяр-Искелейского договора 1833 г., имели следствием сближение интересов Франции и Великобритании, заинтересованных в сохранении статус-кво на Ближнем Востоке (чтобы у России не появился повод для вооруженного вмешательства в конфликт между султаном и египетским пашой). Это приводило к тому, что противоречия между ними отступали на второй план, как только появлялась возможность усиления влияния России в Османской империи.

Стремясь к укреплению позиций Франции в Египте, либералы-орлеанисты весьма своеобразно трактовали принцип целостности Османской империи, под которым они понимали признание суверенных прав не только султана, но и прав, полученных его вассалами (имея в виду, прежде всего, пашу Мухаммеда Али), и сохранение достигнутого статус-кво. Всякие действия, направленные против прав, обретенных египетским пашой, Франция рассматривала как удар по целостности Османской империи.

Для разрешения конфликта между султаном и пашой весной 1840 г. в Лондоне была открыта конференция. В ходе работы Лондонской конференции стало ясно, что именно территориальные разногласия, прежде всего, вопрос о статусе Сирии, стал камнем преткновения в англо-французских отношениях: французское правительство настаивало на передаче Сирии Мухаммеду Али, британская дипломатия энергично выступала против такого решения, полагая, что потеря пашой Египта этой провинции будет означать ее потерю для Франции. Правительство Тьера, действуя независимо от участников конференции в Лондоне, попыталось выступить в роли посредника и добиться двустороннего соглашения между султаном и пашой с выгодой для Франции. Об этих закулисных переговорах стало известно в Лондоне. В результате в изоляции оказалась сама

Франция: 15 июля 1840 г. без ее участия была подписана Лондонская конвенция. Гизо узнал о ее содержании только спустя два дня. Лондонская конвенция явилась одним из переломных моментов в истории Восточного вопроса. Она не только констатировала принцип закрытия проливов, изолировала Францию, но и наметила широкую программу нового вмешательства европейских стран в дела Османской империи. На основе Лондонской конвенции была подготовлена и проведена Сирийская экспедиция 1840 г., направленная как против Мухаммеда Али, так и против Франции, в которой приняли участие английские и австрийские военно-морские силы.

Подписание Конвенции привело к серьезному осложнению международной обстановки, вызвав обострение взаимоотношений Франции с Великобританией, Пруссией, Россией и Австрийской империей. Правительство Тьера в спешном порядке стало проводить мероприятия по увеличению вооруженных сил Франции, планируя довести их численность до 900 тысяч. Эти приготовления Тьер рассматривал как оборонительные, как средство оказания давления на страны, подписавшие Лондонскую конвенцию, с целью изменения ее условий. И только если державы не пойдут на уступки Франции, она могла прибегнуть к силовым методам.

В конце октября Тьер подготовил Луи Филиппу проект речи, которую король должен был произнести при открытии Палат 28 октября 1840 г. В этой речи говорилось о возможности войны и содержалась просьба о предоставлении кредита на вооружение 500 тыс. человек. Король отклонил этот проект, найдя его слишком воинственным. Как говорил Гизо, война против европейской коалиции «из-за какой-то части Сирии», не входила в планы короля Луи Филиппа; Тьер подал в отставку.

Новым министром иностранных дел в кабинете, созданном 29 октября под руководством маршала Николая Сульта, стал Франсуа Гизо. Поскольку именно Гизо стал ключевой фигурой в этом кабинете, министерство, как правило, именовали правительством Сульта–Гизо, хотя официально премьер-министром Гизо стал только 29 сентября 1847 г. Настал звездный час Гизо...

ГЛАВА 5. ЧЕЛОВЕК С БУЛЬВАРА КАПУЦИНОВ: ВО ГЛАВЕ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

МИНИСТЕРСТВО 29 ОКТЯБРЯ

За восемнадцать лет существования режима Июльской монархии сменилось семнадцать министерств, причем все эти изменения происходили в первые десять лет. Луи Филипп, не довольствовавшийся тезисом «король царствует, но не управляет», хотел отделаться от сильных политиков, таких как Л.-В. де Брой и А. Тьер, создавая нестабильные министерства и не противодействуя затяжным министерским кризисам. К концу 1830-х. Июльская монархия сумела отбить прямые атаки ее противников и стабилизировать политическое положение в стране. С 1840 г. можно говорить о создании стабильного правительственного большинства: к 1846 г. оппозиция в палате депутатов составляла 168 человек, министерское большинство – 291 (такая стабильность министерства Сульта – Гизо во многом была обеспечена за счет значительной пропорции депутатов-чиновников – 188 из 459 депутатов)⁴²⁸.

Луи Филипп был королем в высшей степени умным, активным и властным; суть его правительственной системы заключалась в том, чтобы управлять Францией с помощью, а не посредством палат. Кроме того, он полагал, что должен обладать властными полномочиями еще и потому, что если он станет «бессильным» конституционным монархом и предоставит решение всех вопросов профессиональным политикам, то те ввергнут страну в ужасную смуту, революцию, войну, а его самого лишат престола⁴²⁹. Луи Филипп и Гизо составили особую политическую пару, отличавшуюся своей стабильностью, единством и силой. Как отмечал Г. де Брой,

⁴²⁸ Rémond R. La vie politique en France... Т. 1. P. 316.

⁴²⁹ Зелдин Т. Указ. соч. С. 357.

эта пара была «герметично закрыта от внешних воздействий»⁴³⁰. Гизо говорил, что политика Луи Филиппа – это и его собственная политика, а король отвечал, что Гизо – это его уста.

В то же время поначалу король не испытывал особой симпатии к Гизо, находя его негибким и слишком сдержанным. Кроме того, Гизо ведь был одним из лидеров коалиции против графа Моле, наиболее «удобного» для Луи Филиппа министра. Однако постепенно Гизо завоевал доверие короля: несмотря на кажущиеся заметные различия между ними, у них было и много общего: огромная трудоспособность, интерес к политике, глубокое знание Англии, любовь к порядку и миру, единодушные взглядов по многим вопросам⁴³¹.

Между ними действительно установилась полная гармония и единодушные взглядов. Нельзя сказать, что король узурпировал все ветви власти; одной из важных составляющих режима представительного правления является разделение власти между кабинетом министров, элементом подвижным, и главой государства, элементом фиксированным. За восемь лет между этими элементами произошла своего рода спайка, соединение. В то же время, такое теоретическое и тактическое согласие установилось только между Луи Филиппом и Гизо, а не в целом между королем и правительством, между правительством и обществом, а непопулярность в обществе Гизо стала распространяться и на самого короля. По словам французской исследовательницы А. Мартен-Фюжье, Гизо и Луи Филиппа связывали, прежде всего, «их общие ошибки, которые они слепо приумножали. Занятые, главным образом, внешнеполитическими делами, в области внутренней политики они обеспечили неподвижность, ставшую фатальной для режима»⁴³².

* * *

Возвращение Гизо в Париж еще больше укрепило узы, связывавшие его с княгиней Ливен. По словам видного французского исследователя П. Тюрю-Данжена, отношения между ними представляли «странное зрелище». Он писал об «общеизвестной близости между главным хранителем всех государственных секретов и иностранкой, которая совсем недавно играла одну из ключевых ролей в дипло-

матии враждебного Франции монарха»⁴³³. Между тем Ливен была настоящим другом, и у Гизо не было повода сожалеть о своей доверительности. Далеко не все современники разделяли это мнение, полагая, что княгиня могла использовать Гизо в своих интересах. Так, например, Виктор Гюго приводит полушутливые-полусерьезные слова короля Луи Филиппа по этому поводу, сказанные им министру внутренних дел Дюшателю: «Неужели у Гизо нет ни одного друга, который бы дал ему полезный совет? Он, должно быть, плохо знает этих северных женщин. О, с ними нужно быть очень осторожным. Если такая женщина имеет дело с человеком моложе себя (пусть даже на один год! – *Н.Т.*), она высосет из него всю кровь»⁴³⁴.

Ливен весьма позитивно оценивала назначение Гизо на пост министра иностранных дел, считая его важным шагом на пути к стабилизации внутривластной ситуации во Франции. Она писала своему другу лорду Абердину 16 ноября 1840 г.: «Приход Гизо к власти вызвал живое чувство удовлетворения и доверия со стороны одних, негодование и ненависть у других... Оппозиция напугана. Улицы стали спокойнее... Котируются на бирже повысились, все вернулось в нормальное русло»⁴³⁵. Кроме того, она подчеркивала миролюбивые заявления Гизо и его стремление к восстановлению «европейского концерта» и отмечала, что «заграница, особенно Англия, продемонстрировала свою поддержку такому стороннику мира и порядка, в которой было отказано министерству смутьяна и фанфарона (как вы его очень хорошо назвали)»⁴³⁶ (имеет в виду А. Тьера. – *Н.Т.*).

Однако в первое время многие наблюдатели как во Франции, так и за ее пределами были уверены в непрочности и недолговечности нового министерства во Франции. Что касается Ливен, то проницательность не изменила ей и на этот раз. Она с самого начала понимала, кто является истинным главой кабинета. Княгиня писала брату Александру 20 января (1 февраля) 1841 г.: «Г-н Сульг – это только глава номинальный, Гизо – реальный глава кабинета»⁴³⁷. Сульгу, по ее словам, такая ситуация вовсе не нра-

⁴³⁰ Broglie G. Guizot. P. 281.

⁴³¹ Martin-Fugier A. Louis-Philippe et sa famille. 1830–1848. Paris, 2013. P. 230.

⁴³² Op. cit. P. 231.

⁴³³ Thureau-Dangin P. Op. cit. V. 5. P. 314.

⁴³⁴ Гюго В. Посмертные записки. С. 76.

⁴³⁵ The correspondence of lord Aberdeen and princess Lieven. P. 152.

⁴³⁶ Ibidem.

⁴³⁷ ГА РФ. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 424. Письма Д. Ливен брату А.Х. Бенкендорфу. Л. 220. Письмо от 20.01(1.02).1841.

вилась, он даже угрожал подать в отставку: «Он говорит, что Гизо совсем не учитывает его мнения, что король его называет «мой добрый маршал», говоря о нем депутатам, и что он не намерен быть добрым маршалом короля»⁴³⁸.

Министерство Сульта – Гизо, стремясь вывести Францию из международной изоляции и урегулировать конфликт мирным путем, в то же время продолжило линию правительства Тьера, направленную на увеличение военно-морского потенциала Франции. Выступая против чрезмерного роста вооружений, предложенного Тьером, Гизо был солидарен со своим предшественником и политическим оппонентом относительно необходимости возведения укреплений вокруг французской столицы, подчеркивая оборонительный характер этих сооружений.

Вопросу об укреплениях большое значение придавал сам король Луи Филипп; это был его своеобразный идефикс. По словам посла Российской империи во Франции графа П.П. Палена, эта идея не прекращала занимать внимание Луи Филиппа с момента «революции, возведшей его на трон». Проект попытались реализовать в 1833 г., но тогда против него решительно выступила французская пресса и общественность, считая, что правительство намеревалось укрепляться не столько от внешнего врага, сколько от врага внутреннего, то есть своего народа. Эта двойственная функция планируемых укреплений была подмечена и иностранными наблюдателями. Так, граф Пален доносил, что укрепления вокруг Парижа, по мнению короля Луи Филиппа, должны были не только «защитить город от иностранного вторжения, но и, главным образом, служить для более легкого подавления его жителей в случае восстания». Кроме того, дипломат отмечал, что на начавшихся работах по возведению укреплений из задействованных на строительстве 50 тыс. рабочих, 40 тыс. являются солдатами. «Эти работы, сосредотачивая большую массу войск вокруг Парижа, предоставят правительству новые возможности для поддержания порядка в столице и во всей стране», – писал он⁴³⁹.

С тех пор, по словам посла, Луи Филипп искал «первую удачную возможность, чтобы реализовать взлелеянную им мысль, в реализации которой он видел гарантию порядка и внутреннего мира, и осо-

⁴³⁸ Там же. Л. 236 об.

⁴³⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 150. Л. 157 об. –158. Донесение П.П. Палена от 31.03 (12.04).1841.

бенно гарантию против всяких попыток ниспровергнуть правящую династию»⁴⁴⁰.

* * *

Первым ответственным делом, которое пришлось проводить министру Сульта – Гизо, стала церемония перезахоронения праха Наполеона, затеянная еще Тьером. Несмотря на опасения, что эта церемония может сопровождаться беспорядками, «праздник почившего изгнанника, с торжеством возвращающегося на родину», как образно назвал церемонию Виктор Гюго, состоялся в Париже 15 декабря 1840 г. и прошел без эксцессов. На площади перед Домом Инвалидов были устроены подмостки, на которых разместилось сто тысяч человек; по обе стороны аллеи были установлены два ряда колоссальных статуй, изображавших героические фигуры, напротив Дома Инвалидов возвышалась гипсовая статуя императора. Однако в целом, по словам Виктора Гюго, очень часто критиковавшего действия правительства и находившегося в оппозиции, в этой церемонии «не было правды, а потому и вышла она вся какой-то фальшью и надувательством. Правительство как будто испугалось вызванного им призрака. Показывая Наполеона, оно в то же время старательно скрывало его, намеренно оставляя в тени все, что было или слишком велико, или слишком трогательно. Грандиозная действительность всюду пряталась под более или менее роскошными покрывалами. Императорский кортеж, долженствовавший быть всенародным, ограничен одним военным, настоящая армия подменена Национальной гвардией, собор – домашней капеллой Инвалидов, наконец, действительный гроб подменен пустым ящиком». Подменили, по словам Гюго, даже лошадь, белого коня, покрытого фиолетовым крепом, которого большинство принимало за настоящего боевого коня Наполеона, «не соображая, что если б он прослужил Наполеону хоть только два года, и то ему теперь было бы целых тридцать лет – возраст почти невозможный для лошади». На самом деле это была всем известная старая лошадь, которая вот уже десять лет фигурировала в роли боевого коня на всех парадных военных похоронах⁴⁴¹.

Очень интересные наблюдения об этом необычайно холодном, по парижским меркам, дне (в столице было минус десять) оставила

⁴⁴⁰ Там же. Л. 63–63 об. Донесение П.П. Палена от 1(13).02.1841.

⁴⁴¹ Гюго В. Посмертные записки. С. 26, 37.

Дельфина де Жирарден, регулярно публиковавшая свои очерки под именем «виконта де Лоне» в газете «La Presse». Она весьма точно подметила одну из главных причин популярности императора Наполеона I в массовом сознании французов. По ее словам, «он единственный был честен с народом, а не зывал к его рыцарскому великодушию и не обольщал его блистательными обманами». Она писала: «Наполеон сказал французам: «Сражайся за меня!» – и французы пошли за этим человеком с восторгом, и поклоняются его памяти по сей день, и будут поклоняться ей вечно, потому что он один понял их, он один не требовал от них никаких преступлений, он один не прививал им дурных страстей, он лишь приказывал им гибнуть с честью на поле боя, и они повиновались. О, если бы явился другой человек и приказал им жить со славой, они также повиновались бы»⁴⁴² – в этом, может быть, кроется и разгадка непопулярности Луи Филиппа, который призывал французов не к славе и смерти во имя побед, а к стабильности и умеренности.

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГИЗО

Именно в сфере внешней политики были наиболее четко развиты принципы орлеанизма, и именно за внешнеполитический курс Гизо будет подвергаться жестоким нападениям оппозиции, обвинявшей его в проведении антinationальной, пассивной политики, следовавшей в фарватере Великобритании, а самого Гизо именовавшей «лордом Гизо», или, по названию его поместья, «лордом Валь-Рише», намекая на проанглийские симпатии министра, и обвиняя его в пренебрежении интересами Франции в угоду британской политике.

Умеренная, миролюбивая политика не встретила понимания у большей части французского общества. Возвращение триколора после 1830 г. означало не только восстановление идеи национального суверенитета, но также возрождение чувства национальной обидчивости за поражение Франции в 1814 – 1815 гг., за ненавистную систему Венских договоров, когда французы чувствовали себя

обязанными распространять принципы 1789 г. за пределы своего Отечества. Причем такие настроения были весьма широко распространены не только в республиканской среде, но и среди самих либералов, в широких кругах интеллигенции, студенчества и даже в среде Национальной гвардии.

Оппозиция обвиняла правящие круги Франции в проведении политики, противоречившей национальным интересам страны, ущемлявшей ее национальное достоинство. Франсуа Гизо ставили в упрек то, что он желал мира «любой ценой», что в угоду сохранения «сердечного согласия»⁴⁴³ с Великобританией был готов пожертвовать национальными интересами Франции. В последние годы существования режима Июльской монархии оппозиция обвиняла правительство в стремлении сблизиться с абсолютистскими монархиями Европы – Австрией и Россией, воплощавшими в глазах французов Венскую систему.

Аналогичные выводы относительно внешней политики Франции в годы Июльской монархии делали советские и французские историки⁴⁴⁴, оценивавшие ее как несоответствующую национальным интересам страны, как слабую, неуверенную и «весьма недальновидную»⁴⁴⁵, отмеченную «скандальными поражениями французской дипломатии»⁴⁴⁶. Например, авторами «Истории Франции» недовольство внешней политикой правительства Гизо широкими кругами населения рассматривалось как одна из главных причин падения режима Июльской монархии в 1848 г.: «С 1841 по 1848 г. международный авторитет Франции неуклонно падал. Ни завершение покорения Алжира в 1847 г., ни другие колониальные приобретения не могли остановить рост недовольства широких слоев населения политикой финансовой олигархии... Реакционная политика и провалы Гизо ускоряли приближение революционной развязки»⁴⁴⁷.

⁴⁴³ Считается, что авторство термина «сердечное согласие» принадлежит лорду Дж. Г. Абердину (1784–1860), в 1841–1846 гг. возглавлявшему внешнеполитическое ведомство Великобритании. Французское выражение *entente cordiale* является переводом с английского.

⁴⁴⁴ Отличное от традиционной историографии мнение содержится в фундаментальной работе П. Тюро-Данжена «История Июльской монархии», написанной в конце XIX в. По мнению П. Тюро-Данжена, последующая история показала, что политика правящих кругов Франции была разумной и оправданной. См.: *Thureau-Dangin P.* Op. cit.

⁴⁴⁵ Большая советская энциклопедия. Т. 16.

⁴⁴⁶ Революции 1848–1849 гг. в Европе / Под ред. Ф.В. Потемкина и А.И. Молока. Т. 1–2. М., 1952.

⁴⁴⁷ История Франции. В трех томах. М., 1972–1973. Т. 2. С. 260.

⁴⁴² Жирарден Д. Парижские письма виконта де Лоне. М., 2009. С. 345.

Видные отечественные специалисты по истории Франции А. И. Молок и Ф. В. Потемкин именно внешнюю политику Июльской монархии называли одной из причин падения режима Луи Филиппа. По их мнению, политика, проводимая королем французов на международной арене, была политикой защиты мира любой ценой, а именно ценой оскорбления французского национального чувства, систематических уступок политическим противникам Франции и ее торговым конкурентам⁴⁴⁸. Аналогичные выводы делал и крупный советский историк Н. Застенкер, отмечавший в работе «Революция 1848 года во Франции», что Июльская монархия «предпочитала вести пассивную внешнюю политику, делая уступку за уступкой соперникам Франции и избегая всяких столкновений с ними»⁴⁴⁹.

Несомненно, что подобная негативная оценка, выдержанная в строгом идеологическом ключе, нуждается в глубоком переосмыслении. Франция, потерпевшая во втором десятилетии XIX в. тяжелейшее военное поражение и пережившая крушение внешнеполитического курса Наполеона I, направленного на установление преобладающего влияния Франции в Европе, стояла перед необходимостью разработки основ новой внешнеполитической концепции, учитывающей реальные экономические возможности страны и ее военный потенциал.

В отечественной исторической науке сформировалось мнение, согласно которому все усилия французских политиков и дипломатов в годы Июльской монархии были направлены на ликвидацию ненавистной французам Венской системы, олицетворявшей в их глазах национальное унижение Франции и препятствовавшей возрождению ее былого величия. Например, Е. И. Федосова считает, что внешнеполитическая концепция правительства Июльской монархии включала в себя стремление к ликвидации международной изоляции Франции путем разрушения Венской системы. По мнению исследователя, после революции 1830 г. сторонники Сопrotивления полагали, что Франция могла выполнить свою основную задачу – значительно усилить свои позиции в Европе, только при условии развала всей Венской системы⁴⁵⁰.

⁴⁴⁸ Молок А.И., Потемкин Ф.В. Европа в 1794–1847 гг. Лекции, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б). М., 1952.

⁴⁴⁹ Застенкер Н. Революция 1848 г. во Франции. М., 1948. С. 11.

⁴⁵⁰ Федосова Е.И. Франция и Венская система (К вопросу о постоянно действующих и временных факторах внешней политики) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1996. № 5. С. 77.

Действительно, широкие круги французского общества, жившие в плену «наполеоновской легенды», видели в Венских договорах главное зло для Франции. В правящих кругах Франции эту идею отстаивали либералы левого направления, представленные группой Движения (Ж. Лаффит, О. Барро, М.-Ж. Лафайет, Ф. Моген и другие). Однако только первые кабинеты Июльской монархии носили коалиционный характер, включая левых и правых либералов. В первом кабинете Июльской монархии семь министров являлись сторонниками политики Сопrotивления, четыре – сторонниками политики Движения. Командующим Национальной гвардией стал генерал Лафайет, О. Барро был назначен префектом округа Сены. Однако такое правительство являлось очень нестабильным в силу противоречий по вопросу о путях дальнейшего развития Франции, существовавших между министрами. С созданием министерства Казимира Перье (министерство 13 марта 1831 г.) важнейшие министерские посты занимали сторонники политики Сопrotивления. Министры, солидаризируясь с королем Луи Филиппом, выступали за проведение умеренного внешнеполитического курса в рамках сложившейся системы международных отношений, регламентированной решениями Венского конгресса. «Пока здание Венского конгресса стоит на ногах, – говорил В.-Л. де Брой, мы должны будем его уважать»⁴⁵¹.

Чем была обусловлена такая политическая линия, столь непопулярная в глазах большинства французов, усматривавших в деятельности сторонников короля Луи Филиппа отступление от принципов 1830 г. и пренебрежение национальными интересами Франции? Рассмотрим эти важные вопросы.

Июльская революция 1830 г., смена династии и провозглашение герцога Орлеанского «королем французов», который воспринимался консервативными дворами не иначе как «король баррикад», резко осложнили международное положение Франции, вновь появилась угроза ее международной изоляции и даже организации вооруженной интервенции против нового политического режима, рожденного революцией, к чему на первых порах склонялся император Николай I. Для легитимных монархов Европы революция 1830 г. во Франции означала возрождение революционной угрозы. Они опасались возможной военной экспансии со стороны революционной Франции.

⁴⁵¹ Broglie duc de. Les Souvenirs, 1795–1870. V. 1–4. Paris, 1886. V. 4. P. 39.

Вот как сформулировал позицию европейских монархов французский политический деятель тех лет, сторонник политики короля Луи Филиппа, Ж.-Б. Капефиг: «Делайте во Франции все то, что на вас налагают ваши интересы и ваши прихоти; рано или поздно опыт докажет вам, что нет безопасности без порядка, а власти без сильного правительства. Концентрируйте сферу своих экспериментов в собственных границах; всякая попытка перенести их на внешнюю арену будет предотвращена. Повсюду, где на нашей территории вспыхнет революция, мы подавим ее нашими армиями. Если вы вмешаетесь, это будет означать войну; войну не только с одной из нас, но и со всей континентальной Европой, поскольку речь идет об общем благе монархов»⁴⁵².

В этих условиях французская дипломатия в своих действиях должна была исходить из утверждения о том, что Франция является страной со стабильной внутривластной системой, что она не вынашивает экспансионистских планов, а является полноправным партнером европейских держав, заинтересованным в сохранении европейского равновесия сил и в предотвращении возможности новых социальных потрясений в Европе. Король Луи Филипп так говорил по этому поводу: «Франция оставила истории достаточно памятников своей военной славы, чтобы добавить к этим трофеям трофеев не менее славных – быть гарантом мира во всем мире и гарантом спокойствия человечества»⁴⁵³.

В течение сентября – октября 1830 г. король Луи Филипп и возглавляемый им политический режим были признаны всеми государствами Европы, за исключением португальского короля дона Мигеля, которого Франция со своей стороны не признавала законным монархом, и герцога Моденского, категорически отказавшегося признать власть, порожденную революцией⁴⁵⁴. В целом европейские монархи понимали, что без участия Франции стабильность в Европе была невозможна: изолированная, и, как следствие, нестабильная Франция всегда оставалась бы очагом возмущений, пропаганды, катализатором революционных событий в европейских государствах.

⁴⁵² *Capéfigue J.-B.* Le gouvernement de juillet, les partis et les hommes politiques. 1830 à 1835. T. 1–2. Bruxelles, 1836. T. 1. P. 248–249.

⁴⁵³ *Louis Philippe.* Pensées et opinions de Louis Philippe sur les affaires de l'état. Paris, 1850. P. 236.

⁴⁵⁴ *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. 1814–1878. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1995. С. 266.

Непременным условием возвращения Франции в «европейский концерт» являлось признание ею существовавшего в Европе статус-кво, а именно системы международных отношений, регламентированной решениями Венского конгресса. Так, например, император Николай I в письмах Луи Филиппу подчеркивал: «В согласии с моими союзниками я удовлетворен принятым Вашим Величеством решением поддерживать отношения мира и дружбы со всеми европейскими государствами. Пока они будут основаны на существующих договорах и на твердом убеждении уважать права и обязательства, как и территориальное состояние, Европа получит гарантию мира, так необходимого для спокойствия самой Франции»⁴⁵⁵.

Однако в самой стране в рамках орлеанизма началась острая политическая борьба между сторонниками правого, умеренного либерализма (так называемая группа Сопrotивления) и приверженцами левого либерализма (так называемая группа Движения), предложившими две программы решения внешнеполитических проблем. Именно по вопросам внешней политики развернулась острая политическая борьба, именно внешнеполитические проблемы вызывали наибольшую полемику на страницах печати и в парламенте. По словам современника событий Луи Блана, в эти годы «Франция жила больше жизнью других наций, чем своей собственной. События, будоражившие тогда Польшу, Португалию, Бельгию занимали умы в манере почти исключительной...»⁴⁵⁶.

Если сторонники политики Движения полагали, что необходимо углублять и расширять революционные преобразования, содействовать развитию революционного движения за пределами Франции и рассматривали события 1830 г. как начало коренных преобразований в Европе, требуя продвижения Франции к Рейну, присоединения Бельгии к Франции, то лидеры политики Сопrotивления (Ф. Гизо, Л.-В. де Брой, К. Перье) считали, что с победой Июльской революции и установлением власти Луи Филиппа Орлеанского революция является оконченной, и все усилия должны быть направлены не на дальнейшее совершенствование политических институтов, а на их стабилизацию, на упрочение уже достигнутого. Они исходили

⁴⁵⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 133. Оп. 469. Д. 88. Л. 23. Проект письма российского кабинета королю французам; копия письма Николая I от 18 сентября 1830 г. Л. 28.

⁴⁵⁶ *Blanc L.* Histoire de dix ans. 1830–1840. Paris, 1848. T. 2. P. 349.

из осознания того факта, что Франция будет допущена в концерт европейских государств только при условии признания сложившейся системы международных отношений, не требуя пересмотра Венской системы.

В то же время разногласия внутри блока орлеанистов и между ними и их политическими оппонентами не являлись антагонистичными. Это уже не была борьба между Старым порядком и новой, постреволюционной Францией, как в годы Реставрации: и сторонники Сопrotивления, и сторонники Движения поддерживали монархию Луи Филиппа и осуждали нарушение конституционной Хартии Карлом X. Это была борьба за поиск государственных институтов, адекватных потребностям модернизирующегося французского общества, борьба, прежде всего, по тактическим, а не стратегическим вопросам, когда основополагающие принципы нового политического режима сомнению не подвергались.

Одилон Барро, талантливый адвокат, сторонник политики Движения, в 1840-е перешедший в левый фланг Сопrotивления, возглавив группу «династическая левая», писал по этому поводу в своих «Мемуарах»: «Разница между королем и нами в вопросах внешней политики не заключалась в различных принципах, но только в степени твердости в их применении или в степени веры в силу нашей революции»⁴⁵⁷.

Кроме того, при анализе внешнеполитических дискуссий следует учитывать, что критика внешнеполитического курса правительства оппозицией зачастую не носила конструктивного характера, а являлась средством борьбы за власть, дискредитацию правительства и его низвержения. Это можно отчетливо проследить на примере критики оппозицией линии на установление «сердечного согласия» с Великобританией: оппозиция обвиняла правительство в проведении антинациональной, пробританской политики, презрительно именуя его «министерством заграницы». Однако, когда кабинет Сульта – Гизо в деле «испанских браков» пошел на конфликт с Англией, оппозиция рьяно принялась критиковать правительство уже за то, что якобы ради «семейного альянса» оно пожертвовало самыми дорогими и важными интересами Франции, а именно союзом с Великобританией. В частности, А. Тьер, постоянно критиковавший

⁴⁵⁷ Barrot O. Mémoires posthumes de Odilon Barrot. T. 1–4. P., 1875–1876. T. 1. P. 258.

правительство Сульта – Гизо за его приверженность «сердечному согласию», за принесение в жертву этому «сердечному согласию» национальных интересов Франции, теперь заявлял: «Союз с Англией является истинной политикой нашего времени, поскольку его главной целью является борьба за свободу народов и независимость всех государств Европы... Франция должна пропагандировать не идею завоевания, а идею защиты европейской свободы и достичь этого она может только в союзе с Англией»⁴⁵⁸.

Для левой оппозиции, прежде всего, республиканцев, внешнеполитический курс правительства являлся предметом постоянной и острой критики. Однако события, последовавшие за революцией 1848 г., показали, что республиканская критика также не была конструктивной и объективной: после 1848 г. республиканцы, по сути, продолжили внешнеполитическую линию своих прежних непримиримых противников – орлеанистов.

Либералы-орлеанисты смогли разработать теоретическую базу своей внешней политики, которая должна была разрешить конфликт между конституционными и абсолютистскими державами. Орлеанисты во Франции, как и виги в Великобритании, первыми вышли на проблему формирования внешнеполитического курса с идеологической окраской.

В годы Июльской монархии во Франции столкнулись два подхода к решению внешнеполитических проблем: либеральный, проводимый либералами-орлеанистами, с приоритетом морали и права, и традиционно-реалистический подход, популярный в широких слоях французского общества и среди части политического истеблишмента о необходимости отстаивания национальных интересов страны всеми возможными методами, в том числе и силовыми.

В области внешней политики орлеанизм явился первой попыткой сознательно «приучить» французов, живших в плену «наполеоновской легенды» величия Франции, ее лидирующего положения в Европе, к проведению разумной и взвешенной политики, учитывающей реальные возможности страны.

* * *

Немногие из французских министров иностранных дел имели такую глубокую веру в историю Франции, как Гизо. При этом как

⁴⁵⁸ Discours parlementaires de M. Thiers. T. 1–15. Paris, 1879–1883. T. 7. P. 410.

историк, он не просто извлекал из истории уроки, но излагал свою теорию французского лидерства в Европе и выводил из этого теоретическую базу своей внешней политики. Гизо исходил из осознания того, что страх войны и революции лежал в основе недоверия, которое европейские государства питали по отношению к Франции. Следовательно, чтобы Франция смогла занять достойное место в европейском концерте, необходимо было убедить европейских монархов в ее миролюбии, в отсутствии у Франции экспансионистских устремлений. Он полагал, что, несмотря на систему Венских договоров, ненавистную большинству французов, Франция остается великой державой, имеющей древнюю историю и высокий уровень интеллектуального развития. Венский конгресс установил в Европе легитимный порядок, который лучше принять, чем постоянно с обидой оспаривать. В противовес общественному мнению, орлеанисты полагали, что Франция должна действовать в русле договоров 1815 г., чтобы другие державы признали ее как силу мира и порядка, а не войны и разрушения. Гизо считал, что со временем, придерживаясь такой политической программы, Франция займет свое законное место в европейской системе. Выступая в палате депутатов 29 января 1848 г., он так говорил о внешнеполитической линии Франции: «Мы рассматриваем договоры 1815 г. как основу европейского порядка. Мы утверждаем, что эта политика соответствует интересам как Франции, так и Европы»⁴⁵⁹.

Результатом такой политики, по мнению Гизо, будет независимость и усиление Франции; ей не нужно будет опасаться изоляции и искать союзника, потому что против нее не будет никакой враждебной коалиции. Она будет договариваться, согласно обстоятельствам, или с ансамблем великих держав, или с каждой в отдельности.

Однако умеренная позиция Луи Филиппа, умеренный тон его заявлений вызывали резкую критику со стороны оппозиции. По справедливому замечанию В.В. Дегоева, поведение короля Луи Филиппа и лидеров Соппротивления «составляло контраст имперско-реваншистским настроениям французского общественного мнения»⁴⁶⁰.

Важнейшими регуляторами международных отношений, по мнению Гизо, являлись мораль и право. Он полагал, что со временем

⁴⁵⁹ Guizot F. L'Histoire parlementaire de la France. Т. 5. P. 543.

⁴⁶⁰ Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 211.

Франция должна занять достойное место в концерте европейских государств благодаря своему экономическому процветанию и своей цивилизации, а не с помощью военных авантюр. По мнению Гизо, Европа не должна рассматривать Францию как эпицентр революционных идей, как страну с нестабильным внутренним общественно-политическим строем, постоянно подвергающимся революционным потрясениям. «Мы хотим, – писал он, – чтобы народы знали только добродетели и благоденствия французской революции; мы хотим, чтобы народы увидели, что во Франции господствует не революция, но свобода. Не беспорядок, но внутренний порядок и стабильность»⁴⁶¹.

Какими же должны быть средства влияния Франции в Европе, если она откажется от войны и вооруженной пропаганды? «Средства влияния Франции в Европе сегодня – это мир, это стабильное правительство, действующее в условиях свободы, обретенной в ходе революции. Средства влияния Франции в Европе заключается в том, чтобы завоевывать повсюду не территории, но умы и души. Пусть Франция процветает, живет свободно, богато, умно, без потрясений, и нам не придется жаловаться, что ей не хватает влияния в Европе», – делал вывод Гизо⁴⁶².

Как видим, он выступал за мирное разрешение возникающих международных и внутренних проблем, допуская насильственный путь только в исключительных случаях, когда легальные методы сопротивления уже исчерпаны. Гизо был прав, выступая против неосторожного, необдуманного использования силы в международных отношениях, прекрасно понимая, что это может обернуться новой европейской коалицией и войной против Франции, к которой она была не готова и которая не отвечала ее национальным интересам.

Исходя из идеи о необходимости мирного существования европейских государств, Гизо сформулировал основные идеи международного европейского права, которые должны соблюдаться всеми европейскими государствами для сохранения и упрочения мира: мир – это естественное состояние наций и правительств; война – это дело исключительное, которое должно иметь законный мотив; государства являются абсолютно независимыми друг от друга в области внутренней политики; каждое из них создается и управляется согласно принципам и в формах, которые ему соответствуют; ни

⁴⁶¹ Guizot. F. L'Histoire parlementaire de la France. Т. 5. P. 190–195.

⁴⁶² Le Moniteur universel. № 324. 1840. 19 novembre. P. 2272.

одно из государств не имеет право вмешиваться во внутреннюю политику другого государства, только если интересы его собственной безопасности делают это вмешательство необходимым⁴⁶³.

Гизо сожалел, что критика Венской системы начиная с 1815 г. стала во Франции символом патриотизма. По его мнению, тенденция выступать против договоров 1815 г. и считать, что цель внешней политики Франции состоит в их аннулировании, питала во Франции ложные надежды, а в остальной Европе – напрасные опасения. Он соглашался, что со временем могут происходить изменения Венской системы. Но эти изменения, утверждал он, «могут быть легитимными только после их обсуждения и принятия всеми державами, подписавшими Венские договоры»⁴⁶⁴.

В то же время, не призывая к ликвидации Венской системы, Гизо своими комбинациями (политические действия Франции в Бельгии, стремление создать Средиземноморскую лигу, заключение торговых договоров с пограничными Францией государствами – Бельгией, Голландией и Пьемонтом, которые со временем могли трансформироваться в политические объединения, когда государства, которые по решениям Венского конгресса должны были выполнять роль буфера и приглушать возможные экспансионистские намерения Франции, стали бы ее естественными союзниками), по сути, подготавливал ее распад.

Однако анализ внешнеполитического курса либералов–орлеанистов показывает, что, либералы, учитывая зыбкость тогдашнего европейского порядка, исповедуя либеральные внешнеполитические принципы, зачастую должны были исходить в своих действиях из так называемой «Realpolitik», политики, которая будет характерна для великих держав во второй половине XIX века. Следование орлеанистами принципам «реальной политики» можно расценивать как важнейший мировоззренческий факт, как весьма серьезный перелом в сознании французской политической элиты, в котором отчетливо проявилась связь творчества, новаторства и уважение традиций; разработка новых тактических приемов с выходом на формирование новой стратегии внешней политики.

Отсюда и переплетение либеральных и консервативных ценностей, в том числе во внешнеполитической доктрине орлеанистов,

⁴⁶³ Guizot F. Mémoires... V. 4. P. 5.

⁴⁶⁴ Guizot. F. L'Histoire parlementaire de la France. T. 5. P. 286.

которые, с одной стороны, опирались в своих действиях на основополагающие идеи либерализма о недопущении развязывания войны и о компромиссных решениях возникающих международных проблем, а с другой стороны, выступали за доминирование интересов государства во внешней политике, за отстаивание суверенитета государства как заявки на самостоятельность в решении международных вопросов, то есть исповедовали ценности, традиционно рассматриваемые как консервативные.

Либерально-консервативный синтез проявился и в весьма своеобразной интерпретации «принципа невмешательства». Долгое время как во французской, так и в отечественной исторической науке он трактовался весьма однозначно, а именно как отступление от идеалов 1830 года, как пассивное содействие политике, направленной на подавление национально-освободительных движений.

Идея невмешательства во внутренние дела других государств – это один из главных постулатов политики Сопротивления. Умеренные либералы сформулировали этот принцип в качестве противовеса идее Священного союза о легитимности вмешательства во внутренние дела государства, представляющего угрозу для существования абсолютистских режимов. Франция, в которой только что победила революция, объявляла, таким образом, нелегитимным вмешательство абсолютистских дворов в ее внутренние проблемы.

Герцог де Брой, сравнивая принцип невмешательства с личной свободой, отмечал: «Я являюсь хозяином у себя, и никто не имеет права проникать ко мне без моего согласия... Если мой сосед намеревается вмешаться в мои дела, я не только имею право противодействовать его вмешательству, но вправе подавить его, призвав на помощь всех других моих соседей, имеющих косвенный, но легитимный интерес к сохранению свободы каждого человека и безопасности каждого жилища. Так и между государствами: каждый у себя, каждый за себя; все, по необходимости, за или против каждого, согласно обстоятельствам»⁴⁶⁵.

Как видим, де Брой полагал, что принцип невмешательства отнюдь не означал пассивной линии поведения. По его мнению, в случае угрозы свободы и независимости какой-либо страны, другие державы могут и даже обязаны прийти ей на помощь.

⁴⁶⁵ Broglie duc de. Souvenirs... T. 4. P. 39.

Именно исходя из такой интерпретации принципа невмешательства, французское правительство на практике осуществляло действия, в частности по вопросу о судьбе Бельгии, которые, на первый взгляд, как будто бы порывали с провозглашенным принципом. Именно исходя из такой трактовки принципа невмешательства, как сторонники политики Луи Филиппа, так и представители оппозиции называли его «двойным принципом». По словам посла Российской империи во Франции графа К.О. Поццо ди Борго, «Франция, постоянно твердя о невмешательстве, без конца проводила противоположную политику»⁴⁶⁶.

Как видим, французское правительство, беря на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела других государств, оговаривало, что если ситуация в какой-либо стране будет представлять угрозу национальной безопасности Франции или если во внутренние дела какого-либо государства вмешается третья держава, что также будет представлять опасность для Франции, или будет угрожать европейскому равновесию, то Франция могла прибегнуть к вооруженному вмешательству в дела другого государства, опять-таки, исходя из принципа невмешательства.

Отметим, что Гизо, не идеализируя этот принцип (он писал, что он не является лучшим, и «есть тысячи причин его ненавидеть»), в то же время отмечал, что Франция «должна выбирать между уважением свободы народов, принципом невмешательства и новыми идеями подчинить Европу... Это выбор между системой мирного, конституционного влияния и революционной вооруженной пропагандой»⁴⁶⁷.

Следование принципам «Realpolitik» проявилось и в колониальной политике Франции. Политика, направленная на завоевание Алжира, и порывавшая с либеральными идеями недопущения войны, оправдывалась орлеанистами с позиций национальных интересов Франции, что было свойственно консерваторам. Аналогичными соображениями объясняется и политика Гизо, направленная на сближение с «идеологическими противниками» Франции – Австрией

⁴⁶⁶ Отметим, что российский дипломат считал, что Луи Филипп тяготился необходимостью придерживаться принципа невмешательства и следовал ему только по той причине, что общественное мнение Франции было настроено решительно в пользу невмешательства, и что король «не мог отказаться от идеи невмешательства без больших опасностей для себя самого. См.: АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 197. Л. 404. Донесение Поццо ди Борго от 19.02(3.03).1831.

⁴⁶⁷ Guizot. F. L'Histoire parlementaire de la France. T. 5. P. 195.

и Россией после охлаждения отношений с Великобританией из-за «испанских браков»⁴⁶⁸.

УРЕГУЛИРОВАНИЕ ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА

Несмотря на внешнюю воинственность, Франция воевать отнюдь не собиралась, рассматривая создание укреплений и вооружения как дело мира, а не войны. К началу 1841 г. страна уже оправилась от лихорадочного возбуждения, охватившего ее после подписания Конвенции 15 июля и воинственных призывов Тьера. Как доносил граф Пален, «идея мира вытеснила чувство беспокойства, так неистово будоражившее умы перспективой неизбежного военного столкновения, и Франция снова вернулась к своим повседневным заботам»⁴⁶⁹. Газета «Московские ведомости» от 1 февраля 1841 г., помещая публикации о политической полемике во французском парламенте по вопросу о создании укреплений вокруг Парижа, подметила такую важную деталь, как равнодушие парижан к парламентским прениям по этой важной проблеме.

О стремлении Франции выйти из состояния изоляции, но проводить политику «вооруженного мира», сообщала и Дарья Христофоровна. Она писала брату Александру 26 февраля (10 марта) 1841 г., что политика Гизо «встречает самую большую поддержку в обеих палатах... Изоляция может прекратиться, он этого очень желает, он хочет освободить свою страну от тяжкого бремени, которое она вынуждена нести. Но он хочет оставаться свободным в своих действиях»⁴⁷⁰.

Постепенно меняется и отношение европейских держав к политике французского правительства. Лидеры европейской дипломатии ясно осознавали, что соглашение по делам Востока без участия Франции могло носить только временный характер, и считали целесообразным подключить Францию к «европейскому концерту». Герцогиня де Дино писала 2 января 1841 г. о переменах в позициях европейских дворов: «Гизо сообщил мне о депешах из Санкт-Пе-

⁴⁶⁸ Имеются в виду брачные союзы между королевой Испании Изабеллой и герцогом Кадисским, а также ее сестрой инфантой Луизой-Фернандой и сыном Луи Филиппа герцогом Монпансье, заключенные осенью 1846 г. и явившиеся причиной обострения отношений между Францией и Великобританией, а по сути, краха «сердечного согласия».

⁴⁶⁹ АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 141. Л. 45. Донесение П.П. Палена от 31.03 (12.04).1841.

⁴⁷⁰ ГА РФ. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 424. Л. 233 об.

тербурга, Вены, Лондона, отовсюду превосходных. Везде ощущается желание ввести Францию в европейский концерт, стремление пойти ей навстречу... Мир восстановлен, и я сказала бы, даже больше, чем мир»⁴⁷¹.

Ливен отмечала постепенное снятие международной напряженности, подчеркивая заинтересованность как Франции, так и остальных участников «европейского концерта» восстановить его в прежнем составе. Она писала брату о постепенной нормализации ситуации в Германии и снижении там накала антифранцузских страстей: «Воинственный пыл здесь весьма охладел, и никто не призывает к войне. Поведение Франции вызывает уважение»⁴⁷².

В начале января 1841 г. Ливен сообщала герцогине де Дино об изменившихся настроениях санкт-петербургского двора по отношению к Франции: «Тон последних сообщений подтверждает, что Россия искренне желает видеть Францию, вошедшую в европейский концерт. Россия выступает за сохранение нынешнего министерства. Эти сообщения, которые специалисты расценивают как наиболее дружелюбные из когда-либо поступавших из Санкт-Петербурга, вызвали здесь большую радость и заставили сильно побеспокоиться англичан»⁴⁷³.

Ливен очень верно оценивала изменение поведения Австрии, прежде всего канцлера Меттерниха, желающего «задобрить Францию». Она сообщала брату о депеше из Вены от 21 января, которую Аппоньи принес Гизо, и отмечала, что «Меттерних как никогда заигрывает с Гизо, осыпает его комплиментами. Он с пониманием относится к его подходу к вопросу о христианском населении Сирии, он ему сообщает о своих действиях по этому вопросу»⁴⁷⁴.

Об изменившихся настроениях австрийского кабинета Ливен сообщала и герцогине де Дино, подчеркивая, что «вся Европа оказывает большое доверие Гизо, особенно Меттерних, который его просит только об одном: сохранить власть. Я считаю положение Гизо достаточно прочным, насколько можно об этом говорить применительно к Франции»⁴⁷⁵.

В аналогичном ключе она писала и лорду Абердину 7 февраля 1841 г.: «Очень хорошие отношения восстанавливаются с немецки-

ми дворами. Здесь знают, что без весьма эффективных и решительных усилий князя Меттерниха в Лондоне никогда бы не пришли к окончанию египетского дела... Франция в гораздо лучших отношениях со всеми другими кабинетами, нежели с вашим»⁴⁷⁶. Как видим, княгиня могла быть объективной по отношению к Клеменсу Меттерниху, своему бывшему возлюбленному и политическому оппоненту.

Однако такое изменение в политике Австрии было весьма настоятельно встречено в Санкт-Петербурге. 1(13) марта Дарья Ливен сообщала брату Александру о полученной накануне шифрованной депеше Баранта от 23 февраля, в которой подчеркивалась негативная реакция императора Николая на известие о стремлении европейских лидеров подключить Францию к «европейскому концерту». Барант писал: «Хорошие отношения Австрии с Францией очень не нравятся императору. Речь сэра Р. Пиля также вызвала его сильное недовольство из-за расположения, которое тот продемонстрировал к этой стране. Император продолжает испытывать к Франции самую живую ненависть»⁴⁷⁷.

После того, как текст конвенции по делам Востока был разработан, документы, согласованные союзниками, поступили на рассмотрение Гизо. Он был крайне раздражен, что в конвенцию не вошло ни одно из предложений Франции. Россия решительно отказалась гарантировать предложенные Гизо неприкосновенность и самостоятельность Османской империи и особый статус Иерусалима. В разговоре с Гизо граф Пален подчеркнул, что, «понимая печальное положение» христиан Сирии и Иерусалима, он «не мог признать за ними больше прав, чем за другими христианами, которые населяют провинции турецкой Европы». На предложение Гизо поставить Иерусалим под контроль европейских держав, Пален заявил, что «эта гарантия будет эффективна только в том случае, если не будет нарушена гармония между дворами. В случае конфликта или разногласий между ними будет сложно следовать общей цели»⁴⁷⁸. Британское правительство также отклонило французские предложения о совместном контроле торговых путей в Азии и о положении христиан в Сирии.

⁴⁷¹ *Dino D.* Op. cit. Т. 3. P. 3.

⁴⁷² ГА РФ. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 424. Л. 237–237 об.

⁴⁷³ *Dino D.* Op. cit. Т. 3. P. 6.

⁴⁷⁴ ГА РФ. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 424. Письма Д. Ливен брату А.Х. Бенкендорфу. Л. 238.

⁴⁷⁵ *Dino D.* Op. cit. Т. 3. P. 22.

⁴⁷⁶ Gordon G.H. The correspondence of lord Aberdeen and princess Lieven. 1832–1854. V. 1. 1832–1848. London, 1938. P. 165.

⁴⁷⁷ ГА РФ. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 424. Письма Д. Ливен брату А.Х. Бенкендорфу. Л. 281–281 об.

⁴⁷⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 150. Л. 15–16. Донесение П.П. Палена от 23.12 (4.01).1841.

В результате проект конвенции свелся к объявлению, что проливы Босфор и Дарданеллы останутся под абсолютным суверенитетом Турции и будут закрыты для военных судов всех других держав. Но поскольку основное требование Франции – предоставление Мухаммеду Али прав на наследственное владение Египтом – в тексте было учтено, и протокол, извещавший об окончании кризиса, предшествовал заключению новой конвенции, Гизо заявил о согласии Франции присоединиться к союзу четырех держав.

13 июля 1841 г. были подписаны два дипломатических акта: один – Австрией, Великобританией, Пруссией и Россией, а другой – этими же державами и Францией. Первым из них был протокол, помеченный 10 июля, в котором заявлялось об окончании турецко-египетского кризиса и содержалось приглашение Франции присоединиться к Конвенции о Проливах. Второй документ – договор пяти держав, с одной стороны, и Турции – с другой, получивший название второй Лондонской конвенции, регулировал режим черноморских проливов. Согласно Конвенции о Проливах, Босфор и Дарданеллы были поставлены под общеевропейский контроль. Подписание второй конвенции и присоединение к ней Франции означало расширение коллективного вмешательства нечерноморских держав в правовой режим черноморских проливов. Таким образом, начиная с конвенции 1841 г., режим проливов стал регулироваться многосторонними актами, а не соглашениями наиболее заинтересованных держав – России и Турции, как это было до тех пор.

За несколько дней до подписания конвенции, 5 июля 1841 г. в Великобритании произошла смена министерства: кабинет вигов оказался в меньшинстве, к власти пришли тори под руководством Р. Пиля; министром иностранных дел стал лорд Дж. Г. Абердин. Во Франции это известие было встречено с нескрываемым удовлетворением, поскольку Пальмерстона французы рассматривали как своего злейшего врага, добившегося исключения Франции из «европейского концерта». Княгиня писала лорду Абердину еще 7 февраля 1841 г.: «Скажу вам откровенно, что никогда при нем (Пальмерстоне. – *Н.Т.*) не будет искреннего восстановления дружественных отношений между Францией и Англией... Лорд Пальмерстон – это враг каждого француза»⁴⁷⁹. Еще до смены английского министерства

⁴⁷⁹ The correspondence of lord Aberdeen and princess Lieven. P. 166.

ва Ливен очень четко подметила радостные ожидания во Франции. В письме брату Александру от 28 апреля (10 мая) 1841 г. она писала: «Ждут новостей из Лондона. С удовольствием ожидают изменения министерства, хотя мало кто еще в это верит»⁴⁸⁰. Об этих же настроениях она писала лорду Абердину: «Наконец Англия получит хорошее министерство, которое понимает свое достоинство и свой долг. Все здесь очень заинтересованы, чтобы известные события произошли как можно скорее, чтобы подписать с Вами, а не с лордом Пальмерстоном, соглашение, которое введет Францию в европейский концерт и прекратит эту ужасную бурю, которая разразилась после 15 июля»⁴⁸¹. Уже после формирования кабинета Р. Пиля она писала своему другу: «Я очень искренне верю, что европейский мир и добрые отношения между державами имеют больше гарантий в Ваших руках, нежели в руках лорда Пальмерстона. И я не одна так думаю. Со мною согласны все европейские дипломаты, с которыми я здесь общаюсь»⁴⁸².

Она также справедливо подметила, что Пальмерстон всячески стремился заключить с Францией Договор о праве осмотра (кораблей в целях борьбы с работорговлей) до своей отставки и весьма скептически относилась к такой вероятности. В том же письме брату она писала: «Очевидно, что Гизо откажет. Он предпочитает подарить этот букет тори, если они придут к власти»⁴⁸³.

Итак, подписанием Конвенции 13 июля 1841 г. Восточный вопрос был временно урегулирован. Как справедливо подметил Гизо в беседе с Н. Д. Киселевым⁴⁸⁴, подписание Конвенции ознаменовало «окончание турецко-египетского конфликта, но не разрешение Восточного вопроса в целом», поскольку, по его словам, «несчастный упадок Османской империи приведет вскоре к возможности новых затруднений...»⁴⁸⁵. Это произойдет спустя двенадцать лет, когда Россия и Франция окажутся противниками в Крымской войне.

После подписания Конвенции 13 июля внешнеполитическая ситуация постепенно стабилизировалась, чего нельзя было сказать

⁴⁸⁰ ГА РФ. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 424. Письма Д. Ливен брату А.Х. Бенкендорфу. Л. 342.

⁴⁸¹ The correspondence of lord Aberdeen and princess Lieven. P. 169–170.

⁴⁸² Ibid. P. 175.

⁴⁸³ ГА РФ. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 424. Письма Д. Ливен брату А.Х. Бенкендорфу. Л. 342.

⁴⁸⁴ Как отметил Н.Д. Киселев, «со своей обычной важностью, хотя и с явно скрываемым удовлетворением». См.: АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 150. Л. 393. Донесение Н.Д. Киселева от 17(29).07.1841.

⁴⁸⁵ Там же.

о внутривосточной обстановке во Франции. Ливен писала Абердину 11 ноября 1841 г.: «Здесь ничего нового, как всегда – интриги. Французы имеют к ним привычку... Сессия будет более сложной, чем предыдущая. Тогда, по сути, была только одна мысль – мир; нельзя было серьезно атаковать правительство, которое его провозгласило. Сегодня все изменилось. В условиях безопасности персональные амбиции снова берут верх»⁴⁸⁶.

Подписанием Конвенции 13 июля 1841 г. Восточный вопрос был на время урегулирован, а Франция вышла из международной изоляции, однако ее требования относительно статуса Иерусалима, положения христиан в Сирии, нейтралитета торговых путей учтены не были, что вызвало волну критики кабинета Сульта – Гизо со стороны оппозиции.

В то же время, хотя и уменьшенное в размерах, владение Мухаммеда Али обладало теперь гарантиями, которых ему не доставало до кризиса. Это давало Франции возможность усилить противодействие английской политике в Египте, Алжире и даже Испании, где снова усилилось ее влияние. Кроме того, сохранилось и влияние Франции в Сирии, благодаря поддержке христиан и части местных мусульман из черкесов и прочих меньшинств⁴⁸⁷.

Итак, военная тревога осени 1840 г., когда Франция и Великобритания находились на грани политического разрыва, не привела к открытому вооруженному конфликту. Политика Гизо, направленная на поиски путей мирного урегулирования Восточного кризиса и восстановление европейского равновесия сил соответствовала курсу «тетрархии», то есть стран – участниц Лондонской конференции, стремящихся не допустить всеобщей войны.

Гизо в своих действиях исходил из приоритетной задачи сохранения международной стабильности и недопущения развязывания войны, с целью удовлетворения территориальных притязаний еги-

петского паши, пусть даже очень выгодных Франции. Он полагал, что его предшественник Адольф Тьер преувеличивал важность ближневосточных дел, не сумев почувствовать разницу между национальными интересами Франции и второстепенными интересами, имевшими временный характер. По его мнению, в 1840 г. не были затронуты национальные интересы Франции, поэтому и не было необходимости компрометировать их агрессивной и воинственной политикой. Учитывая напряженную внутривосточную ситуацию в стране, Гизо имел достаточно оснований утверждать, что в случае войны между Францией и другими европейскими державами во Франции могла бы вспыхнуть революция, которая смела бы существовавший политический режим. Даже если бы удалось избежать революции, страна, по мнению Гизо, оказалась бы перед лицом коалиции европейских держав, которая принесла бы ей еще более жестокое поражение и еще более обременительные трактаты, нежели в 1815 г. В этом отношении, в своем анализе политики Тьера в 1840 г., Гизо как бы предвидел события 1870 г.

ФРАНКО-АНГЛИЙСКОЕ «СЕРДЕЧНОЕ СОГЛАСИЕ»

После Июльской революции, осложнившей международное положение Франции, главную возможность стабилизировать ситуацию либералы-орлеанисты усматривали в сближении с Великобританией. Установление «сердечного согласия» между двумя странами было одной из основных внешнеполитических задач французских политиков. Как отмечал английский исследователь Роджер Баллен, в начале 1830-х Франция и Великобритания впервые за столетия рассматривали друг друга, скорее, естественными и очевидными союзниками, чем постоянными и непримиримыми врагами⁴⁸⁸.

Однако общественное мнение Франции, сугубо антибританское еще со времен Столетней войны, а потом войны за «испанское наследство», не говоря уже о наполеоновских войнах, не было готово к проанглийской ориентации орлеанистов. Оппозиция обвиняла правительство в проведении антinationальной политики, в принесении в жертву истинных интересов страны мнимому «сердечному согласию» с Великобританией, презрительно именуя кабинет

⁴⁸⁶ The correspondence of lord Aberdeen and princess Lieven. P. 186.

⁴⁸⁷ В 1860 г. Франция ввела войска в Сирию, разыгрывая (довольно лицемерно) «антиосманскую карту». В Египте позиции Франции также были достаточно сильными, особенно после воцарения Саида-паши (1854–1863) и Исмаила-паши (1863–1879). Ф. Лессепс осуществлял строительство Суэцкого канала, египетские войска участвовали почти во всех авантюрах Наполеона III. Великобритания перехватила инициативу в 1875 г., купив у Исмаила акции Суэцкого канала, и оттеснила Францию, потерпевшую поражение в войне с немцами в 1870–1871 гг. Более того, Великобритания фактически совершила обмен с Францией, согласившись на ее захват Туниса в обмен на уступку Египта. Однако египтяне вплоть до 1914 г. уповали на якобы возможную помощь Франции в избавлении от британского господства.

⁴⁸⁸ Colloque de la Fondation Guizot-Val-Richer. P. 190.

Сульты – Гизо «министерством за границы», а самого министра иностранных дел «лордом Гизо» или «лордом Валь-Рише», имея в виду его якобы проанглийскую политику⁴⁸⁹. Это приводило к осложнению внутривластной ситуации в стране, способствовало формированию оппозиции, главным объектом критики которой была именно внешняя политика Луи Филиппа.

Гизо рассматривал укрепление отношений с Великобританией не как самоцель и действовал не из-за страха перед Великобританией, стремясь «ублажать» ее, в чем его обвиняла оппозиция. Если бы Франция так «боялась» Великобритании и действовала исключительно в угоду ей, она бы не стала второй колониальной державой мира. Он стремился использовать «сердечное согласие» как средство достижения Францией своих национальных задач, как возможный метод усиления ее позиций в Европе, стремясь вынудить Великобританию стать союзницей Франции против России (конкурента Великобритании на Ближнем Востоке, на Кавказе и на путях к Индии), при нейтрализации Пруссии (в то время союзника России и врага пробританских либералов в Европе) и Австрийской империи (как и Пруссия, чуждой Великобритании идеологически и во многом ее конкурента на Балканах и в Средиземноморье). В то же время во Франции понимали, что сближения с Англией можно было достичь, только разрешив наиболее спорные вопросы в двусторонних отношениях: отказавшись от активной колониальной политики, а также от распространения французского влияния на Бельгию и на Пиренейский полуостров.

Большое значение в англо-французских отношениях того времени имели личная симпатия, даже дружба, возникшая между Гизо и Абердином, ставшим в 1841 г. главой внешнеполитического ведомства. Гизо очень высоко оценил качества этого политика. Он писал: «Настоящий и гордый англичанин, но гордый без предрассудков и зависти, верный традициям своей страны, но чуждый косности партий или народа». Гизо подчеркивал, что, хотя Абердин принадлежал к партии тори, он был человеком либеральных взгля-

дов, не разделяя «их предубеждений, их страстей, их завещанного преданием упорства»⁴⁹⁰. Можно согласиться с мнением английского исследователя Д. Джонсона, что именно эта дружба «создавала истинную основу «сердечного согласия»⁴⁹¹. В этих условиях дружба княгини Ливен с английским министром также была весьма полезна для франко-английских отношений. Отношения Ливен с Абердином не всегда были такими душевными. В самом начале их знакомства она отзывалась о нем иначе. Она находила, что его взгляды «низки и подлы»⁴⁹², потому что он в то время недоброжелательно отзывался о русской политике. Но теперь, когда она сама была сторонницей «сердечного согласия» (понимая, что на франко-русское сближение рассчитывать не приходится), она была признательна лорду Абердину за то, что он доброжелательно относился к Гизо и также был заинтересован в нормализации отношений между двумя странами. Действительно, она любила всякого, кто сочувственно относился к Гизо. Понравиться ему было самым верным средством добиться симпатии княгини.

Однако оппозиция во Франции полагала, что «сердечное согласие» существовало только между министрами, но не между странами⁴⁹³. Да и сам Абердин отмечал, что «сердечное согласие» оставалось «доверием на один день»⁴⁹⁴, что неоднократно подтверждалось в моменты острых международных кризисов. Действительно, в силу серьезных противоречий и острой конкурентной борьбы между Францией и Великобританией в Европе и других частях света, зачастую «сердечное согласие» являлось таковым только на бумаге, и повсюду интересы двух стран вступали в противоречие, будь то в Европе, в Средиземноморье, на Ближнем Востоке или в Океании.

Кроме того, англо-французским отношениям не хватало «сердечного согласия» между монархами. Чтобы восполнить этот пробел, летом 1843 г. королева Виктория решила нанести визит королю Луи Филиппу. Инициатива исходила от английской стороны: посол

⁴⁹⁰ Гизо Ф. Сэр Роберт Пиль // Русский вестник. 1856. Т. 9–10. С. 455.

⁴⁹¹ Johnson D. Guizot et lord Aberdeen en 1852. Echange de vues sur la réforme électorale et la corruption // Revue moderne et contemporaine. Т. 5. Janvier–mars. 1958. P. 57.

⁴⁹² Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. 1904. № 1. С. 185.

⁴⁹³ Как отмечала La Réforme, установление «тесного альянса с английским правительством было не национальной мыслью, а семейным расчетом». См.: La Réforme. 1846. 27 décembre.

⁴⁹⁴ Цит. по: Федосова Е.И. Франция и Венская система. С. 80.

⁴⁸⁹ В частности, А. Ламартин отмечал в своих воспоминаниях, что «фиксированная и твердая идея мира была основополагающей идеей этого царствования». Он называл идею мира «постоянной, пылкой и искренней», однако выражал сомнения относительно причин политики мира: являлась ли источником этой политики «любовь к человечеству или хорошо интерпретированный династический эгоизм». См.: Lamartine A. de. Lamartine par lui-même. Paris, 1892. P. 357.

Великобритании в Париже лорд Каули 23 августа просил о встрече с Гизо, чтобы сообщить ему о намечающемся визите. Поскольку этот визит мог быть неоднозначно воспринят как в Париже, так и в Лондоне, о нем не сообщалось заранее и сам он имел, скорее, семейный характер.

Брачные союзы между Орлеанами и Саксен-Кобургами были в Европе достаточно распространены. Королева Виктория приходилась племянницей королю Бельгии Леопольду и, следовательно, его жене, дочери Луи Филиппа, королеве Марии Луизе. Принц-консорт Альберт, по просьбе Виктории, имел разговор о намечающемся визите с Марией Луизой, просил ее предупредить об этом свою мать, французскую королеву Марию-Амелию, и хранить эту новость в секрете даже от Луи Филиппа⁴⁹⁵.

Французское правительство возлагало большие надежды на визит английской королевы. В это время правительство Луи Филиппа еще оставалось предметом недоброжелательства в Европе; русский, австрийский и прусский монархи продолжали рассматривать Луи Филиппа как узурпатора трона. Например, король Пруссии, совершая визит в Великобританию, решил не проезжать через Париж.

В этих условиях Луи Филипп полагал, что посещение королевой Викторией Франции могло иметь благоприятные последствия для укрепления международного престижа Франции, способствовать изменению отношения европейских абсолютных монархов к французскому королю и правительству.

Известие о намечающемся визите было встречено с большой долей скепсиса дипломатическим корпусом в Париже. Так, граф Рудольф Аппоньи, беседуя с Ливен 30 августа, с трудом сдерживал свое негодование. Он назвал визит королевы Виктории «капризом ребенка», на что княгиня ответила: «Каприз, на который изъявили согласие министры, а они не дети». «Да, но они очень робки и дрожат перед нею», – возразил дипломат. «Во всяком случае, – ответила княгиня, – короля посетит один из самых могущественных монархов Европы, который обыкновенно никуда не выезжает. Это большой прецедент». В заключение разговора Аппоньи добавил, что «король жестоко ошибается, если считает, что и другие монархи отныне поведут себя иначе. Ни один из них не приедет». «Но после

посещения королевы король легче обойдется без этого», – парировала княгиня⁴⁹⁶.

Когда княгиня Ливен отметила, что господа дипломаты недовольны визитом, граф Аппоньи, покраснев, ответил: «Нет, это не так. Мы в таких хороших отношениях с Англией, мы так уверены в ней, что мы будем только рады этому визиту»⁴⁹⁷.

Дарья Христофоровна писала Гизо, передавая этот разговор: «Несомненно, Европа будет очень недовольна, и это доказывает, что все без исключения континентальные державы относятся к здешнему правительству недоброжелательно. Относитесь бережно к Англии, это ваш лучший козырь»⁴⁹⁸.

От австрийского дипломата Ливен заехала в английское посольство, где царил иной настрой. «Я видела Каули и его жену, – писала она Гизо, – они на седьмом небе... По правде сказать, чем больше думают об этом событии, тем более находят, что оно имеет огромное значение. Радуйтесь этому, но, смотрите, не возгордитесь. Примите как следует королеву, ухаживайте за принцем»⁴⁹⁹.

В этот же день Дарья Христофоровна видела графа Моле, бывшего в то время в оппозиции правительству Сульта – Гизо. Ливен ожидала, что Моле будет недоволен событием, которое могло укрепить позиции его политического противника, однако Моле проявил себя настоящим патриотом. «...Я в восторге от этого путешествия, это превосходно. И я радуюсь этому событию вдвойне, потому что это злит некоторых людей. Это даже забавно», – заявил он, имея в виду дипломатический корпус⁵⁰⁰.

Между тем княгиня узнала, что Н. Д. Киселев, не отставая от своих коллег по дипломатическому корпусу, присоединился к пари, что английская королева не приедет. Ливен тотчас пригласила русского поверенного в делах заехать к ней, чтобы дать ему понять, что она не одобряет его поведения. Она писала Гизо: «Киселев заезжал вчера ко мне в Босежур, перед моим отъездом. Мне хотелось сказать ему, что дипломатический корпус ведет себя глупо, и дать ему, таким образом, понять, что ему следовало бы говорить и поступать иначе. Он признал себя виновным в том, что держал пари, о чем он

⁴⁹⁵ Daudet E. Op. cit. P. 328.

⁴⁹⁶ Цит. по: Guizot F. Mémoires... V. 6. P. 190.

⁴⁹⁷ Цит. по: Daudet E. Op. cit. P. 330.

⁴⁹⁸ Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven. T. 3. P. 79.

⁴⁹⁹ Ibid. P. 76.

⁵⁰⁰ Ibid. P. 75.

искренне сожалел. Я успокоила его и сказала, что на это не следует обращать внимания. Но ему следует быть осторожнее в словах».

Киселев оказался восприимчивым к советам Ливен: «Он утверждает, – писала она Гизо, – и я ему верю, что, говоря о путешествии королевы, он всем сообщает: «Это очень большое событие», и когда ему возражают, что это «каприз маленькой девочки», то он отвечает: «Маленькая девочка, которая царствует и является в сопровождении своих линейных судов и министра, – это уже правительство, это сама Англия». Я похвалила его и советовала ему продолжить в том же духе»⁵⁰¹.

Визит намечался в королевский замок Ё (Eu), что в Нормандии. В замке присутствовала вся королевская семья: Луи Филипп с супругой, их дочери: принцесса Мария Луиза и принцесса Клементина, жена принца Августа Кобургского. Там же были и сыновья Луи Филиппа: принц Жуанвильский, герцог Омальский и герцог Монпансье. Отсутствовал только герцог Немурский, руководивший в это время маневрами в Бретани.

Приготовления к визиту совершались под личным руководством короля Луи Филиппа. Он приказал прислать из Парижа пушки и военных, которые должны были состоять при них, столовое серебро и фарфоровую посуду.

31 августа Гизо писал Ливен о состоянии Луи Филиппа в те дни: «Он чрезвычайно моложав, вполне доволен предстоящим событием, в восторге от того, что он может хорошо устроить и показать свой дворец и действовать в интересах своего престола. Он предполагает иметь продолжительный и вполне откровенный разговор с Абердином. Само собой разумеется, с королевой он ни словом не обмолвится о политике, если только она сама того не захочет»⁵⁰².

Французская общественность отнеслась к визиту вполне спокойно. В нем французы нашли некоторое удовлетворение своей национальной гордости. Однако выражали они свое удовлетворение без особого энтузиазма. Гизо писал в «Мемуарах»: «...во Франции не любят англичан... Трепорт был сожжен два или три раза и расхищался в войнах, не знаю сколько раз. Ничто не казалось таким легким, как возбудить здесь народную страсть... Но сказали: «Английская королева оказала любезность нашему королю; будем же любезны

с ней»⁵⁰³. Как отмечал Э. Доде, «всеобщее поведение свидетельствовало о желании любезно ответить на хороший прием, и только»⁵⁰⁴.

До самого последнего момента не было ясно, посетит ли королева Париж. Гизо и король Луи Филипп выражали серьезные опасения относительно возможного посещения столицы, не будучи уверенными в том, что королеве будет гарантирована безопасность. Гизо писал Ливен из Ё 1 сентября: «Поедет ли княгиня в Париж? That is the question. Никто ничего не знает. Себастьяни, приехавший вчера из Лондона, говорит – да. Королева Бельгии настаивает на обратном. Во всяком случае, король предложит ей поехать и будет настаивать на этом. Мы решили с ним это сообща. Но мы дрожим при мысли об этом. Крики уличных мальчишек, выстрел какого-нибудь негодяя – все возможно в этом мире в наше время... Надо предложить поездку и настаивать на ней приличным образом. Если она не пожелает ехать, отлично; если пожелает, то мы сделаем вид, как будто ничего не боимся, и все будет хорошо»⁵⁰⁵.

Виктория прибыла в Ё 31 августа. Единственными официально приглашенными лицами с французской стороны были морской министр адмирал де Мако и граф Сент-Олер, посол Франции в Великобритании. С английской стороны королеву сопровождали министр иностранных дел лорд Абердин и лорд Каули – посол Великобритании во Франции.

В целом визит прошел под эгидой дружеской встречи между двумя королевскими семьями; говоря современным языком, это была «встреча без галстуков». Королева Виктория была рада видеть Луи Филиппа; лорд Абердин был также доволен. «Надо, – говорил он, – непременно видеться время от времени. Как это было бы здорово!»⁵⁰⁶.

В воскресенье, 3 сентября, королева Виктория дала аудиенцию Гизо, в этот же день состоялся конфиденциальный разговор между королем Луи Филиппом и лордом Абердином. 4 сентября Гизо писал Ливен: «Абердин беседовал вчера с королем, то есть король говорил с ним целый час. Абердин был очень, очень поражен им, его умом, обилием его мыслей, твердостью суждений, легкостью и живостью его речи»⁵⁰⁷.

⁵⁰³ Guizot F. Mémoires... V. 6. P. 191.

⁵⁰⁴ Daudet E. Op.cit. P. 352.

⁵⁰⁵ Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven. T. 3. P. 81.

⁵⁰⁶ Цит. по: Broglie G. Guizot. P. 289.

⁵⁰⁷ Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven. T. 3. P. 96.

⁵⁰¹ Ibid. P. 84.

⁵⁰² Ibid. P. 76.

5 сентября лорд Абердин и Гизо во время прогулки по парку имели возможность побеседовать наедине в течение двух часов. Разговор был свободным, непринужденным и даже дружеским. Министры разговаривали обо всех важнейших внешнеполитических вопросах: о Восточном вопросе, России, Греции, праве осмотра кораблей⁵⁰⁸, Испании, хотя протокола этой беседы не существует⁵⁰⁹.

7 сентября королева Виктория отправилась в Великобританию, заронив, по словам Гизо, «между королевскими семьями и министрами семена редкой дружбы и истинного доверия»⁵¹⁰.

На июль 1844 г. был намечен ответный визит короля Луи Филиппа. Известие об этом произвело сенсацию и в английском, и во французском обществе: впервые французский монарх должен был посетить Великобританию. Предполагался опять-таки семейный визит на неделю, причем не в Лондон, а в Виндзор. Как отмечал Н. Д. Киселев, Луи Филипп и его министры очень рассчитывали на этот визит в целях «успокоения недавнего возбуждения умов в обеих странах»⁵¹¹.

Однако визит был отложен в связи с обострением весной 1844 г. англо-французских противоречий вследствие действий Франции на Таити (так называемое «дело Притчарда») и военных действий Франции на территории Марокко. Н. Д. Киселев отмечал, что «англо-французские противоречия из-за Притчарда и Марокко ставят под сомнение вопрос о предполагаемом ответном визите короля, хотя во Франции не теряют надежды, что он состоится»⁵¹².

В урегулировании этих непростых вопросов определенная роль отводилась и княгине Ливен, что подтверждает ее авторитет в европейской дипломатии и политике. Так, например, как сообщает Ч. Гревилл, княгиня Ливен пыталась сгладить напряженность во франко-английских отношениях в связи с делом Притчарда. Он отмечал в своем дневнике летом 1844 г., что его брат прибыл из Парижа с поручением от Ливен. Она настоятельно просила, чтобы ни в речи

королевы, ни в ответном Адресе палат не говорилось бы ничего, что могло бы скомпрометировать Гизо, судьба которого, по словам Гревилла, зависела от одного неосторожного слова⁵¹³. Положение Гизо, действительно, было очень непрочным, он даже подумывал уйти в отставку. Это же ему советовала и Дарья Христофоровна, считая это удачным тактическим шагом, после чего он мог бы вернуться к власти гораздо более сильным. Как отмечал Ч. Гревилл, в течение двух дней Гизо обдумывал такой вариант, однако в итоге решил не рисковать⁵¹⁴.

Заступничество княгини за своего друга было эффективным: действительно, Роберт Пиль в своем выступлении говорил о Франции «в манере, полностью удовлетворяющей самолюбие Гизо и без всякого ущемления достоинства Англии»⁵¹⁵.

В июне 1844 г. состоялся визит императора Николая I в Великобританию. Это визит вызвал тревогу у французских политиков, опасавшихся русско-английского сближения и полагавших, что Россия и Великобритания попытаются без участия Франции урегулировать Восточный вопрос, «поделив» между собой Османскую империю. Страстно желая знать все об этом визите, Ливен просила своих лондонских друзей сообщать ей даже малейшие подробности, которые она передавала, по мере их получения, Гизо, Баранту⁵¹⁶, другим французским политикам, не забывая, однако, сообщать их и императрице Александре Федоровне. Лорд Абердин, постоянный корреспондент княгини, сообщал ей, что «посещение императором Лондона удалось как нельзя лучше, что все классы общества были в восторге от него, и что он – человек замечательный»⁵¹⁷. Иного мнения о визите российского императора придерживался король Луи Филипп. Стремясь преуменьшить значение этого визита и приема, оказанного императору Николаю англичанами, он, уже после своего посещения Англии, говорил: «Если русский император захочет сравнить этот прием с тем, какой был сделан ему, то, я уверен, его честолюбие должно будет сильно пострадать. Он нарочно отправился в Англию раньше меня, чтобы предупредить мое путешествие

⁵⁰⁸ Речь идет о Договорах о праве осмотра кораблей в целях борьбы с работорговлей. На протяжении 1830–1840-х между правительствами Франции и Англии шли напряженные переговоры по этому вопросу: французы опасались, что подобное право будет использовано англичанами в целях борьбы не только с работорговлей, но как способ ослабить торгового конкурента.

⁵⁰⁹ *Guizot F. Mémoires... V. 6. P. 193.*

⁵¹⁰ *Ibid. P. 195.*

⁵¹¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 134. Л. 433. Донесение Н.Д. Киселева от 2(14).09.1844.

⁵¹² Там же. Л. 371–372. Донесение Н.Д. Киселева от 16 (28).08.1844.

⁵¹³ *Greville Ch. Les quinze premières années de règne de la reine Victoria. Paris, 1889. P. 257.*

⁵¹⁴ *Ibid. P. 258.*

⁵¹⁵ *Ibid. P. 257.*

⁵¹⁶ С бароном Барантом княгиня Ливен виделась регулярно. Она писала племяннику К.К. Бенкендорфу: «Г-н де Барант никогда не изменяет своей привычке заходить ко мне по утрам. Мы обсуждаем новости дня». ГА РФ. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 332. Л. 428.

⁵¹⁷ Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. 1904. № 1. С. 185.

вие, и совершенно напрасно: ему следовало бы поехать после; тогда волей-неволей и его приняли так же, как меня. Впрочем, мне хорошо известно, что его не любят в Лондоне, а потому едва ли бы удалось заставить городских депутатов выйти к нему навстречу. Ведь эти олдермены – настоящий кремь»⁵¹⁸.

2 сентября Государственный совет принял решение о выплате Притчарду вознаграждения, о чем Гизо в тот же день сообщил в Лондон. 10 сентября Франция заключила мир с Марокко на условиях, тождественных тем, которые были предложены марокканскому султану еще до его поражения.

Ответный визит короля Луи Филиппа в Великобританию состоялся в октябре 1844 г. 8 октября французская делегация в составе короля Луи Филиппа, Гизо, Монталиве, Риминьи, Мако, генерала Аталена на корабле «Гомер» прибыла в Портсмут, куда за ними на специальном поезде прибыл принц Альберт, доставивший их в Виндзор.

Луи Филиппу был оказан теплый прием; в его честь устраивались банкеты и вечера, он посетил исторические замки короля Артура и Вильгельма Завоевателя. Княгиня писала Гизо 10 октября: «На самом деле, такой прием пойдет на пользу королю. Это его возвысит. Какой стыд для французов так плохо знать то, чем они обладают! Но, знаете, его отсутствие вызывает беспокойство здесь, и все ждут его возвращения. Здесь понимают, что это важное событие для короля»⁵¹⁹.

11 октября, в соответствии с древним торжественным протоколом, Гизо был награжден орденом Подвязки. Луи Филипп, весьма трепетно относившийся к своим монаршим прерогативам, был польщен оказанным ему приемом. Виктор Гюго приводит следующие слова короля: «Меня там прекрасно приняли, толпы народа, восторженные крики, пушечные выстрелы, пиры, банкеты, церемониальные встречи, депутации от всех сословий, приветственные речи городских представителей – все было как нельзя лучше»⁵²⁰.

Княгиня Ливен также очень высоко оценивала политическое значение визита Луи Филиппа. Она писала лорду Абердину 23 октября 1844 г.: «Вот настоящий праздник для короля, единственный праздник его царствования. Он это заслужил»⁵²¹.

Английская общественность и пресса, в целом, отнеслась к визиту благожелательно. «Sun», например, писала: «Счастливого прибытие Луи Филиппа в Англию и полный энтузиазма прием, который ему оказали народ и королева, в одно мгновение разрушили барьер враждебности, зависти, недоверия, подозрения, который французская ультрареспубликанская пресса пыталась воздвигнуть в течение четырнадцати лет». Газета «Standart», рассыпаясь в похвалах в адрес короля Луи Филиппа, писала: «Луи Филипп – это лучший король, который когда-либо управлял Францией. История его жизни, благородство его характера, его героические подвиги ставят его в первый ряд, если не во главе всех прошлых и ныне здравствующих монархов»⁵²².

Во Франции же визит короля в Англию был воспринят неоднозначно: по словам Н. Д. Киселева, если оппозиция встретила это известие волной критики, то «умеренная публика, в целом, признала визит»⁵²³. Княгиня писала Гизо 11 октября: «Какие хорошие статьи в английских газетах! Как я гордилась бы моим королем, о котором бы так говорили, и как я была бы тронута иностранной нацией, которая говорила бы со мной в подобном духе! Но у французов нет никакого чувства настоящего такта, счастья, достоинства. Право, я испытываю величайшее презрение к французам в этот момент»⁵²⁴.

Стремясь успокоить Абердина относительно критических статей во французской прессе, Дарья Христофоровна писала ему: «Какое прекрасное путешествие! Как это понимают и чувствуют здесь. Не обращайтесь внимания на оппозиционные газеты. Они не имеют ни малейшего успеха даже среди своих сторонников»⁵²⁵.

⁵¹⁸ Цит. по: Гюго В. Посмертные записки. С. 77.

⁵¹⁹ Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven. Т. 3. P. 152.

⁵²⁰ Цит. по: Гюго В. Посмертные записки. С. 76.

⁵²¹ The correspondence of lord Aberdeen and princess Lieven. P. 236.

⁵²² Цит. по: La Réforme. 1844. 13, 11 octobre.

⁵²³ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 134. Л. 433. Донесение Н.Д. Киселева от 2(14).09.1844.

⁵²⁴ Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven. Т. 3. P. 157.

⁵²⁵ The correspondence of lord Aberdeen and princess Lieven. P. 236.

ГЛАВА 6. ФРАНЦИЯ И «ЛИБЕРАЛИЗИРУЮЩАЯСЯ» ЕВРОПА

ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ ФРАНКО-БЕЛЬГИЙСКОГО ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА

Июльская революция стала катализатором революционных событий в Европе. Вслед за революцией в Париже 8 августа вспыхнуло восстание в Брюсселе, в результате которого Бельгия была отделена от Голландии. В 1831 г., в ходе работы Лондонской конференции Бельгия была признана независимым государством с вечным нейтралитетом. Французское правительство ради сохранения общеевропейского мира отказалось как от планов аннексии бельгийских территорий, так и от кандидатуры принца Немурского, сына Луи Филиппа, в качестве короля Бельгии. Первым бельгийским королем стал принц Леопольд Саксен-Кобургский, а его супругой стала дочь короля Луи Филиппа Мария Луиза.

Гизо, став министром иностранных дел, очень серьезно относился к активизации связей с Бельгией. Как уже отмечалось, сторонник «сердечного согласия», он в то же время стремился создать под эгидой Франции блок государств как альтернативу английскому доминированию. Бельгии в этих планах отводилась существенная роль. Теперь ставка делалась на заключение экономического соглашения с Бельгией, которое со временем могло трансформироваться в политический союз.

Предпосылки для активизации экономических контактов между двумя странами были: Бельгия являлась третьей страной в торговом обороте Франции. Еще с 1831 г. французское правительство вело переговоры с Бельгией относительно заключения таможенного союза по образцу Германского таможенного союза 1834 г. Вследствие внесенных в него изменений он стал функционировать свободнее и продуктивнее; договоры, заключенные Пруссией с Османской им-

перией, Великобританией, Голландией, еще более усилили его значение и влияние в Европе. Это стало вызывать опасения Франции и Бельгии.

Активизация переговоров между Брюсселем и Парижем пришлась на годы обострения Восточного вопроса, отмеченные ростом напряженности во франко-германских отношениях. В Париже состоялись четыре конференции между французскими и бельгийскими представителями по вопросу заключения таможенного союза. Переговоры быстро привели к выработке договора, который, однако, вызвал серьезные разногласия во Франции и Бельгии и был с большим неодобрением встречен британским кабинетом.

В парламенте Гизо столкнулся с давлением сильного протекционистского лобби. Сторонники системы протекционизма считали, что заключение таможенного союза с Бельгией будет национальной катастрофой для французской промышленности. В каждой крупной отрасли промышленности под патронажем пэров или депутатов были созданы комитеты для защиты протекционистской системы: в льняной, металлургической промышленности, в строительстве.

В самом правительстве также не было единства мнений по вопросу о заключении таможенного союза с Бельгией, существовали разногласия относительно своевременности и целесообразности его заключения. Наибольшую поддержку эта идея нашла у короля Луи Филиппа (хотя О. Барро полагал, что Луи Филипп, будучи крупным лесовладельцем, мог опасаться конкуренции бельгийского угля: Франция только переходила с древесного топлива на каменный уголь)⁵²⁶. Наиболее активным сторонником таможенного союза с Бельгией был Гизо. Он считал, что таможенный союз с Бельгией был необходим Франции для расширения ее политического влияния, но при условии контроля Франции над таможенными пошлинами⁵²⁷.

В то же время, по мнению Гизо, Франция не должна была жертвовать интересами своей промышленности и финансов ради «политических выгод». Бельгийская сторона, по его мнению, наоборот, «хотела заплатить меньшую политическую цену за промышленную выгоду», то есть он подчеркивал умеренный, компромиссный характер предполагавшегося соглашения⁵²⁸.

⁵²⁶ Barrot O. Mémoires... T. 1. P. 396.

⁵²⁷ Ponteil F. Les classes bourgeoises et l'avènement de la démocratie. Paris, 1968. P. 177.

⁵²⁸ Guizot F. Mémoires... V. 6. P. 276.

Неоднозначно проект таможенного договора был встречен и в самой Бельгии. Как отмечал П.П. Пален, сторонниками таможенного союза с Францией в Бельгии являлись представители так называемой «французской партии», стремившиеся «любыми средствами объединиться с Францией и полагавшие, что договор о коммерческом союзе больше, чем любая другая мера, укрепит связи между двумя странами и поставит Бельгию под контроль Франции»⁵²⁹.

Представители «фламандской партии» выступали против заключения таможенного союза, усматривая в нем опасность «превращения Бельгии в один из департаментов Франции»⁵³⁰. Эта группировка выступала исключительно за торгово-экономические связи между двумя странами, исключая возможность перерастания таможенного договора в политический союз.

Кроме того, как отмечалось выше, проект франко-бельгийского таможенного союза вызвал резкое недовольство правительства Великобритании, опасавшегося усиления позиций Франции в Бельгии и полагавшего, что этот союз будет угрожать ее экономическим интересам. В конце 1842 г. министерство Р. Пиля заявило, что оно не может допустить заключения франко-бельгийского союза⁵³¹.

Такая позиция Великобритании была ударом по престижу Франции и ее экономическим интересам. Французское правительство было оскорблено тем, что Великобритания, по существу, диктовала суверенной стране, какие договоры она может заключать. Все это было оскорбительным для Франции, тем более что еще в мае 1842 г. Великобритания заключила торговый договор с Португалией, и, хотя он вызвал протест со стороны Франции, тем не менее был подписан⁵³². Напрасно французское правительство пыталось доказать, что то, что не запрещено Пруссии по ту сторону Рейна, должно быть разрешено Франции по эту сторону Рейна.

В результате от идеи таможенного союза пришлось отказаться. Тогда Гизо предпринял попытку ограничиться торговым трактатом. Соглашение разрабатывалось в большой спешке, с учетом того, что-

⁵²⁹ АВПРИ. Ф.133. Оп. 469. Д. 150. Л. 421–421 об. Донесение П.П. Палена от 17 (29).07. 1841.

⁵³⁰ Там же.

⁵³¹ Бельгия, говорилось в заявлении английского кабинета, была объявлена нейтральным государством; ее союз с таким государством, как Франция, явился бы скрытой формой протектората; она рисковала бы потерять свою независимость; кроме того, заключение франко-бельгийского договора, по мнению английского правительства, противоречило духу трактатов 1815 г.

⁵³² Федосова Е.И. Ф. Гизо во главе МИД Франции... С. 140.

бы предложить его парламенту в первые дни сессии. Гизо учредил, без согласия Сульта и министров, торговую и финансовую комиссии под председательством Росси. Ему было поручено заниматься поисками средств для скорейшего разрешения вопроса. Однако вскоре было принято решение не заключать трактат до открытия Палат, а это было равносильно его отсрочке на неопределенное время⁵³³. Как отмечал Н.Д. Киселев, «результат едва ли будет достигнут, и все сведется к изменению тарифов и ряду торгово-промышленных соглашений»⁵³⁴.

Между тем 26 июня 1842 г. во Франции был опубликован ординанс о повышении тарифов на импортные (прежде всего, английские) шерстяные ткани, лен и пеньку, затронувший и интересы бельгийской промышленности. Промышленники Бельгии просили сохранить для них прежний тариф. Французское правительство согласилось пойти на эту меру, однако в обмен потребовало снизить пошлины на некоторые французские товары. Бельгия также должна была принять французские тарифы на холст и льняные ткани на других своих границах.

16 июля 1842 г. между полномочными представителями Франции и Бельгии на четыре года была заключена конвенция, подтверждавшая сохранение между двумя странами тарифов на прежнем уровне⁵³⁵. Однако 28 августа 1842 г. бельгийское правительство распространило тарифы, аналогичные тем, что были на границе с Францией, на Германский союз, тем самым нивелировав преимущества Франции.

В итоге, франко-бельгийские переговоры о заключении таможенного союза вследствие резких разногласий в самой Франции и Бельгии, а также протестов Великобритании и солидарных с ней России, Австрии и Пруссии сошли на нет. А в январе 1843 г. проект таможенного союза с Францией был отклонен королем Бельгии Леопольдом⁵³⁶.

В этих условиях, а также учитывая политическую борьбу в самой Бельгии, правительство Сульта – Гизо было вынуждено отказаться от идеи таможенного союза, ограничившись торговой конвенцией 1842 г.

⁵³³ Московские ведомости. 1841. 20 декабря.

⁵³⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 154. Л. 385. Донесение Н.Д. Киселева от 10 (22).10.1842.

⁵³⁵ Сын отечества. 1842. № 7–8. Июль. С. 21.

⁵³⁶ Renouvin P. Histoire des relations international. T. 1–8. Paris, 1953–1858. T. 5. P. 185.

Каковы были практические результаты этой конвенции? В 1842–1843 гг. значительно возрос экспорт бельгийской льняной пряжи во Францию, но несколько сократился экспорт бельгийских тканей. Франция за эти годы несколько увеличила экспорт в Бельгию вин и шелковых изделий. В 1843 г. Бельгия ввозила во Францию товаров на 90 млн франков, а Франция в Бельгию – на 43 млн. Причем, как подчеркивал Гизо, бельгийский импорт состоял из «предметов, имеющих для Франции большую важность»⁵³⁷.

«ИСПАНСКИЕ БРАКИ»

Пиренейский полуостров был еще одним регионом, где Франция стремилась усилить свои позиции в острой конкурентной борьбе с Великобританией. Для Гизо усиление позиций Франции в Испании было особенно важным. Английский историк Е. Перри в работе «Испанские браки» отмечал, что Гизо в противовес росту влияния Великобритании стремился создать некую «бурбонскую лигу», являвшуюся одним из аспектов средиземноморского вопроса, который в 1840-е стоял особенно остро по причине французской оккупации Алжира, заключения франко-пьемонтского договора (август 1843 г.) и франко-марокканской войны 1844 г.⁵³⁸ Итальянский историк С. Мастеллоне, солидаризируясь с этим мнением, отмечал, что в случае успеха политики французской дипломатии в Испании, Франция могла бы свести к минимуму влияние Великобритании в западном Средиземноморье⁵³⁹.

Франция уже владела тогда Алжиром, и установление ее преобладающего влияния в Испании содействовало бы значительному усилению ее позиций в западной части Средиземного моря, а также в акватории Атлантического океана, примыкающей к западному побережью Испании. Великобритания также стремилась усилить свое влияние на Пиренейском полуострове, причем не только в Испании, но и в Португалии.

Именно стратегическими и политическими интересами обоих государств объясняются интриги, которые развернулись в Испании с нача-

ла 1840-х в связи с так называемыми «испанскими браками», то есть браками королевы Изабеллы и ее сестры инфанты Луизы Фернанды. Как отмечал Гизо, вопрос о будущем браке королевы Изабеллы был наиболее важен именно для Франции: «Достаточно бросить взгляд на карту Европы, чтобы увидеть, как Франция заинтересована в том, чтобы Испания была расположена к союзу с ней и была бы вне всякой европейской комбинации, чуждой французским интересам»⁵⁴⁰.

8 ноября 1843 г. тринадцатилетняя королева Изабелла была объявлена совершеннолетней (хотя, согласно конституции, она становилась таковой в 14 лет, то есть 10 октября 1844 г.)⁵⁴¹. На повестку дня встал вопрос о браке Изабеллы, имевший большое политическое значение не только для Испании, но и для всей Европы. Вопрос о бракосочетании молодой испанской королевы серьезно беспокоил французское и английское правительство уже несколько лет. Каждое из них стремилось, в целях расширения своего влияния на Пиренейском полуострове, принять активное участие в решении этого вопроса; каждое имело своего кандидата на руку Изабеллы, и каждое употребило все дипломатические средства и все искусство, чтобы устранить претендентов другого.

В качестве своего претендента британское правительство выдвигало кандидатуру принца Леопольда Саксен-Кобургского, германского кузена принца Альберта, мужа королевы Виктории.

Французское правительство первоначально рассчитывало на брак королевы Изабеллы с одним из младших сыновей Луи Филиппа. Сама королева Мария Кристина, мать Изабеллы, была сторонницей этого брака и многократно писала об этом королю французов, который был не против кандидатуры своего сына герцога Омальского. Однако эта идея вызвала резкое противодействие Великобритании: британское правительство заявило, что оно не намерено каким-либо образом стеснять свободу испанского двора, если только этот выбор не падет на французского принца. Даже несколько лет спустя, когда уже и речи не велось о кандидатуре сына Луи Филиппа в качестве мужа Изабеллы, лорд Абердин в разговоре с послом Франции в Лондоне Сент-Олером заявил, что «герцог Омальский взойдет на трон Испании только ценой всеобщей войны»⁵⁴².

⁵³⁷ Guizot F. L'Histoire parlementaire... Т. 4. P. 538–541.

⁵³⁸ Mastellone S. La politique étrangère de Guizot. P. 375 // Revue d'Histoire diplomatique. 1957. 4. octobre–décembre.

⁵³⁹ Ibid.

⁵⁴⁰ Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 105–106.

⁵⁴¹ Майский И.М. Испания. 1808–1917. Исторический очерк. М., 1957. С. 182–216.

⁵⁴² Revue Rétrospective ou archives secrètes du dernier gouvernement. 1830–1848. Paris, 1848. P. 298.

Франция, со своей стороны, открыто высказывалась против кандидатуры принца Кобургского, объясняя это зависимостью этой династии от Великобритании⁵⁴³.

Тогда Луи Филипп, согласившись отказаться от кандидатуры одного из своих сыновей на этот брак, решил, что королева Изабелла должна заключить брак только с принцем из дома Бурбонов, потомков Филиппа V, но по мужской линии⁵⁴⁴. Идея заключения брака Изабеллы с принцем – наследником Филиппа V по мужской линии стала основополагающей идеей французской дипломатии в вопросе о браке Изабеллы. 26 октября 1841 г. Гизо писал Сент-Олеру: «Мы не должны желать, и мы не желаем на испанском троне *французского* Бурбона; но для того, чтобы французские интересы были соблюдены, нам нужен *Бурбон*»⁵⁴⁵.

В сентябре 1845 г. король Луи Филипп и королева Виктория во время встречи в замке Ё на словах заключили дружеский компромисс. Они обменялись обещаниями «взаимного снятия своих кандидатур», как бы подтверждая этим наличие «сердечного согласия» между двумя странами⁵⁴⁶. Луи Филипп обещал отклонить руку королевы Изабеллы, которую Мария Кристина предлагала для одного из его младших сыновей. Лорд Абердин, со своей стороны, от имени английского правительства обещал воздерживаться от всякого вмешательства в испанские брачные дела в пользу кандидатуры Кобургов.

На этих переговорах Франция впервые предложила кандидатуру герцога Монпансье, пятого сына Луи Филиппа, в качестве претендента на руку инфанты Луизы Фернанды, сестры королевы Изабеллы. Однако в английском правительстве полагали, что вследствие такой комбинации французский принц, с большой вероятностью, мог бы

оказаться «на одной ступеньке от трона»⁵⁴⁷. Поэтому лорд Абердин согласился на предложение Франции, но с оговоркой, что брак герцога Монпансье с инфантой будет заключен только после того, как у Изабеллы родится наследник, чтобы, таким образом, ее сестра (а следовательно, Франция в лице герцога Монпансье) не могла бы претендовать на испанский престол. Французская дипломатия обошла это условие, дав менее определенную формулировку, что браки королевы и инфанты должны совершаться «не одновременно»⁵⁴⁸.

Лорд Абердин, со своей стороны, дал обязательство, что английское правительство не будет продвигать кандидатуру Леопольда Саксен-Кобурга⁵⁴⁹. Однако, по словам Луи Филиппа, какова бы ни была лояльность лорда Абердина, «поведение английских агентов в Испании не соответствовало ни его линии, ни нашей»⁵⁵⁰.

Тем временем, главный вопрос – о кандидатуре супруга для Изабеллы – продолжал оставаться нерешенным. Испанский двор в выборе решения зависел от преобладания французского или английского влияния в Испании. Французское правительство продолжало настаивать, что выбор Изабеллы должен быть ограничен принцами из династии Бурбонов, потомками Филиппа V⁵⁵¹.

Опасения Луи Филиппа подтвердились: несмотря на достигнутые франко-английские договоренности, кандидатура Кобурга стала настойчиво выдвигаться на первый план английским послом в Мадриде сэром Генри Булвером, что вызвало тревогу французского правительства⁵⁵².

В мае 1846 г. в Париже стало известно, что Мария Кристина, желая как можно скорее обеспечить своей дочери выгодную пар-

⁵⁴⁷ Ibid.

⁵⁴⁸ *Paxay A.L.* История Франции от низвержения Наполеона до восстановления Империи. 1814–1852. Ч. 1–2. СПб., 1865–1866. С. 126.

⁵⁴⁹ *Revue Rétrospective...* P. 19.

⁵⁵⁰ Ibid.

⁵⁵¹ На тот момент в Европе было восемь принцев, принадлежавших к дому Бурбонов и являвшихся потомками Филиппа V. Это были три сына донна Карлоса, два сына инфанта донна Франсиска де Паулы, два брата короля Неаполитанского, граф Аквила и граф Трапани и князь Луккский. Вскоре два претендента на руку Изабеллы – граф Аквила и князь Луккский женились; таким образом, среди кандидатов остались два сына инфанта донна Франсиска де Паулы и граф Трапани. См.: *Русский инвалид*. 1846. 6 сентября.

⁵⁵² Еще в декабре 1845 г. Гизо писал Брессону, послу Франции в Испании: «Английское правительство не предпринимает прямых действий, содействующих этому браку (браку Изабеллы с Леопольдом Кобургским. – *Н.Т.*), но в то же время оно не препятствует его заключению. Оно не заявляет решительного «нет» комбинациям, которые могут привести к браку Кобургского на трон Испании. Мы же, французы, сказали свое решительное «нет» для французского принца». См: *Guizot F. Mémoires...* V. 8. P. 239.

⁵⁴³ Опасения Франции вызывало в том числе следующее обстоятельство: еще один кузен принца Альберта и принца Леопольда – принц Фердинанд Саксен-Кобургский был женат на португальской королеве. Отношения же между мадридским двором и двором Лиссабона в то время были довольно напряженными и в Великобритании надеялись, что женитьба принца Кобургского на Изабелле способствовала бы преодолению напряженности во взаимоотношениях между Португалией и Испанией. Путем брака принца Леопольда с Изабеллой Великобритания могла бы установить свое доминирующее влияние на всем Пиренейском полуострове, и в Португалии, и в Испании.

⁵⁴⁴ Этот аспект является очень важным для понимания политики французского правительства. Дело в том, что сыновья Луи Филиппа являлись потомками Филиппа V, но по женской линии, по линии супруги Луи Филиппа. Эту мысль король Луи Филипп неоднократно доводил до сведения королевы Марии Кристины, как в момент ее пребывания в Париже, так и в многочисленных письмах.

⁵⁴⁵ *Guizot F. Mémoires...* V. 8. P. 115.

⁵⁴⁶ *Renouvin P.* Op. cit. T.5. P. 183.

тию, под влиянием Булвера обратилась к Саксен-Кобургскому дому с весьма многозначительными предложениями. Гизо вторично протестовал; Абердин поспешил отречься от солидарности со своим послом, которого он, однако, не отозвал из Мадрида⁵⁵³.

Тогда французское правительство, не предпринимая открытых антибританских действий, с июня 1846 г. приступило к реализации плана, который, по мнению Луи Филиппа и Гизо, должен был в случае успеха окончательно подорвать в Испании английское влияние. Благодаря поддержке Франции, во главе испанского правительства стал Истуриц, горячо преданный Франции и враждебно относившийся к кандидатуре принца Саксен-Кобургского. Французское правительство выдвинуло кандидатуру инфанта дона Франсиско де Ассиса, герцога Кадисского в качестве супруга Изабеллы⁵⁵⁴.

В конце июня 1846 г. в Великобритании произошло событие, оказавшее существенное влияние на решение вопроса о браке королевы Изабеллы: пало консервативное правительство Роберта Пиля, к власти пришел вигский кабинет во главе с Джоном Расселом. Портфель статс-секретаря по иностранным делам получил лорд Пальмерстон. 19 июля он послал Булверу депешу, сообщив о ее содержании графу Жарнаку, французскому поверенному в делах в Великобритании, только тогда, когда она уже была отправлена. В этой депеше Пальмерстон предлагал три возможные кандидатуры на руку Изабеллы: принца Леопольда Саксен-Кобургского, дона Франсиска де Ассиса, герцога Кадисского, и дона Энрике, герцога Севильского. Таким образом, кандидатура принца Саксен-Кобургского вновь вышла на первый план.

В этот момент из Испании пришла ошеломляющая новость, причем как для французского, так и для английского правительств: посол Франции в Мадриде Брессон еще в начале июля добился у королевы Марии Кристины окончательного обещания заключить браки с герцогами Кадисским и Монпансье. Оба брака должны были со-

стояться одновременно: королева-мать опасалась, как бы бракосочетание старшей дочери не вызвало беспорядков, если бы его отпраздновали отдельно.

Франко-испанские переговоры велись Брессоном в течение нескольких недель в величайшей тайне. 27 августа королева Изабелла неожиданно сообщила своим министрам о решении выйти замуж за герцога Кадисского и выдать свою сестру за принца Монпансье, причем обе свадьбы должны были состояться в один и тот же день⁵⁵⁵.

Несмотря на то, что известия о действиях Франции в Испании и решении королевы Изабеллы вызвали бурю возмущения в Великобритании, и несмотря на официальный протест, сделанный 22 сентября лордом Пальмерстоном против бракосочетания герцога Монпансье с инфантой, 10 октября 1846 г. бракосочетания королевы Изабеллы с герцогом Кадисским и инфанты Луизы-Фернанды с герцогом Монпансье все-таки состоялись. Обе пары были обвенчаны перед одним алтарем, и конечно, «не одновременно», а одна после другой.

Королева Испании Изабелла в знак благодарности предложила Гизо наследственное звание испанского гранда с титулом герцога Сан-Антонио (герцога Монпансье звали Антуан-Мари-Филипп-Луи), от которого он отказался.

Известие о заключении «испанских браков» было с энтузиазмом встречено французскими финансистами, ссужавшими деньги Испании и уже отчаявшимися их получить⁵⁵⁶. По данным Гизо, долг Испании Франции составлял 40 – 50 млн франков⁵⁵⁷.

Совершенно иначе эта новость была встречена в Великобритании. Королева Виктория заявила, что разрыв с Францией является бесповоротным, что она отказывается поддерживать короля Луи Филиппа, впервые, по ее словам, не сдержавшего своего слова⁵⁵⁸.

Лорд Пальмерстон также выступил с обвинениями в адрес короля Луи Филиппа и Гизо, назвав политику Франции «амбици-

⁵⁵³ Дебидур А. Указ. соч. Т 1. С. 393–394.

⁵⁵⁴ Герцог Кадисский происходил из семьи неаполитанских Бурбонов, был двоюродным братом королевы Изабеллы. Французский план состоял теперь в том, чтобы сочетать браком герцога Кадисского с Изабеллой, а спустя некоторое время, или, если возможно, то и одновременно, Монпансье с инфантой. Считали, что королева останется бездетной, так как герцог Кадисский, по слухам, страдал бессилием и вообще имел нетрадиционную сексуальную ориентацию. Тогда испанский престол перешел бы к Орлеанскому дому. Во всяком случае, во Франции полагали, что Франсиско де Ассис не будет иметь ни малейшего влияния на свою жену, и что Испания, при содействии Марии Кристины и Монпансье, окажется под влиянием Франции.

⁵⁵⁵ Дебидур А. Указ. соч. С. 395–396.

⁵⁵⁶ Le Journal des Débats писал: «В течение весьма долгого времени испанские векселя были бесполезными лоскутками бумаги, и теперь пора уже внять справедливым требованиям столь многих семейств, ссудивших Испанию своими деньгами и потерпевших чувствительные потери. Действительно, мы надеемся, что восстановление спокойствия и порядка... позволит правительству юной королевы подумать, наконец, о своих заимодавцах, в числе которых находится много наших соотечественников». Цит. по: Русский инвалид. 1846. 2 ноября.

⁵⁵⁷ Guizot F. Mémoires... V. 6. P. 307.

⁵⁵⁸ Дебидур А. Указ. соч. С. 397.

озной без зазрения совести» и заявив, что Франция «стремится установить свое влияние над другим государством незаконными средствами»⁵⁵⁹.

Аналогичные обвинения высказывались со страниц английской прессы. «Le National» писала 24 сентября 1846 г., что «оппозиция в Англии становится с каждым днем все более твердой»⁵⁶⁰. Английские газеты отмечали, что дело «испанских браков» показало искусственность и иллюзорность «сердечного согласия» с Францией и его несоответствие национальным интересам Англии⁵⁶¹.

Кабинеты Австрии и Пруссии также с опасением восприняли известие о браке герцога Монпансье с испанской инфантой. Правительства этих стран не выступили с официальными протестами против политики Франции в Испании, однако в отношениях между ними и Францией усилилась напряженность⁵⁶².

Во Франции известие о заключении испанских браков и о том негодовании, которое в связи с этим возникло в английском обществе и парламенте, было встречено совсем не так, как прежде. По словам А.Л. Рохау, французы оставались до такой степени безучастными, что отвечали на враждебность Великобритании «весьма слабо и даже вовсе не отвечали». «Сердечное согласие» с Великобританией, поддерживаемое прежде правительством, по мнению оппозиции, такой дорогой ценой, теперь, как считали французы, было подчинено или даже принесено в жертву семейным интересам Орлеанского дома. Как писал О. Барро в своих воспоминаниях, «левая, это верное эхо общественного мнения, осталась холодной и безразличной к этому важному семейному успеху, несмотря на дифирамбы Гизо и его друзей»⁵⁶³.

⁵⁵⁹ Renouvin P. Op. cit. T. 5. P. 183.

⁵⁶⁰ Times от 8 октября 1846 г. писала, что Луи Филипп «не сдержал слова, данного Викторине в Ё», и что действия Франции ставят под угрозу европейское равновесие сил, но отмечала, что «Англия не видит необходимости призывать к оружию». В то же время, Times писала, что Англия «никогда не простит и никогда не забудет» нанесенное ей оскорбление.

⁵⁶¹ Morning Post писала 21 октября 1846 г.: «Мы всегда считали, что «сердечное согласие» французского правительства с нашим было обманом, иллюзией и западней. Это не Англия, а Франция сегодня доминирует в Европе». Times от 7 августа 1846 г. писала о «слепоте» Луи Филиппа и его «абсурдных претензиях». Газета отмечала, что король французов, обычно такой осторожный в своих действиях, «готов пожертвовать миром и свободой Пиренеев» в целях удовлетворения своих семейных интересов. Цит. по: Русский инвалид. 1846. 11 сентября.

⁵⁶² Poxay A.L. Указ. соч. С. 127.

⁵⁶³ Barrot O. Mémoires...T. 1. P. 445.

11 января 1847 г. открылась очередная сессия французского парламента. Луи Филипп, выступая на открытии палат с тронной речью, отметил большое значение для франко-испанских отношений брака его сына, герцога Монпансье и инфанты Луизы-Фернанды: «Этот союз будет новым залогом добрых и тесных отношений, которые уже долгое время существуют между Францией и Испанией и сохранение которых является желательным для процветания и для взаимной безопасности обоих государств»⁵⁶⁴.

Парламент, однако, не был склонен разделять радужные заявления короля. Оппозиция, возглавляемая Тьером, энергично выступила с критикой образа действий правительства в Испании. Тьер, солидаризируясь с мнением французской общественности, рассматривал брак сына Луи Филиппа с инфантой как событие, совершенное в интересах Орлеанской династии, ради которого Франция принесла в жертву свои национальные интересы, а именно «сердечное согласие» с Великобританией, заявив, что «союз с Англией является истинной политикой нашего времени, поскольку его главной целью является борьба за свободу народов и независимость всех государств Европы...»⁵⁶⁵.

Оппозиционные газеты: «Le Constitutionnel», «Le National» и «Le Siècle» выступили с критикой политики французского правительства и писали о его вероятной отставке⁵⁶⁶.

Вопрос о возможной отставке Гизо обсуждался и на страницах «Le Commerce», органа, поддерживающего политику Тьера и рассматривающего его в качестве преемника Гизо, подчеркивая, что именно Тьер «желает союза с Англией... на условиях, достойных Франции»⁵⁶⁷.

Однако, несмотря на стремление Луи Филиппа нормализовать отношения с Великобританией, он вряд ли согласился бы пожертвовать Гизо. Как отмечал Н. Д. Киселев, «в современных обстоя-

⁵⁶⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 90. Л. 20 об. Донесение Н.Д. Киселева от 30.12.1846 (11.01.1847).

⁵⁶⁵ Discours parlementaires de M. Thiers. T. 7. P. 410.

⁵⁶⁶ Le Siècle заявила, что «из двух министров (имея в виду Гизо и Пальмерстона. – Н.Т.) в деле бракосочетания кто-нибудь поступил нечестно, верно г-н Гизо». По мнению этой газеты, «Гизо без высшего повеления так сильно восстал против Пальмерстона и выгов, что, вероятно, будет вынужден выйти из кабинета». Цит. по: Русский инвалид. 1847. 8, 12 февраля. Le National от 18 сентября 1846 г. писала, что союз с Англией, который стоил Франции «стольких разочарований и жертв», оказался скомпрометирован действиями французского правительства и привел к ослаблению влияния Франции в мире.

⁵⁶⁷ Русский инвалид. 1847. 21 января.

тельстввах никакой другой политической деятель не сможет лучше и красноречивее защищать действия Франции в вопросе испанских браков»⁵⁶⁸.

Франко-английские отношения несколько нормализовались к марту 1847 г.⁵⁶⁹ Дипломатический конфликт между Гизо и Норманби был улажен в этом же месяце при посредничестве посла Австрийской империи в Париже графа Аппоньи и короля Бельгии Леопольда, находившегося в то время в Париже⁵⁷⁰.

Каковы были итоги политики Франции в Испании в 1830–1840 гг.? В результате упорной борьбы в деле «испанских браков» победу одержало французское правительство, подвергнутое критике во Франции за разрушение «сердечного согласия» с Великобританией в угоду якобы семейному интересу Орлеанской династии. Однако вскоре после заключения браков королевы Изабеллы и инфанты стало ясно, что испанская комбинация Луи Филиппа и Гизо не имела той перспективы, которой от нее ожидали: королева Изабелла не замедлила родить сына; ее мать, королева Мария-Кристина, обосновалась в Париже, а герцог Монпансье не имел большого влияния в Мадриде. Когда Луи Филипп, уже после революции 1848 г., находясь в Англии, узнал о рождении ребенка, его единственным вопросом был следующий: «А кто отец?» Но это уже не имело большого значения.

«СМЕЛЕЕ, СВЯТОЙ ОТЕЦ!» ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В ИТАЛЬЯНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Во второй половине 1840-х Италия, презрительно именуемая канцлером Меттернихом «географическим понятием», вновь оказалась одной из центральных тем европейской дипломатии.

⁵⁶⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 90. Л. 29 об. – 30. Донесение Н.Д. Киселева от 9 (21).01.1847.

⁵⁶⁹ 13 февраля Сент-Олер имел честь обедать у королевы Виктории. За столом присутствовали также принц Альберт, герцог и герцогиня Кембриджские и лорд Кларендон. Из королевского дворца Сент-Олер направился на прием к лорду Пальмерстону. Как отмечал *Le Courier Français*, французский дипломат был очень хорошо принят. За обедом лорд-мэр, в присутствии Пальмерстона, пил за здоровье короля Луи Филиппа. См.: Русский инвалид. 1847. 20 февраля.

⁵⁷⁰ *Le Courier Français* сообщал, что Гизо намеревался устроить большой обед в честь лорда Норманби, на который был приглашен весь дипломатический корпус. «Утверждают, что примирение между Гизо и Норманби – дело рук Леопольда». Газета также отмечала, что примирение между Францией и Великобританией стало возможным потому, что французское правительство согласилось с требованием Великобритании отречься от прав на испанский престол. См.: Русский инвалид. 1847. 4, 5 марта.

Взоры всей Италии обращались, как и прежде, к папе. Если сам папский престол смело подаст пример, то ему должны будут последовать все остальные монархи Италии. Как раз в это время, 1 июня 1846 г., скончался престарелый Григорий XVI, ставленник Австрийской империи. 16 июня папой был провозглашен Пий IX – кроткий и великодушный пастырь, крайне неуступчивый в том, что касалось прав церкви и вместе с тем довольно либеральный в вопросах светской администрации и весьма заботившийся о своей популярности. Пий IX начал свое правление политической амнистией (16 июня 1846 г.); обещал своим подданным конституционные реформы, которых тщетно в течение пятнадцати лет просили у его предшественника. Когда же он стал крайне медлить с осуществлением реформ (ничего или почти ничего не было сделано в течение шести месяцев), то эти колебания приписывали затруднениям, чинимым ему реакцией. «Смелее, святой отец! – кричала публика, когда он выезжал. – Доверься своему народу!». Неуверенная папская политика скоро начала вызывать противодействие⁵⁷¹, что побудило папу издать несколько либеральных декретов: в Папской области была учреждена гражданская гвардия (май 1847 г.); когда он стал медлить с ее окончательной организацией, она организовалась сама. Следуя примеру первосвященника, многие другие итальянские государи стали уступать желаниям своих подданных. Великий герцог Тосканский даровал свободу печати, король сардинский Карл-Альберт также проявил себя сторонником реформ.

Французские либералы с воодушевлением отнеслись к реформам, предпринятым в Италии под эгидой Пия IX. А. Тьер на заседании Палаты депутатов 4 февраля 1847 г., вторя итальянцам, призывал с трибуны: «Смелее, святой отец!»⁵⁷².

Гизо давал не менее высокую характеристику начальному этапу деятельности папы, называя реформаторскую деятельность Пия IX «одним из самых величественных, прекрасных зрелищ, какие когда-либо были даны миру»⁵⁷³. Так же высоко он оценивал реше-

⁵⁷¹ Росси, представитель Франции в Италии, писал Гизо 28 июня 1846 г.: «Возобновляется борьба... между старой и молодой Италией... Медлительность правительственной партии возбуждает одних, обескураживает других... Страна ждет, но с решительным нетерпением». См.: *Guizot F. Mémoires...* V. 8. P. 350.

⁵⁷² *Guizot F. Mémoires...* V. 8. P. 340.

⁵⁷³ Русский инвалид. 1847. 8 августа.

ние об объявлении папой политической амнистии⁵⁷⁴. Умеренный либерал, Гизо подчеркивал, что реформы должны иметь умеренный характер и исходить от умеренных политических сил⁵⁷⁵.

В эти годы вследствие обострения противоречий между Францией и Великобританией на почве «испанских браков» расстановка сил в Европе претерпела некоторые изменения: со стороны Франции и Австрии наметились тенденции к сближению. Гизо пытался, таким образом, компенсировать ослабление «сердечного согласия» с Великобританией, и, кроме того, рассчитывал на Австрию в целях противодействия росту влияния Пруссии в германских землях. Кроме того, как и Меттерниха, Гизо беспокоил рост радикализма в Европе⁵⁷⁶.

Австрийская империя в те годы также нуждалась в таком союзнике, как Франция, прежде всего в силу острых противоречий, существовавших между ней и Великобританией. Меттерних всеми силами старался привлечь Францию на свою сторону в целях противопоставления Великобритании союза континентальных держав⁵⁷⁷. Он так определял сущность австрийской политики в Европе: «Размещенная в центре континента... Австрия находится в контакте с интересами многих стран. Мы ничего не ищем за пределами наших границ; мы уважаем независимость всех политических ин-

ститутов, независимость реальную, а не ту, которую считают себя вправе навязывать им другие страны»⁵⁷⁸.

Однако для франко-австрийского сближения недостаточно было одного желания идти нога в ногу. Франция и Австрия не доверяли и мешали друг другу не только в Италии, в Бельгии, но и в других регионах Европы и на Востоке. В конечном итоге это была не только борьба за экономические, военные и политические позиции в Италии, которую Франция и Австрия «делили» еще со времен Директории, но и борьба за влияние и престиж в Европе.

Вполне согласные в том, что Италия должна сохранить территориальное деление, навязанное ей трактатами 1815 г., французское и австрийское правительства не были столь же солидарны относительно глубины внутренних изменений в итальянских государствах. Гизо полагал, что итальянские государи должны провести ряд необходимых реформ умеренного характера с целью достижения стабилизации итальянского общества, подчеркивая, что «...Франция должна искать свою силу и точку опоры не в оппозиции и революционном духе, а в духе умного и благомыслящего правительства, в соревновании умеренной партии с такими правительствами»⁵⁷⁹. В письме представителю Франции в Тоскане графу Ларошфуко он отмечал, что только «умеренные политические силы могут осуществить полезные реформы»⁵⁸⁰. Меттерних же являлся противником даже ограниченных реформ, считая их опасными для австрийских интересов в Италии.

В августе 1847 г. австрийские войска заняли город Феррару. Папа в спешном порядке протестовал и запросил французское правительство, может ли он рассчитывать на его поддержку.

Правительство Сульта–Гизо заявило свой протест против действий австрийцев⁵⁸¹. Помимо того, что Франция была против усиления влияния Австрии в итальянских государствах, она опасалась, как бы австрийская политика не спровоцировала перерастание умерен-

⁵⁷⁴ Гизо писал Росси 5 августа 1846 г.: «Впечатление, которое этот акт произвел повсюду, и, в частности, во Франции, превосходное. Не только хвалят папу, который смог совершить такой важный первый шаг, но предчувствуют ...генеральную линию всего правления. Хочется видеть в этом прелюдию к другим подобным действиям». См.: *Guizot F. Mémoires...* V. 8. P. 343.

⁵⁷⁵ Наибольшую опасность, по его мнению, представляли «крайние партии, с безумием их теорий, с сокрушительной силой их страстей». «Только умеренные партии, – делал вывод Гизо, – могут совершить подобные реформы, только умеренные партии могут предупредить или прекратить перевороты в обществе. См.: *Русский инвалид*. 1847. 8 августа.

⁵⁷⁶ Гизо, заявлял, что в отношении принципов и общей линии он вполне согласен с Меттернихом. Он писал австрийскому канцлеру: «Мы находимся на весьма отдаленных друг от друга точках, но все же на одной и той же плоскости...Смею думать, что мы оба боремся ради сохранения или исправления современного строя; в этом заключается наш союз... Только при содействии Франции и ее консервативной политики можно с успехом бороться против анархии и революции...». Цит. по: *Дебидур А.* Указ. соч. С. 405–406.

⁵⁷⁷ Меттерних в письме Гизо от 15 июня 1847 г. писал: «Вам предстоит выполнить великую и благородную работу – консолидировать покой Франции». По словам австрийского канцлера, Франция не могла выполнить эту задачу изолированно от других государств, и для ее выполнения она нуждалась в общеевропейской стабильности. Меттерних предлагал Франции действовать совместно на этом пути, учитывая его «желание содействовать... главному предприятию обеспечения благополучия в Европе...». В заключение письма князь Меттерних делал вывод, что франко-австрийское взаимодействие является основой всеобщего спокойствия в Европе. См.: *Metternich Cl. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cours et d'Etat*. T. 1–8. P., 1880–1884. T. 7. P., 1883. P. 401.

⁵⁷⁸ *Ibid.* T. 7. 403.

⁵⁷⁹ *Русский инвалид*. 1847. 8 августа.

⁵⁸⁰ *Fiers M. Le roi Louis-Philippe: vie anecdotique, avec 130 lettres ou documents... 1773–1850*. Paris, 1891. P. 437.

⁵⁸¹ «Русский инвалид» сообщал 10 августа 1847 г., что Гизо имел разговор с послом Австрии Аппоньи, в котором заявил протест против усиления австрийского гарнизона в Ферраре. Аппоньи отвечал, что Австрия будет поддерживать с оружием в руках свое право, гарантированное ей Венскими трактатами и всеми европейскими державами. Аппоньи также опроверг все разговоры о намерении Австрии занять римские легатства. Гизо, как сообщала газета, объявил себя удовлетворенным этими объяснениями.

ных либеральных реформ в Италии, проводившихся папской властью, в народную неуправляемую революцию. В ноте отмечалось, что французское правительство «не может одобрить усиление феррарского гарнизона и развитие Австрией необыкновенной деятельности». Кроме того, в документе подчеркивалось, что Франция, как и Австрия, была заинтересована в том, чтобы реформы в Италии имели умеренный характер, и «ограничились одной администрацией». Действия Австрии, направленные на укрепление своего военного потенциала в Ферраре, по словам Гизо, только накалят страсти в Италии и будут способствовать радикализации обстановки, что чревато нарушением стабильности в Италии и в целом европейского равновесия⁵⁸².

В это время Росси писал Гизо из Италии, что папа нуждался в 7–8 тысячах ружей для своих гражданских гвардейцев и просил конфиденциально выяснить у Гизо, не окажет ли французское правительство в этом вопросе содействие. Французское правительство эту просьбу выполнило⁵⁸³. Кроме того, Пий IX дал понять Росси, что ему было бы спокойнее, если бы французская эскадра под командованием принца Жуанвильского, находившаяся в водах Неаполя, время от времени появлялась бы у берегов Папской области.

Росси отправил письмо принцу Жуанвильскому, в котором сообщалось, что в условиях усиления военного присутствия Австрии в Италии «нахождение французской эскадры на побережье Южной Италии будет иметь замечательный эффект».

В результате в сентябре 1847 г. принц Жуанвильский появился с эскадрой у западного побережья Италии и у берегов Папской области. Эту меру Гизо рассматривал как акт политического давления, но отнюдь не как военное вмешательство во внутренние дела итальянских государств⁵⁸⁴.

Однако, поскольку французское правительство, говоря словами Гизо, действовало «без шума», итальянские радикалы и левая оппозиция во Франции обвинили его «в бездействии и отказе от дела независимости и прогресса Италии» и даже утверждали, что Франция отправила эскадру для защиты «абсолютизма против ли-

беральных тенденций»⁵⁸⁵. «Русский инвалид» еще 30 июля 1847 г. отмечал, что, по мнению некоторых итальянских журналов, французское правительство является противником реформ, осуществляемых в Италии и «старается препятствовать их развитию». Левая оппозиция во Франции утверждала, что Гизо и Меттерних действуют для достижения общей цели. «La Réforme» писала: «В то время как французский флот спокойно спит в Неаполитанском заливе, кровь течет в Италии, и молодая итальянская свобода получает свое славное крещение. Мы отнюдь не забыли, как наши министерские газеты говорили народам и правительствам Италии: «Будьте умеренны и терпеливы, и вы сможете на нас рассчитывать. Настал час для французского правительства выполнить свое обещание»⁵⁸⁶.

Гизо, аргументируя свою позицию, писал принцу Жуанвильскому 7 ноября 1847 г.: «Мы отнюдь не хранили молчание. Мы не объединились с абсолютистскими монархиями. Мы не связывались тайно с Австрией. Мы всегда и везде во всеулышание советовали и поддерживали умеренные реформы, постепенный прогресс...» Итальянцы, по словам Гизо, желали совсем другого: «Они хотели, чтобы Франция предоставила бы в их распоряжение свои вооружения, свою казну, свое правительство, чтобы осуществить то, чего они не могли осуществить сами, чтобы изгнать австрийцев из Италии и установить в Италии, под той или иной формой, национальное единство и представительное правление». «Я ищу успеха, а не шума», – утверждал он⁵⁸⁷.

Действия французского правительства, несмотря на критику оппозиции, не были безрезультативными: Меттерних, понимая, что уступчивость Гизо не могла выходить за известные пределы, был вынужден пойти на ответную уступку, обещав очистить Феррару от австрийских войск. В обмен на это он хотел, чтобы Росси и другие представители Франции в Италии прекратили настаивать на проведении реформ. Канцлер доказывал Гизо, что революции нельзя уступать, иначе итальянцы, обретя свободу, начнут крестовый поход против трактатов 1815 г.

В Риме был созван совет, на котором присутствовали делегаты от провинций. В конце декабря 1847 г. австрийские войска были эвакуированы из Феррары.

⁵⁸² См.: Русский инвалид. 1847. 30 августа.

⁵⁸³ Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 362.

⁵⁸⁴ Гизо писал относительно событий в Ферраре и отправления французской эскадры принцу Жуанвильскому: «Я действовал деликатно и без шума, чтобы убедить Австрию покончить с этим делом, договориться с папой, вернуться к статус-кво, и помешать тому, чтобы искра Феррары зажгла бы всю Италию». См.: Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 386.

⁵⁸⁵ Ibid. P. 384.

⁵⁸⁶ La Réforme. 1847. 17 novembre.

⁵⁸⁷ Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 386–389.

28 декабря в Париже открылась парламентская сессия. В ходе дебатов о тронной речи короля в январе – феврале 1848 г. политика министерства Гизо (в сентябре 1847 г. он стал и реальным главой кабинета) подверглась столь энергичной критике, что это грозило серьезной опасностью режиму Июльской монархии. Оппозицию правительству возглавляли А. Ламартин, А. Тьер и В. Гюго. Оппозиция, критикуя действия кабинета, обвиняла его в проведении «реакционной» политики.

Гизо, однако, не считал, что в данных условиях национальные интересы Франции требовали вооруженного вмешательства в итальянские дела, полагая, что независимость итальянских государств не была поставлена под угрозу. Более того, Гизо был убежден, что политика, за которую ратовали его противники, привела бы к европейскому хаосу: «Я абсолютным образом отклоняю эту политику как незаконную в принципе и как недееспособную на практике»⁵⁸⁸. Однако уже после крушения режима Июльской монархии Гизо пересмотрел свою точку зрения, выдвинув критические замечания в адрес австрийской политики, подчеркивая, что политика Австрии, направленная на сохранение статус-кво в Италии, в том числе методами принуждения, не соответствовала современным реалиям. «Я считаю, – писал Гизо в «Мемуарах», – что продолжать следовать по этому пути сейчас невозможно; нельзя больше преуспеть на пути репрессий»⁵⁸⁹.

Однако в 1848 г. его беспокоил итальянский радикализм. Выступая в парламенте 29 января 1848 г., Гизо сформулировал свое отношение к радикально-демократическому направлению в итальянском национально-освободительном движении. Он сообщил о письме, адресованном ему Дж. Мадзини, находившимся тогда в Лондоне, и опубликованном в «Le National» 18 января 1848 г. Гизо так сформулировал суть программы Мадзини: «Не только независимость итальянских государств по отношению к иностранцам, но создание единого итальянского государства... и достижение этой цели любой ценой, через революцию и войну». Окончательная цель Мадзини, по мнению Гизо, заключалась в установлении единой и неделимой итальянской республики. Во имя этой цели «итальянская умеренная партия была отвергнута

и отброшена как слабость и химера», – заявил он⁵⁹⁰. Гизо критиковал не только методы действий Мадзини и его республиканские идеи, но и сомневался относительно возможности создания единого итальянского государства в целом. Он писал 7 октября 1847 г. представителю Франции в Тоскане: «Я не верю в итальянское единство, но я верю в союз итальянских государств, и я его очень желаю»⁵⁹¹.

Кроме того, Гизо считал, что австрийское правительство никогда не согласится с проектами Мадзини. По его мнению, в данной ситуации на стороне Австрии выступят не только Россия и Пруссия, но и Великобритания, заинтересованная в сохранении статус-кво в Италии⁵⁹².

Между тем события в Италии развивались по радикальному сценарию: в декабре 1847 г. и январе 1848 г. волнение охватило Ломбардо-Венецианскую область. 12 января 1848 г. восстала подстрекаемая Англией Сицилия; войска, посланные королем для того, чтобы подавить возмущение в Палермо, были разбиты; все население взялось за оружие. 27 января в Неаполе было создано либеральное министерство, а 11 февраля Фердинанд II обнародовал конституцию. 15 февраля Леопольд Тосканский также даровал своим подданным конституцию.

Французское правительство оказалось в двойственном положении. С одной стороны, оно отлично понимало: если революция восторжествует в Италии, она не замедлит перебраться на Францию⁵⁹³. По предложению Гизо король и Совет приняли решение оказать Италии по просьбе папы эффективную помощь. Было решено, что 2 500 человек, находившиеся в Тулоне, и 2 500 в Порт-Вандр будут готовы по первому сигналу высадиться в Чивита-Веккиа. 27 января все необходимые меры были приняты, и России было поручено сообщить об этом римскому правительству. С другой стороны, французское правительство ясно осознавало, что оно ни под каким предлогом не могло открыто присоединиться к австрийской армии. В результате вплоть до 24 февраля,

⁵⁹⁰ Ibid. V. 8. P. 373.

⁵⁹¹ Flers M. Le roi Louis-Philippe: vie anecdotique... P. 438.

⁵⁹² Guizot F. L'Histoire parlementaire... T. 5. P. 546.

⁵⁹³ В одном из своих выступлений Гизо отметил тесную взаимосвязь итальянских и общеевропейских процессов: «Сейчас все в Европе взаимосвязано... Вопрос итальянского мира – это неизбежно вопрос европейского мира». См.: Guizot F. L'Histoire parlementaire... T. 5. P. 540.

⁵⁸⁸ Guizot F. L'Histoire parlementaire... T. 5. P. 539.

⁵⁸⁹ Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 374.

венский и парижский кабинеты не предприняли конкретных действий в целях противодействия радикализации обстановки в Италии⁵⁹⁴.

В политике Франции по отношению к событиям в итальянских государствах отчетливо проявилось следование орлеанистами и непосредственно Гизо «политике интересов». Если в начале 1830-х правительство К. Перье выступало против усиления позиций Австрии в Италии и защищало принцип невмешательства вооруженным путем, то в конце 1840-х правительство Гизо, опять-таки исходя из идеи невмешательства, выступило за согласованные действия со своим идеологическим противником в борьбе с общим, как они полагали, врагом – итальянским радикализмом. Однако существовавшие противоречия между Францией и Австрией не позволили им достичь согласованных действий.

ФРАНЦИЯ И ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ ШВЕЙЦАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ

В 1830–1840-е не менее острой проблемой для Франции явился швейцарский вопрос. События в Швейцарии, расположенной в центре Европы и стремящейся реформировать свое конфедеративное устройство, вызвали серьезную озабоченность европейских держав. Французское правительство, первоначально заявлявшее о своей приверженности идее невмешательства во внутренние дела Швейцарии, к концу 1840-х выступило против реформирования Швейцарской конфедерации, считая это опасным для европейского равновесия. В согласии с правительствами Австрии, Пруссии и России правительство Гизо допускало возможность вооруженного вмешательства во внутренние дела Швейцарии на стороне объединения католических кантонов – «Зондербунда».

События Июльской революции во Франции явились катализатором движения за реформирование Швейцарской конфедерации, превращенной Союзным договором от 7 августа 1815 г. в ряд самостоятельных государств, слабо связанных между собой общими

интересами⁵⁹⁵. 17 марта 1832 г. 7 кантонов – Цюрих, Люцерн, Берн, Золотурн, Санкт-Галлен, Ааргау и Тургау подписали в Люцерне «Договор семи», с целью взаимной гарантии своих конституций и пересмотра союзного договора. Как противовес ему между малыми кантонами, Базелем и Невшателем 14 ноября 1832 г. была заключена «Саарненская лига».

Реформирование Швейцарской конфедерации и ее превращение в централизованное государство вызвало пристальное внимание со стороны европейских держав, как абсолютистских дворов, так и конституционных правительств, опасавшихся, что изменение устройства Швейцарии, расположенной в центре Европы, может привести к нарушению европейского равновесия сил.

Положение, в котором оказалась Франция, было сложным. Французское правительство считало необходимым выступить в поддержку этого движения, рассчитывая укрепить свое влияние в Швейцарии и в перспективе создать в континентальной Европе лигу либеральных государств в противовес абсолютистским державам. Кроме того, поддержав Швейцарию, Франция могла нанести поражение политике Австрии, направленной на расширение влияния в Европе. Но, с другой стороны, французское правительство должно было учитывать реакцию европейских государств на его действия, справедливо опасаясь вероятных обвинений в пособничестве революционным движениям, а также в экспансионистских стремлениях.

Исходя из этого, либералы-орлеанисты выбрали срединную линию поведения: правительства, возглавляемые К. Перье и Л.-В. де Броем строили свою швейцарскую политику исходя из провозглашенного принципа невмешательства: Франция не вмешивается во внутренние дела суверенной Швейцарии, но она не может допустить интервенции в ее дела других иностранных держав.

Между тем так называемые ультрамонтанские кантоны – Люцерн, Цуг, Ури, Швиц, Унтервальден 15 сентября 1845 г. заключили между собой военно-политический союз (Зондербунд).

⁵⁹⁵ Венский конгресс гарантировал нейтралитет Швейцарии и включил в ее состав три новых кантона. Таким образом, Швейцарская конфедерация состояла из 22 автономных кантонов, имеющих свой кантональный совет. Верховная власть хотя и принадлежала сейму, но была слабой. Он собирался поочередно в трех фортах (главных кантонах): Цюрихе, Берне и Люцерне. Кантональные конституции постепенно были изменены в консервативно-аристократическом духе. Все усилия либеральной оппозиции были направлены на введение демократических конституций в кантонах и на усиление связи кантонов между собой.

⁵⁹⁴ Дебидур А. Указ. соч. С. 412–414.

В условиях радикализации обстановки в Швейцарии вновь, как и в начале 1830-х, на повестку дня встал вопрос об организации вооруженной интервенции европейских держав в Швейцарию. Гизо выступал противником силового решения швейцарского вопроса. Он писал 23 марта 1845 г. послу Франции в Берлине маркизу Дальмаси: «...Всякое внешнее действие... навредит вместо того, чтобы помочь... Никакая изолированная интервенция... одной из держав не может быть допущена»⁵⁹⁶.

Допускал ли Гизо возможность коллективной интервенции? Он считал, что если она и будет возможна, то только в случае крайней необходимости и по просьбе швейцарского сейма. По словам Гизо, Франция должна внимательно наблюдать за событиями, разворачивающимися в Швейцарии, чтобы быть готовой к любому повороту событий, в том числе и к коллективному вооруженному вмешательству.

Итак, Гизо высказался против коллективной интервенции держав в Швейцарию, хотя и осознавал опасность победы радикалов. Он понимал, что вооруженная интервенция вызовет активное противодействие оппозиции и широкой общественности во Франции. Это мнение нашло подтверждение на страницах «Мемуаров» князя Меттерниха, отмечавшего, что Гизо склонялся к мысли, что «единодушное действие держав могло только усилить кризис»⁵⁹⁷. Кроме того, в условиях англо-австрийских противоречий Гизо считал целесообразным занять выжидательную позицию, чтобы затем при случае воспользоваться ими для урегулирования швейцарской проблемы в свою пользу.

22 октября 1846 г. Гизо писал графу Флао, послу Франции в Вене: «Без сомнения, в Швейцарии есть много людей благоразумных, благородных, просвещенных, видящих зло и желающих бороться с ним. Но обладают ли они предвидением и энергией, необходимыми для такой борьбы? Я в этом очень сомневаюсь. Если Швейцария не в состоянии спастись и реорганизоваться сама, разве Европа должна взвалить на себя эту заботу? Совершит ли иностранная интервенция в Швейцарии то, на что не хватает мудрости и энергичности ей самой?».

Кроме того, Гизо подчеркивал, что урегулирование ситуации в Швейцарии могло быть только следствием компромиссного реше-

ния вопроса конфликтующими сторонами. Он писал Флао: «Умиротворение Швейцарии, ее превращение в государство стабильное и спокойное... не может быть результатом триумфа одной партии над другой. Оно может быть только следствием соглашения между крайними претензиями».

Гизо справедливо отмечал, что австрийское правительство в то время нуждалось в поддержке Франции, в согласованных действиях с ней в швейцарском вопросе. Причина этого заключалась в том, что в это время предметом особого беспокойства австрийского правительства становится Италия. По его мнению, «не только влияние Австрии в Италии, но и будущее ее владений было под угрозой»⁵⁹⁸.

Чтобы иметь свободу рук в Италии, князь Меттерних нуждался, по словам Гизо, в том, чтобы «тяжесть борьбы против альпийских радикалов не давила бы на него одного, а была бы разделена с Францией, чтобы Австрия могла переключить все свое внимание на итальянские дела». «Италия высасывает Австрию», – писал Гизо послу Франции в Швейцарии (с 4 июня 1847 г.) Буалеконту⁵⁹⁹.

Против вооруженного вмешательства в борьбу швейцарских кантонов выступил и король Луи Филипп. В разговоре с Гизо он отметил: «Иностранная интервенция является печальным средством даже тогда, когда она спасительна... Будем воздерживаться от вмешательства, мой дорогой министр... Не допустить вмешательства других – это уже большое дело. Каждый народ должен сам нести свое бремя...»⁶⁰⁰.

Исходя из этого, французское правительство сочло преждевременным согласиться с идеей Меттерниха об организации коллективных действий европейских держав по урегулированию швейцарского вопроса⁶⁰¹ (еще в 1845 г. австрийский канцлер предлагал созвать в Париже совещание представителей пяти держав по выработке общего соглашения)⁶⁰².

Между тем события в Швейцарии принимали все более радикальный оборот, что очень беспокоило австрийское и французское правительства. Меттерних опасался, что победа швейцарских радикалов

⁵⁹⁸ Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 450–455.

⁵⁹⁹ Ibid. V. 8. P. 456.

⁶⁰⁰ Ibid. V. 8. P. 417–418.

⁶⁰¹ Гизо писал Флао 25 июня 1847 г.: «В отличие от него (Меттерниха. – Н.Т.) мы не верили в успех этого демарша». См.: Ibid. V. 8. P. 456.

⁶⁰² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 124. Л. 359–359 об. Донесение Н.Д. Киселева от 28.05 (9.06). 1845.

⁵⁹⁶ Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 443.

⁵⁹⁷ Metternich Cl. Op. cit. T. 7. P. 458.

будет означать успех противников Австрии. Поэтому он выступал за организацию вооруженной интервенции в поддержку Зондербунда⁶⁰³.

Луи Филипп также выражал опасения по поводу роста радикальных тенденций в Швейцарии, полагая, что сами швейцарцы были не в состоянии разрешить свои внутренние проблемы⁶⁰⁴.

Аналогичные опасения относительно средств и методов, с помощью которых в Швейцарии предпринимались попытки реформирования союзного устройства, высказывал Гизо, имея в виду рост швейцарского радикализма⁶⁰⁵. Он опасался, что на границах с Францией будет создано государство с нестабильной политической структурой. Выступая 24 июня 1847 г. в Палате депутатов, он отметил: «Что будет, если эти изменения, вместо того, чтобы пойти правильными путями, пойдут по пути гражданских войн, будут осуществляться насильственными методами, которые я позволю себе назвать анархистскими?»⁶⁰⁶.

Подобные настроения были достаточно распространены во Франции. В частности, граф Монталамбер, выступая в Палате пэров 13 января 1848 г., подчеркивал, что радикализация обстановки в Швейцарии опасна не только для внутренней стабильности этой страны, но и для безопасности всей Европы, в том числе и для безопасности Франции⁶⁰⁷.

⁶⁰³ Как отмечал журнал *La Revue des deux mondes*, поддерживающий политику правительства, победу радикалов венский двор рассматривал как признак грядущей гражданской войны в Швейцарии. Он всеми силами стремился не допустить превращения Швейцарии из конфедерации в федеративное государство и считал необходимым, чтобы европейские государства заявили коллективный протест. См.: *La Revue des deux mondes*. 1847. Т. 19. 15 juin. P. 379.

⁶⁰⁴ Король говорил Гизо: «...Однажды брошенные в революционные кризисы, швейцарцы не настолько сильны, чтобы выйти из них самостоятельно и чтобы самим восстановить свою государственную организацию и правительство. Надо, чтобы восстановление внутреннего порядка сделал за них кто-то другой». По словам Луи Филиппа, швейцарцы «имели амбиции создать великое государство и постоянно мечтали о новом устройстве». См.: *Guizot F. Mémoires...* V. 8. P. 417.

⁶⁰⁵ «Во имя каких идей хотят ныне изменить конституцию Швейцарии? Во имя идей радикальных, радикальных в высшей степени. Господа, вам известно, что радикальные идеи везде, где только они господствовали в обществе, влекли за собой его позор и падение: они погубили бы новое общество точно так же, как погубили общества более значительные. Поэтому мы имеем достаточно причин, для пользы Швейцарии, как и для собственной нашей пользы, отвергать эти идеи, советовать, чтобы их отвергали и остерегались», – заявил Гизо. См.: *Русский инвалид*. 1847. 8 августа.

⁶⁰⁶ *Guizot F. L'Histoire parlementaire...* Т. 5. P. 470.

⁶⁰⁷ Монталамбер дал очень яркую характеристику политического радикализма: «Радикализм отнюдь не есть, как многие утверждают, преувеличенный либерализм, но, скорее, доведенный до крайностей деспотизм, олицетворяющий нетерпимость. Радикализм не уважает ничьих прав и проявляет презрение к человечеству». См.: *Сын отечества*. 1848. № 2. Февраль. С. 9.

Английское правительство, поддерживавшее протестантские кантоны, выступило против организации вооруженной интервенции в поддержку Зондербунда. Пальмерстон пытался использовать обострение ситуации в Швейцарии для ослабления и даже ликвидации «системы Меттерниха», хотя и понимал опасность международных затруднений вследствие радикализации внутривосточной ситуации в Швейцарии.

Между тем успех радикалов казался очевидным, если в события не вмешается третья сторона в лице иностранной державы. Исходя из этого, британское правительство объявило о своей приверженности принципу невмешательства и пыталось, используя дипломатические каналы, всячески оттянуть время. Но успех такой тактики по большей части зависел от линии поведения французского кабинета: если Франция присоединится к австрийской политике интервенции, то вряд ли Великобритания сможет им что-либо противопоставить.

Французское правительство демонстрировало именно такое намерение. В частности, Гизо, выступая в парламенте 24 июня 1847 г., заявил о единстве позиций французского и австрийского правительств относительно положения дел в Швейцарии. Он обратил внимание на общность целей двух государств в швейцарском вопросе: не допустить радикализации событий в Швейцарии. «Господа, если бы политика Австрии по отношению к Швейцарии отличалась от нашей, если бы Австрия показала себя враждебной швейцарской независимости, разве мы действовали бы вместе?» – заявил он⁶⁰⁸.

Кроме того, в разговоре с Н. Д. Киселевым Гизо подчеркнул, что французское правительство было намерено действовать в согласии с Австрией, Пруссией и Россией, независимо от позиции британского правительства, заявившего о своей приверженности принципу невмешательства⁶⁰⁹.

Это же мнение разделял князь Меттерних, отмечавший в «Мемуарах»: «...Правительство короля, исходя из своего собственного интереса, как и мы, не хочет гражданской войны в Швейцарии и создания унитарного правительства в этой стране, вместо правительства кантонального... Разница заключается только в средствах достижения цели»⁶¹⁰.

⁶⁰⁸ *Guizot F. L'Histoire parlementaire...* Т. 5. P. 471.

⁶⁰⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 118. Л. 2. Донесение Н.Д. Киселева от 2 (14). 01. 1848.

⁶¹⁰ *Metternich Cl. Op. cit.* Т. 7. P. 458.

Правительство Гизо выступило против реформирования Швейцарской конфедерации в федерацию. По мнению Гизо, именно конфедеративное политическое устройство Швейцарии отвечало интересам как самой Швейцарии, так Франции и Европы в целом: «Конфедерация являлась единственным и эффективным режимом для этого маленького народа, различающегося по расе, языку, привычкам и ежедневным интересам, разделенного горами, льдами и озерами...»⁶¹¹

Он выражал опасения, что создание унитарного государства «заключало в себе больше средств к наступательным движениям, и было менее безопасным для соседей»⁶¹². Гизо сообщал Буалеконту в депеше от 2 июля 1847 г., что упразднение существующей структуры Швейцарии будет не актом народа, свободно изменяющего свои институты, а будет «порабощением независимых государств, противящихся попасть под иго более мощных образований»⁶¹³.

Отрицательно относясь к идее вооруженной интервенции во внутренние дела Швейцарии, Гизо допускал вооруженное вмешательство как крайнее средство⁶¹⁴. В то же время французское правительство, не вмешиваясь прямо во внутренние дела Швейцарии, оказывало кантонам Зондербунда помощь в виде ограниченных поставок вооружения. Кроме того, еще осенью 1846 г. французские войска были стянуты к швейцарской границе, однако им было строго приказано не переступить через нее⁶¹⁵.

Отправка оружия в Швейцарию была встречена во Франции неоднозначно. Так, левый центр во главе с А. Тьером и династическая левая во главе с О. Барро высказались против этой меры⁶¹⁶.

⁶¹¹ Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 418.

⁶¹² Русский инвалид. 1847. 8 августа.

⁶¹³ La Revue des deux mondes. 1847. T. 19. 15 juin. P. 379. По словам Ф. Гизо, швейцарцы, «увлеченные бурей французской революции», стремились создать у себя единую неделимую республику, что, по его мнению, это не соответствовало историческим традициям швейцарского народа и положению Швейцарии в Европе: «Идея единой и неделимой республики была в Швейцарии политическим плагиатом, революционной манией, порожденной желанием и необходимостью реформировать Старый порядок. Она противоречила природе вещей и принципу независимости швейцарских кантонов...». См.: Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 419.

⁶¹⁴ Гизо писал Флао 25 июня 1847 г.: «Если зло гражданской войны и анархии будет давить на Швейцарию, если смуты поразят саму радикальную партию, если общественное мнение обратится к Европе как единственной, способной восстановить в Швейцарии порядок и мир, только тогда прямое действие держав может быть эффективным и славным...». См.: Ibid. V. 8. P. 457.

⁶¹⁵ Русский инвалид. 1846. 31 октября.

⁶¹⁶ Barrot O. Mémoires... T. 1. P. 441.

Газета «Le Journal des Débats», аргументируя действия правительства, писала: «Французское правительство уже не раз продавало оружие иностранным землям... Почему же оно должно было отказать Фрейбургу в том, в чем оно никому не отказывало? Разве оно в войне с этим кантоном?...». В газете делался следующий вывод: «...Было бы странным, если правительство, так много содействовавшее торжеству мира и порядка в Швейцарии и Европе, приняло бы сторону партии, стремящейся к революции, беспорядкам и междоусобной войне»⁶¹⁷.

Между тем швейцарский сейм, собравшийся 5 июля 1847 г. в Берне, объявил существование союза несовместимым с условиями союзного договора.

После победы радикалов в Цюрихе, Берне, Санкт-Галлене и Женеве большинство оказалось на стороне сейма. Он предписал кантонам Зондербунда уничтожить свой договор и прекратить вооружение. В то же время сейм решил приступить к пересмотру союзного договора и удалить иезуитов из Швейцарии (3 сентября 1847 г.).

Кантоны Зондербунда надеялись на помощь Австрийской империи и Франции и упорно отклоняли всякие попытки к компромиссу, исходившие от сейма. 21 сентября сейм приказал генералу Г.-А. Дюфуру выступить с 6 дивизиями и занять враждебные кантоны. Союзная армия в 100 тыс. человек принудила к капитуляции Фрейбург и Цуг, оттеснила 23 ноября после ожесточенного боя армию Зондербунда под командованием генерала Салис-Сално и заняла Люцерну. Остальные кантоны были вынуждены подчиниться. В кантонах были произведены изменения конституций и правительств. Кроме того, они должны были уплатить военные издержки. Решение о пересмотре союзного договора 1815 г. было положительным.

В этих условиях линия поведения французского правительства изменяется: идея интервенции в поддержку католических кантонов встает на повестку дня.

В декабре 1847 – январе 1848 гг. в Париже проходил ряд совещаний с дипломатическими представителями Австрии, Пруссии и России по швейцарской проблеме. 11 января было принято решение о согласованных действиях между державами и сформулирована нота, которую после одобрения австрийским и прусским дворами

⁶¹⁷ Цит. по: Русский инвалид. 1847. 12 октября.

нужно было представить швейцарскому сейму. Линия поведения заключалась в следующем: державы будут наблюдать за реакцией сейма относительно предложенного изменения союзного договора Швейцарии. Они согласятся принять дополнения к договору, если те не будут изменять основ существующего устройства Швейцарии как союза двадцати двух независимых областей, составляющих нейтральное государство. Если сейм изменит эти положения или принудительным образом заставит какие-либо кантоны согласиться с изменениями, три державы сочтут себя свободными от всех обязательств, принятых в отношении Швейцарии и будут руководствоваться только своими правами и своими интересами⁶¹⁸. 18 января 1848 г. коллективная нота Австрии, Пруссии, Франции и России была вручена швейцарскому сейму.

Итак, в очередной раз французский кабинет счел целесообразным руководствоваться соображениями реальной политики, обосновывая в данном случае необходимость вмешательства в швейцарские дела национальными интересами Франции и интересами общеевропейской безопасности. Однако согласие французского правительства в январе 1848 г. на «коллективную ноту», в которой державы пытались запугать швейцарских радикалов, чтобы не допустить трансформации Швейцарской конфедерации в федеративное государство, являлось, скорее, только жестом, пока нота не сопровождалась угрожающими санкциями. Австрийская империя не могла рассчитывать на Францию в своем противостоянии с Великобританией. Это ясно понимала оппозиция, полагавшая, что король Луи Филипп не позволит Гизо зайти так далеко, чтобы продемонстрировать свою готовность пойти на разрыв «сердечного согласия» с Великобританией и на возможную изоляцию Франции. Как отмечала «La Réforme», «Меттерних и Гизо не настолько неразумны, чтобы мечтать о подобном преступлении (вооруженная интервенция в Швейцарию. – *Н.Т.*)». К тому же, по словам газеты, «они не являются достаточно сильными, чтобы его совершить»⁶¹⁹. Даже сторонники Гизо предостерегали его от вмешательства во внутренние дела Швейцарии на стороне Зондербунда⁶²⁰. Как доносил Н. Д. Киселев, «состояние общест-

венного мнения не позволит ему, и еще меньше любому другому министру, который его сменит, совершить вооруженную интервенцию в Швейцарию»⁶²¹.

На открывшейся в январе 1848 г. сессии французского парламента при обсуждении ответного Адреса на тронную речь короля по вопросу о политике в Швейцарии развернулись ожесточенные дебаты. Оппозиция обвиняла кабинет в проведении антилиберальной политики, в отказе от принципов 1830 года. Левая оппозиция называла Гизо «достойным союзником Меттерниха»⁶²². «La Réforme» писала: «Почему правительство Гизо не сделало подобной декларации, когда Австрия, Пруссия и Россия вероломно и жестоко нарушили трактаты 1815 года, гарантировавшие независимость Краковской республики?»⁶²³.

Сторонники оказания Швейцарии активной помощи, наоборот, критиковали правительство за проявленные, по их мнению, слабость и нерешительность. По словам графа Монталамбера, правительство показало себя «слишком слабым» в швейцарском вопросе. Пэр Франции граф Пеле, выступая в верхней палате 13 января 1848 г., обратил внимание на сократившееся, по его мнению, влияние Франции в Швейцарии, в то время как Великобритания сумела укрепить там свои позиции.

Гизо, выступая в Палате пэров 15 января и считая, что лучшая защита – это нападение, обвинил оппозицию в непоследовательности, отметив, что его упрекали то в медлительности, то в поспешности, то в том, что он мало сделал, то в том, что слишком много. По словам Гизо, это происходило оттого, что он «не следовал одной фиксированной идее, а имел в виду права и интересы всех»⁶²⁴, и являлся противником абсолютизации политических принципов: «Я хотел вникнуть в суть вопроса в его целостности, в сочетании всех его элементов и всех фаз развития событий»⁶²⁵. Он подчеркивал, что французское правительство было сторонником умеренного реформирования Швейцарской конфедерации, инициатором которого являлись бы умеренные политические силы.

⁶²¹ Там же. Л. 352.

⁶²² La Réforme. 1847. 1 novembre.

⁶²³ Ibid. 1847. 31 décembre.

⁶²⁴ Сын отечества. 1848. № 2. Февраль. С. 11.

⁶²⁵ Guizot F. L'Histoire parlementaire... T. 5. P. 511.

⁶¹⁸ Сын отечества. 1848. № 2. Февраль. С. 15.

⁶¹⁹ La Réforme. 1847. 25 octobre.

⁶²⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 91. Л. 345. Донесение Н.Д. Киселева от 19. 12. 1847.

Оппозиция же расценивала такой образ действий французского кабинета как отказ от провозглашенных принципов и доктрин. В частности, О. Барро, упрекая правительство Гизо в отказе от выработанной линии поведения, заявил, что в швейцарском вопросе правительство «вновь отказалось от своего происхождения и пренебрегло своими истинными интересами». По его мнению, Франция выступила против реформирования Швейцарской конфедерации только потому, что эта идея исходила от швейцарских радикалов: «...Вы сопротивляетесь необходимым изменениям федерального акта потому, что они исходят от либеральной партии. Если бы инициатива принадлежала бы партии консервативной, вы бы, как в 1833 г., были на ее стороне. Вы бы не только выступили за эти изменения, но и обязали бы Австрию не вмешиваться»⁶²⁶.

В нижней палате парламента оппозиция правительству по швейцарскому вопросу группировалась вокруг А. Тьера, который в 1836 г., в бытность министром иностранных дел, как и Гизо, выступал против швейцарского радикализма. Теперь же он заявлял с трибуны о своей приверженности «делу революции» и о борьбе в Швейцарии «не просто между радикалами и умеренными, но между революцией и контрреволюцией»⁶²⁷.

Однако, несмотря на бурную полемику, в обеих палатах был принят Адрес, одобряющий политику правительства в швейцарском вопросе⁶²⁸.

Между тем Союзный сейм Швейцарии высказался решительно против права держав вмешиваться в ее внутренние дела. Еще до февральской революции 1848 г. сейм назначил особую комиссию для выработки новой конституции, которая была принята 15 мая 1849 г. большинством 15,5 кантона против 6,5 кантона. За основу конституции был принят Основной закон США.

Итак, французское правительство, первоначально заявившее о своей приверженности идее невмешательства во внутренние дела Швейцарии, к концу 1840-х сочло целесообразным руководствоваться соображениями реальной политики, обосновывая необходимость вмешательства в швейцарские дела национальными интересами Франции и интересами общеевропейской безопасности,

действуя в согласии с Австрией, Пруссией и Россией⁶²⁹. Много лет спустя Гизо писал в «Мемуарах», что допустил ошибку, полагаясь на не вполне достоверные сведения посла Буалеконта, преувеличившего мощь Зондербунда и слишком верившего в успех католической партии. Гизо писал: «Если бы мы лучше знали состояние дел и лучше бы просчитывали возможности, мы бы давали те же советы и сохраняли бы ту же линию поведения наблюдателей, но наблюдателей менее беспокойных и более терпеливых»⁶³⁰.

А Швейцария до сих пор остается конфедерацией...

⁶²⁶ Barrot O. Mémoires... Т. 1. P. 441–442.

⁶²⁷ Discours parlementaires de M. Thiers. Т. 7. P. 518.

⁶²⁸ Сын отечества. 1848. № 2. Февраль. С. 13.

⁶²⁹ La Revue des deux mondes, поддерживая политику правительства, отмечал, что в современных условиях невозможно придерживаться абсолютных принципов в политике: «Это правило, как и все другие, не может существовать без изменений; без них правило не будет соответствовать человеческой природе. Те, кто протестовал сначала против всякого вмешательства, будут первыми, кто будет просить о нем, если оно будет соответствовать их делу и их страстям». См.: La Revue des deux mondes. 1847. Т. 20. 1 novembre. P. 547.

⁶³⁰ Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 517.

ГЛАВА 7. **ФРАНЦИЯ И «СЕВЕРНЫЕ ДВОРЫ»: ПОПЫТКА ЛИБЕРАЛЬНО- КОНСЕРВАТИВНОГО СИНТЕЗА**

«ФАЛЬШИВАЯ» ИЮЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ И «ФАСАДНАЯ» РОССИЯ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Июльская революция и приход к власти короля Луи Филиппа резко осложнили международное положение Франции, появилась опасность ее международной изоляции. Наибольшее беспокойство события во Франции вызвали у императора Николая I. Ревностный защитник принципа легитимности, не имея ничего против «короля французов» лично, он был глубоко возмущен обстоятельствами его прихода к власти. Он считал Луи Филиппа узурпатором престола, похитившим корону у малолетнего герцога Бордоского, внука короля Карла X. По его мнению, французы, совершив революцию, нарушили спокойствие в Европе и совершили преступление против законного порядка, основанного решениями Венского конгресса. Поначалу император даже носился с идеей организации вооруженной интервенции во Францию; для выяснения позиций абсолютистских дворов Европы и выработки единой тактики с правительствами Австрии и Пруссии, в Вену и Берлин были направлены генерал-адъютант граф А. Ф. Орлов и генерал И. И. Дибич.

17 августа 1830 г. к французскому поверенному в делах барону Бургоэну явился граф Чернышев с уведомлением, что царь прерывает дипломатические отношения с Францией. Всем русским, полякам и финнам было предписано покинуть территорию Франции; был запрещен въезд в Россию и введен запрет оставаться на территории Российской империи французским подданным; не допускались в русские порты суда под новым французским флагом; был

установлен жесткий контроль над подданными Российской империи, путешествующими за границей⁶³¹.

Однако Николай I сумел вовремя одуматься, внял голосу разума и предостережениям своих более уравновешенных сановников, прежде всего министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде и посла Поццо ди Борго (которого Николай I явно недолюбливал за известную независимость и самостоятельность в суждениях и даже действиях). После того как Луи Филиппа официально признала Великобритания, а затем Австрия и Пруссия, император 18 сентября также объявил о признании герцога Орлеанского «королем французов». Однако на подробном докладе Нессельроде он все-таки написал: «Сдаюсь на ваши рассуждения, но призываю небо в свидетели, что это сделано и останется против моей совести, что это одно из самых тяжелых усилий, которые я когда-либо делал»⁶³².

Французские подданные, проживавшие на территории России, Польши или Финляндии, а также коммерсанты, занимавшиеся экономической деятельностью в России, вскоре получили разрешение вернуться. Что касается российских подданных, то в соответствии с указом от 27 апреля 1834 г. были определены правила их пребывания за границей. «Срок дозволенного пребывания за границей с узаконенным паспортом» по этому указу составлял 5 лет для дворян, для «всех прочих состояний» – 3 года; для более длительного пребывания за границей нужно было получить личное разрешение императора или отсрочку, что было явлением весьма редким.

Несмотря на официальное признание, отношение Николая I к Луи Филиппу продолжало оставаться очень натянутым. В делах государственных и официальных он согласился с вице-канцлером Нессельроде и признал Луи Филиппа «королем французов», однако в личных и непосредственных обращениях с ним открыто выражал свои личные чувства и убеждения. В переписке с Луи Филиппом он отказывался именовать его, как других европейских монархов, «Государь, брат мой», что неоднократно приводило к дипломатическим осложнениям.

Луи Филипп очень хорошо знал о негативном отношении к своей персоне со стороны русского государя. В 1835 г., общаясь с послом Франции в Вене графом Сент-Олером, он отметил:

⁶³¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 198. Л. 92 об.

⁶³² Нольде Б.Э. Внешняя политика. Исторические очерки. Пг., 1915. С. 201.

«Я очень хорошо понимаю, каково мое сегодняшнее положение по отношению к европейским державам. Каждый царствующий монарх с большим или меньшим сожалением лицезреет меня на троне Франции, соглашается с моей королевской властью, но только с властью пожизненной. Император Николай I рассматривает всякие персональные отношения со мной так, как если бы я был болен чумой. Он скорее согласится отрезать себе руку, чем написать: *Брат мой*. По отношению к моему возрасту и характеру такое поведение не совсем уместно. Но не стоит ожидать от молодого монарха подобной философии. Однако если в тот момент, когда мой сын взойдет на трон, все останется в таком же состоянии, катастрофа будет неизбежна»⁶³³.

Глава французского правительства герцог де Брой так отзывался о двусторонних отношениях тех лет: «Ненависть русского императора к нам является все еще самой сильной из всех его страстей. Он никогда не сделает по отношению к нам первого шага. Союз России с нами может быть только военной хитростью»⁶³⁴.

Итак, отношение Николая I к новому политическому режиму, рожденному революцией, только осложняло международную обстановку, затрудняло экономические и политические контакты между Россией и Францией. Как справедливо отмечал Гизо, «личные чувства человека были распространены на политику монарха»⁶³⁵. В то же время императора Николая I, политика весьма реалистичного, гораздо больше, нежели революционное происхождение режима, беспокоил внешнеполитический курс, который намеревалась проводить Франция. Именно внешнеполитические вопросы зачастую вызывали напряженность в двусторонних отношениях. В начале 1830-х это был злополучный «польский вопрос», серьезно подорвавший репутацию императора Николая I и в целом русского самодержавия. Широкие круги французского общества неоднократно выражали в своих печатных органах мысль, что восстание в Польше, начавшееся 29 ноября 1830 г. под непосредственным воздействием Июльской революции, предотвратило возможность возникновения войны России с Францией, поскольку внимание императора Николая I

в течение года было приковано к Варшаве; не покорив ее, нельзя было даже думать о движении на Запад. Между тем Франция традиционно поддерживала устремления поляков к восстановлению национальной независимости. С начала сентября 1831 г. первые полосы французских газет были посвящены событиям в Польше. Когда 16 сентября парижские газеты сообщили о штурме Варшавы русскими войсками и о поражении поляков, в Париже в течение нескольких дней происходили антирусские народные манифестации, для усмирения которых потребовалось даже вмешательство войск. Под окнами здания отеля, в котором располагалось русское посольство, раздавались крики: «Долой русских! Да здравствует Польша! Месть!»; камнями были разбиты окна отеля. Люди из окружения Поццо ди Борго советовали ему покинуть Париж, но он решил остаться, тем самым сохранив дипломатические отношения между Францией и Россией.

Несмотря на то, что французское правительство отказалось от идеи оказания вооруженной помощи восставшим полякам как опасной для европейского равновесия и внутривосточной стабильности самой Франции, именно Франция стала одним из основных центров польской эмиграции. Французское правительство в эти годы получало нескончаемые жалобы со стороны русского правительства по поводу пребывания польских эмигрантов во Франции. Нессельроде обвинял французские власти в покровительстве польским эмигрантам, в частности, лидеру польских инсургентов, главе Национального правительства в дни Ноябрьского восстания князю Адаму Чарторыйскому, который в 1804–1806 гг. занимал пост министра иностранных дел Российской империи, а в Париже возглавил консервативное крыло польской эмиграции.

В конце декабря 1834 г. Нессельроде сообщил графу Поццо ди Борго о его переводе в Лондон. Почти год пост посла России во Франции оставался вакантным. Когда же в конце 1835 г. на эту должность был назначен генерал от кавалерии, генерал-адъютант граф Петр Петрович фон дер Пален, ему было предписано предоставить верительные грамоты не королю, а премьер-министру, поскольку в них по-прежнему отсутствовало традиционное обращение. Давая инструкции новому послу, вице-канцлер писал: «Ввиду расхождения в принципах, которыми руководствуются Россия и Франция,

⁶³³ Thureau-Dangin P. Histoire de la monarchie de juillet. V. 1–7. Paris, 1884–1892. Т. 3. P. 80

⁶³⁴ Цит. по: Thureau-Dangin P. Op. cit. Т. 2. P. 406.

⁶³⁵ Guizot F. Mémoires... V. 4. P. 26

наши отношения не могут быть ни тесными, ни проникнутыми доверием»⁶³⁶.

В том же году на пост посла Франции в России вместо маршала Мезона был назначен барон Проспер де Барант, старинный друг и единомышленник Гизо, выходец из старинной аристократической семьи, прославленный литератор и историк, администратор наполеоновской эпохи, политик, известный своими умеренно-либеральными взглядами. В российской столице он был встречен весьма прохладно. Как в свое время верно подметил академик Е. В. Тарле, со времен Июльской монархии и вплоть до революции 1848 г. французские послы чувствовали себя в Петербурге «как во враждебном стане». Русский двор и аристократия во главе с салоном графини Марии Дмитриевны Нессельроде, супруги вице-канцлера, сообразываясь с политикой государя, относились к французскому посольству с «ледяной вежливостью»⁶³⁷.

Приход в министерство иностранных дел Гизо в разгар Восточного кризиса совпал с резким обострением франко-русских отношений.

В результате подписания Конвенции 15 июля 1840 г. Франция оказалась в международной изоляции, а вследствие авантюристичной политики А. Тьера и перед лицом новой коалиции и новой европейской войны. Отношения между Россией и Францией резко обострились; во Франции не без оснований полагали, что главной целью России было разрушение «сердечного согласия» между Францией и Великобританией и изоляция Франции на международной арене, а Конвенцию 15 июля ее противники именовали «договором Бруннова»⁶³⁸.

К. В. Нессельроде писал во всеподданнейшем отчете за 1840 год: «Франция не скрывает от себя, что мы явились основной причиной ее политической изоляции в Европе. Она в полной мере оценила наши усилия, чтобы склонить Австрию и Пруссию на нашу сторону...»⁶³⁹

Подписанием Конвенции 13 июля 1841 г. Восточный вопрос был на время урегулирован. Однако и после подписания конвенции напряженность в русско-французских отношениях не была преодолена.

⁶³⁶ Цит. по: Грюнвальд К. Образование франко-русского союза. М., 1968. С. 102

⁶³⁷ Тарле Е. В. Император Николай I и крестьянский вопрос в России по неизданным документам французских дипломатов в 1842–1847 гг. // Тарле Е. В. Сочинения в 12 т. Т. 4. С. 571

⁶³⁸ Le Moniteur universel. № 338. 3 décembre 1840. P. 2369.

⁶³⁹ АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. Д. 9. Л. 223, 223 об.

на. По словам графа Палена, они оставались «очень натянутыми». Поверенный в делах Российской империи во Франции Н. Д. Киселев также писал в июле 1841 г., что и после подписания конвенции его отношения с королем и Гизо «ограничивались простым обменом мнений и общими рассуждениями»⁶⁴⁰. Оппозиционная правительству Сульта – Гизо газета «Le Siècle», орган династической левой, писала о позиции российского императора: «Антипатия императора Николая по отношению к персоне короля и его семье является такой же открытой, как и постоянной. Вступление «без кондиций» тюильрийского кабинета в европейский концерт ничего не изменило в природе чувств, которые мы внушаем Санкт-Петербургу»⁶⁴¹.

В то же время Н. Д. Киселев выражал удовлетворение действиями министерства Сульта – Гизо, прежде всего министра иностранных дел, которого он называл «несомненной главой кабинета» и его «главным двигателем». По словам российского дипломата, «Европа не должна желать, чтобы дела этой беспокойной нации перешли в руки другого лица... Нахождение Гизо у власти... предоставляет серьезные гарантии для сохранения спокойствия во Франции и поддержания всеобщего мира»⁶⁴².

Подтверждением тому, что разногласия между Францией и Россией не были преодолены, стал дипломатический инцидент, возникший в двусторонних отношениях в конце 1841 г.

Положение в России барона де Баранта было осложнено событиями совсем не дипломатического свойства: дело в том, что сын Баранта Эрнест, занимавший пост во французском посольстве, 18 февраля 1840 г. дрался на дуэли с М. Ю. Лермонтовым⁶⁴³. Лермонтов вслед за В. Белинским именовал Эрнеста «салонным Хлестаковым» и ставил на одну доску с Ж. Дантесом⁶⁴⁴.

⁶⁴⁰ Там же. Ф. 133. Оп. 469. Д. 150. Л. 393 об. Донесение Н. Д. Киселева от 17 (29).07.1841.

⁶⁴¹ Le Siècle. 1841. 9 janvier.

⁶⁴² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 151. Л. 206–211.

⁶⁴³ Суть конфликта заключалась в следующем. Э. де Барант пытался ухаживать за красивой молодой вдовой княгиней Щербатовой (урожденной Шперич), которая была якобы неравнодушна к Лермонтову. Из-за этого молодой Барант явно искал с поэтом ссоры. Впоследствии утверждали, что он был обижен на Лермонтова за отношение к французам, поскольку поэт не скрывал своего мнения, что именно француз Дантес был виновен в смерти Пушкина. Но непосредственно, по воспоминаниям современников, ссора между Барантом и Лермонтовым произошла из-за маленького четверостишья, написанного поэтом в начале 1837 г. См.: Гершштейн Э. Г. Судьба Лермонтова. 2-е изд., испр. и доп. М., 1986. С. 20.

⁶⁴⁴ «Je deteste ces chercheurs d'aventures (Я ненавижу этих искателей приключений), – говорил он. – Эти Дантесы и де Баранты – заносчивые сукины дети». Цит. по: Файбисович В. Пистолеты из Амбуаза. Конец одной легенды // Нева. 2009. № 6. С. 205.

Лермонтоведы неоднократно указывали на то, что дуэль Лермонтова с молодым Барантом была спровоцирована. Подобная провокация могла иметь двойную цель. Прежде всего, дуэль являлась крупнейшей неприятностью для французского посла и могла повлечь за собой его удаление из Петербурга в условиях обострившегося Восточного вопроса. Кроме того, дуэль давала повод удалить из столицы Лермонтова, что и было сделано⁶⁴⁵.

Несомненно, эта дуэль, а также намерение Баранта и его супруги добиться высылки поэта нанесли ощутимый урон репутации французского посла. Нашлись люди, которые были возмущены поведением Барантов и полностью стали на защиту Лермонтова. «...Среди всех, с кем мы встречаемся, воцарилось равнодушие и забвение после строгого и справедливого осуждения и забвения г. Лермонтова», – писал посол секретарю посольства барону д'Андре 23 мая (4 июня) 1840 г. Не желая ссориться с русским обществом, Барант склонялся к тому, чтобы принять участие в хлопотах о прощении Лермонтова, но шеф жандармов А. Х. Бенкендорф всячески отклонял его от этого шага⁶⁴⁶.

В августе 1841 г. барон Барант и его супруга получили отпуск. Накануне отъезда посол часто виделся с Нессельроде, и расстались они, по словам посла, «с уверениями в доверии и дружбе»⁶⁴⁷. Вряд ли тогда кто-то из них предполагал, что в Россию Барант не вернется.

Со своей стороны, граф Пален постоянно уезжал из Парижа, то на лечение в Карлсбад, то по своим личным делам в Санкт-Петербург. В августе он вернулся, но 30 октября 1841 г., при встрече с Гизо, Пален сообщил о депеше, полученной от графа Нессельроде, в которой сообщалось, что он должен возвратиться в Петербург. 11 ноября Пален уехал. Последний отъезд, по словам Киселева, вызвал в Париже большие толки, и Гизо не скрывал своего «неудовольствия». Он даже назвал этот вторичный отъезд русского посла «репрессалией»⁶⁴⁸. Как писали французские газеты, Пален «заболел по приказу из Санкт-Петербурга»⁶⁴⁹.

⁶⁴⁵ 13 апреля 1840 г. было принято решение о переводе Лермонтова в армейский полк с лишением гвардейского звания. По указанию Николая I поэт был выслан из Петербурга в Тенгинский пехотный полк, расквартированный на Кавказе и участвовавший в войне против горцев. – См.: *Гласе А.* Лермонтовский Петербург в депешах вюртембергского посланника: (По материалам Штутгартского архива) // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 309.

⁶⁴⁶ *Гернштейн Э.Г.* Указ. соч. С. 32.

⁶⁴⁷ *Barante P. de. Souvenirs...* Т. 6. Р. 628.

⁶⁴⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 151. Л. 228 об. Донесение Н.Д. Киселева от 8(20).11.1841.

⁶⁴⁹ *Le Siècle.* 1842. 9 janvier.

Вскоре выяснилась действительная причина неожиданного отъезда русского посла. 1 января дипломатический корпус в Париже во главе со старейшиной должен был поздравлять короля Луи Филиппа с Новым годом. Но с осени 1841 г., граф Аппоньи, бывший тогда старейшиной дипломатического корпуса, отсутствовал в Париже. Граф Пален должен был заменить его на праздничной церемонии 1 января 1842 г.⁶⁵⁰ Еще в августе 1841 г., находясь в Карлсбаде, Пален спрашивал Нессельроде, как ему «избавиться от этой невыносимой повинности». Император Николай I разрешил ему приехать на Новый год в Санкт-Петербург.

Это отлично поняли Луи Филипп и Гизо. Не дожидаясь Нового года, Гизо предписал поверенному в делах Франции в Российской империи Огюсту Казимиру Перье, сыну бывшего главы кабинета Луи Филиппа, не являться к высочайшему двору 18 декабря в день тезоименитства государя императора: французская дипломатическая миссия должна была остаться у себя, и, не объясняя мотивов, сослаться, в духе Нессельроде, на недомогание⁶⁵¹. Перье не покидал отель и на следующий день, во время бала во дворце.

По словам К. Перье, его отсутствие произвело сенсацию в столичном обществе. Император казался сильно возбужденным. Он заявил, что рассматривает такое поведение французского дипломата как демонстрацию против его персоны. Это не замедлило сказаться на отношении петербургского высшего общества к К. Перье. «Все двери закрыты. Ни один русский не появился у меня. Обеды и ужины, на которые я был приглашен, как и мадам Перье, были отложены; люди, чьи дома были открыты для нас, просили нас... не подвергать их затруднениям – своим присутствием у них, и сообщали, под обещание хранить тайну, о полученных ими приказах»⁶⁵², – писал К. Перье Гизо 24 декабря 1841 г.

К.В. Нессельроде предписал Н. Д. Киселеву не являться со всем личным составом в Тюильрийский дворец в день Нового года. 30 декабря Киселев присутствовал на официальном обеде, о чем

⁶⁵⁰ Отметим, что подобный ход русская дипломатия использовала не в первый раз. Как отмечал в своем дневнике Р. Аппоньи, Поццо ди Борго еще в 1832 г. поступил аналогичным образом, заявив дипломатам, что он «болен или заболел, но в любом случае, не произнесет речь» от имени дипкорпуса. См.: *Apponyi R. Vingt-cinq ans à Paris.* (1826–1850). *Journal du compte Rodolphe Apponyi, attaché de l'ambassade d'Autriche à Paris.* Т. 2. Paris, 1913. Т. 2. Р. 304.

⁶⁵¹ *Guizot F. Mémoires...* V. 4. P. 337.

⁶⁵² *Ibid.*

знал Гизо, а 31 декабря он написал «вводителю послов», что болен и в день Нового года будет не в состоянии приветствовать короля⁶⁵³. Эта антифранцузская демонстрация вызвала настоящую сенсацию в Париже. Киселев писал Нессельроде 3 января 1842 г. о реакции, которую произвело его отсутствие: «Мое отсутствие и отсутствие всего посольства в Тюильри в день нового года произвели самое живое впечатление на дипломатический корпус... В тот же день эта новость распространилась по всем салонам»⁶⁵⁴. Этот дипломатический инцидент привел к еще большему охлаждению во взаимоотношениях между тюильрийским и санкт-петербургским дворами.

До официального разрыва отношений дело не дошло, К. Перье по-прежнему осуществлял свои функции поверенного в делах, встречался с К. В. Нессельроде, который оказывал ему радушный прием. Император также проявлял свое расположение к французскому поверенному в делах и его супруге. Однако он заявил, что Пален вернется в Париж только тогда, когда Барант, посол Франции в России, вернется в Петербург⁶⁵⁵. Как отмечал Мартенс, Николай I не желал идти на дальнейшее обострение франко-русских отношений. Он стремился «только восстановить равновесие между взаимными мероприятиями». Более того, он выражал свое удовлетворение, что дипломатический конфликт не вызвал «слишком большого раздражения со стороны короля и его правительства». Поэтому Н. Д. Киселеву было предписано считать «отныне это пустое дело законченным»⁶⁵⁶.

Но, как бы то ни было, уровень дипломатического представительства между двумя странами был понижен. С отъездом осенью 1841 г. графа Палена в отпуск, посольство России в качестве поверенного в делах возглавил Н.Д. Киселев. Францию в Петербурге после отъезда барона де Баранта первое время представлял поверенный в делах Казимир Перье.

В 1842 г. появилась возможность некоего улучшения в русско-французских отношениях. Поводом к этому послужил трагический случай – гибель герцога Орлеанского, старшего сына Луи Филиппа, наследника престола. Смерть герцога произвела сильное впечатле-

ние на русское общество. К. Перье писал 23 июля 1842 г. Гизо, что Нессельроде по поручению императора выразил соболезнования по поводу гибели герцога Орлеанского⁶⁵⁷. Нессельроде даже сообщил Перье, что гибель сына Луи Филиппа может явиться «печальной, но единственной причиной, которая в состоянии сгладить прошлые недоразумения и нормализовать отношения, которые не прекращали существовать»⁶⁵⁸.

Между тем в сентябре 1842 г. Перье был заменен на своем посту вторым секретарем посольства бароном д'Андре (по причине болезни жены К. Перье). Андре было предписано придерживаться той же линии поведения, что и его предшественнику: занимать выжидательную позицию до тех пор, пока русское общество не изменит своего отношения к представителям французского дипкорпуса⁶⁵⁹. К концу 1842 г. дипломатический конфликт между Россией и Францией был улажен, но вместо послов отныне так и остались поверенные в делах.

Летом 1844 г. Россия вновь оказалась в центре внимания французского правительства. Дело в том, что в июне этого года состоялся визит в Великобританию русского императора Николая I, весьма встревоживший французское правительство, которое опасалось возможного русско-английского сближения. Дело в том, что премьер-министр Роберт Пиль слыл русофилом; еще в большей степени другом России считался лорд Абердин, полагавший, что по подавляющему большинству вопросов Великобритания вполне могла договориться с Россией. Николай I считал, что к числу таковых относится и вопрос о судьбе Османской империи. Именно с этой целью – поделиться с британскими политиками своей идеей – мыслью о возможном распаде Османской империи и англо-русской договоренности относительно ее наследства – он и приехал в Великобританию. В начале 1844 г. Николай I дал понять, что он хотел бы нанести визит королеве Виктории. Соответствующее приглашение было тотчас получено. 31 мая 1844 г. император со свитой высадился в Вульвиче.

⁶⁵³ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1–15. СПб., 1877–1905. Т. 12. С. 185.

⁶⁵⁴ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 153. Л. 160. Донесение Н.Д. Киселева от 22. 12(3.01). 1842.

⁶⁵⁵ Guizot F. Mémoires... V. 4. P. 340.

⁶⁵⁶ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т. 12. С. 185.

⁶⁵⁷ «Император, – сказал мне Нессельроде, – был поражен этой ужасной новостью и принял решение отменить бал, который должен был состояться по случаю праздника в честь Ее императорского Величества великой княгини Ольги». См.: Guizot F. Mémoires... V. 4. P. 495–496.

⁶⁵⁸ Ibid. P. 497.

⁶⁵⁹ Ibid. P. 502.

Почти тотчас после переезда по приглашению Виктории из Лондона в Виндзор Николай I виделся и говорил с Абердином. В результате путем обмена письмами между К.В. Нессельроде и Дж. Г. Абердином удалось заключить подобие консультативного соглашения о разделе Османской империи, из числа участников которого исключалась Франция. Это соглашение являлось исключительно секретным. Британское правительство откликнулось на инициативу Николая в расчете, что крушения Турции не произойдет, тем более что в документах декларировалось желание императора, чтобы Османская империя сохранялась «в нынешнем виде»⁶⁶⁰.

Во время визита Николай I беседовал с французским послом Сент-Олером, и, как это бывало в 1830-е, был с ним очень любезен, но не обмолвился и словом о короле Луи Филиппе. По словам Абердина, в разговоре с королевой Викторией российский император также не произнес имени французского короля. Более того, когда направление разговора привело к имени Луи Филиппа, «император прервал фразу и внезапно переменял тему»⁶⁶¹. В разговоре с Сент-Олером Абердин очень верно оценил отношение Николая I к Франции: «Он не имеет против вашего короля никакой личной злобы; он признал, что вот уже четырнадцать лет Европа во многом обязана его мудрости и правоспособности, но происхождение июльского правительства является революционным, и это существенно противоречит его чувствам и его политике»⁶⁶². На вопрос Сент-Олера, что ему передать своему правительству о цели визита императора Николая, Абердин ответил: «Я понимаю ваше любопытство. Путешествие из Англии в замок Ё или из замка Ё в Англию можно объяснить, как развлечение, но приехать на восемь дней с другого конца Европы, это уже не кажется таким простым. Однако... император не пытался заключить здесь какое-либо соглашение. Единственная тема, о которой мы разговаривали – это Османская империя; императора очень беспокоит ее слабость; но он не предлагал мне никакого плана, никакого проекта относительно различных случайностей,

которые можно предвидеть»⁶⁶³. Гизо, основываясь на донесениях своего посла, сделал аналогичный вывод: в 1844 г. Николай I не предлагал лорду Абердину план завоевания или раздела Османской империи без участия Франции. Хотя на самом деле Николай предлагал именно это...

Визит Николая I в Великобританию вызвал живейшую реакцию во французском обществе и правительстве⁶⁶⁴. Оппозиционная пресса утверждала, что «цель императора России заключается в формировании англо-русского альянса против Франции». В газетах также отмечалось, что «император России, самый легитимистский из европейских монархов, никогда не простит Луи Филиппу восшествия на трон Бурбонов. В его глазах он всегда будет узурпатором»⁶⁶⁵. Однако далеко не все политические деятели Франции были озабочены «русской угрозой». Выше отмечалось, что во Франции были сторонники сближения с Россией по причинам, прежде всего, внешнеполитического характера. По иным причинам за союз с Россией выступали легитимисты. Ее пример, доказывали они, показывал, как благотельно влияет на жизнь и нравы страны абсолютная монархия⁶⁶⁶.

Несмотря на сложные политические отношения между Россией и Францией, обе страны были заинтересованы во взаимной торговле. Россия экспортировала во Францию сельскохозяйственную продукцию: хлеб, лен, сало, льняное семя, овечью шерсть, а также пеньку, лес, медь, железо. Франция вывозила в Россию виноградное

⁶⁶⁰ Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). Отв. ред-ры: Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатьев. М., 1999 М., 1999. С. 141.

⁶⁶¹ Guizot F. Mémoires... V. 6. P. 210.

⁶⁶² Ibid. P. 211.

⁶⁶³ Ibid. P. 212.

⁶⁶⁴ Как доносил Н.Д. Киселев, оппозиционная пресса «пыталась доказать правительству, что визит Его Величества Николая будет новым поражением «сердечного согласия» с английским кабинетом». Российский дипломат также отмечал, что как оппозиционные, так и правительственные газеты как бы не замечали того эффекта, который произвел визит российского императора на английское общество и какую «огромную популярность завоевал во всех классах английского народа». В заключение Киселев делал вывод: «Я знаю, что Луи Филипп и его министр (Гизо. – Н.Т.) стараются скрыть под покровом некоторого безразличия свое беспокойство по поводу впечатления, которое произвел в Англии визит Его Величества и по поводу политических результатов, которые этот визит может иметь для русско-английских отношений». Особую политическую важность визиту придавал и приезд в Великобританию вице-канцлера К.В. Нессельроде непосредственно после ее посещения Николаем. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 134. Л. 246–246 об. Донесение от 3(15). 06.1844.

⁶⁶⁵ Duez. Critique des Mystères de la Russie et de l'ouvrage de M. de Custines: La Russie en 1839, suivie de l'extrait du voyage de l'empereur. Paris, 1847. P. 101.

⁶⁶⁶ Например, некий Дуэз, написавший публицистическую работу непосредственно после визита Николая, отмечал, что Россия и Великобритания не имели намерения заключать союз против России, точно так же, как Франция и Великобритания не собирались заключать антирусский союз во время визита королевы Виктории в Ё. Характеризуя личные качества императора Николая, автор делал следующий вывод: «Он умеет наказывать, но еще больше он умеет прощать». См.: Duez. Op. cit.

вино, шампанское, соль, фрукты, краски индиго, а также шелк, шелковые изделия, драгоценные камни⁶⁶⁷.

С 1843 г. русское правительство занимал вопрос об урегулировании взаимных торговых оборотов между двумя странами. Специфика того времени заключалась в том, что доставка различных товаров и грузов осуществлялась, прежде всего, морским путем. Российское правительство было озабочено тем, что торговый оборот между Францией и Россией был не в его пользу⁶⁶⁸. Если Франция поставляла в Россию, прежде всего, предметы роскоши и в целом товары, не являющиеся предметами первой необходимости, то Россия экспортировала сырье и материалы, необходимые для развития французской промышленности. Как писал К. В. Нессельроде, «деньги, которые Франция нам платит, возвращаются к ней процентами, ростом ее материального благосостояния, тогда как деньги, которые мы платим французским торговцам, не способствуют нашему процветанию и, следовательно, могут быть расценены как потерянные»⁶⁶⁹. Кроме того, если французские товары в силу своей специфики были малогабаритными и не требовали большого количества судов, то российский экспорт, наоборот, требовал значительного количества судов крупного водоизмещения.

В марте 1843 г. граф Нессельроде поручил Н. Д. Киселеву обратить серьезное внимание французского правительства на явную несправедливость, которой подвергаются русские коммерческие суда во французских портах. Если французские суда во французских портах платили в виде таможенной пошлины (*droit de tonnage*) 1 франк 10 сантимов, то русские – 4 франка 12,5 сантимов. С французских судов лоцманы получали 24 франка, а с русских – 36 франков. Киселев обратился к французскому правительству с представлением, в котором настаивал на том, чтобы французские и русские суда были поставлены в одинаковое положение. Но серьезного обмена мнениями после этого предложения Киселева со стороны французского правительства не последовало.

⁶⁶⁷ За 1827–1836 гг. Франция ежегодно в среднем импортировала из России товаров на 20 млн франков, а экспортировала в Россию своих товаров на 8 млн франков. В последующие годы торговля заметно увеличилась: за 1837–1846 гг. Франция ежегодно импортировала из России товаров на 35 млн франков, а экспортировала в Россию – на 13 млн франков. См.: Тарле Е. В. Крымская война // Соч. в 12 тт. Т. 8. М., 1959. С. 61.

⁶⁶⁸ За 1840–1842 гг. торговый баланс в пользу Франции составил 7 665 482 сер. руб. См.: АВ-ПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 146. Л. 122.

⁶⁶⁹ Там же. Д. 161. Л. 72. Письмо К. В. Нессельроде от 20.04.1846.

В 1844 г. французскому поверенному в делах в Петербурге барону д'Андре было сообщено предложение заключить русско-французскую конвенцию «О взаимной выдаче злостных банкротов». Но и это предложение также осталось без последствий.

19 июня 1845 г. российское правительство обнародовало указ об установлении покровительственных пошлин в пользу русских судов в портах Балтийского и Северного морей. Эта мера была с негодованием встречена коммерсантами французских средиземноморских городов. В частности, газета «La Patrie», выражавшая их интересы, называла этот указ «абсурдным» и «ударом по нашей торговле». Торговые палаты Руана и Бордо заявили, что французская морская торговля «находится в такой сложной ситуации, что сокращение отношений с Россией, несмотря на их второстепенную важность, заслуживает самого пристального внимания»⁶⁷⁰. Гизо немедленно объявил Киселеву, что этот указ заставляет французское правительство пойти на аналогичные меры и установить для французских судов покровительственные пошлины на Средиземном море. Киселев выразил протест против этой меры, однако французское правительство установило покровительственные пошлины для своих судов. В то же время Гизо выразил согласие с мнением Киселева, что наиболее целесообразным средством преодоления взаимных разногласий является заключение торгового договора между Францией и Россией.

В конце февраля 1845 г. были начаты переговоры, которые вели со стороны России Н. Д. Киселев, со стороны Франции – барон де Барант, формально продолжавший занимать пост посла Франции в России. Переговоры происходили очень медленно, поскольку обе стороны не желали отменять установленные ими покровительственные тарифы. В марте 1846 г. Гизо, после совещания с министрами торговли и финансов сообщил Н. Д. Киселеву, что французское правительство считает невозможным отменить принятый в прошлом году закон, устанавливавший покровительственные пошлины для французских судов в Средиземном море. Гизо предложил установить равные пошлины для судов, идущих с Балтийского моря, но оставить существовавшие с 1845 г. пошлины для судов, следующих в Черное море или выходящих из его портов. Переговоры чуть было не сошли на нет, поскольку Киселев заявил, что в таких обстоя-

⁶⁷⁰ La Patrie. Journal politique, commercial, littéraire, judiciaire. 1846. 25 mars.

тельстввах «нечего продолжать переговоры». В итоге русское правительство не согласилось с французскими требованиями относительно сохранения дифференцированных пошлин для французских и русских судов, но признало принцип взаимности в отношении судоходства и таможенных порядков (ст. 1, 3). К тому же русское правительство согласилось с французскими предложениями, устанавливающими различия в пошлинах между портами Северного и Балтийского морей, с одной стороны, и Средиземного, Черного и Азовского морей, с другой стороны (ст. 3, 7). В августе 1846 г. Киселев получил окончательные инструкции от своего правительства и 16 сентября 1846 г. трактат о торговле и мореплавании был подписан, а 20 октября ратифицирован⁶⁷¹.

С этого времени в отношениях между Францией и Россией наметилась тенденция к лучшему. Указом императора Николая от 12 октября 1846 г. Барант за свое активное участие в заключении русско-французского торгового договора получил орден Александра Невского⁶⁷². Когда Великий князь Константин Николаевич в апреле 1846 г. посетил Тулон, совершая путешествие, ему был оказан самый любезный прием со стороны французских властей, несмотря на то, что Великий князь путешествовал инкогнито.

Когда в 1846 г. во Франции разразился неурожай, помощь ей оказала Россия, вывозившая во Францию хлеб через Черное море. Причем если раньше привилегии получали суда с зерном, заходившие в порт Марселя, то теперь льготы были распространены и на другие средиземноморские порты Франции⁶⁷³. Однако ввоз русского хлеба был осложнен вследствие финансовых трудностей, которые испытывала Франция из-за чрезмерных спекуляций акциями железнодорожных и других акционерных предприятий. Долг Французского банка составлял 368 млн франков; для уплаты «чистыми» деньгами

⁶⁷¹ Основной принцип трактата сводился к тому, что порт отправления судна определял режим, которому оно подвергнется в порте прибытия. Трактат устанавливал «полную взаимность», то есть равенство режима для производителей с Севера и взаимное сохранение дифференцированных пошлин для производителей с Юга. Также русское правительство выражало надежду, что если в скором времени состоится подписание коммерческого договора между Россией и Францией, то оно будет согласно приостановить действие указа от 19 июня 1845 г. об установлении покровительственных пошлин в пользу русских судов в портах Балтийского моря. Кроме того, договором предусматривалось установление принципа наибольшего благоприятствования в торговых отношениях между двумя странами (ст. 10), оговаривалась помощь судам, потерпевшим кораблекрушение (ст. 12). См.: АВПРИ. Ф. 161. Оп. 77. П. 3. Д. 1. Л. 18–28.

⁶⁷² Там же. Ф. 187. Оп. 524. Д. 146. Л. 42.

⁶⁷³ Там же. Ф. 133. Оп. 469. Д. 90. Л. 64. Донесение Н.Д. Киселева от 9 (21).01.1847.

у него оставалось всего 71 млн франков. В это время Французскому банку была оказана помощь с той стороны, откуда ее меньше всего ожидали. Император Николай выразил желание купить у банка французских государственных бумаг на 50 млн франков по весьма выгодному курсу. 16 марта 1847 г. между Французским банком и Н. Д. Киселевым была заключена соответствующая конвенция⁶⁷⁴. Как отмечал А. Л. Рохау, эта финансовая операция вызвала большое удивление во Франции: «Одни говорили, будто император Николай хочет только блеснуть и придать себе важность, другие уверяли, что покупкою государственных бумаг он хотел приобрести средства влияния на французскую биржу и, таким образом, на французскую политику...»⁶⁷⁵ Рохау не без оснований объяснял этот шаг русского правительства стремлением России облегчить сбыт своего хлеба, затрудненный финансовыми проблемами Франции⁶⁷⁶.

После оккупации Кракова австрийскими войсками, являвшейся грубым нарушением договоров 1815 г., французская общественность настаивала на немедленном прекращении их действия для Франции, на ее вмешательстве в конфликт с целью защиты Краковской республики и критиковала правительство за бездействие. Гизо же считал, что необходимо соблюдать договоры; оккупация Кракова является противозаконным актом, но это не повод для того, чтобы Франция приняла вооруженное участие в событиях, так как в подобном случае Франция вновь окажется перед лицом коалиции, гораздо более опасной, чем в 1814 г., а итогом будет военное поражение и революция внутри страны.

Французский протест был редактирован в столь умеренных выражениях, что как Н. Д. Киселев, так и К. В. Нессельроде, прочтя его, поспешили высказать чувство удовлетворения⁶⁷⁷.

В конце 1847 г. между обоими правительствами произошло серьезное столкновение по поводу приема, оказанного послом Франции в Константинополе польскому выходцу Владиславу Замойскому, племяннику А. Чарторыйского. Он был не только принят послом, но и представлен османским властям. Русское правительство потре-

⁶⁷⁴ Русский инвалид. 1847. 20 марта.

⁶⁷⁵ Рохау А.Л. Указ. соч. Ч. 2. С. 130.

⁶⁷⁶ Там же. С. 131.

⁶⁷⁷ К.В. Нессельроде писал Н.Д. Киселеву, что «мы можем только приветствовать заявления Гизо». АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 161. Л. 41. Письмо К.В. Нессельроде Н.Д. Киселеву от 14.03.1846.

бывало в весьма энергичных выражениях удовлетворения, французское правительство, столь же энергично доказывало, что в этом деле существует явное недоразумение, из которого никак нельзя вывести желания французского правительства оказать какое-то особое покровительство польской эмиграции в Турции. В итоге русское правительство решило предать это дело забвению.

По другому важному политическому вопросу – войне кантонов в Швейцарии, между русским и французским правительствами также не обнаружилось серьезных разногласий. Император Николай одобрял предложения и образ действия французского правительства относительно Швейцарии. Правда, он постоянно повторял один и тот же совет: необходимо было предупредить волнения в швейцарских кантонах. В таком случае не было бы необходимости в интервенции в Швейцарию.

Революционные события 1848 г. во Франции не явились для русского монарха неожиданностью. Падение Луи Филиппа подтвердило его прежние предположения. Даже республика во Франции представлялась ему более желательной, чем конституционный режим. «Республика, – говорил Николай, – может существовать рядом с абсолютной монархией; прямая цель обоих режимов – счастье народа. Конституции, напротив, созданы лишь для каких-то отдельных лиц»⁶⁷⁸.

Как видим, годы Июльской монархии явились весьма сложным и напряженным этапом в русско-французских отношениях. Это было связано не только с идеологическим неприятием русским самодержавием революции, но и с опасениями, что Франция пойдет на ревизию Венской системы, а также с противоречиями, существовавшими между двумя странами, прежде всего на Ближнем Востоке. В то же время царское правительство было вынуждено мириться с Францией как участницей «европейского концерта», осознавая, что единственным средством ее «нейтрализации» будет проведение умеренного внешнеполитического курса.

В политической линии Гизо относительно Российской империи проявилось следование принципам «реальной политики». Несмотря на идеологические разногласия с самодержавной Россией, Гизо считал возможным укреплять партнерские связи с нашей страной,

равно как с Австрийской империей и германскими государствами. Здесь также проявилась его линия на проведение «блоковой политики», направленной на создание противовеса влиянию Великобритании. Несмотря на стабилизацию французского общества в 1840-е и симпатии русского двора к политической деятельности кабинета Сульта – Гизо, существенного улучшения в отношениях между «фасадной» Россией, как называл нашу страну маркиз де Кюстин, и «фальшивой» Июльской монархией, если следовать терминологии Николая I, не произошло.

«ГЕРМАНСКАЯ УГРОЗА»: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

На Венском конгрессе державы-победительницы не пошли на применение принципа легитимизма по отношению к германским землям, а, по сути, сохранили порядок вещей, созданный Наполеоном I под новым названием – Германский союз, находившийся под контролем Австрии и Пруссии.

Французские либералы осудили эти решения, восстанавливавшие на Рейне систему, существовавшую к 1792 г., и оценивали решения Венского конгресса как угрожающие национальной безопасности Франции в будущем. По их мнению, главная задача французской внешней политики заключалась в возвращении Франции левого берега Рейна в качестве ее естественной границы, как лучшей гарантии национальной безопасности страны. Как следствие, все усилия французской дипломатии должны были быть направлены на проведение и поддержку политических действий и движений, способных привести к упразднению системы, установленной Венским конгрессом. В этом отношении все группы французской оппозиции – от умеренных либералов до радикальных республиканцев в годы Реставрации проявили единодушие. Начиная с первых лет Реставрации в массовом сознании французов формируется убеждение, характерное для всего XIX века: главным источником французских бед, и в первую очередь поражения Франции под Седаном, являются договоры 1815 г.

Кроме того, в годы Реставрации французские республиканцы и либералы рассматривали немецкую буржуазию, все более активно требовавшую политических свобод, как союзника в будущей борьбе против режима Бурбонов в их собственной стране. Поэтому они

⁶⁷⁸ Цит. по: Грюнвальд К. Образование франко-русского союза. М., 1968. С. 102.

положительно относились к идее создания единого немецкого государства.

Июльская революция привела к существенной трансформации политики Франции по отношению к германским государствам. Орлеанисты, придя к власти, вскоре начали осознавать, что прежняя политика, направленная на поддержку движения за объединение германских земель, может привести к негативным последствиям для Франции. Стремясь укрепить новый политический режим и добиться признания легитимности короля Луи Филиппа европейскими монархами, они исходили из принципа признания системы международных отношений, зафиксированной Венскими договорами.

Лидеры Сопrotивления справедливо полагали, что активная поддержка патриотического и революционного движения в германских государствах могла спровоцировать антифранцузскую реакцию стран – участниц Священного союза. Поэтому в правящих кругах Франции считали, что пассивное наблюдение за событиями, происходящими в германских землях, было бы лучшей гарантией нейтралитета Австрии и Пруссии. Кроме того, во Франции опасались вмешательства армий Священного союза в германские события в случае роста социально-политической нестабильности в германских государствах.

Поэтому в первые годы существования Июльской монархии орлеанисты были заинтересованы в сохранении мира в германских землях и не вступали в контакты с лидерами немецкого либерального движения, ограничиваясь ролью пассивных наблюдателей и даже открыто провозглашая свое намерение сохранять с немецкими дворами наилучшие отношения.

Дипломатические представители Франции в германских государствах с большим вниманием наблюдали за поведением Австрии и особенно Пруссии. Во Франции надеялись, что Пруссия была заинтересована в сохранении мира с Францией и не позволила бы втянуть себя в агрессивные действия против Июльской монархии. Кроме того, французские либералы полагали, что война с Францией не нашла бы поддержки у немецкого населения, а в прирейнских провинциях могла вызвать протесты и открытое вооруженное противодействие. Во Франции рассчитывали, что Пруссия будет воздерживаться в этом же духе на Австрию.

Другая причина проведения орлеанистами умеренно-нейтраль-

ной политики по отношению к германским государствам была вызвана опасениями, что создание сильного немецкого государства в центре Европы не только ограничит возможности политического влияния Франции в Европе, но и будет представлять серьезную опасность для французских территорий на Рейне, прежде всего Эльзаса и Лотарингии. В то же время французское правительство продолжало следовать традиционной для французской дипломатии политической линии, направленной на усиление позиций Франции в южно-германских государствах, прежде всего в Баварии.

Трансформация политики Франции в отношении германских государств произошла в ходе Восточного кризиса 1839–1841 гг. и сопутствовавшего ему Рейнского кризиса, то есть резкого обострения франко-германских отношений на фоне роста националистических и патриотических настроений.

Во Франции развернулось широкое движение за отмену Венской системы и возвращение Франции левого берега Рейна. Движение за отмену договоров 1815 г. было очень широким: его поддерживали республиканцы, часть орлеанистов, в частности, левый центр, студенчество, либеральная буржуазия, интеллигенция, даже окружение Луи Филиппа⁶⁷⁹. Газета «*La Réforme*» привела на своих страницах высказывание сына Луи Филиппа, герцога Орлеанского, который в тот момент будто бы заявил: «Я лучше умру на берегах Рейна, чем в сточной канаве в Париже»⁶⁸⁰.

Во французском обществе в то время были широко распространены иллюзии, что в тот момент, когда французские войска покажутся на Рейне, германское население встретит их с симпатией и надеждой как освободителей от деспотизма. Французы жили в плену мифа о приверженности немцев к Франции, как к стране, являвшейся символом свободы и равенства всех людей. Как справедливо отмечал французский исследователь Жак Дроз, французская общественность была твердо уверена, что «достаточно одного выстрела французской пушки, чтобы жители прирейнских городов поднялись против прусского господства»⁶⁸¹. Антифранцузские заявления немецких газет расценивались как происки агентов Меттер-

⁶⁷⁹ Broglie G. L'Orléanisme... P. 300.

⁶⁸⁰ La Réforme. 1843. 15 septembre.

⁶⁸¹ Ovsinska A. La politique de la France envers l'Allemagne à l'époque de la monarchie de Juillet. 1830–1848. Warszawa, 1974. P. 110.

ниха; во Франции полагали, что эти сообщения не имели ничего общего с истинными настроениями немцев.

Более того, во французском обществе было даже распространено мнение о необходимости союза Франции с германскими государствами. В частности, к такой мысли склонялся маркиз А. де Кюстин после своего путешествия в Россию. В своей знаменитой работе «Россия в 1839 году» он писал: «Судьбы нашей цивилизации, открытой, разумной и идущей вперед, будут решаться в сердце Европы; благотворно все, способствующее скорейшему согласию между немецкою и французскою политикой; пагубно все, задерживающее этот союз, пусть даже под самым благовидным предлогом»⁶⁸².

Недооценил роста националистических тенденций в немецких землях и такой опытный и проницательный политик, как Адольф Тьер. Более того, своими военными угрозами Тьер, будучи главой кабинета, невольно содействовал росту немецкого национализма. Несмотря на отвращение немцев к прусскому абсолютизму, они ощущали себя прежде всего немцами, и воинственные речи французов задевали их национальную гордость и вызывали стремление к реваншу.

К тому же, все внимание французского правительства в 1840 г. было сконцентрировано на событиях Восточного кризиса, вокруг бассейна Средиземного моря. Немецкие дела рассматривались французскими политиками как второстепенные; Германский союз не воспринимался ими как полноправный и независимый партнер в международной игре. Как следствие этого, французские политики (как и широкие круги общественности) недостаточно внимания уделяли тому, что происходило за Рейном. Немецкие газеты почти не читались во Франции, тем более что знание немецкого языка было редким среди французов. Информация об антифранцузских статьях в немецкой прессе приходила во Францию окольными путями, а большинство сведений о ситуации в германских государствах поступало от французских дипломатов.

Опираясь на эти не вполне достоверные сведения, французское правительство разработало следующий план: сконцентрировать на восточной границе Франции вооруженные силы для того, чтобы охладить воинственный пыл Берлина и Вены. Во Франции полагали,

что профранцузские настроения жителей прирейнских провинций будут способствовать более умеренному курсу Австрии и Пруссии по отношению к Франции.

Однако реальная обстановка в немецких землях существенно отличалась от того, какой ее представляли во Франции. 7 июня 1840 г. умер старый и миролюбивый король Пруссии Фридрих-Вильгельм III. Его наследник Фридрих-Вильгельм IV был заклятым врагом французов, о чем он публично заявлял. В Пруссии с большой помпезностью была отмечена годовщина Лейпцигской битвы. Новый король Пруссии испытывал отвращение ко всему, где чувствовался «французский гений». Военные приготовления во Франции и строительство укреплений вокруг Парижа имели следствием антифранцузские статьи в немецкой прессе, в которых подчеркивалось, что целостность немецких земель находится под угрозой. Атмосфера национализма проникала во все слои немецкого общества. А. Дебидур отмечал, что вся Германия в это время «поднялась как один человек, и, дрожа от ненависти, готовилась ринуться, как в 1813 г., на наследственного врага. По всей территории Германского союза были слышны только призывные крики к войне. От Вены до Берлина, от Гамбурга до Мюнхена декламировали с диким увлечением стихотворение Беккера «Немецкий Рейн». Вожделения, оставшиеся неудовлетворенными в 1815 г., заявляли теперь о себе, требуя в качестве добычи Эльзас и Лотарингию»⁶⁸³. Французские дипломаты, обеспокоенные таким положением, уведомляли свое правительство об опасности, которую оно может навлечь на себя мерами, вызывающими тревогу Пруссии.

Дипломатический представитель Франции в Баварии Буржуа, сторонник мирного проникновения Франции на немецкие земли, советовал Тьеру отказаться от военных демонстраций: «У нас не будет никакой войны с Германией, если только мы сами не будем ее искать... Германский патриотизм уже проник в публичные бумаги, и если мы будем сверх меры увеличивать число наших солдат на восточной границе, то в Германии решат еще до весны призвать людей под знамена...»⁶⁸⁴

Отставка Тьера и формирование министерства Сульта – Гизо способствовали постепенной нормализации взрывоопасной ситуации.

⁶⁸² Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 1–2. М., 1996. Т. 2. С. 346.

⁶⁸³ Дебидур А. Указ. соч. Т. 1. С. 356.

⁶⁸⁴ Ovsinska A. Op. cit. P. 42–43.

Гизо полагал, что в условиях той расстановки сил, всякий вооруженный конфликт мог оказаться роковым для Франции, и рано или поздно трансформировался бы в революцию, которая привела бы к низвержению монархии во Франции и к потрясению социального порядка во всей Европе. Однако поскольку военные приготовления во Франции, начатые Тьером, продолжались, народное возмущение в Германии не угасало. 8 ноября 1840 г. Меттерних писал графу Аппоньи: «Господин Тьер любит, чтобы его сравнивали с Наполеоном... Поскольку речь идет о Германии, это сходство является полным, и пальма первенства принадлежит Тьеру. Ему достаточно было небольшого промежутка времени для того, чтобы довести эту страну до такого состояния, до какого довели ее десять лет гнета при императоре. Вся Германия готова воевать, и это будет война народа с народом...»⁶⁸⁵ 24 ноября, повторяя, что национальное чувство возбуждено в Германии не меньше, чем в 1813 и 1814 гг., Меттерних предписал Аппоньи «не скрывать от французского правительства, что если в весьма короткий срок французское правительство не представит необходимые гарантии моральной и материальной безопасности, Австрия и Пруссия будут не в состоянии воспрепятствовать принятию мер, которые Германский союз сочтет нужными принять для обеспечения своей безопасности»⁶⁸⁶. Берлинский кабинет высказался в том же смысле. Однако Гизо не мог согласиться на испрашиваемые Меттернихом гарантии мира, то есть на немедленное разоружение Франции.

В декабре 1840 г. Буржуа представил Гизо записку о состоянии общественного мнения Германии. В первой части записки автор выразил несогласие с убеждением, популярном во французском обществе, будто бы немцы ожидали прихода французов как защитников свободы. По мнению дипломата, действительно, такие настроения были распространены в некоторых частях Германии еще год назад. Эти идеи были популярны в низших слоях немецкого общества, недовольных своим положением и полагавших, что проведение реформ по французскому образцу приведет к улучшению условий жизни. Однако, по словам Буржуа, с тех пор дух немецкого национализма распространился во всех социальных слоях немецкого общества и отодвинул на второй план либеральные идеи. Правда,

⁶⁸⁵ Дебидур А. Указ. соч. С. 360.

⁶⁸⁶ Там же.

продолжал он, стремление установить конституционные порядки еще существует в Германии, однако это сочетается со «злостью и раздражением» по отношению к Франции. Буржуа делал вывод, что немцы не начнут войну против Франции, но в случае агрессии они объединятся, чтобы оказать ей сопротивление⁶⁸⁷.

Буржуа предложил выработать новую программу политики Франции по германскому вопросу, которая основывалась на отказе Франции от попыток вернуть силой границу по Рейну. Он полагал, что правительство и дипломатия должны с особым вниманием относиться к любым проявлениям немецкого национализма и осознавать опасность, которую он мог иметь для Франции. В депеше от июня 1841 г. Буржуа обратил внимание Гизо на неадекватную, по его мнению, реакцию французской общественности на угрозы немецких писателей и публицистов относительно Эльзаса, требовавшей возвращения Франции левого берега Рейна. По словам Буржуа, такая реакция могла только навредить французским интересам, поскольку она как бы предоставляла аргументы сторонникам войны с Францией в германских государствах. Французские претензии на левый берег Рейна и угрозы в адрес Германии, в большом количестве содержащиеся на страницах французской прессы, по мнению Буржуа, только способствовали росту немецкого военного потенциала. Он писал: «Каждая статья военного характера, опубликованная в наших газетах, будет иметь следствием рост количества пушек, военных arsenалов и боеприпасов в Германии»⁶⁸⁸.

Еще больше, чем указанные проявления национализма, французских дипломатов беспокоил план реформирования Германского союза. В Австрии и Пруссии разрабатывался проект создания института федеральных военных инспекторов, которые должны были контролировать вооруженные силы малых германских государств. Проведение этой реформы предполагалось поручить министрам Австрии и Пруссии как имеющим наибольший опыт в этих вопросах.

Буржуа справедливо усматривал в этих мерах не только намерение Австрии и Пруссии подчинить малые немецкие государства своему контролю в области вооруженных сил, но и считал их важным этапом на пути к унификации германских земель. Таким

⁶⁸⁷ Ovsinska A. Op. cit. P. 44–46.

⁶⁸⁸ Ibid. P. 49.

образом, экономическое единство, созданное Германским таможенным союзом, должно было дополниться единством военным. Тогда политическое единство оставалось бы, по его мнению, простой формальностью.

Кроме планировавшейся военной реформы, опасения Буржуа вызывало строительство укреплений в Раштадте и Ульме. По словам дипломата, это строительство являлось ответной реакцией на строительство укреплений вокруг Парижа. Кроме того, в Пруссии обсуждались планы строительства новых железных дорог, в чем Буржуа справедливо усматривал опасность для Франции, поскольку железные дороги имели не только важное экономическое, но и стратегическое значение.

Гизо, учитывая донесения Буржуа, был склонен к проведению политики, направленной на улучшение отношений с германскими государствами. В декабре 1841 г. он рекомендовал новому представителю Франции во Франкфурте-на-Майне Шасселу-Лоба избегать всяких разногласий с Бундестагом и добиться улучшения отношений с сеймом⁶⁸⁹.

Франко-бельгийские переговоры относительно возможности заключения таможенного союза вызвали новую волну напряженности во франко-немецких отношениях: правительства Пруссии и Австрии, опасаясь возможного экономического усиления Франции и поглощения ею Бельгии, высказались против заключения этого союза. В сентябре 1842 г. Буржуа докладывал Гизо, что Германский таможенный союз стремится привлечь на свою сторону Бельгию и препятствовать ее торговым отношениям с Францией. Эта политическая линия была результативной: 1 сентября 1844 г. Бельгия заключила коммерческий договор с Германским таможенным союзом, не заключив подобного договора с Францией, что было весьма болезненно встречено во Франции, где уже начали ощущать опасную конкуренцию для французской экономики со стороны Германского таможенного союза. Еще в феврале 1843 г. Буржуа писал Гизо, что с развитием Германского таможенного союза Франции будет все труднее заключать выгодные торговые соглашения. Поэтому, по мнению дипломата, Франция сама должна увеличить свою торговлю с немецкими государствами. Кроме того, Буржуа полагал,

что Франция должна была активизировать политические контакты с Германским союзом, и что пессимистические настроения, в связи с ростом пангерманских тенденций, не должны были разрушить надежд на возрождение французского влияния в германских государствах. Он считал, что со временем антифранцузские настроения в немецком обществе ослабнут, а требования политических и экономических свобод будут способствовать росту авторитета Франции в Германии. Таким образом, позиция Буржуа отличалась двойственностью: с одной стороны, он отмечал ошибочные представления, бытовавшие во французском обществе относительно настроений в немецких землях, а, с другой стороны, сам же надеялся на возрождение авторитета Франции на территории Германского союза.

В 1843 г. казалось, что такие изменения в политической ориентации немецкого общества начали происходить. Полицейская и административная система, навязанная Бундестагу Меттернихом, вызывала среди немецких либералов самое живое недовольство. К этому добавилось и разочарование политикой прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, обещавшего в момент восшествия на престол проведение в Пруссии ряда либеральных реформ.

Эти изменения в настроениях были весьма выгодны Франции. По словам Буржуа, сторонники «прусского либерализма» испытывали в то время симпатии к Франции и видели в ней пример для подражания. Он также отмечал, что король Луи Филипп был весьма популярен у либеральной общественности Германии⁶⁹⁰.

Однако оптимизм французских дипломатов был непродолжительным. Вскоре Германию захватила новая волна всеобщего шовинизма. Посол Франции в Берлине Брессон писал Гизо в сентябре 1843 г., что прусским королем завладел «дух 1813 года»⁶⁹¹. Самым опасным казалось намерение Пруссии подчинить себе германские государства. Буржуа в своей записке «О состоянии Германии» верно отмечал основную линию политического развития Германии. Он писал, что стремление к объединению завладело уже всеми социальными слоями немецкого общества, и что даже возникла идея создать немецкую республику. Особую опасность для Франции представлял, по его мнению, ультратевтонизм, находивший поддержку правительства не только Австрии и Пруссии, но и малых немецких

⁶⁸⁹ Ibid. P. 44.

⁶⁹⁰ Ibid. P. 51–53.

⁶⁹¹ Ibid. P. 106.

государств, что было опасным, как считал Буржуа, для них самих: ультратевтонизм подразумевал уничтожение малых немецких государств и их объединение под эгидой единого германского отечества. Самым тревожным симптомом для Франции, по мнению французского дипломата, было то, что король Баварии, которого считали союзником Франции, был «одним из ярких представителей тевтонского безумия». Все это представляло опасность не только для малых немецких государств, но и для европейского равновесия в целом. Поэтому, по мнению Буржуа, политика французского правительства по отношению к Германии должна была сводиться к поддержанию статус-кво, зафиксированного решениями Венского конгресса, то есть к сохранению политической раздробленности Германии⁶⁹². Но такая политика шла вразрез со стремлениями Пруссии, претендовавшей на роль объединителя Германии.

Оккупация Кракова в 1846 г. австрийскими войсками вызвала новое обострение отношений между континентальными дворами. Буржуа уверял Гизо: если Франция в ноте протеста по поводу оккупации Кракова не поднимет вопрос о левом берегу Рейна, этот демарш не вызовет негодования со стороны немецкой общественности. Гизо также опасался, что оккупация Кракова могла привести к росту националистических настроений в германских землях и усилению напряженности во франко-германских отношениях. Он писал своему неофициальному дипломатическому агенту в Европе виконту Фонтене, что оккупация Кракова глубоко потрясла основы европейского порядка и открыла возможности для роста радикализма и революционных настроений в Европе. Фонтене предписывалось «внимательно наблюдать за всеми настроениями в Европе, и особенно в Германии в связи с краковскими событиями»⁶⁹³.

В конце 1840-х во Франции вновь стала актуальной проблема активизации политики в южно-немецких государствах, прежде всего в Баварии и Вюртемберге, в целях содействия проведению там либеральных реформ. В апреле 1847 г. Гизо писал представителю Франции в Бундестаге Салиньяк-Фенелону: «Сейчас, как и всегда, один из важнейших элементов французской политики заключается в сохранении независимости государств, составляющих германский

организм. Мирное и умеренное развитие принципа конституционных свобод представляется нам лучшим средством достижения этих результатов»⁶⁹⁴.

Как видим, политика Франции в отношении германских государств заключалась в стремлении сохранить порядок вещей, установленный Венским конгрессом, закрепившим раздробленность Германии. Гизо был обеспокоен возможностью проведения либеральных реформ в Пруссии и ее превращением в парламентскую монархию, что повысило бы ее авторитет в других немецких государствах и открыло бы перед ней дорогу к руководству Германией. Он справедливо полагал, что создание сильного единого немецкого государства не только уменьшит влияние Франции в Европе, но и создаст опасность для французских позиций на Рейне, в Эльзасе и Лотарингии. Поэтому он считал, что Франция должна поддерживать малые и средние немецкие государства в качестве противовеса усилению влияния Пруссии.

Вместе с тем, Гизо понимал, что малые и средние немецкие государства не являлись достаточным противовесом Пруссии: будучи составной частью Германского таможенного союза, они подчинялись ей не только экономически, но и политически. В проектах реформ Фридриха-Вильгельма IV, представленных прусскому ландтагу, он справедливо усматривал продолжение политики Германского таможенного союза, представлявшей опасность для Франции.

Обеспокоенный усилением роли Пруссии и стремясь противодействовать этому, Гизо рассчитывал найти поддержку у Австрии. Германский таможенный союз никогда не вызывал особых симпатий у Меттерниха, а проекты реформ и пангерманизм Фридриха-Вильгельма IV его серьезно встревожили. Еще до того, как прусский сейм начал обсуждение проекта реформ, Гизо направил послу Франции в Вене письмо, содержание которого должно было стать известно Меттерниху. Гизо писал, что проведение реформ будет означать гибель второстепенных немецких государств и нарушение порядка, установленного решениями Венского конгресса. Поэтому Франция, продолжал он, была заинтересована в сохранении независимого существования малых государств Германского союза. Меттерних реагировал немедленно: в письме послу Австрии в Париже

⁶⁹² Ibid. P. 53–54.

⁶⁹³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 467. Оп. 1. Д. 180. Л. 7 об. Письмо Гизо виконту Фонтене от 25.11.1846.

⁶⁹⁴ Ovsinska A. Op. cit. P. 58–60.

Р. Аппоньи от 18 марта 1847 г. он писал, что предполагаемые реформы могли быть опасны для Австрии и Франции, и поэтому в их интересах было объединить свои усилия в целях противодействия Пруссии. В заключение он отметил, что единственной возможностью предотвратить усиление Пруссии является сохранение федеративного принципа в Германии и борьба против централизаторских тенденций. Меттерних обещал Гизо, что в своей политике по отношению к германским государствам он будет следовать этим принципам и просил у Франции моральной поддержки. В то же время, он рекомендовал французскому правительству воздерживаться от всякого прямого вмешательства в германские дела, чтобы не задевать национальных чувств немцев. Однако французское правительство, вопреки этому совету, не ограничилось достигнутым согласием с австрийским кабинетом, но и предприняло прямые действия, уверив (конфиденциально) правительства малых немецких государств в своей поддержке в случае какого-либо посягательства на их независимость⁶⁹⁵. Прежде всего, Франция рассчитывала на Баварию, противившуюся централизаторским тенденциям Пруссии.

Итак, в ходе Восточного кризиса 1840 г. произошли заметные изменения во франко-германских отношениях. Рейнский кризис показал, что надежды французов на привлекательность французской модели для германских государств и их стремление к союзу с Францией не оправдались. Более того, французы с большим опасением наблюдали за усилением роли Пруссии в германских государствах, усматривая в этом прямую опасность для Франции.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ФРАНКО-АВСТРИЙСКОГО СБЛИЖЕНИЯ

В годы существования режима Июльской монархии идея сближения с Австрией не раз становилась актуальной. И всегда это было на почве осложнения отношений с Великобританией. Так было в середине 1830-х, когда эта идея нашла поддержку со стороны Ш.-М. Талейрана и А. Тьера, ставшего главой министерства 22 февраля 1836 г. (министерство 22 февраля – 6 сентября 1836). В конце 1834 г. Талейран говорил королю Луи Филиппу: «Интерес Вашего Вели-

⁶⁹⁵ Ibid. P. 60–62.

чества заключается в сближении с восточными державами (имея в виду Россию, Австрию, Пруссию. – *Н.Т.*) ... Великие дворы Вас не любят, но они начинают Вас уважать»⁶⁹⁶.

В очередной раз к идее сближения с Австрийской империей во Франции вернулись в 1846 г., после заключения «испанских браков», когда «сердечное согласие» между Францией и Великобританией снова оказалось под угрозой. Для Гизо сближение с Австрией было важно с точки зрения сохранения европейского статус-кво, а также как противодействие усилению Пруссии. При этом сближение с Австрией, равно как и с Великобританией, являлось для Гизо, как в свое время для Тьера, лишь средством, а не целью.

Меттерних, со своей стороны, также полагал, что крушение иллюзий по поводу англо-французского «сердечного согласия» должно было способствовать урегулированию отношений между Францией и Австрией, а в перспективе и с Россией⁶⁹⁷.

Гизо, весьма высоко оценивая деятельность канцлера Меттерниха, его основной внешнеполитической целью справедливо считал сохранение европейского статус-кво, зафиксированного решениями Венского конгресса, который Гизо называл «апогеем влияния и славы» австрийского канцлера⁶⁹⁸.

По его мнению, Меттерних имел большой вкус ко всему новому, что происходило в науке, искусстве, философии, но только не в политике: «Когда речь шла о политике, – писал он, – он менее всего был склонен к риску, он был больше всего привязан к устоявшимся делам, был чужд всяким новым взглядам». По словам Гизо, Меттерниху как политику не хватало «политической ловкости и куража»; он «не имел никакого вкуса к борьбе и боялся сложностей больше, чем желал успеха». Именно эта черта, по мнению Гизо, отчетливо проявлялась в отношениях австрийского правительства с Францией: австрийское правительство не противодействовало новому политическому режиму во Франции, но и не способствовало его укреплению, опасаясь реакции императорской семьи, венского общества и Петербурга⁶⁹⁹.

⁶⁹⁶ Цит. по: *Thureau-Dangin P.* Op. cit. T. 2. P. 404.

⁶⁹⁷ По мнению Меттерниха, в ближайшем будущем произойдет перегруппировка сил на международной арене, и непомерно возросшим амбициям Великобритании, ее претензиям на европейское лидерство будет противостоять блок континентальных держав – Австрии, Пруссии и России. См.: *Федосова Е.И.* Франция и Венская система. С. 80.

⁶⁹⁸ *Guizot F. Mémoires...* V. 4. P. 20.

⁶⁹⁹ Ibid. P. 21–22.

Некоторые предпосылки для франко-австрийского сближения имелись. Прежде всего, обе страны занимали сходную позицию в германском вопросе: и Франция, и Австрия являлись противниками усиления Пруссии и ее преобладающего влияния в германских землях и стремились сохранить германскую конфедерацию в той форме, которая была закреплена в 1815 г. Однако разногласия, существовавшие между странами, прежде всего в Италии, были весьма острыми, что являлось серьезным препятствием для осуществления координированных действий.

Стремлением Франции нормализовать отношения с Австрийской империей объясняется позиция, занятая правительством Сульта – Гизо по вопросу об оккупации Краковской республики⁷⁰⁰.

После того, как в 1836 г. Краков был занят войсками трех держав, он был оставлен ими лишь в 1841 г., продолжая служить убежищем для некоторого числа польских эмигрантов. С конца 1845 г. Австрия, Пруссия и Россия предприняли ряд военных мер для того, чтобы по первому сигналу иметь возможность занять Краков, откуда, по данным полиции, возмущение должно было распространиться на соседние провинции. Действительно, начиная с 19 февраля 1846 г., в Галиции стало наблюдаться некоторое брожение. Оно было вызвано, главным образом, политикой австрийского правительства, которое уже давно подогревало в этой местности ненависть крестьян к дворянам. Страшная резня, устроенная по подстрекательству венского двора, привела в ужас австрийскую Польшу и возмутила Европу. Восстание было в несколько дней потоплено в крови. В прусской Польше движение было без труда приостановлено массовыми арестами. В русской Польше порядок вовсе не нарушался. Но три союзные державы, не дожидаясь окончания событий, поспешили занять Краков. Город был занят ими 18 февраля и освобожден 22 февраля, но затем с начала марта союзники окончательно стали обращаться с Краковом как с завоеванной территорией.

Вскоре после этого Санкт-петербургский кабинет предложил созвать конференцию, которая состоялась в апреле 1846 г. в Берлине, а затем продолжилась в Вене. На ней представители Австрии,

⁷⁰⁰ По решениям Венского конгресса Краков с прилегающей к нему территорией был объявлен «вольным, независимым и строго нейтральным городом», находившимся под покровительством трех держав: Российской империи, Австрии и Пруссии.

Пруссии и России без участия других держав обсуждали новые условия существования Кракова. Россия настаивала на присоединении Кракова к Галиции, но требовала, чтобы Австрия предоставила обеим союзницам некоторые территориальные компенсации. Венский двор соглашался на это, Пруссия имела некоторые возражения. Однако осуществление соглашения, предложенного Николаем I, задерживалось из-за опасения, что Франция и Великобритания могли солидарно выступить против такого нарушения договоров 1815 г.

Действительно, после оккупации Кракова австрийскими войсками французская общественность настаивала на немедленном прекращении их действия и для Франции, требуя от правительства, чтобы впредь оно действовало только сообразно с собственными интересами Франции. В то же время в отличие от начала 1830-х, когда оппозиция во Франции требовала от правительства вооруженного вмешательства в русско-польский конфликт, в 1846 г. подобного не наблюдалось.

В конце марта 1846 г. Гизо под давлением общественного мнения обратился к Меттерниху с нотой, в которой выражал уверенность, что занятие Кракова является временной мерой. Глава английского внешнеполитического ведомства лорд Абердин сделал, со своей стороны, аналогичное заявление⁷⁰¹.

В вопросе об оккупации Кракова отчетливо проявилась позиция Гизо в целом по отношению к Венской системе. В отличие от большей части французской общественности, Гизо полагал, что Франция должна соблюдать договоры; оккупация Кракова, по его мнению, являлась противозаконным актом, но не поводом для того, чтобы Франция приняла вооруженное участие в событиях.

Выступая 2 июля 1846 г. в Палате пэров Гизо заявил: «Политика королевского правительства в польских делах не нова и основывается на двух правилах: не вмешиваться в дела Польши и в то же время, предоставляя полякам гостеприимное убежище во Франции, оказывать им помощь, на которую имеет право эта несчастная нация»⁷⁰².

Министерская газета «L'Époque», защищая политику правительства, писала: «Французский кабинет поступил бы весьма безрассудно, если бы вмешался в какую-нибудь континентальную войну; мы

⁷⁰¹ Дебидур А. Указ. соч. С. 392.

⁷⁰² Guizot F. L'Histoire parlementaire... Т. 5. Р. 286.

сожалеем о Польше, готовы по силам облегчить положение изгнанников, но никто со здравым смыслом не может подумать, чтобы мы захотели воспламенить в Европе вражду для восстановления Польши. Врагам Июльского правительства важно желать этой войны...»⁷⁰³

Приход в Великобритании к власти вигов и лорда Пальмерстона 29 июня 1846 г., а также усиление разногласий между Францией и Великобританией по вопросу об «испанских браках» придали решимости трем северным дворам. 6 ноября 1846 г. Австрия, Пруссия и Россия заключили в Вене договор, по которому Краков был присоединен к Австрии, уступавшей взамен этого России и Пруссии некоторые части Галиции. Трактаты 1815 г. были открыто нарушены именно теми державами, которые больше всех ратовали за их заключение.

Гизо, весьма озабоченный тем, чтобы сохранить лояльные отношения с Австрией, все же счел нужным, поскольку оппозиция требовала от него протеста, обратиться к Пальмерстону с предложением выразить совместное недовольство трем северным державам. Однако Пальмерстон, раздраженный на Францию в связи с «испанскими браками», ответил, что Великобритания, со своей стороны, уже заявила протест, и что каждая из обеих держав должна сохранять свободу действий⁷⁰⁴. Английская газета «Britannia», подогревая антифранцузские настроения, писала: «Есть ли в Европе хоть один человек, который бы не знал, что настоящая разрушительница спокойствия не Австрия, не Пруссия, и не Россия? Сомневается ли кто-нибудь в Англии хоть на минуту в том, что неприятель, которого нам должно остерегаться, живет ввиду наших берегов?»⁷⁰⁵.

3 декабря французское правительство отправило свой протест против действий трех держав. В нем приводились весьма серьезные доказательства одиозности только что совершенного политического насилия⁷⁰⁶. Ответ российского Министерства иностранных дел вполне удовлетворил Гизо. Как писал Н. Д. Киселев, «Гизо казался очень довольным поведением императорского кабинета по

⁷⁰³ Цит. по: Русский инвалид. 1846. 21 марта.

⁷⁰⁴ Действительно, в ответ на ноту Меттерниха 6 ноября, в которой тот излагал мотивы присоединения Кракова, Пальмерстон обратился 23 ноября к венскому кабинету с депешей, из которой следовало, что он не собирается предпринять что-либо в пользу Краковской республики. Он ограничился тем, что советовал северным державам отказаться от своего намерения.

⁷⁰⁵ Цит. по: Сын отечества. 1847. Март. № 3–4. С. 28.

⁷⁰⁶ Дебидур А. Указ. соч. С. 398.

отношению к деятельности короля французов и стилем изложения Нессельроде»⁷⁰⁷.

Между тем политика правительства в краковском вопросе вызвала острую критику оппозиции в самой Франции, что проявилось в ходе открывшейся в январе 1847 г. парламентской сессии. Как отмечал «La Revue des Deux Mondes», «палата... единодушно осудила государственный переворот в Кракове. Во всех душах было общее чувство... спор шел не между различными мнениями, разделявшими палату и страну, но между нами и иностранцами»⁷⁰⁸.

С критикой действий правительства выступили левый центр и династическая левая. О. Барро осудил кабинет Гизо за бездействие в краковском вопросе, заметив, что правительство «решительно ничего не сделало для предупреждения этого события, хотя очень хорошо могло его предвидеть»⁷⁰⁹.

А. Тьер, в 1836 г. считавший нецелесообразным говорить о нарушении Венской системы, теперь, находясь в оппозиции, упрекал министерство в «бездарных действиях», вследствие чего Франция оказалась в состоянии «вынужденной изоляции»⁷¹⁰.

Герцогиня Орлеанская, вдова погибшего сына короля герцога Орлеанского, известная своими либеральными взглядами, неоднократно искала встречи с Гизо, чтобы выразить свою позицию по краковскому вопросу. В беседе с Гизо, по словам Н. Д. Киселева, герцогиня говорила «о долге Франции не допустить подобного нарушения договоров и представила чуть ли не план кампании на Рейне и в Италии, перечисляя обязательства конституционных держав защищать национальность угнетенных народов». По мнению герцогини Орлеанской, Франция должна была «вступить в войну, чтобы наказать державы, рискнувшие решить судьбу Краковской республики без согласия Франции»⁷¹¹.

Гизо, отстаивая точку зрения правительства, на заседании 3 февраля подтвердил намерение кабинета придерживаться системы международных отношений, сложившейся в Европе после 1815 г. По его словам, французское правительство выполнило свой долг: оно заявило протест против оккупации Кракова; в то же время, под-

⁷⁰⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 90. Л. 59. Донесение Н.Д. Киселева от 26. 12 (07.01). 1847.

⁷⁰⁸ La Revue des Deux Mondes. 1847. 15 fevrier. T. 17. P. 768.

⁷⁰⁹ Сын отечества. 1847. март. Кн.3. С. 5.

⁷¹⁰ Там же. С. 7.

⁷¹¹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 90. Л. 61 об. – 62. Донесение Н. Д. Киселева от 9 (21).01.1847.

черкнул он, «протестуя, правительство не рассматривало события в Кракове как *casus belli*»⁷¹².

По словам Гизо, миролюбивый внешнеполитический курс его кабинета соответствовал как национальным интересам Франции, так и интересам мира и спокойствия во всей Европе: «Франция имеет сомнительную привилегию будоражить Европу. Сегодня она спокойна; она заявляет... что никого не намерена беспокоить ни пропагандой, ни завоеваниями. Она утверждает свои принципы, она несет знамя конституционных принципов»⁷¹³.

Гизо допускал, что Венская система со временем могла претерпевать «легитимные и необходимые» изменения, что и происходило в Европе после 1830 г. Однако он полагал, что еще не пришло время, когда французское правительство могло требовать отмены договоров; принципы международного права, закрепленные в 1815 г., должны были соблюдаться в отношениях между Францией и тремя абсолютными монархиями: «...Франция черпает больше сил в уважении и лояльности, которые она свидетельствует договорам, даже когда другие их нарушают»⁷¹⁴.

В итоге оппозиция проголосовала за политику правительства: на заседании Палаты депутатов 3 февраля 1847 г. 248-ю голосами против 84-х⁷¹⁵ был вотирован шестой параграф Адреса, осуждающий оккупацию Кракова и одобряющий политику кабинета⁷¹⁶.

Однако в итоге идея Гизо о союзе Франции с Австрийской империей в качестве противовеса британской политике, а также усиливавшемуся влиянию Пруссии не была реализована. Несмотря на существовавшие предпосылки, подлинного сближения Франции и Австрии не произошло, прежде всего, вследствие разногласий между двумя странами в Италии и чрезвычайной непопулярности Австрии в общественном сознании французов. К тому же, в 1847 г. для реализации этих планов у французского правительства уже не было времени.

⁷¹² Guizot F. L'Histoire parlementaire... Т. 5. P. 336–338.

⁷¹³ La Revue des Deux Mondes. 1847. 15 février. Т. 17. P. 769.

⁷¹⁴ Guizot F. L'Histoire parlementaire... Т. 5. P. 339.

⁷¹⁵ Poxay A. Л. Указ. соч. С. 129.

⁷¹⁶ В Адресе, в частности, говорилось: «Краковская республика, независимое и нейтральное государство, было оккупировано Австрийской империей... Протестуя против нарушения договоров, нового покушения на польскую нацию, Ваше Величество исполнило важнейший долг и ответило на справедливое возбуждение общественной совести». См.: Guizot F. L'Histoire parlementaire... Т. 5. P. 334.

ГЛАВА 8. КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ГИЗО И БЮЖО: ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В АЛЖИРЕ

Годы Июльской монархии явились важным этапом в создании новой колониальной империи Франции. Колониальная политика была продиктована как соображениями стратегического характера и национального престижа, так и интересами крупной индустрии, нуждавшейся в дешевом сырье, прежде всего текстильном (хлопке), и в широком рынке сбыта готовых изделий. Проводя политику пацифизма на европейской арене, либералы-орлеанисты продолжили начатую еще в годы Реставрации самую масштабную за весь период Июльской монархии колониальную акцию – завоевание Алжира, провозглашенного в 1834 г. французской колонией.

Внутриполитическая нестабильность первого десятилетия Июльской монархии имела следствием отсутствие четкой концепции по алжирскому вопросу, когда каждый новый генерал-губернатор Алжира проводил свою собственную линию, зачастую полностью противоречившую политике его предшественника и далеко не всегда согласованную с Парижем. Как справедливо заметил французский исследователь П. Лаффон, «постоянство не было галльской добродетелью»⁷¹⁷. Первые десять лет политики Франции в Алжире он характеризовал как «синусоидальную политику», политику «гармоничного балансирования между миром и войной»⁷¹⁸. За 1830–1841 гг. в Алжире сменилось девять постоянных генерал-губернаторов и четыре временных, то есть за одиннадцать лет власть менялась тринадцать раз! (за 1830–1840 гг. во Франции сменилось тринадцать министерств, причем министерство Бассано находилось у власти три дня).

⁷¹⁷ Laffont P. Histoire de la France en Algérie. Paris, 1980. P. 121.

⁷¹⁸ Ibid. P. 148.

К 1840-м гг., по мере стабилизации внутривосточной ситуации и по мере обострения взаимоотношений с Великобританией и другими странами по Восточному вопросу, во Франции происходит значительное изменение в позициях различных политических сил относительно политики Франции в Алжире.

Идея о необходимости завоевания Францией Алжира, то есть стратегическая цель, несмотря на наличие оппозиции, в целом была признана в обществе и, в основном, не подвергалась сомнению даже теми, кто в начале 1830-х выступал с позиций антиколониализма. Король Луи Филипп, выступая с речью на открытии палат 23 декабря 1839 г., говорил об Алжире как о стране, «навсегда подчиненной» Франции, провозгласив курс на активизацию политики Франции в Алжире. «Уже посланы новые войска в Африку и готовятся всевозможные средства сократить продолжение войны сильным ведением ее... Издержки, немедленно назначенные для сей цели, будут предложены на утверждение палат. Состояние наших финансов позволяет удовлетворить новому бремени», – сделал вывод король⁷¹⁹.

Пересмотреть алжирскую программу французских политиков заставляла и международная обстановка. Политические дискуссии вокруг Алжира происходили на фоне Восточного кризиса, будоражившего всю Европу. После дипломатического поражения Франции и крушения надежд на Египет, французское правительство стремилось компенсировать свои неудачи за счет Алжира. Франции было необходимо добиться победы над Абд аль-Кадиром любым путем. К этому времени концепция «ограниченной оккупации» маршала Моле показала себя неэффективной, учитывая возрастающее сопротивление Абд аль-Кадира⁷²⁰. Весной 1840 г. генерал-губернатор Алжира С.-Ш. Вале получил отставку. К концу его пребывания в Алжире численность французской армии достигла 58 тыс. человек⁷²¹.

Гизо к моменту своего назначения на пост министра иностранных дел стоял на позициях необходимости завоевания всей терри-

⁷¹⁹ Сын отечества. 1839. Ноябрь–декабрь. С. 19.

⁷²⁰ Вскоре после капитуляции алжирского дая (5 июля 1830 г.) в Алжире началось сопротивление французской оккупации. В 1832 г. борьбу народа Алжира на западе и в центре страны возглавил 24-летний Абд аль-Кадир (сын Махиддина – шейха племени хашим и главы братства Кадрийя), избранный эмиром военного союза племен. Войска Абд аль-Кадира нанесли французам ряд поражений, дважды заставив их заключать мирные договоры («договор Демишеля» 1834 г., Тафинский договор 1837 г.) и признать независимость созданного им государства.

⁷²¹ Marten J. L'Empire renaissant. 1789–1871. L'aventure coloniale de la France. Paris, 1987. P.146.

тории Алжира. Именно на 1830–1840-е гг. приходится решающая стадия утверждения французского доминирования в Алжире.

В первые годы после Июльской революции Гизо придерживался весьма умеренного курса, являясь сторонником оккупации прибрежной части Алжира, важной в свете средиземноморской политики Франции. Будучи министром народного просвещения в кабинетах Броя и Моле, Гизо выступал с критикой политики Франции в Алжире. Выступая 25 мая 1835 г. в Палате депутатов, он подчеркнул: «Линия поведения администрации в Африке должна ограничиться прочной и не вызывающей противодействия со стороны местных жителей оккупацией побережья...»⁷²² По его мнению, основная задача французской администрации в Алжире должна была заключаться в «установлении хороших отношений с местными жителями для того, чтобы торговые отношения развивались без всяких стеснений»⁷²³.

Политическая линия, которой Гизо советовал придерживаться в Алжире, заключалась в следующем: «Моральная и политическая необходимость заключается в сохранении наших владений в Африке; наша оккупация является целесообразной, прочной и не вызывающей противодействия; понесенные нами жертвы, необходимые для достижения цели, оправданы; необходимость установления и сохранения добрых отношений с местными жителями»⁷²⁴.

Однако к 1840-м гг. Гизо стоял на позициях необходимости завоевания всей территории Алжира и его дальнейшей колонизации.

29 ноября 1840 г. генерал-губернатором Алжира был назначен генерал Тома Робер Бюжо. Еще правительство Тьера имело намерение назначить его на этот пост, но против тогда выступила левая оппозиция: среди ее деятелей Бюжо был непопулярен как сторонник политики Сопrotивления, как руководитель подавления республиканских восстаний; не случайно за ним закрепилось прозвище «палач с улицы Транснонен». Однако и в 1840 г. во французской общественности назначение Бюжо было воспринято неоднозначно. Как отмечал современник событий адвокат Эварист Баву, бывший в то время в Алжире, «велико было наше удивление,

⁷²² Correspondance du maréchal Clausel Gouverneur Général des possessions françaises dans le Nord de L'Afrique (1835–1837). T. 1. P., 1948. P. XV.

⁷²³ Ibid.

⁷²⁴ Guizot F. Mémoires... V. 4. P. 417–418.

когда мы узнали о назначении генерала Бюжо». По словам Баву, он все еще продолжал находиться под впечатлением непопулярности имени Бюжо⁷²⁵.

Гизо положительно оценивал назначение Бюжо на пост генерал-губернатора Алжира. Однако он соглашался, что с его назначением могли возникнуть определенные сложности. По словам Гизо, Бюжо «был не из тех офицеров, которые могли бы ограничиться данными им инструкциями и стремились к тому, чтобы исполнить их, удовлетворив тем самым свое руководство и сделав, таким образом, карьеру»⁷²⁶.

Действительно, вопрос о наделении Бюжо большими полномочиями и о предоставлении ему свободы действий в Алжире был очень спорным, и далеко не все политики выступали за его положительное разрешение. В 1842 г. в Палате депутатов была создана специальная комиссия, которая должна была заняться рассмотрением этого вопроса. В результате комиссия, отмечая все «неудовольствия неограниченной власти», приняла решение: «в стране, где исключительно господствует война, военная власть не может быть ограничена...»⁷²⁷.

Однако все годы пребывания Бюжо на посту генерал-губернатора оппозиция, особенно левая, не переставала критиковать концентрацию в его руках обширных полномочий, называя систему управления Алжиром «дикой и незаконной диктатурой»⁷²⁸.

К 1840 г. Бюжо, осознав бесполезность политики ограниченного завоевания и косвенной администрации, и, понимая, что невозможно договориться с Абд аль-Кадиром на условиях, выгодных французам (после вторжения войск Абд аль-Кадир в Митиджу), твердо стоял на позициях тотального завоевания. Еще 15 января 1840 г. он заявил в Палате депутатов: «Ограниченная оккупация – это химе-

⁷²⁵ *Bavoux E.* Alger. Voyage politique et descriptif dans le Nord de l'Afrique. T. 1–2. Paris, 1841. Т. 1. P. 99.

⁷²⁶ Бюжо, по словам Гизо, «был человеком оригинального и независимого ума, пылкой воли, человеком, который, служа власти, оставлял большую свободу для выражения своей собственной мысли... Он имел обо всем, особенно о войне и об алжирских делах, свои собственные идеи, свои планы, свои решения; он не только осуществлял их на практике, но он убеждал в этом других людей». См.: *Guizot F.* Mémoires... V. 7. P. 119–120.

⁷²⁷ Сын отечества. 1842. № 4. Апрель. С. 14.

⁷²⁸ «La Réforme» писала 15 ноября 1846 г.: «Каковы принципы, средства и цель нашей администрации в Алжире? Ее принципы – это деспотизм, пронизывающий всю вертикаль власти, от руководителя до последних подчиненных... ее цель – это увековечивание войны, дабы увековечить свои выгоды и свою славу». См.: «La Réforme». 1846. 15 novembre.

ра... Пока вы будете оставаться в своей маленькой зоне, вы не сможете поразить противника в сердце»⁷²⁹.

В письме от 21 сентября 1841 г., адресованном Бюжо, Гизо изложил свою концепцию алжирской политики. Ее основой должно быть разделение алжирской территории на две части: европейскую и арабскую. Первая должна быть непосредственно занята французскими и европейскими колонистами. Вторая часть должна принадлежать арабам, но Франция должна располагать там косвенным влиянием. Принцип, по которому следовало проводить это разграничение, Гизо предлагал выработать Бюжо, как человеку, знающему реальную обстановку в Алжире.

Гизо отмечал, что на территории, передаваемой переселенцам для колонизации, им должна быть гарантирована «реальная безопасность», однако, как ее обеспечить, оставалось для него вопросом. На арабской территории, по мнению министра, французы должны занять ряд важных укрепленных пунктов, немногочисленных, но хорошо защищенных. «Вне этих пунктов, – продолжал он, – эксплуатация и управление страной должны быть оставлены арабам, их руководителям, их законам, их правам...» Деятельность французов на арабской территории должна быть очень осторожной и умеренной для того, чтобы «уживаться с различными племенами, противодействовать их объединению против нас... и сохранять среди них ощущение нашей силы, не вмешиваясь в их дела»⁷³⁰. Как видим, Гизо считал важным обеспечить гражданские права как европейских колонистов, так и местного населения, предоставив ему право самоуправления, но под контролем французских властей.

Отметим, что именно такой подход к решению проблемы администрирования Алжира был популярен во французском обществе: считали целесообразным опираться на опыт управления Алжира турками и осуществлять политику косвенного управления⁷³¹.

Гизо выделял две основные идеи в планах Бюжо: во-первых, необходимость подчинения арабов на всей территории Алжира; во-вторых, необходимость военной колонизации в целях упрочения французского господства.

⁷²⁹ Цит. по: *Marten J.* Op. cit. P. 146.

⁷³⁰ *Guizot F.* Mémoires... V. 6. P. 388–389.

⁷³¹ В частности, французская газета, издаваемая в Алжире, «L'Algérie» писала: «Наш административный корпус должен иметь две ветви: арабскую и французскую. Турки нам дали пример подобной администрации». Цит. по: *La Réforme.* 1844. 17 décembre.

По мнению министра иностранных дел, эти две идеи, взятые в совокупности, противоречили настроениям французского парламента и общественности: в Алжире французы всячески хотели остаться, но они желали прекращения войны и военных расходов. Во Франции, по словам Гизо, «длительное преобладание военного режима рассматривалось как зло, а военная колонизация как невозможная». Он справедливо отмечал, что во Франции «торопились видеть Алжир, вошедший в сферу действия законов гражданской администрации, и полагали, что государство должно отстаивать именно идею гражданской колонизации»⁷³².

Для достижения победы над арабами Бюжо прибегнул к крайне жестоким методам ведения тотальной войны на уничтожение, к тактике «выжженной земли», всеобщего разрушения и разорения. С 1840 г. французские войска перешли к тактике совершения систематических «раззия» – набегов на непокорные племена с целью грабежа скота и запасов зерна. Перед угрозой военной смерти племена были вынуждены отходить от активной борьбы. Также французское военное руководство в Алжире стремилось натравливать одни племена на другие с целью раскола национально-освободительного движения⁷³³.

В 1842–1843 гг. Бюжо повел энергичную кампанию против Абд аль-Кадира. Численное и военно-техническое превосходство французов вынудило его в 1843 г. отступить в Марокко. После бомбардировки Танжера и Рабата эскадрой принца Жуанвильского и победы при Исли, Бюжо заставил султана Марокко отказаться от предоставления убежища Абд аль-Кадиру, который был вынужден уйти в Сахару⁷³⁴. В 1843 г. Бюжо стал маршалом, а после победы при Исли получил титул герцога.

9 августа 1845 г. Бюжо, посчитав, что правительство и парламент согласны с его планами колонизации, адресовал всем генералам, находившимся под его командованием в Алжире, циркуляр, в котором сообщилось, что решение о военной колонизации принято окончательно.

В Париже, узнав об этом циркуляре, были чрезвычайно удивлены и обескуражены. Оппозиционная пресса обрушилась на прави-

тельство, видя в этом циркуляре единоличные действия маршала Бюжо. В «*La Réforme*» появилась статья с характерным названием: «Король Бюжо забавляется»⁷³⁵, в которой отмечалось, что Бюжо якобы отклонил просьбу Луи Филиппа приехать в Париж, ответив: «Абд аль-Кадир в Париж не собирается, и я остаюсь в Алжире»⁷³⁶. Недовольны были и члены обеих палат парламента, которых задело молчание, хранившееся в циркуляре, относительно их прав и полномочий. Правительство и военное министерство расценивали самостоятельные действия Бюжо как посягательство на прерогативы и права центральной власти.

Король и многие министры, находившиеся в то время в замке Ё, выразили Гизо свое недовольство и непонимание. Гизо писал, что «с трудом заставил себя понять наивные мечтания маршала Бюжо...», и для разъяснения позиции правительства опубликовал в «*Le Journal de Débats*» от 28 августа 1845 г. статью. В статье отмечалось, что в циркуляре надо видеть лишь своеобразное анкетирование о средствах осуществления колонизации Алжира, которые Гизо считал «хорошими, полезными и возможными». Министр также подчеркнул, что в целом Бюжо действовал конституционными методами, а не диктаторскими и выражал надежду, что Бюжо поймет, что правительство не разделяет его взглядов и откажется от циркуляра.

Желая успокоить французскую общественность и палаты, Гизо сделал вывод, что Франция «должна успокоиться», что «в Париже есть правительство и палаты», и что «речь не идет о создании в Африке ни нового королевства, ни новой алжирской власти».

Несколькими днями раньше, 25 августа, Гизо написал письмо Бюжо, в котором отмечал, что ему следовало бы сначала провести в «четко определенных пределах» «ограниченный эксперимент» по своему плану, чтобы противопоставить предубеждениям свершившийся факт.

5 сентября 1845 г. в «*Le Moniteur universel*» Бюжо опубликовал свой ответ Гизо, где заявил, что ему следовало бы в своем циркуляре «поставить все глаголы в сослагательном наклонении»⁷³⁷.

⁷³² Guizot F. Mémoires... V. 7. P. 125.

⁷³³ Хмельева Н.Г. Алжирское государство эмира Абд аль-Кадира и его оценка французской историографией в XIX и XX вв. // Арабские страны. История. Экономика. М., 1977. С. 125.

⁷³⁴ Ланда П.Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830–1918). М., 1976. С. 68.

⁷³⁵ «Бюжо забавляется» – по аналогии драмы в стихах Виктора Гюго «Король забавляется» (1832 г.)

⁷³⁶ La Réforme. 1845. 17 octobre.

⁷³⁷ Guizot F. Mémoires... V. 7. P. 192–195.

План колонизации Алжира, предложенный Бюжо, в том числе его проект создания сельскохозяйственных лагерей, вызвал резкое противодействие в парламенте. По этому плану предполагалось обустроить 150 тыс. военных поселенцев в течение пятнадцати лет. Ежегодно предполагалось отправлять в Алжир по 10 тыс. человек, которые служили бы по три года, создавая, таким образом, передовые посты гражданских поселений. Колонистам предоставлялся шестимесячный отпуск для обустройства семей. Переезд оплачивался за счет казны; колонисты получали дом с мебелью, сельскохозяйственные орудия, несколько голов скота, хлеб для посева и пропитания и, конечно, землю⁷³⁸.

В течение трех лет колонисты должны были находиться под военным управлением, затем – под общим. Создание одного такого лагеря стоило, по подсчетам Бюжо, от 3 до 4 тыс. франков, в итоге в течение пятнадцати лет предполагалось израсходовать от 450 до 600 млн франков⁷³⁹.

2 июня 1847 г. парламентская комиссия выступила против проекта колонизации Бюжо, а через восемь дней правительство отклонило проект закона о колонизации Алжира и о предоставлении кредитов на эти нужды. Несмотря на то, что Гизо настоятельно просил маршала прибыть в Париж, чтобы самому отстаивать свои идеи, Бюжо остался в Алжире, объяснив это болезнью (у него был грипп). Поскольку его планы колонизации были отклонены, он был вынужден подать в отставку.

Каковы были результаты деятельности Бюжо на посту генерал-губернатора Алжира? Абд аль-Кадир, возобновив в 1845 г. неравную борьбу, в 1847 г. был взят в плен. В следующем году французы захватили и Ахмед-бея, возглавлявшего борьбу на востоке страны.

За годы нахождения Бюжо на посту генерал-губернатора число европейских колонистов увеличилось с 28 тыс. до 109 тыс. человек, из них сельских колонистов – с 1 500 до 15 тыс. В г. Алжире в 1841 г. проживало 20 982 человека, в 1846 – 42 635. Как отмечал К. Мартан, за шесть лет Бюжо создал «основы и структуру французского Алжира»⁷⁴⁰. По мнению другого французского

исследователя, Ж. Мартана, Бюжо «вписал решающую страницу в историю французского Алжира. После его отставки французское присутствие в Алжире было свершившимся фактом, который никто больше не оспаривал»⁷⁴¹.

1 сентября 1847 г. генерал-губернатором Алжира был назначен сын короля герцог Омальский. Оппозиционные газеты восприняли это известие волной критики. Их возмущало то обстоятельство, что герцог Омальский принадлежал к королевской фамилии, поэтому его назначение якобы противоречило конституции⁷⁴². Орган левого центра, газета «Le Constitutionnel», которую левая оппозиция называла «официальным органом Бюжо», писала: «Назначение герцога Омальского генерал-губернатором Алжира есть один из самых сомнительных поступков теперешнего министерства»⁷⁴³.

Провал планов военной колонизации заставил администрацию усиленно поощрять гражданскую колонизацию. Еще в 1843–1844 гг. были приняты декреты, обеспечившие быстрый рост европейской колонизации. В 1837 г. в Алжире было 16 770 европейцев, из них 6 572 француза. В 1839 г. в Алжире насчитывалось уже 25 023 европейца, из которых 14 500 обосновались в районе г. Алжира, немногим более 5000 – в районе Орана и Мостаганема, 3100 в Боне и 2000 в Филиппвиле и Константине⁷⁴⁴.

Главным результатом завоевания Алжира в то время явилась переселенческая колонизация. Наводнившие страну поселенцы составили прочную опору колониального режима. Тем самым была придана особая весомость и надежность экономической экспансии французского капитализма в Алжире. Не менее значительными были последствия укоренения переселенцев на алжирской почве в политическом, культурно-этническом и других отношениях⁷⁴⁵.

Гизо так оценивал результаты политики Франции в Алжире: «В 1840 г. едва 50 племен платили аман, теперь – более 1 300 племен признают верховную власть Франции. В 1840 г. налог не приносил и 300 тыс. франков; теперь он приносит более 5 млн»⁷⁴⁶.

⁷⁴¹ Marten J. Op. cit. P. 160.

⁷⁴² La Réforme. 1847. 3 septembre.

⁷⁴³ Русский инвалид. 1847. 14 июня.

⁷⁴⁴ Martin C. Op. cit. P. 115.

⁷⁴⁵ Ланда П.Г. Указ. соч. С. 71–76.

⁷⁴⁶ Русский инвалид. 1847. 14 июня.

⁷³⁸ Русский инвалид. 1847. 11 марта.

⁷³⁹ Там же. 1847. 2 марта.

⁷⁴⁰ Marten C. Histoire de l'Algérie française. 1830–1962. Paris, 1963. P. 146.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ МАРОККО И ДОГОВОР В ТАНЖЕРЕ

В годы Июльской монархии Франция пыталась укрепить свои позиции на сопредельных с Алжиром территориях. Ведя военные действия против Абд аль-Кадира, Франции пришлось столкнуться с султаном Марокко. Франко-марокканская война 1844 г. со всей остротой выявила политическую борьбу, происходившую во Франции по вопросам колониальной политики, а также опасения Великобритании, в связи с возможным расширением сферы французского влияния в Северной Африке. Считая сохранение европейского равновесия сил и недопущения резкого обострения взаимоотношений с Великобританией своей приоритетной задачей, правительство Сульта – Гизо сочло целесообразным уступить Великобритании, отказавшись от достигнутых результатов в Марокко.

Одновременно с войной в Алжире Франция стремилась расширить свои колониальные владения в Западной Африке – началось покорение Габона, берега Слоновой Кости, внутренних районов Сенегала.

Еще на исходе средних веков и особенно в период первоначального накопления капитала Марокко, расположенное в непосредственной близости от Гибралтара, стало объектом соперничества европейских держав, прежде всего Франции, Великобритании и Испании. В их конкурентной борьбе на определенном этапе лидировала Франция, завязавшая тесные дипломатические контакты с правителем Марокко Мулаем Исмаилом. Но вслед за тем, как Англия в результате войны за Испанское наследство (1701–1714) овладела крепостью Гибралтар и установила контроль над проливом, торговля с Марокко фактически стала британской монополией (Англия сбывала в Марокко продукцию металлургической и текстильной промышленности)⁷⁴⁷.

В феврале 1842 г. французские войска под командованием генерала Ламорисьера атаковали ставку Абд аль-Кадира – Дейру. После боя алжирцы отступили в Марокко. Абд аль-Кадир рассчитывал на помощь султана Марокко Мулая Абд-ар-Рахмана, опасавшегося окончательного утверждения власти французов в соседнем Алжире⁷⁴⁸.

Английское правительство, вынужденное смириться с фактом утверждения французского доминирования в Алжире, не могло допустить расширения сферы влияния Франции за его пределами. Еще 1836 г. лорд Пальмерстон был вынужден согласиться с оккупацией Францией Алжира, с условием, что территории Туниса и Марокко останутся независимыми от Франции⁷⁴⁹. Как писал Гизо, «Англия трудно и медленно привыкала к мысли, что наше занятие Алжира не есть только временное, а постоянное...»⁷⁵⁰.

Французское правительство, понимая, что военные действия на территории Марокко вызовут противодействие Великобритании и пытаясь успокоить английский кабинет, заявило, что Франция не имела планов расширения своих колониальных владений в Африке за пределами Алжира. Гизо, выступая в Палате пэров 15 января 1844 г., подчеркнул: Алжир «еще в течение долгого времени будет тяжким бременем для Франции, которое она не захочет приумножать». Он отметил, что цель французской политики в Северной Африке заключалась только в том, чтобы обеспечить преобладающее влияние Франции в Алжире и соблюдение нейтралитета сопредельными с Алжиром территориями⁷⁵¹.

По словам поверенного в делах России во Франции Н. Д. Киселева, в неофициальном разговоре с ним Гизо выразил надежду, что французские войска не приступят к военным действиям на территории Марокко. Министр иностранных дел полагал, что генерал Ламорисьер с 4-х тысячной армией сможет отбить атаки марокканцев, а появление эскадры принца Жуанвильского у берегов Марокко будет достаточным для того, чтобы марокканцы прекратили военные вылазки против французов⁷⁵².

Однако весной 1844 г. Марокко, население которого подстрекалось Абд аль-Кадиром, с оружием в руках выступило против Франции. Еще летом 1839 г. марокканский султан, учитывая симпатии всего мусульманского населения Магриба к движению эмира Абд аль-Кадира, послал вождю повстанцев почетный бурнус, а позднее предоставил ему возможность организовать базу для военных операций на левом берегу реки Мулуя.

⁷⁴⁹ Meyer J., Tarrade J., Rey-Golzeiguer A., Thobie J. Histoire de la France coloniale des origines à 1914. Paris, 1991. P. 348.

⁷⁵⁰ Гизо Ф. Сэр Роберт Пиль // Русский вестник. 1856. Т. 5. № 9–10. С. 476.

⁷⁵¹ Guizot F. L'Histoire parlementaire... Т. 4. P. 453.

⁷⁵² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 134. Л. 262–262 об. Донесение Н. Д. Киселева от 3(15).06.1844.

⁷⁴⁷ Королевство Марокко. Справочник. М., 1991. С. 69.

⁷⁴⁸ История Алжира в новое и новейшее время. М., 1992. С. 53.

Как отмечал Н. Д. Киселев, Гизо в разговоре с ним подчеркивал, что Абд аль-КаDIR приобрел большое влияние в пограничных с Алжиром областях Марокко, играл на религиозных чувствах марокканцев и даже угрожал султану Марокко революцией, если он не объявит войну французам⁷⁵³. По словам дипломата, султан Марокко, «вероятно, не имел достаточной власти, чтобы противодействовать росту влияния Абд аль-КаDIRа»⁷⁵⁴. Киселев также отмечал, что, когда Абд аль-КаDIR перешел марокканскую границу, он имел только 2000 кавалеристов, но вскоре к нему присоединились жители пограничных с Алжиром районов Марокко, и его войско насчитывало уже 10 тыс. человек⁷⁵⁵. 30 мая 1844 г. произошло первое сражение: войска султана атаковали французские аванпосты при Лалла-Марния, но потерпели поражение.

Великобритания не могла спокойно наблюдать за действиями французов. 8 июля 1844 г. лорд Абердин заявил в палате общин, что Англия не допустит укрепления Франции в Марокко. Британское правительство демонстративно проявляло свою активность. В частности, губернатор Гибралтара сэр Роберт Вильсон посетил марокканский лагерь, о чем стало известно во Франции и вызвало живой отклик среди членов французского парламента.

Между Францией и Марокко продолжались мирные переговоры. 15 июля 1844 г. состоялась встреча французского генерала Бедо и марокканского военачальника Эль-Геннауи, окончившаяся безрезультатно, под звуки ружейных выстрелов со стороны марокканцев. Маршал Бюжо счел эти действия оскорбительными для Франции; марокканский пограничный город Ужда был занят французскими войсками.

Для поддержания сухопутных войск к берегам Марокко был отправлен флот, возглавляемый принцем Жуанвильским. Он должен был действовать только после получения приказа маршала Бюжо. Как отмечал Н. Д. Киселев, король Луи Филипп и Гизо не сомневались, что принц Жуанвильский «не пойдет ни на какие непродуманные действия, компрометирующие Францию»⁷⁵⁶.

Султану Марокко был предъявлен ультиматум: извинение перед Францией; роспуск войск на алжиро-марокканской границе; изгнание Абд аль-КаDIRа из страны.

Правительство Р. Пилья, понимая, что Марокко не устоит перед сильным противником, стремилось употребить все свое влияние на султана Марокко, чтобы склонить его к мысли пойти на уступки Франции. Обеспокоенное действиями французской армии, оно отправило инструкции английскому консулу в Танжере Друммонду Гею, основное содержание которых сводилось к тому, чтобы употребить все влияние Англии для того, чтобы убедить султана согласиться на все требования Франции и прекратить войну.

Английское правительство, как видим, стремилось не допустить вступления французской армии на территорию Марокко и выступило посредником в урегулировании конфликта. Кроме того, были предприняты и меры превентивного характера, а именно усилены позиции британского флота в Средиземноморье, вблизи берегов Марокко. Лорд Минто, активный сторонник усиления военного присутствия Англии в Средиземном море, выступая в палате лордов 5 июля 1843 г., заявил: «Французская оккупация важных пунктов на побережье Марокко является весьма опасной. Переговоры, без сомнения, хороши, однако необходимо, чтобы они опирались на некоторую силу»⁷⁵⁷.

Гизо справедливо отмечал в своей работе «Роберт Пиль», что «английский кабинет собственно желал, чтобы мы предоставили ему выхлопотать нам удовлетворение». Франция же, по словам Гизо, не могла согласиться на посредничество Великобритании, поскольку ей «надо было показать Марокканской империи наши силы, и самим взяться за свое дело». Как отмечал Гизо, Франция не стремилась к новым завоеваниям в Африке; однако, французы «желали утвердить за собой приобретенное, не позволять никому беспокоить нас здесь и доказать, что для этого нам не нужно было чужестранной помощи»⁷⁵⁸. Поэтому посредничество, предлагаемое британским кабинетом, было отклонено французским правительством.

На требования, предъявленные во французском ультиматуме, султан Марокко отвечал половинчатыми уступками и потребовал, со своей стороны, чтобы маршал Бюжо был наказан за взятие Ужды. После этого французы предоставили султану крайний срок – восемь дней, в течение которых он должен был принять французские условия. Султан же в ответ на это оставил свою резиденцию и скрылся.

⁷⁵³ Там же. Л. 261 об.

⁷⁵⁴ Там же. Л. 321 об. Донесение Н.Д. Киселева от 18(30).07.1844.

⁷⁵⁵ Там же. Л. 262. Донесение Н.Д. Киселева от 3(15).06.1844.

⁷⁵⁶ Там же. Л. 303 об. Донесение Н.Д. Киселева от 5(17).07.1844.

⁷⁵⁷ Цит. по: La Réforme. 1844. 8 juillet.

⁷⁵⁸ Гизо Ф. Сэр Роберт Пиль. С. 476.

Великобритания тем временем продолжала посреднические усилия. Друммонд Гей отправился в Фес с поручением убедить султана принять требования ультиматума, на что последний ответил согласием. Принц Жуанвильский, стоявший со своим флотом перед Танжером, узнал об этом 4 августа через французского консула, которому Гей прислал это известие с курьером. Но, ссылаясь на то, что известие о принятии условий ультиматума было доставлено ему якобы не в очень достоверной форме, он решил действовать таким образом, как будто ультиматум был отвергнут⁷⁵⁹.

6 августа Танжер был подвергнут трехчасовой бомбардировке. Французские войска начали продвижение вглубь Марокко. Марокканская армия в беспорядке отступала. 15 августа бомбардировке был подвергнут Могадор, вторая важнейшая гавань Марокко, с которой Великобритания вела самую активную торговлю.

Между тем сын марокканского султана подошел к границе с Алжиром, разбил там лагерь и собрал войско, в два–три раза превосходящее французское. Бюжо решил предупредить действия марокканцев неожиданным нападением. К тому же ему не был известен результат миссии Гея.

Утром 14 августа 1844 г. генерал Бюжо с 10-тысячной армией перешел реку Исли, отделявшую его лагерь от марокканского. Через несколько часов марокканское войско было обращено в бегство, и весь марокканский лагерь с его добычей достался французам. Марокканцы оставили на поле сражения 800 убитых, французы – 30 убитых и около 100 раненых⁷⁶⁰. Султан Марокко был вынужден пойти на переговоры.

Победа при Исли была восторженно встречена во Франции. Особенно французам импонировало то, что она была одержана вопреки усиленному посредничеству Великобритании.

В Великобритании известия о военных успехах Франции были восприняты весьма негативно. Кабинет Пиля заявил, что постоянная оккупация французскими силами точек на побережье Марокко будет рассматриваться как *casus belli*. Британская общественность и большая часть депутатов парламента требовали увеличения английских вооруженных сил в северной части Средиземноморья.

⁷⁵⁹ Poxau A.J. Указ. соч. Ч. 2. С. 114.

⁷⁶⁰ Там же. С. 115.

Ситуация становилась тревожной. К тому же летом 1844 г. Великобританию посетил Николай I, и ему был оказан блестящий прием. Франция вновь оказалась перед возможной международной изоляцией и новым англо-русским сближением. Кроме того, именно в это время франко-английские отношения были серьезно осложнены и по причине действий Франции в Океании, на Маркизских островах, вылившихся в «дело Притчарда».

В этих условиях, стремясь не допустить резкого обострения англо-французских отношений и, как следствие, нарушения европейского равновесия, а также при отсутствии твердого тыла в Алжире, правительство Сульта – Гизо сочло целесообразным прекратить военные действия.

10 сентября 1844 г. в Танжере между Францией и Марокко был подписан мирный договор на условиях, совершенно тождественных тем, которые были предложены султану еще до поражения: «виновники развязывания» войны должны быть наказаны; Абд аль-КаDIR объявлялся вне закона и изгонялся из страны, либо его интернировали в один из городов на западном побережье; Франция заявляла, что будет его преследовать с оружием на территории Алжира; султан Марокко обязался делать то же самое на своей территории; стороны договорились об уточнении границы между Алжиром и Марокко⁷⁶¹.

Франция не потребовала от султана Марокко ни денежной, ни территориальной компенсации, а также отказалась от своего требования об изгнании Абд аль-КаDIRа, удовлетворившись обещаниями, следить за исполнением которых она была не в состоянии.

«Le Journal des Débats», аргументируя позицию правительства, объяснял отсутствие требования о денежной компенсации тем, что «Франция слишком богата для того, чтобы самой заплатить за свою славу»⁷⁶². Т.Р. Бюжо, к этому времени уже герцог Исли, оправдывал это следующим образом: марокканцы обещали бы выплатить вознаграждение, но не сдержали бы своего обещания. Поэтому Франции пришлось бы снова воевать, чтобы заставить марокканцев заплатить за прошлую войну⁷⁶³.

Политика правительства в марокканском вопросе вызвала резкую критику со стороны оппозиции, как в парламенте, так и на

⁷⁶¹ La Réforme. 1844. 10 octobre.

⁷⁶² Poxau A.J. Указ. соч. Ч. 2. С. 117.

⁷⁶³ Там же. С. 117–118.

страницах прессы. Оппозиция упрекала кабинет в проведении антинациональной политики, в угодничестве по отношению к Великобритании. В частности, с подобными обвинениями выступила левая пресса. «La Réforme» писала о политической линии Гизо: «Едва Бюжо увидел со стороны Феса руки Англии, как министр, послушный английской политике, постыдно отступил»⁷⁶⁴. Кроме того, газета обращала внимание на то, что текст договора был опубликован не в правительственной газете «Le Moniteur universel», а в провинциальной газете «Le Toulonnais», отмечая, что «министерство решило поместить сначала там монумент своей недостойной трусости и невероятной недееспособности». По мнению издания, Франция была вынуждена «сносить условия, навязанные султаном Марокко», и называла договор в Танжере «вечным камнем преткновения для министерства»⁷⁶⁵.

С резкой критикой договора в Танжере выступил А. Тьер. Анализируя действия Франции по отношению к Марокко, он выделил два объекта: войну и договор. «Блестящая война», по словам Тьера, должна была привести к серьезным военно-политическим результатам, которых, по его мнению, как раз и не последовало. «Я сожалею не о нескольких миллионах, – заявил он. Под серьезными результатами я понимаю определенные гарантии, которые бы позволяли не опасаться, что война разразится вновь. Этого не было достигнуто, и именно об этом я сожалею»⁷⁶⁶.

С аналогичными обвинениями в адрес правительства выступила левая оппозиция. «La Réforme» называла договор в Танжере «договором без гарантий», «только династическим украшением», «принесением в жертву национальных интересов», и отмечала: «Придет день, когда мы будем обязаны сражаться, чтобы сохранить то, что имеем»⁷⁶⁷.

Гизо пришлось защищать политику правительства. Выступая в Палате пэров 15 января 1845 г., он подчеркнул, что Великобритания уже давно оказывала покровительство Марокко, прежде всего потому, что «имело напротив него одно из своих важнейших учреждений» (имеется в виду Гибралтар. – *Н.Т.*). Несмотря на это,

Франция, по словам Гизо, действовала смело, решительно и независимо от Великобритании. Франция, продолжил Гизо, не только вела войну в Марокко, но атаковала марокканцев напротив самого Гибралтара, подвергнув бомбардировке сначала Танжер, а потом и Могадор. Причем эти действия французы осуществляли на виду у британского флота, находящегося в Средиземноморье. «И нам говорят, что в этом деле мы действовали в угоду британским интересам!»⁷⁶⁸.

Итак, политическая линия Гизо, занятая им в марокканской проблеме, была весьма умеренной. «Блестящая война», действительно, не привела к столь же блестящим последствиям. Однако Гизо, официально заявляя о том, что Франция не претендует расширять сферу своего влияния в Африке за пределами Алжира, что ее действия продиктованы только стремлением сохранить завоеванные позиции, мыслил гораздо глубже. Уже при Луи Филиппе Алжир стал форпостом французского влияния на севере Африки. Именно это объясняет не только рейд Бюжо в Марокко в 1844 г., но и действия Франции, направленные на недопущение восстановления контроля Османской империи над Тунисом, когда Франция вынудила османскую эскадру отойти от тунисского побережья. И хотя Тунис, как, впрочем, и Алжир, формально оставался частью Османской империи, Франция сделала все, чтобы сохранить его фактическую самостоятельность и усилить зависимость бея Туниса от Парижа.

ПОЛИТИКА В ОКЕАНИИ И «ДЕЛО ПРИТЧАРДА»

На годы Июльской монархии приходится активизация политики Франции в Океании. К активным действиям в Тихом океане, в районе Маркизских островов и островов Общества французское правительство приступило только с конца 1830-х гг. Осторожная политика Франции в Тихом океане, как и в целом колониальная политика, была обусловлена как стремлением орлеанистов не допустить обострения взаимоотношений с Великобританией, так и отсутствием единого мнения относительно целесообразности колониальной экспансии.

За активную колониальную политику выступали торгово-промышленные круги Франции, нуждавшиеся в обширных внешних

⁷⁶⁴ La Réforme. 1844. 9 août.

⁷⁶⁵ Ibid. 1844. 10 octobre; 1845. 4 janvier.

⁷⁶⁶ Discours parlementaires de M. Thiers. T. 6. P. 577.

⁷⁶⁷ La Réforme. 1845. 8, 10 octobre.

⁷⁶⁸ Guizot F. L'Histoire parlementaire... T. 4. P. 451.

рынках сбыта и источниках сырья. Все более ясно становилось, что французская торговля не могла развиваться, опираясь только на свои бывшие колонии.

Франсуа Гизо была сформулирована первая и единственная официальная колониальная доктрина Июльской монархии – система «точек опоры». Она должна была способствовать расширению влияния Франции в Океании мирным путем, не разжигая огонь противоречий с Великобританией и поддерживая кажущееся равновесие сил между двумя странами. Понимая, что Франция была не в силах противостоять военно-морскому могуществу Великобритании силой оружия, Гизо счел целесообразным направить колониальную политику в меркантилистское русло.

Концепция создания «точек опоры» была сформулирована Гизо в его выступлении 31 марта 1842 г. Он заявил: «...необходимо... владеть в различных частях земного шара, которым предначертано стать великими центрами торговли и навигации, морскими станциями, укрепленными и сильными, которые будут служить точкой опоры для нашей торговли, и где мы сможем найти убежище...»⁷⁶⁹

Концепция создания «точек опоры» в Океании нашла своих приверженцев. Так, Ф. Пито, автор работы «Французские колонии», солидаризируясь с мнением Гизо, писал: «Страна с успешно развивающейся внешней торговлей нуждается в морском могуществе для обеспечения безопасности внешней торговли. Для этого требуется владение укрепленными портами в отдаленных частях, там, где развивается национальная торговля. Эти порты, на период военных действий, станут местами убежищ и сосредоточения торговых судов; также они будут центрами различных экспедиций и местом стоянки для кораблей, разрушенных временем или врагами»⁷⁷⁰. Приведенная цитата весьма показательна: она является редким случаем артикуляции колониальных интересов Франции: экономических, торговых, военных, геополитических.

Одним из мощных средств колониальной политики являлась миссионерская деятельность, распространение в мире христианской религии. Еще с конца XVIII века создавались различные христианские общества. Одним из самых значительных английских протестантских обществ было Лондонское общество, основанное

в 1795 г. Оно посылало своих миссионеров на Таити, которые в течение долгого времени жили там, стремясь обратить в протестантизм туземцев.

Франция в качестве метода колониальной экспансии использовала католические миссии. Король Луи Филипп, желая вызвать симпатии среди французских католиков и римской церкви, решил отправить миссию в Океанию. Эта миссия была создана еще при Карле X и должна была составить конкуренцию Лондонскому протестантскому обществу⁷⁷¹.

В 1835 г. в Тихий океан были направлены многочисленные французские крейсера под различными предлогами: путешествия, изучение новых земель, борьба с пиратством. В действительности же они отправлялись для укрепления позиций Франции в этом регионе, создания своей агентурной сети путем поддержания французских католических миссионеров. Такие миссии были отправлены на Маркизские острова, острова Уоллис и Гамбьен⁷⁷².

Первоначально объектом внимания французских властей была Новая Зеландия. В конце 1839 г. в Нанте и Бордо была создана компания для французской колонизации Новой Зеландии. Там предполагалось создать станцию, на которую могли бы заходить на зимовку французские китобойные корабли, и которая соответствовала бы торговым интересам Франции. Компания получила поддержку правительства, но когда дело дошло до реализации этого предприятия, то выяснилось, что англичане опередили французов: начиная с 1815 г. они создавали там свои учреждения, а в августе 1839 г. английский офицер, капитан Хобсон отправился к берегам Новой Зеландии с инструкциями от своего правительства. В первые месяцы 1840 г., еще до прихода французских кораблей, там был провозглашен суверенитет английской королевы⁷⁷³.

⁷⁷¹ История освоения Тихого океана берет начало в XVI в. 25 сентября 1513 г. отважный испанец Баско Нуньес де Бальбоа, совершая путешествие по Центральной Америке, с вершины горы заметил неизвестное, как он посчитал море с многочисленными островами. Это море оказалось Тихим океаном. От имени короля Испании он со своей командой принял во владение этот океан и омываемые им земли. С 1740 по 1840 гг. были отправлены многочисленные экспедиции в Тихий океан: англичан Ансона, Уоллиса, Картерета, Байрона, Кука, французов Буженвиля, Дюперре, Лапласа. Вслед за путешественниками эти земли осваивали торговцы, основывая в Тихом океане свои фактории. Французский департамент юстиции намеревался основать в Тихом океане места для депортации преступников. См.: Guizot F. Mémoires... V. 7. P. 42–43.

⁷⁷² Hardy G. Op. cit. P. 173.

⁷⁷³ Guizot F. Mémoires... V. 7. P. 44–45.

⁷⁶⁹ Meyer J., Tarrade J., Rey-Golzeiguer A., Thobie J. Op. cit. P. 349–350.

⁷⁷⁰ Pitot F. Les colonies françaises. Paris, 1845. P. 1.

Между тем Нантско-Бордоская компания продолжала обращаться с запросами к правительству, оказавшемуся перед дилеммой: либо отказаться от прежних проектов закрепления в Тихом океане, либо искать станцию меньшего значения. Правительство склонялось к мысли, что для колонизации следует искать другие земли в Тихом океане. Выбор пал на острова Общества и Маркизские острова.

Особый интерес французы проявляли к острову Таити, расположенному на важнейших торговых путях⁷⁷⁴. Суда из Сиднея приходили на Таити с мукой, а вместо нее получали кофе и сахар. Здесь была развита ловля жемчужных раковин; китобойные суда также останавливались на здешних рейдах. На Таити была плодородная и необрабатываемая почва, которая могла быть превращена в плантации⁷⁷⁵.

В 1840 г. из кругосветного путешествия на фрегате «Венера» вернулся капитан Дюпти-Туар, последний из французских моряков, на тот момент посетивший бассейн Тихого океана. Он представил морскому министру доклад о Маркизских островах и предложил начать их освоение. Маркизские острова, открытые в XVII в. и названные так в честь маркизы Мендосы, жены вице-короля Перу, являлись важными в военном и стратегическом отношении, но относительно торговых выгод Дюпти-Туар был настроен критически. Французское правительство было заинтересовано в такой территории в Тихом океане, которая удовлетворяла бы двум условиям: являлась бы удобной станцией для французских торговцев и мореплавателей, и могла бы служить возможным местом депортации преступников: там был мягкий и здоровый климат, очертания острова были удобны для защиты, были удобные порты для ведения навигации, местные

⁷⁷⁴ Таити является главным островом в архипелаге о-вов Общества. Он расположен в 300 милях к юго-западу от Маркизских островов. Таити был открыт испанцами; первый европеец – Кирос, появился там в 1606 г. Остров получил название Сагитария (Земля Созвездия Стрельца), поскольку стрелы были единственным оружием местных жителей. В 1767 г. к этим землям приплыл англичанин Уоллис. Остров показался ему замечательной станцией для британских судов, и без официального разрешения он принял его во владение для Англии и назвал его о-вом короля Георга III. В 1768 г. к Таити приплыл французский исследователь Буженвиль. Французы, которым также очень понравился остров, назвали его Новой Китеией. Знаменитый Кук, во время своего путешествия, трижды посетил Таити и, по словам Гизо, «расхваливал его еще больше своих предшественников». С начала XIX в. все знаменитые французские моряки – Фрейсине, Дюперей, Дюмон д'Урвиль, Лаплас посещали Таити. Моряки стали называть Таити «королевой южных морей» или «королевой Океании».

⁷⁷⁵ Северная пчела. 1843. 6 апреля.

племена были немногочисленны и их можно было либо подкупить, либо подчинить⁷⁷⁶.

Предложение Дюпти-Туара было принято, и в августе 1841 г. на фрегате «Белая королева» он отправился в Тихий океан с инструкциями принять от имени короля Франции Маркизские острова во владение. 1 мая 1842 г. Дюпти-Туар занял Маркизские острова. В то время на них проживало около 50 тыс. человек⁷⁷⁷. В своем отчете морскому министру он заявил, что занятие островов произошло по обоюдному соглашению с туземцами, которые «сами потребовали присутствия французского гарнизона»⁷⁷⁸.

Известия о занятии французами Маркизских островов произвели сильное впечатление на жителей Таити, королеву Помаре IV (1827–1877) и английских миссионеров, начавших проводить антифранцузскую пропаганду среди местного населения, чем нанесли немало ущерба французам. Английские миссионеры, имевшие большое влияние на Помаре IV, проживали на острове уже более сорока лет (в 1797 г. сюда прибыла группа английских миссионеров, состоявшая преимущественно из семейных ремесленников). Особое влияние на королеву имел английский миссионер и аптекарь Притчард, проживавший на острове с 1824 г., занимавший пост английского консула на Таити. Он был духовником и советником королевы в должности ее врача и министра.

На Таити происходила жесткая внутривластная борьба, обострявшаяся борьбой между племенами, в результате чего страдали и французы. Дюпти-Туар, прибыв в следующий раз на остров, потребовал от королевы Помаре вознаграждения за причиненные убытки в размере 10 тыс. пиастров. Требование это было предъявлено в ультимативной форме: если через двое суток сумма не будет выплачена, французы приступят к военным действиям и займут остров. Однако королева и ее сановники решили вместо уплаты требуемой суммы отдать остров под покровительство Франции⁷⁷⁹.

9 сентября 1842 г. Дюпти-Туар подписал с королевой Помаре договор, устанавливавший протекторат Франции над Таити. Был до-

⁷⁷⁶ В 1850 г. были приняты законы – от 5–22 апреля и от 8–16 июня, по которым Маркизские о-ва определялись как место депортации преступников. См.: *Guizot F. Mémoires... V. 7. P. 45–46.*

⁷⁷⁷ Русский инвалид. 1842. 16 декабря.

⁷⁷⁸ Северная пчела. 1843. 4 января.

⁷⁷⁹ Там же. 1843. 6 апреля.

стигнут компромисс, предусматривавший гарантию суверенитета королевы, ее полномочий и полномочий ее важнейших сановников; издание и подписание всех законов и постановлений от имени королевы Помаре; гарантию владений землями королевы и ее народа; свободу вероисповедания и свободу отправления культа; свободную деятельность английских миссионеров на острове; право руководства всеми делами с иностранными государствами и с иностранными резидентами передавалось Франции. Управляющим Таити был назначен капитан Брюа.

Как видим, королеве Помаре предоставлялась свобода действий в области внутренней политики, но в области внешних сношений контроль передавался Франции. В целях успокоения Великобритании, в особой статье гарантировались свобода вероисповедания, свобода и безопасность английских миссионеров⁷⁸⁰. Со своей стороны, английское правительство должно было гарантировать безопасность французским миссионерам в других регионах.

Во Франции узнали о действиях Дюпти-Туара только спустя четыре месяца. В правительстве опасались, что эти действия могли привести к резкому осложнению отношений с Великобританией.

Посол Великобритании во Франции лорд Каули попросил Гизо в официальной форме уверить его, что французское правительство обеспечит английским миссионерам на Таити необходимую защиту. 6 апреля 1843 г. Гизо отправил британскому послу письмо, в котором говорилось: «Правительство короля остается верным трем принципам, от которых оно никогда не оказывалось относительно Маркизских островов и островов Общества: свобода культов, защита подданных дружественной Франции державы и не менее священный долг покровительства трудам, предпринимаемым для обеспечения благополучия христианства»⁷⁸¹.

28 апреля 1843 г. французское правительство ратифицировало протекторат над Таити, установленный Дюпти-Туаром. Как отметил Гизо в своем выступлении в Палате депутатов 25 января 1845 г., «мы не нарушили прав или даже притязаний никакого государства; трактат, заключенный адмиралом Дюпти-Туаром, устанавливая французский протекторат, не отнимал владетельных прав у короле-

вы Таити. Мы объявили во всеуслышание причины наших действий и границы, которых мы не хотели преступать. Английский кабинет понял эти причины и не делал возражений»⁷⁸².

Однако эти слова Гизо не вполне соответствовали действительности: известие о занятии французами Маркизских островов было с большим беспокойством встречено в Великобритании. «Morning Chronicle» писала по этому поводу: «Группа Маркизских островов составляет восточную оконечность Полинезии, и если будет прорыт Панамский перешеек, то они образуют первую гавань, которую будут посещать корабли в Тихом океане. Следовательно, обладание ими весьма важно, особенно для нации, ведущей обширную торговлю с приморскими странами Азии. Но торговля Франции с этими странами ничтожнее торговли всех других наций, и приобретение означенных островов представляет для нее менее выгоды, чем для кого-либо»⁷⁸³.

Отметим, что сомнения относительно важности Маркизских островов в торговом отношении, прежде всего торговли с Китаем, высказывались и в самой Франции. В частности, этой точки зрения придерживался А. Тьер, полагавший, что торговля с Китаем имела большое значение для Великобритании, а для Франции – «почти нулевое». Кроме того, Тьер высказывал сомнения относительно возможного пути через Панамский перешеек и в целом полагал, что стратегические и торгово-экономические выгоды, приписываемые Маркизским островам, являются «выдуманными», а само завоевание островов он именовал «бестолковой оккупацией»⁷⁸⁴.

Однако «Morning Chronicle» выражала сомнения относительно того, что французское правительство имело в отношении Маркизских островов только коммерческие планы и планы колонизации. Газета не без оснований отмечала, что Франция планировала использовать Маркизские острова в качестве опорного пункта в Тихом океане в антибританских целях⁷⁸⁵. Газета обвиняла французское правительство в лицемерии, доказывая, что действия Дюпти-Туара не были его личной инициативой, а были спланированы правительством Сульта–Гизо.

⁷⁸⁰ Le Moniteur universel. 1844. 1 mars.

⁷⁸¹ Цит. по: Jore L. L'océane Pacifique au temps de la Restauration et de la Monarchie de juillet (1815–1848). Paris, MCMLIX. P. 226.

⁷⁸² Гизо Ф. Сэр Роберт Пиль. С. 469.

⁷⁸³ Сын Отечества. 1843. № 1. Январь. С. 1.

⁷⁸⁴ Discours parlementaires de M. Thiers. T. 6. P. 596–601.

⁷⁸⁵ Сын Отечества. 1843. № 1. Январь. С. 3–4.

В свое время, в 1827 г., при правительстве Дж. Каннинга, Великобритания формально отказалась от владения островом Таити, которое предлагали ему туземные правители. Поэтому, полагал Гизо, британское правительство не имело никакого права оспаривать французский протекторат⁷⁸⁶. Однако, как отмечал граф Жарнак, поверенный в делах Франции в Великобритании в отсутствие французского посла, графа Сент-Олера, несмотря на то, что английское правительство отказалось от протектората островов Общества, «значительная и очень экзальтированная часть английского общества рассматривала эти острова, где было велико влияние английских протестантских миссионеров, как английскую территорию»⁷⁸⁷.

Занятие Маркизских островов и установление протектората на Таити требовало новых расходов. Правительство должно было постоянно испрашивать необходимые средства у парламента. Морской министр адмирал Руссен (сменивший на этом посту Дюперре) предложил в Палате депутатов проект закона об открытии в пользу морского департамента экстраординарного кредита в размере 5 987 000 франков.

Однако далеко не все слои и политические группы во Франции были сторонниками активной колониальной политики, прежде всего именно по причине огромных расходов. Оппозиция в лице Огюста Бийо выступила против предложения Руссена. Бийо заявил, что расходы будут настолько значительны, что министр не имеет права даже ставить вопрос о кредитовании, если только выгоды для Франции в Океании не являются очевидными, в чем он сомневался⁷⁸⁸.

Кроме того, оппозиция критиковала правительство за помощь, которую оно оказывало католическим миссиям. Так, протестант А. де Гаспарен, выступая в Палате депутатов 9 июля 1843 г., заявил, что, оказывая помощь католическим миссиям, правительство тем самым претендовало силой навязать католическую веру и способствовало борьбе между христианскими конфессиями⁷⁸⁹.

Гизо, отстаивая точку зрения правительства, выступая 10 июня в Палате депутатов, отметил, что на Таити «сошлись католицизм, протестантизм и политика». Он заявил: «Почему французскому пра-

вительству не делать для французских католических миссионеров того же, что английское правительство делает для английских миссионеров-протестантов? Почему не следить ему за ними, не брать их под свою защиту?» Гизо не скрывал, что религиозные миссии, как английские, так и французские, действуя самостоятельно, без всякого правительственного указания, на деле являлись одним из средств установления и расширения влияния страны в данном регионе. Поэтому правительство должно гарантировать безопасность своим подданным, действующим в религиозных миссиях в различных частях земного шара. Отсюда, сделал вывод Гизо, борьба католической и протестантской миссии на Таити – это не просто борьба за доминирование определенной религии, а борьба за установление преобладающего влияния Франции или Англии⁷⁹⁰.

Британское правительство признало французский протекторат, однако «с явными знаками неудовольствия», которые объяснялись тем, что английские торговые интересы и влияние английских миссионеров на островах Общества до тех пор не испытывали конкуренции. Миссионерские общества в Лондоне были крайне взволнованы действиями Франции на Таити: они организовывали митинги, отправляли делегации к английскому правительству, к французскому послу, объявляя, «что результат трудов их погибает во всей Океании, и, требуя, чтобы соединенный протекторат Англии, Франции и США заменил протекторат исключительно французский». Одиннадцать лидеров миссионерских обществ написали даже письмо Абердину, подтверждая в письменной форме свои требования. Один из них, сэр Джордж Грей, выразил намерение потребовать поставить решение этого вопроса на повестку дня в Палате общин⁷⁹¹.

Между тем королева Помаре, подписав договор о протекторате, не была склонна его соблюдать. К этому ее побуждали и английские миссионеры, позволявшие ей надеяться на британскую помощь. Притчард пытался убедить королеву в необходимости оказать противодействие французскому влиянию на острове. Под давлением Притчарда по истечении некоторого срока королева стала игнорировать договор, заключенный ею с адмиралом Дюпти-Туаром. Она даже написала письмо королеве Виктории, опубликованное в английской газете «Globe» и перепечатанное в «La Réforme». В письме Помаре

⁷⁸⁶ Гизо Ф. Сэр Роберт Пиль. С. 465.

⁷⁸⁷ Lord Aberdeen. Souvenirs et Papiers diplomatiques // La Revue des deux mondes. Т. 34. 1861. Р. 453.

⁷⁸⁸ Jore L. Op. cit. P. 231.

⁷⁸⁹ Ibid. P. 231–232.

⁷⁹⁰ Гизо Ф. Сэр Роберт Пиль. С. 470–471.

⁷⁹¹ Там же. С. 467–468.

отмечала, что договор был подписан под угрозой (в противном случае ее якобы обязали уплатить десять тысяч долларов, а в случае задержки платежа на два часа французы грозились начать военные действия) и просила английскую королеву о военной помощи⁷⁹². При подстрекательстве Притчарда среди местного населения вспыхнуло восстание. Дюпти-Туар, вернувшись после непродолжительного отъезда на Таити, счел себя вправе низложить королеву и в ноябре 1843 г. объявил об аннексии Францией всего архипелага островов Общества. Притчард сразу же объявил, что перестает быть английским консулом, не получив от английского правительства права на эту должность во французской колонии.

В Париже узнали о самовольной акции адмирала в феврале 1844 г. Возникла серьезная ситуация: одобрение правительством действий адмирала могло вызвать резкое обострение отношений с Великобританией; непризнание действий Дюпти-Туара было чревато внутривосточным кризисом во Франции, обвинениями в адрес правительства в проведении антинациональной политики, в пробританских действиях.

Гизо сразу же высказался против признания аннексии Таити. Оценивая сложившуюся ситуацию, он утверждал: «Абсолютный суверенитет над Таити не в интересах Франции; он изменит характер нашего учреждения и приведет к большим затруднениям по этому вопросу между Францией и Англией»⁷⁹³.

Луи Филипп в конце концов согласился с мнением Гизо о необходимости отмены решения Дюпти-Туара об аннексии островов Общества. Но в дело вмешался морской министр Мако (в 1842 г. сменил на этом посту Руссена): по его предложению исполнение этого решения было временно отложено, до тех пор, пока не будет выяснена позиция английского правительства по этому вопросу⁷⁹⁴.

Реакция Великобритании на известие об аннексии Дюпти-Туаром островов Общества подтвердила опасения французского правительства. Как отмечал Гизо, члены миссионерских обществ, так называемая «партия святых», усилила свой натиск на правительство; «люди, несколько не отличающиеся особой набожностью, политики, самым дружеским образом расположенные к Франции, пришли

в смущение»⁷⁹⁵. Даже иностранные дипломаты, как отмечал Гизо, приняли активное участие в этом деле, считая его очень важным. «Таити, – говорил один из них, – введет английский кабинет в большие трудности, нежели Ирландия». Ситуация сложилась настолько серьезная, что, по словам Гизо, «чрезвычайная холодность, если не совершенный разрыв между Францией и Англией, казались неизбежным следствием»⁷⁹⁶. Английская пресса потребовала немедленного удовлетворения за «незаконные» действия адмирала Дюпти-Туара.

Французская печать, со своей стороны, не преминула высказаться в резком тоне. Полемика продолжалась восемь дней, до тех пор, пока в «Le Moniteur universel» от 26 февраля 1844 г. не появилось правительственное сообщение, в котором говорилось, что адмирал Дюпти-Туар превысил условия договора, заключенного между Францией и королевой Помаре, и что французское правительство, получив письмо королевы, содержащее требование уважать ее права, решило строго придерживаться договора о протекторате.

Итак, правительство Луи Филиппа, стремясь избежать конфликта с Великобританией, осудило действия своего адмирала. Это заявление вызвало бурю недовольства со стороны оппозиции. Утверждали, что якобы по приказу Великобритании французское правительство отказалось от части французской территории и от храброго моряка, завоевавшего ее для своей родины. По словам Ш. О. Сент-Бева, «в деле Таити была какая-то оплошность, или злоключение для правительства, выразить неодобрение через восемь дней после того, как английское министерство выразило в парламенте свое "сожаление"..."⁷⁹⁷.

Между тем на Таити Притчард, отказавшись от своей должности тем не менее не прекратил провоцировать местное население на антифранцузские действия. Гизо допускал, что Притчард действовал не только по собственной инициативе, а имел высоких покровителей в Лондоне. Однако в целом, он полагал, что агенты лондонских обществ, «миссионеры, находящиеся на их службе, моряки, преданные им, сопротивлялись французскому протекторату сами собою, по доброй воле»⁷⁹⁸.

⁷⁹² La Réforme. 1843. 1 septembre.

⁷⁹³ Guizot F. L'Histoire parlementaire... Т. 4. Р. 500.

⁷⁹⁴ Poxay A.J. Указ. соч. Ч. 2. С. 112.

⁷⁹⁵ Гизо Ф. Сэр Роберт Пиль. С. 468.

⁷⁹⁶ Там же.

⁷⁹⁷ Sainte-Beuve C.-A. Chroniques parisiennes (1843–1845). Paris, 1876. P. 189.

⁷⁹⁸ Гизо Ф. Сэр Роберт Пиль. С. 473.

Как отмечал французский историк Леонс Йор, поведение Притчарда не удовлетворяло и английские власти. Генеральный консул Великобритании в Тихом океане Уильям Миллер в письме французскому комиссару при королеве Помаре Брюа отмечал, что он не скрывает своего желания заменить Притчарда более подходящей кандидатурой⁷⁹⁹. В письме адмиралу Томасу, командующему морскими силами Великобритании в Тихом океане, Миллер сообщал о своих опасениях относительно «неправильного» поведения Притчарда⁸⁰⁰.

Лорд Абердин также был солидарен с мнением консула. В депеше от 10 апреля 1844 г. он приказал сообщить Притчарду, что его юрисдикция ограничена островами Самоа, куда ему предписывалось прибыть как можно скорее.

Однако Притчард не получил эту депешу, поскольку уже 3 марта 1844 г. французский капитан д'Обиньи, временно исполнявший обязанности губернатора в Папээтэ, счел необходимым арестовать его и поместить в блокгауз. Комиссар Брюа, возвратившись на остров, в отчете морскому министру так объяснил эту меру: «При волнении, в котором находилась страна, эта мера была нужна, хотя я не мог одобрить ни формы, ни причины взятия под арест. Но обстоятельства были так трудны, что мне нельзя было поправить сделанное, чтобы не смутить нашей партии и не подкрепить мятежников»⁸⁰¹. В начале марта на английском военном корабле *Cormorant* Притчард отбыл на родину.

26 июля 1844 г., почти одновременно с приездом Притчарда, о его аресте стало известно в Великобритании. Притчард был встречен как мученик. Люди сбегались толпами, чтобы взглянуть на него и послушать его рассказ о своих мучениях. Раздражение народа против Франции достигло апогея.

Как отмечал Гизо, с приездом Притчарда, и его, может быть, преувеличенными рассказами об аресте, «все чувства, возбужденные с самого начала вопросом об о-ве Таити, которые до тех пор были несколько сдержанны, разразились в клубах, в журналах, в салонах, в парламенте»⁸⁰². Известия об аресте Притчарда и его высылке

с острова вызвали бурю негодования в различных слоях британского общества и по разным мотивам: для одних – по мотивам религиозным, для других – по политическим: официальный представитель английского правительства был выслан без соответствующего судебного процесса⁸⁰³.

31 июля Роберт Пиль заявил в палате общин, что Великобритании нанесено грубое оскорбление и ей необходимо получить удовлетворение⁸⁰⁴.

Гизо, стремясь нормализовать ситуацию, в инструкциях графу Жарнаку подчеркивал, что необходимо было акцентировать внимание британского правительства на том, что к моменту ареста и высылки Притчарда с острова он добровольно прекратил исполнение представительских обязанностей⁸⁰⁵. Абердин и Пиль, однако, заявили Жарнаку, что Притчард тем не менее продолжал оставаться британским подданным и королевским чиновником, выполнявшим консульские функции на других архипелагах Тихого океана. Поскольку он был арестован без соблюдения каких-либо юридических норм и без официального предъявления обвинения, английское правительство потребовало вознаграждения за незаконные действия, предпринятые по отношению к Притчарду. Однако британское правительство отказалось от какого-либо официального запроса к французскому правительству по этому поводу, полагая, что оно само выступит с инициативой о вознаграждении⁸⁰⁶.

Во Франции напряжение было не меньшим, чем в Великобритании. 8 августа Гизо писал Жарнаку о впечатлении, произведенном речью Пила: «Суть дела затушевывается перед такими речами... Из всего этого остается только очень живая эмоциональная реакция, значительно увеличивающая существующие затруднения»⁸⁰⁷.

В Великобритании все члены кабинета, за исключением лорда Абердина, высказались за значительное и немедленное увеличение морских вооружений. Как отмечал Жарнак в письме Гизо от 14 августа 1844 г., Абердин был единственным, выразившим мнение, что любая подобная мера значительно осложнит ситуацию.

⁷⁹⁹ *Jore L.* Op. cit. P. 245.

⁸⁰⁰ *Ibid.*

⁸⁰¹ *Гизо Ф.* Сэр Роберт Пиль. С. 474.

⁸⁰² Там же.

⁸⁰³ *Lord Aberdeen.* Souvenirs et Papiers diplomatiques // *Revue des deux mondes.* Т. 34. 1861.

⁸⁰⁴ P. 455.

⁸⁰⁵ *Guizot F.* L'Histoire parlementaire... Т. 4. P. 500.

⁸⁰⁶ *Guizot F.* Mémoires... V. 6. P. 88.

⁸⁰⁷ *Ibid.* P. 90.

⁸⁰² Там же.

⁸⁰¹ *Гизо Ф.* Сэр Роберт Пиль. С. 474.

⁸⁰⁰ *Ibid.*

⁷⁹⁹ *Jore L.* Op. cit. P. 245.

15 августа 1844 г. Гизо писал Жарнаку: «Я понимаю и разделяю ваши опасения; но я не могу допустить, чтобы такой инцидент привел к войне между двумя разумными правительствами, справедливыми по отношению друг к другу...»⁸⁰⁸.

В разговоре с Н. Д. Киселевым Гизо высказал те же соображения: «Разум отказывается понимать, что подобное дело могло привести к разрыву отношений между двумя странами и скомпрометировать мир, царствующий в Европе уже почти тридцать лет». Гизо подчеркнул, что считает абсурдной войну из-за подобного случая и выразил надежду, что, несмотря на «возбуждение умов в Англии, откуда веет войной больше, чем из Франции... благоразумие и ум, свойственные англичанам, не изменят им...»⁸⁰⁹.

Лидер династической левой О. Барро также отмечал, что «дело, взятое само по себе, не имело серьезного мотива для конфликта». Однако, по его справедливому замечанию, если учесть, что Франция еще не оправилась после поражения в Восточном вопросе и не забыла, что Великобритания ее «обманула», заключив Конвенцию 15 июля 1840 г. без ее участия, а также если принять во внимание значительные разногласия между двумя странами по вопросу о Праве осмотра (Право осмотра кораблей в целях борьбы с работорговлей), то становится понятным, почему «несчастные острова Тихого океана», как их называл Барро, явились причиной серьезного кризиса в англо-французских отношениях. Он писал: «Эти обстоятельства явились искрой, попавшей на горящие угли, достаточной для того, чтобы разжечь пожар с новой силой»⁸¹⁰.

Гизо оказался в сложном положении: он стремился к установлению «сердечного согласия» с Великобританией, а оно на его глазах рушилось. Он обратился к Луи Филиппу с прошением об отставке, заявив: «Я не знаю, как закончится это глупое дело Притчарда; я полагаю, что в любом случае король не захочет допустить войны с Англией из-за Таити; я не могу поручиться, что этого не произойдет, и я прошу у короля отставки»⁸¹¹.

Н. Д. Киселев также подтвердил, что Гизо был готов подать в отставку, если английское правительство найдет объяснения французского правительства по вопросу о Таити недостаточными⁸¹².

Луи Филипп, как и Гизо, не был намерен воевать из-за «печальных глупостей», как он называл инцидент на Таити. Однако оппозиция упрекала его за поспешность, с которой он уступил требованиям Великобритании. Эта поспешность во многом объяснялась опасениями англо-русского сближения и визитом в Лондон Николая I в июне 1844 г.

Главным средством урегулирования конфликта стала выплата Притчарду вознаграждения. Жарнак писал Гизо: «В последнем разговоре с лордом Абердином я мог заметить, что г-н Притчард, может быть, дал ему понять, что денежное вознаграждение удовлетворило бы его больше, чем бесконечные политические меры, обсуждаемые кабинетом, чтобы успокоить общественное самолюбие в этом сложном деле»⁸¹³.

Как отмечал Гизо, в первоначальном пылу переговоров идея вознаграждения оставалась неясной и отдаленной; но по мере того, как английский кабинет убеждался, что Франция не пойдет ни на какие уступки, не согласится ни на возвращение Притчарда на остров, ни на отзыв французских офицеров с Таити, он решил поставить вопрос о вознаграждении на повестку дня. Как видим, стремясь снизить накал страстей во Франции, министр иностранных дел убеждал общественность, что из всех зол Франция выбрала меньшее: она согласилась на выплату вознаграждения Притчарду, но зато сохранила свои позиции на Таити, не допустив возвращения туда Притчарда и не позволив отозвать оттуда французских офицеров.

2 сентября 1844 г. Государственный совет принял решение о выплате Притчарду вознаграждения, о чем Гизо в тот же день сообщил в Лондон. Луи Филипп предложит определить сумму вознаграждения в 25 тыс. франков, причем выплатить деньги сразу, в виде неустойки. Гизо выразил сомнения относительно такой возможности, полагая, что это предложение вряд ли будет принято, поскольку оно не предусматривало вотирование этой суммы парламентом. В итоге определение размера вознаграждения было поручено двум адмиралам, французско-му и английскому, которые были отправлены в Тихий океан.

⁸⁰⁸ Ibid.⁸⁰⁹ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 134. Л. 403 об. Донесение от 23. 08 (4.09). 1844.⁸¹⁰ Barrot O. Mémoires... Т. 1. P. 387.⁸¹¹ Guizot F. Mémoires... V. 6. P. 98.⁸¹² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 134. Л. 421 об. Донесение Н.Д. Киселева от 2(14).08.1844.⁸¹³ Guizot F. Mémoires... V. 6. P. 98.

Английское правительство согласилось с французскими предложениями, и через три дня, 5 сентября 1844 г., от имени английской королевы в парламенте была произнесена речь, содержащая следующий параграф: «Ее Величество недавно обсуждало с правительством короля Франции события, которые могли нарушить доброе согласие и дружеские отношения между нашими странами... Благодаря духу справедливости и умеренности, свойственного обоим правительствам, эта опасность была счастливым образом преодолена»⁸¹⁴.

Если между двумя правительствами был достигнут компромисс, то между французским правительством и парламентом подобного согласия не наблюдалось. Оппозиция была решительна в своей критике политики правительства, начиная со времени первой гневной речи Р. Пиля, заявившего, что Великобритании нанесено серьезное оскорбление, требующее немедленного ответа. Французские оппозиционные газеты, в свою очередь, писали, что именно Франции «нанесен тяжелый удар по национальной чести и достоинству», считая, что спор из-за Таити закончился «триумфом Англии»⁸¹⁵.

В январе 1845 г. открылась очередная сессия парламента. В адресной комиссии большинство принадлежало сторонникам правительства. Третий параграф Адреса, предложенный комиссией, полностью одобрял политику короля в «деле Притчарда».

Однако такая формулировка встретила сопротивление со стороны оппозиции. Леон де Маллевиля от своего имени предложил внести поправку в третий параграф, содержащую отказ в выплате вознаграждения Притчарду. Его поддержали династическая левая в лице О. Барро и «третья партия», представленная Дюфором⁸¹⁶. Барро так отозвался на предложение о выплате вознаграждения Притчарду: «Платить это вознаграждение под угрозой войны? Это глубоко ранит национальное чувство»⁸¹⁷.

Позиция Барро была поддержана лидером левого центра А. Тьером. Выступая на заседании Палаты депутатов 21 января 1845 г., он назвал Притчарда «подстрекателем беспорядков» и заявил, что

не Франция, а Великобритания должна принести свои извинения за действия Притчарда⁸¹⁸.

Обсуждение внешнеполитических вопросов длилось шесть дней. Оппозиция обвиняла правительство в недостатке твердости и достоинства в отношениях с английским кабинетом. Представители оппозиции внесли даже предложение о вотуме недоверия правительству, но оно было отклонено 233 голосами против 187.

По результатам голосования третий параграф Адреса, предложенный комиссией, был принят ничтожно малым большинством голосов: 213 против 205⁸¹⁹. На этом оппозиция сочла себя победительницей и отказалась от всех своих поправок к остальным параграфам Адреса⁸²⁰.

Гизо, признавая всю шаткость своего положения, полагал, что впервые с 1840 г. оппозиция, пользуясь «живостью народных эмоций и колебаниями некоторых членов правительственной партии», получила возможность опрокинуть кабинет⁸²¹. Н.Д. Киселев также отмечал, что оппозиция действовала «с ловкостью и дисциплинированностью, обычно ею не проявляемыми»⁸²².

По словам Сент-Бева, министерство Гизо «...оказалось в большей степени больным, чем его считали; оно изнемогло из-за дела Таити... Министерство еще действует... но, согласно всем предположениям, смертельно ранено... Место раны – это национальная честь»⁸²³. Многие друзья Гизо, в том числе княгиня Ливен, герцог де Брой советовали ему подать в отставку. «*La Réforme*», отмечая сложное положение кабинета, привела слова Луи Филиппа, готового, по словам издания, пожертвовать Гизо: «Несмотря на услуги, оказанные мне Гизо, я хочу министерства, при котором бы кричали: “Да здравствует король!”, и когда можно было бы спокойно пройти перед Национальной гвардией»⁸²⁴.

29 января газеты левой опубликовали список 213 парламентариев, вотировавших третий параграф адреса, под заголовком: «Депутаты партии Притчарда». «*La Réforme*» накануне сообщала, что оппозиционная пресса приняла меры, чтобы разослать этот список

⁸¹⁴ Guizot F. Mémoires... V. 6. P. 104.

⁸¹⁵ Le National. 1844. 6, 8 septembre.

⁸¹⁶ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 124. Л. 98 об. Донесение Н.Д. Киселева от 14(26).01.1845.

⁸¹⁷ Barrot O. Mémoires... T.1. P. 388.

⁸¹⁸ La Réforme. 1845. 22 janvier.

⁸¹⁹ Guizot F. Mémoires... V. 6. P. 112.

⁸²⁰ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 124. Л. 101. Донесение Н.Д. Киселева от 16(28).01.1845.

⁸²¹ Guizot F. Mémoires... V. 6. P. 109-110.

⁸²² АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 124. Л. 99 об. Донесение Н.Д. Киселева от 16(28).01.1845.

⁸²³ Sainte-Beuve C.-A. Op. cit. P. 294.

⁸²⁴ La Réforme. 1845. 1 janvier.

по всем коммуна́м Франции⁸²⁵. Кроме того, оппозиция решила открыть денежную подписку для сбора средств на подарок адмиралу Дюпти-Туару.

Итак, оппозиция показала свою силу, а страна оказалась на грани министерского кризиса. Гизо писал: «Это не было однозначным триумфом оппозиции, но это было серьезным поражением министерства»⁸²⁶.

Кризис был преодолен, однако это «глупое и нелепое дело», как называл его сам Гизо, могло привести к чрезвычайно печальным последствиям как для Франции, так и для всей Европы (как докладывал Н. Д. Киселев, король Луи Филипп и Гизо даже опасались, как бы в англо-французский конфликт не были втянуты европейские государства, выступившие бы объединенным фронтом с Великобританией⁸²⁷).

Гизо полагал, что «дело Притчарда» было «чрезмерно раздуто и приняло в глазах общественности важность вне всякой пропорции с истинным положением дел и интересами страны»⁸²⁸. Однако, по его словам, Франция сумела выйти из этого затруднения с достоинством, отклонив все требования британского кабинета, согласившись только на самое скромное из них – на выплату денежного вознаграждения. Однако оппозиция и значительная часть общественности усматривала в этом очередное унижение национального достоинства Франции, политику, противоречившую национальным интересам страны. «La Réforme» обвиняла Гизо, которого она именovala «клиентом Англии», в государственной измене, называя линию поведения французского правительства в «деле Притчарда» «очередным Ватерлоо» и писала, что англичане «победили Францию не под командованием Веллингтона, а под руководством Гизо». Газета делала следующий вывод о политике Гизо: «Франция его проклинает, в то время как Англия его благодарит» и отмечала, что «победа Гизо празднуется английской прессой как национальный успех»⁸²⁹.

Окончательно французский протекторат над Таити был установлен 5 августа 1847 г. Между капитаном Лаво, сменившим комиссара

Брюа, и королевой Помаре была заключена конвенция, действовавшая вплоть до 1880 г., когда король Помаре V уступил свои права Франции. Конвенция от 5 августа юридически отменила аннексию Таити, осуществленную Дюпти-Туаром. Согласно этой конвенции, на островах Общества устанавливалась некая форма конституционной монархии. Власть королевы была ограничена Законодательной ассамблеей, а сама конвенция являлась неким подобием конституции. При этом власть французов на островах была доминирующей в области внешней политики и довольно обширной в области внутренней (любой проект закона нуждался в одобрении королевского комиссара)⁸³⁰.

В 1840-е протекторат Франции был установлен и на других архипелагах Океании: в 1842 г. на Уэльских островах, островах Футуна, Туамоту и Тюбай, в 1844 г. на островах Гамбьен. В 1844 г. французское правительство, воспользовавшись англо-китайской «опиумной войной» 1840–1842 гг., навязало Китаю неравноправный договор, предоставлявший французским купцам разнообразные права и привилегии.

⁸²⁵ Ibid. 1845. 28 janvier.

⁸²⁶ Guizot F. Mémoires... V. 6. P. 113.

⁸²⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 469. Д. 134. Л. 427–428. Донесение Н.Д. Киселева от 2(14).08.1844.

⁸²⁸ Guizot F. Mémoires... V. 7. P. 41.

⁸²⁹ La Réforme. 1845. 1 février, 29 janvier.

⁸³⁰ Jore L. Op. cit. P. 342–352.

ГЛАВА 9. ФЕВРАЛЬСКИЙ ГРОМ СРЕДИ ПАРИЖСКОЙ ЗИМЫ

КРИЗИС И КРУШЕНИЕ РЕЖИМА

Вследствие особенностей правительственной «системы» Луи Филиппа во Франции процветала коррупция. Высшие должностные лица, включая министров, пэры Франции, депутаты были уличены во взяточничестве и других финансовых злоупотреблениях. Это, по определению современников, «загнивание» Июльской монархии во многом объяснялось тем, что политическая база режима, в особенности «политический класс», то есть круг лиц, в той или иной мере участвовавших в управлении государством, оказалась чрезмерно узкой. Согласно Хартии 1830 г., власть короля основывалась на принципе договора между ним и народом, однако на деле такой договор существовал только между королем и элитами, а политика компромисса означала наличие такового только для элит. Слабая подпитка элиты извне постепенно привела ее к изоляции. Правительство не сумело приспособиться к переменам, происходившим в стране во второй четверти XIX века.

Промышленный бум способствовал не укреплению режима, а обострению присущих ему противоречий⁸³¹. На его волне значительно усилился класс капиталистических собственников и предпринимателей, все более тяготившихся всевластием «нотаблей» и требовавших продолжения либеральных реформ, прежде всего расширения избирательного права. Приняв в 1831 г. избирательный закон, орлеанисты не предполагали дальнейшего реформирования избирательной системы, являясь приверженцами цензовой демокра-

тии, жестко увязывая собственность и политические права и считая избирательное право функцией. К 1846 г. число избирателей достигло 240 983, то есть увеличилось на 45 % по сравнению с 1814 г.⁸³² Расширение избирательного корпуса явилось и результатом роста численности населения Франции: с 1831 по 1846 г. оно увеличилось с 32,5 млн до 35,4 млн человек. Но это увеличение составило всего 9 %, в то время как увеличение числа лиц, пользующихся избирательным правом, составило 45 %.

Однако оппозиция не была готова к такому медленному, эволюционному развитию. Гизо, сторонник теории «суверенитета разума», отказывался допустить, что обретение власти буржуазией (в широком понимании) подразумевает упразднение юридических привилегий и, следовательно, расширение права голоса на весь класс буржуазии, рассматривавшей избирательное право именно как свое право, а не функцию. Дело в том, что немало разбогатевших торговцев и промышленников так и остались за бортом цензовой системы, поскольку в расчет принимались не размеры богатства вообще, а уплачиваемые налоги, главным образом, с недвижимого имущества (земельной собственности).

Движение в поддержку избирательной реформы активизировалось во Франции с середины 1830-х. В 1837 г. республиканцы предприняли попытку объединить сторонников реформы в парламенте, однако после отказа лидера династической левой О. Барро присоединиться к ним, они избрали тактику внепарламентских действий: в 1840 г. в Париже был образован Комитет в поддержку избирательной реформы, деятельность которого заключалась в сборе подписей под соответствующей петицией. Однако вследствие разрозненности действий династической оппозиции, политических демократов из газеты «Le National» и социальных демократов из газеты «La Réforme», петиционная кампания не дала ожидаемых результатов.

Серьезную критику оппозиции вызывала осторожная внешняя политика Июльской монархии, направленная на сохранение равновесия в Европе и восстановление доверия к Франции, отчасти подорванного Июльской революцией. В следовании политике «европейского концерта» широкие круги французской общественности усматривали торжество принципов легитимизма, пренебрежение

⁸³¹ Об экономическом развитии Франции в годы Июльской монархии см.: *Таньшина Н.П.* Протекционизм или свобода торговли? К вопросу об экономической политике Франции в годы Июльской монархии // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Сб. научных трудов. Вып. III. М., 2012. С. 135–141.

⁸³² *Rémond R.* La vie politique en France... Т. 1. P. 303.

национальными интересами страны в угоду династическим интересам. В условиях роста патриотических настроений и обостренного чувства национального самосознания даже обычные в дипломатической практике компромиссы воспринимались французами весьма болезненно. Поведение короля Луи Филиппа и Гизо составляло контраст имперско-реваншистским настроениям французского общественного мнения, выступавшего за пересмотр трактатов 1815 г. По словам В. Гюго, осторожная внешняя политика Луи Филиппа была «навязана» французскому народу, «у которого в его гражданских традициях было 14 июля, а в военных традициях – Аустерлиц». Оппозиция обвиняла правящие круги Франции в проведении политики, противоречившей национальным интересам страны, ущемлявшей ее национальное достоинство. Гизо упрекали в том, что он желал мира «любой ценой», что в угоду сохранения «сердечного согласия» с Великобританией был готов пожертвовать национальными интересами Франции и именовали «лордом Гизо» или «лордом Валь-Рише», а возглавляемое им правительство «министерством заграницы». В последние годы существования режима Июльской монархии оппозиция обвиняла правительство в стремлении сблизиться с абсолютистскими монархиями Европы – Австрией и Россией, воплощавшими в глазах французов ненавистную им Венскую систему.

Июльскую монархию поразил и серьезный династический кризис. 13 июля 1842 г. погиб старший сын и наследник Луи Филиппа, герцог Орлеанский. После его смерти наследником трона был объявлен 4-летний внук Луи Филиппа граф Парижский. Учитывая почтенный возраст короля, это обстоятельство практически исключало возможность гладкого и безболезненного наследования власти, тем более что регентом при малолетнем короле должен был стать герцог Немурский, снискавший репутацию консерватора и политически негибкого человека.

Ситуация осложнилась и вследствие продовольственного кризиса 1845–1847 гг. В сельском хозяйстве наблюдались сложности уже с 1837 г. Зима 1844–1845 гг. выдалась очень холодной, с обильными осадками. Крайняя влажность и низкая температура привели к продовольственному кризису в большинстве стран Европы. Дожди задержали посев семян, способствовали росту картофельной болезни. В Бельгии средний урожай на одного жителя сократился

с 325 кг до 27,5 кг. «Сын отечества» писал: «В некоторых частях Франции нынче повторяются плачевные зрелища, которые недавно были в порядке вещей в Бельгии, во Фландрии. Большие толпы нищих, изгнанных голодом из своей родины, странствуют от порога к порогу, и домохозяева принуждены выдерживать настоящие осады. О насилиях, впрочем, не слышно. Несчастные большей частью так изнурены, что едва волокут ноги»⁸³³.

В итоге ошибки правительства, не позаботившегося о расширении политической и социальной базы режима, деятельность оппозиции, неблагоприятное стечение обстоятельств, связанное с внезапной смертью наследника и грянувшим экономическим кризисом, – все это способствовало дискредитации Июльской монархии, падению ее авторитета в глазах собственных граждан. Кроме того, компромисс 1830 г., основанный на монархии, не признающей ни суверенитета короля по божественному праву, ни народного суверенитета, оказалось очень сложно поддерживать. Да и идеалом французов была, по мнению П. Розанваллона, не «либеральная монархия», а «демократический абсолютизм», или «республиканская монархия».

* * *

Несомненно, все вышеназванные сложности имели место быть: упорный отказ правительства от парламентской и избирательной реформ, узость политической базы режима, осторожная внешняя политика, безразличие к страданиям рабочего класса, углубление экономического кризиса, нечувствительность к критике, рост коррупции. Однако помимо названных, необходимо учитывать и причины психологического свойства, когда становится особенно понятным смысл высказывания Альфонса Ламартина: «Франция скучает». Очень точно суть отношения французов к политике Луи Филиппа сформулировал еще один современник событий, воспитатель, а затем секретарь сына Луи Филиппа герцога Омальского, А. Кювийе-Флери, писавший о короле: «Это был хороший политик, человек серьезный и положительный, очень активный и дальновидный, стремившийся править согласно законам и говоривший людям: "Живите спокойно, трудитесь, торгуйте, обогащайтесь, уважайте свободу и не потрясайте основ государства". Король,

⁸³³ Сын отечества. 1847. № 5–6. С. 2.

говорящий подобным языком, требующий от народа только того, чтобы быть счастливым, не предлагающий ему никаких экстраординарных зрелищ, никаких эмоций, – и это легитимный король свободной нации?! И подобный режим длился восемнадцать лет?! Не слишком ли?!»⁸³⁴.

Кстати, это прекрасно понимали в России. Так, во Всеподданнейшем отчете Третьего отделения за 1839 г. отмечалось: «Продолжительный мир и продолжительная война, две крайности, производят в людях одинаковые последствия: колебания умов, жажду перемены положения, а это самое производит толки, из которых образуется мнение общее»⁸³⁵.

Как бы то ни было, к 1847 г. Гизо был человеком, чья политика вызывала ожесточенные нарекания как справа, так и слева. Левая оппозиция обвиняла его в отказе от проведения реформ, прежде всего реформы избирательной системы. Гизо же считал подобное реформирование преждевременным. Не отрицания возможности расширения избирательного права в принципе, Гизо полагал, что в тех условиях это являлось преждевременным и даже опасным, поскольку в политическую жизнь оказались бы вовлечены совершенно неподготовленные для этого слои населения, не обладавшие должным образовательным и культурным уровнем.

Для правой оппозиции Гизо был штурманом корабля, не сумевшим определить наилучший для Франции курс и, следовательно, был один ответствен за кораблекрушение. В среде общественного мнения он становится мишенью для атак и насмешек, главным героем песен, статей и карикатур, представлявших его в неблагоприятном и сугубо смешном свете.

* * *

Февральская революция современному историку кажется почти естественным выходом из тупика, в котором оказался орлеанистский режим. Упорный отказ от парламентской и избирательной реформ, безразличие к страданиям рабочего класса, углубление экономического кризиса, нечувствительность к критике, рост коррупции – все это способствовало росту недовольства режимом и правительством, возглавляемым Гизо. Февральские события

удивили, однако, самых разных французских политиков, от орлеанистов до решительных республиканцев. Они надеялись на успех своего дела только в относительно далеком будущем и были почти удивлены, что присутствуют при столь быстром свержении режима. Тем более такая развязка событий была неожиданна для правящих кругов. По словам герцога де Броя, «февральские события обрушились на него как удар грома»⁸³⁶.

Аналогичные сведения приводит в своем дневнике мадам де Буань, хозяйка влиятельного литературно-политического салона, записавшая 20 февраля об одной встрече, состоявшейся в салоне княгини Ливен, на которой присутствовали Гизо, посол Великобритании Норманби, а также префект Парижа К.-Ф. Рамбуто и префект полиции Г. Делессер. В то время, как Гизо беседовал с Норманби, Рамбуто и Делессер обсуждали с княгиней ситуацию в столице. Дарья Христофоровна, взволнованная рассказом, позвала Гизо, который, выслушав Рамбуто и Делессера, заявил: «И из-за этого, княгиня, Вы прервали мой разговор с лордом Норманби? Пусть эти господа успокоятся и, как и Вы, спят спокойно»⁸³⁷.

Конечно, наиболее наблюдательные французы ощущали надвигающуюся бурю. Виктор Гюго еще в сентябре 1847 г. писал: «...Старая Европа разрушается; народные права неудержимо рвутся через ее расселины и готовы похоронить под собой ее старый социальный строй. Народ начинает смотреть на современных богачей точно так, как он смотрел на аристократов минувшего века, а при таких условиях трудно сказать, что будет завтра»⁸³⁸.

В преддверии революции Гизо отклоняет все проекты реформ, а оппозиция усиливает свой натиск. Происходит раскол в парламентском большинстве и в самом правительстве. Моле пытается создать новую коалицию, теперь уже против Гизо. Жиранден говорил: «Через три месяца у нас будет республика»⁸³⁹.

В ответ на многочисленные упреки в бездействии, Гизо отвечал, что подобные важные вопросы не могли быть решены немедленно. По его мнению, при представительном режиме вопросы не могли

⁸³⁴ Цит. по: *Lucas-Dubreton J.* Louis-Philippe. Paris, 1938. P. 225.

⁸³⁵ Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006. С. 198.

⁸³⁶ Цит. по: *Rosanvallon P.* Le moment Guizot. P. 321.

⁸³⁷ *Boigne E.-A.* Mémoires de la comtesse de Boigne. T. 1–4. Paris, 1908. T. 4. P., 1908. P. 400.

⁸³⁸ *Гюго В.* Указ. соч. С. 207.

⁸³⁹ *Broglié G.* Guizot. P. 351.

разрешаться так быстро, как, например, при абсолютной монархии. Он говорил: «Решения сегодня принимаются медленно, сложно, кропотливо, преодолевая затруднения и преграды... Не будем такими нетерпеливыми!»⁸⁴⁰. Легитимистская газета «L' Union monarchique» писала в декабре 1847 г.: «Было бы трудно определить, чего г-н Гизо опасается и должен опасаться больше: внутреннего или внешнего потопа. Во всяком случае, должно ожидать жестокого сражения, которое в следующем году и никак не дольше 1849 года, если не случится ничего особенного, доставит радикально-реформистскому большинству решительную победу. Если судить о действительном состоянии политического барометра по отдельным признакам, то ртуть в этом барометре опустилась очень низко, и следующая зима грозит нам страшными бурями»⁸⁴¹.

Луи Филипп становился все более и более властным. Сыновьям было все труднее общаться с отцом. Герцог Жуанвильский опубликовал в одной из газет письмо с критикой короля. Казалось, что при дворе появилось два клана: приверженцев короля (сестра короля, мадам Аделаида и его сын, герцог Монпансье) и его противников (герцогиня Орлеанская и два других сына короля – герцог Жуанвильский и герцог Немурский).

Луи Филипп всегда в разговоре предпочитал говорить, нежели слушать, теперь же он не слушал почти никого, кроме своей сестры Аделаиды, до последних своих дней имевшей огромное влияние на короля. Как писал Виктор Гюго в «Посмертных записках», Луи Филипп «советовался с ней во всем и никогда не предпринимал ничего важного, не выслушав ее мнения. Королеву он называл своим «ангелом-хранителем»; принцессу Аделаиду можно было назвать его *разумом-хранителем*»⁸⁴². Но 31 декабря 1847 г. любимая сестра скоропостижно умерла: болезнь, начавшаяся с простого гриппа и осложненная воспалением легких, сломила ее в три дня. Да и она в последнее время особенно не интересовалась политикой; все ее заботы были направлены на то, чтобы оградить брата от беспокойств⁸⁴³.

⁸⁴⁰ Journal des Débats. 1842. 4 janvier.

⁸⁴¹ Русский инвалид. 1847. 23 декабря.

⁸⁴² Гюго В. Указ. соч. С. 212.

⁸⁴³ В. Гюго писал об Аделаиде: «Сестра не расставалась с ним никогда с самого рождения, переживая заодно и радость, и горе; вместе вынесли они тяжелые времена изгнания, вместе несли и бремя королевской власти; вся жизнь ее была посвящена брату, поглощена его интересами; весь эгоизм ее воплощался в Луи Филиппе». Там же.

Все больше возмущений стала вызывать система подкупов. В течение семи лет правительство на выборах получало большинство и казалось, что во Франции установился настоящий парламентский режим. Но это большинство состояло из чиновников: в 1846 г. их было сто восемьдесят восемь в Палате депутатов, то есть сорок процентов; в Палате пэров в 1848 г. 230 пэров, то есть семьдесят четыре процента, являлись чиновниками⁸⁴⁴. Правительство выплачивало им жалованье из казначейства и обещало повышение по службе. Эта система была крайне опасной: в условиях отсутствия депутатского вознаграждения парламентарии, получавшие государственное жалованье, становились слишком зависимыми от власти. В марте 1847 г. Ш. Ремюза представил семнадцатое предложение (начиная с 1830 г.) относительно несовместимости депутатского кресла с постом чиновника. Это предложение снова было отклонено⁸⁴⁵. Система крупных концессий и привлечения к участию в государственных подрядах давала возможность склонять на сторону правительства тридцать – сорок депутатов, необходимых для получения министерского большинства⁸⁴⁶.

Гизо, отличавшийся строжайшей честностью в своих частных делах, возвел подкуп в государственную систему. Гизо никогда не был богатым человеком и никогда не стремился им стать (что было совсем не в духе протестантской этики). Еще в 1835 г. он как-то обмолвился своей подруге Лор де Гаспарен: «Мое состояние очень маленькое, но оно в полном порядке»⁸⁴⁷. Все его небольшое состояние состояло из недвижимости, унаследованной от семьи Меландилон. Большая часть средств уходила на Валь-Рише, почти не приносившее доходов. Когда Гизо стал министром иностранных дел, он на двадцать процентов по сравнению со своим предшественником сократил министерские расходы. Конечно, его семья никогда не испытывала недостатка в необходимом, но и в роскоши никогда не жила⁸⁴⁸.

В последние годы царствования Луи Филиппа разразился ряд громких скандалов. Одновременно с разоблачением воровства в Рошфорском морском арсенале и расхищения интендантских за-

⁸⁴⁴ Martin-Fugier A. Op. cit. P. 231.

⁸⁴⁵ Ibidem.

⁸⁴⁶ Лавусс Э., Рамбо А. Указ. соч. Т. 3. С. 377.

⁸⁴⁷ Theis L. Op. cit. P. 362.

⁸⁴⁸ Ibid. P. 364.

пасов в Гро-Кайу в мае 1841 г., стало известно, что пэр Франции, министр общественных работ в кабинете 29 октября, Тэст, продал за 100 тыс. франков концессию на Гуэнанские соляные копи, причем роль посредника в этом деле играл другой пэр Франции, генерал Кюбьер, дважды занимавший пост военного министра. Известный журналист Эмиль Жирарден, владелец газеты «La Presse», обвинил министра внутренних дел Дюшателя в том, что он продал за 100 тыс. франков легитимистской газете «L'Éroque» привилегию на открытие третьего оперного театра. Гизо на страницах издания был обвинен в том, что обещал отцу Э. Жирардена, графу Александру Жирардену⁸⁴⁹, звание пэра в случае, если пресса будет поддерживать политику Гизо⁸⁵⁰. Или другая история: некий г-н Пети, желая получить должность советника в счетной палате, с согласия правительства уплачивал ренту в размере 20 тыс. франков за отставку старшего советника казначейства, но министр финансов Лаплань отказался его назначить. Мадам Пети потребовала развода. В ходе процесса выяснилось, что она являлась любовницей Огюста Бертена де Во, акционера проправительственной «Le Journal des Débats», ходатайствовавшего у Гизо по этому делу⁸⁵¹. Гизо и Дюшатель были вынуждены выступить в Палате депутатов с опровержением.

Пресса делала все эти скандалы достоянием гласности и сама подливала масла в огонь. С учетом свободы слова и открытости парламента для широкой публики это вынесение парламентского ссора из избы негативно влияло на репутацию власти. Парламент в годы Июльской монархии был модным местом; на заседания Палаты депутатов среди светской публики распространялись билеты. Светские дамы посещали заседания парламента с не меньшим интересом, чем парижские театры и салоны.

В последние месяцы Июльской монархии большой размах приобрела банкетная кампания, организованная династической левой, левым центром и радикалами. Инициатива принадлежала О. Барро, которому помогали Тьер, Ремюза, Дювержье де Горанн. К ним сразу же присоединились республиканцы. На банкетах, начавшихся в Па-

⁸⁴⁹ Эмиль Жирарден был незаконнорожденным сыном графа Александра Жирардена, и не успокоился, пока не получил право официально носить имя своего отца. Эмиль Жирарден произвел настоящую революцию во французской прессе, начав публиковать в своей газете рекламные объявления, что значительно удешевило газету: годовая подписка стоила 40 франков вместо 80 обычных.

⁸⁵⁰ Martin-Fugier A. Op. cit. P. 242.

⁸⁵¹ Ibid. P. 243.

риже 9 июля и завершившихся в Руане 25 декабря (всего было организовано около 70 банкетов), был организован сбор подписей под петицией в пользу реформы избирательного права (всего подписались более 20 тыс. человек). На банкетах присутствовали только цензовые избиратели, которые были в состоянии оплатить свой обед. Эта кампания спровоцировала бурную политическую агитацию.

В отношении развернувшейся кампании банкетов Гизо отмечал, что они «держали страну в состоянии продолжительного жара: жара искусственного и ошибочного в том смысле, что он не был следствием естественных нужд и потребностей страны. Он был истинным и серьезным в том смысле, что политические партии, которые взяли на себя инициативу проведения банкетов, нашли поддержку в части среднего класса и поддавшегося на провокацию народа»⁸⁵². Поэтому правительство запретило проведение банкета, назначенного на 22 февраля. Между тем, как писал французский историк В. Робер в новейшей работе, посвященной банкетным кампаниям, запрет банкета в 12-м округе Парижа стал для парижан и для многих французов за пределами столицы точным аналогом ордонансов Карла X, приведших к Июльской революции. «Это было нарушение фундаментальной социальной свободы, естественного права... Для менее политизированной публики это означало нарушение права весело праздновать со своими друзьями или организовывать бал... без необходимости получения разрешения властей. Для более интеллектуальной и политически подкованной публики это значило запрет вместе думать, вместе просвещаться, вместе мечтать о будущем. Запретить банкет... значило забаррикадировать двери в будущее для всего поколения... Запретить банкет – это значит запустить механизм революции»⁸⁵³, – отмечал В. Робер.

Несмотря на то, что оппозиция отказалась от идеи проведения банкета, утром 22 февраля на Елисейские поля стали стекаться толпы парижан; раздавались крики против Гизо и за проведение реформ⁸⁵⁴.

⁸⁵² Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 534.

⁸⁵³ Robert V. Le temps des banquets. Politique et symbolique d'une génération (1818–1848). Paris, 2010. P. 387–390.

⁸⁵⁴ О событиях Февральской революции см.: Танышина Н.П. Революция от скуки, или Как французы изменили своей традиции не устраивать революцию зимой // Родина. 2012. № 3. С. 78–81.

Пятьдесят два члена оппозиции предложили вынести обвинение правительству за его внутреннюю и внешнюю политику начиная с 1840 г. Как писал Гизо в «Мемуарах», это его очень удивило. По его убеждению, все эти годы правительство действовало в условиях «общественной свободы, с дискуссией в прессе и на парламентской трибуне; оно поддерживалось постоянным большинством, получаемым на выборах. Как такая политика могла быть расценена как измена, как контрреволюция, тирания... – все это выходит за пределы моего предвидения»⁸⁵⁵.

К ночи, казалось, обстановка несколько разрядилась. Префект полиции уверял Гизо, что назавтра в городе не будет возмущений. Король поздравлял Дюшателя: «Дело поворачивается к лучшему»⁸⁵⁶.

На следующий день, в первые часы утра, ничто не предвещало, что наступил последний день пребывания Гизо у власти. До девяти часов утра Париж был спокоен. Гизо отправился на заседание Палаты, где пятьдесят три депутата оппозиции хотели подписать акт об обвинении министров и передать его главе правительства.

Однако в районе Монмартра первый легион Национальной гвардии переходит на сторону восставшего народа с криками: «Долой Гизо!», «Да здравствует реформа!». Вскоре почти все легионы выступают против правительства и переходят на сторону народа.

Королева, напуганная поведением Национальной гвардии, умоляет короля отправить Гизо в отставку. В Тюильри приезжает Дюшатель, которого король просит привезти к нему и Гизо. В половине третьего они были в Тюильри. В зале они нашли короля, королеву, их сыновей – герцога Немурского и герцога Монпансье. Король говорил о своем искреннем желании сохранить министерство, о сложном положении, в котором он оказался, вынужденный пойти на изменение кабинета, добавив, что он с большей легкостью согласился бы отказаться от престола. «Ты не можешь так говорить, мой друг, – возразила королева Мария Амелия, ты не принадлежишь себе, ты принадлежишь Франции». «Это правда, – ответил король, я более несчастен, чем мои министры: я не могу дать себе отставку»⁸⁵⁷.

Гизо сказал Луи Филиппу: «Кабинет готов или защищать до конца короля и консервативную политику... или принять без сожаления

решение короля приветствовать других людей у власти»⁸⁵⁸. Король заявил о своем желании назначить Моле главой кабинета, как бы советуясь с Гизо и Дюшателем, но они промолчали.

Гизо вернулся в Палату. Его бледность и важность выдавали его чувства. Он медленно и торжественно сообщил: король только что поручил Моле сформировать правительство. В зале поднялся страшный шум; левая без соблюдения приличий аплодировала.

В 16.30 кабинет собрался в последний раз, чтобы принять отставку. Гизо отправился в министерство внутренних дел, пытаясь установить порядок. Ему стало опасно появляться на улице; он сам не ожидал, что народ испытывает к нему такие чувства.

Вечером Париж ликовал по поводу отставки Гизо. Известие о гибели на бульваре Капуцинов, у резиденции Гизо, около пятидесяти человек (а по официальной версии – шестнадцати), застреленных охранявшими ее линейными войсками, взбудоражило весь город. Восставшие захватили резиденцию Гизо и устроили в доме настоящий погром. Среди утраченного министром имущества оказался и портрет Дарьи Христовой, висевший в домашнем кабинете Гизо. Портрет был сорван со стены и тут же сожжен вместе с другими предметами интерьера⁸⁵⁹.

24 февраля стал последним днем существования Июльской монархии. Ни король, ни его сыновья не проявили ни малейшей готовности сопротивляться, покорно подчинившись судьбе. Только королева Мария Амелия пыталась протестовать, когда король уже был готов подписать отречение от престола: «Лучше умереть прямо здесь», – воскликнула она⁸⁶⁰. Однако после продолжительных колебаний Луи Филипп в своем кабинете в присутствии не только членов семьи, но и журналистов, военных, членов Национальной гвардии подписал отречение от престола в пользу своего внука, графа Парижского. Однако это не спасло режим: уже на следующий день во Франции была провозглашена республика.

* * *

Гизо всегда говорил не о своем свержении, а о своей отставке: «Я был уволен 23 февраля, а 24-го монархия была свергнута»⁸⁶¹.

⁸⁵⁸ Ibidem.

⁸⁵⁹ Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1792–1867 гг.). М., 2008. С. 272.

⁸⁶⁰ Цит. по: *Martin-Fugier A.* Op. cit. P. 249.

⁸⁶¹ *Broglie G. Guizot.* P. 363.

⁸⁵⁵ *Guizot F. Mémoires...* V. 8. P. 571.

⁸⁵⁶ *Broglie G. Guizot.* P. 354.

⁸⁵⁷ *Guizot F. Mémoires...* V. 8. P. 583.

Он писал в «Мемуарах»: «Прошло девятнадцать лет, но и сегодня я не могу думать без болезненного волнения о состоянии души Луи Филиппа во время кризиса, так трагично завершившегося. Никогда король не был так искренно убежден, что проводимая им политика была лучшей, единственно возможной для страны и для порядка... Оставаясь, как и в юности, либералом и патриотом 1789 года, он ввел принципы Революции в жизнь и в то же время положил конец революционным страстям... Он взаимодействовал с основными конституционными властями в условиях конституционной свободы, исходя из своих конституционных прав, но никогда не считал возможным и не желал их превышать. И после семнадцати лет усилий и жертв он увидел себя недооцененным, плохо понятым, атакованным врагами и оставленным частью средних классов, бывших его главной точкой опоры»⁸⁶². Эти же самые слова Гизо мог с полным основанием сказать и о себе: крушение Июльской монархии означало крушение всех его теорий и надежд.

Февральская революция привела к крушению режима Июльской монархии и политической карьеры Гизо. Доктринер, он так до конца и не осознал, что решение новых задач, выдвинутых новыми обстоятельствами, было невозможно в рамках прежних доктрин, хотя впоследствии, через семь лет после крушения режима Июльской монархии, в работе «Наши надежды и наши разочарования», он отмечал, что общество нуждается не только в спокойствии и порядке, но и в постоянном развитии.

АНГЛИЯ

После отречения Луи Филиппа Гизо несколько дней скрывался в Париже в домах своих друзей. 1 марта в семь часов вечера, его друг, представитель Вюртемберга в Париже и Брюсселе, увез его по Северной железной дороге в Брюссель, куда он прибыл 2 марта в десять часов утра. В тот же день он отправился в Англию и 3 марта был в Лондоне. Накануне туда прибыли его дочери; сын приехал на следующий день, мать – через две недели.

Через несколько дней после отъезда Гизо в Лондон отправилась и Дарья Христофоровна. В платье княгини были зашиты

⁸⁶² Guizot F. Mémoires... V. 8. P. 594–595.

золото и драгоценности⁸⁶³. В начале марта Ливен и Гизо встретились в Лондоне.

В Англию, как в свое время Карл X, при содействии английского консула бежал и Луи Филипп с семьей (за исключением герцогини Орлеанской и ее детей, приехавших позже)⁸⁶⁴. Там же спустя два года, в имении Клермонт, предоставленном бельгийским королем Леопольдом, Луи Филипп ушел из жизни...

Гизо же с княгиней Ливен вскоре после прибытия в Лондон переехали в Ричмонд. Там они вели уединенный образ жизни, не имея точных планов на будущее. «Я не могу решиться остаться в Англии, – писала княгиня Баранту 29 мая 1848 г. – А между тем у меня нет надежды, что я скоро смогу вернуться во Францию. Даже если бы я этого захотела, ваша страна навела на меня какой-то ужас. Однако лондонский смог и вообще лондонская жизнь так мне ненавистны, что я бежала сюда и останусь здесь; сюда ко мне может приехать всякий, кто захочет. Я буду ездить иногда в Лондон, чтобы повидать друзей. Я отдыхаю, но мне скучно»⁸⁶⁵. Вскоре из Ричмонда Гизо и Ливен перебрались в Брайтон.

Как-то в Брайтоне они были приглашены на обед к лорду Пальмерстону. Интересные воспоминания об этой встрече оставил Ч. Гревилл, также бывший среди гостей. Он записал в своем дневнике: «Это было забавное зрелище, поскольку все знали о взаимных чувствах обоих министров... Однако все прошло как нельзя лучше. Они пожали друг другу руки и вели беседу с откровенной сердечностью и без каких-либо затруднений с одной и с другой стороны»⁸⁶⁶.

В Великобритании Гизо и Ливен встретились с князем Меттернихом, который вместе со своей третьей супругой, мадьяркой Мелани Зиччи тоже был в Брайтоне, присоединившись к этому обществу благородных изгнанников. Былые обиды и разочарования остались в прошлом; прежние политические противники и бывшие возлюбленные встречались, можно сказать, в тесном семейном кругу: Гизо с Ливен и Меттерних с женой.

⁸⁶³ Greville Ch. Op. cit. P. 368.

⁸⁶⁴ Очень интересные наблюдения оставил об этом В. Гюго. В «Посмертных записках» есть эссе под названием «Бегство короля». См.: Гюго В. Указ. соч. С. 214–221.

⁸⁶⁵ Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. 1904. № 1. С. 189.

⁸⁶⁶ Greville Ch. Op. cit. P. 375.

Во Франции тем временем республиканцы, оказавшиеся у власти, показали свою неспособность реально изменить жизнь французов к лучшему и погрязли во внутренних разногласиях. Гизо и Ливен в это время возлагали большие надежды на принца Луи Наполеона, считая, что он сможет восстановить во Франции порядок. Дарья Христофоровна писала леди Холланд: «Я слышала, что президент укрепляет свои позиции. Все хорошо говорят о нем. Тем лучше»⁸⁶⁷.

Г-жа Меттерних записала в своем дневнике об этих настроениях Ливен и Гизо: «Я была вместе с мужем у княгини Ливен. Мы встретили у нее Гизо, который полагает, что Людовику Наполеон может восстановить порядок... Гизо говорит очаровательно. Но он заблуждается. Он убежден, что одной хорошо сказанной, увлекательной речи было бы достаточно, чтобы спасти мир. Нет надобности прибавлять, что он считает себя, вероятно, тем оратором, который может совершить это чудо»⁸⁶⁸.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПАРИЖ

Княгине не терпелось вновь оказаться в Париже, в столь привычной ей среде. Она надеялась, что и при новом режиме сможет вести прежний образ жизни и содержать салон, о чем она сообщала леди Холланд в феврале 1849 г.: «Я готовлюсь к возвращению в Париж. Мне совершенно необходимо вернуться к моим делам. Хотелось бы думать, что там будет достаточно спокойно, чтобы я могла там остаться»⁸⁶⁹.

27 июля 1849 г. она писала леди Холланд: «Мне кажется, что дела в Париже идут хорошо, и можно рассчитывать на достаточно длительный период стабильности. Я рассчитываю вернуться в Париж 15 или 20 сентября»⁸⁷⁰. Однако вернулись в Париж Гизо и Ливен только в конце октября 1849 г. Несмотря на то, что Гизо был не у власти и было очевидно, что больше не окажется на вершине политического Олимпа, Дарья Христофоровна сумела сохранить свое влияние в дипломатических кругах и вскоре вернулась к свое-

му обычному образу жизни. Как писала в ноябре 1849 г. Доротея де Дино, «она пытается, как и прежде, привлечь к себе людей самых разных оттенков, и мне кажется, она преуспеет в этом»⁸⁷¹. По словам Гизо, «ее салон вновь стал тем, чем он был в 1837–1848 гг., а именно местом встреч дипломатов, замечательных иностранцев и влиятельных политиков как настоящего, так и былых времен... Княгиня Ливен смогла сохранить свое достоинство и своих друзей, была очень искусенной в делах, не переставая оставаться верной»⁸⁷². Княгиня принимала по воскресным вечерам, в своем так называемом Воскресном клубе, как называла ее салон Доротея Дино⁸⁷³.

Зиму Ливен проводила в Париже, летом, как правило, на два месяца отправлялась на берега Рейна, на воды Эмса или в Шлангенбад.

Гизо же по возвращению во Францию направился в Валь-Рише. Первый визит ему нанесли братья Конрад и Корнелис Витты, за которых в марте и мае 1850 г. выйдут замуж его дочери, Генриэтта и Полина. В 1838 г. братья остались сиротами; вместе с сестрой Элизабет их воспитывали тетки по материнской линии. Их отец, убежденный кальвинист, происходил из знатного голландского аристократического рода, был послом Батавской республики в Швейцарии; в 1806 г. получил французское гражданство и занимал должность супрефекта Амстердама. Гизо знал братьев с их детского возраста; вместе с его сыном Гийомом они обучались в лицее Людовика Великого. Корнелис был школьным другом будущего известного историка Ипполита Тэна, которого он ввел в семью Гизо. С 1846 г. Корнелис и Конрад Витты посещали резиденцию Гизо на бульваре Капуцинов. Братья очень нравились Гизо, особенно Корнелис, который даже приезжал к нему в Англию в 1848–1849 гг. В марте 1850 г. Гизо перед портретом Элизы дал дочерям отцовское благословение, а в марте и мае состоялись свадьбы⁸⁷⁴.

* * *

С осени 1850 г. Бонапарт уже не скрывал, что стремится к восстановлению империи. 2 декабря 1851 г. под предлогом защиты республики он осуществил государственный переворот. Законодательное собрание было распущено, лидеры оппозиционных партий арестованы.

⁸⁶⁷ Letters of princess Lieven to lady Holland. 1847–1857. Oxford, 1956. P. 31.

⁸⁶⁸ Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. 1904. № 1. С. 189.

⁸⁶⁹ Letters of princess Lieven to lady Holland. P. 29.

⁸⁷⁰ Ibid. P. 44.

⁸⁷¹ Dino D. Op. cit. T. 3. P. 387.

⁸⁷² Guizot F. Mélanges... P. 212–213.

⁸⁷³ Dino D. Op. cit. T. 4. P. 17.

⁸⁷⁴ Theis L. Op. cit. P. 198–199.

Государственный переворот не явился неожиданностью для Гизо и княгини Ливен. Накануне она писала, что Луи Наполеон «полностью готов к государственному перевороту; войско на его стороне, страна тоже»⁸⁷⁵.

После переворота Гизо оказался в числе побежденных. Его политическая карьера была завершена. Он пишет свои восьмитомные «Мемуары», активно занимается литературной деятельностью и вопросами, связанными с христианской религией, возглавляет комиссию по подготовке проекта закона о реформе высшего образования, оставшись верным своей идее создать во Франции несколько университетов.

Что касается княгини Ливен, то, всегда стремившаяся получать сведения из первых рук, она уже на следующий день после переворота открыла свой салон победителям. Чтобы принимать их, необходимо было обладать большой ловкостью и умением. Она оказалась на высоте: и победители, и побежденные одинаково ухаживали за ней и миролюбиво беседовали в ее салоне. Как отмечала герцогиня де Дино, княгиня Ливен «не встала ни под чьи знамена, и ее салон оставался для всех нейтральной территорией»⁸⁷⁶. На ее воскресные приемы съезжались знаменитые политики и дипломаты. Гизо, как и прежде, приезжал первым и уезжал последним. Ее постоянными посетителями, помимо Гизо, являлись и другие политики Июльской монархии, такие как Дюшатель и Моле; у нее бывали представители дипломатического корпуса, прежде всего послы Пруссии, Австрии и Великобритании⁸⁷⁷.

ГЛАВА 10. ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

КРЫМСКАЯ ВОЙНА. СМЕРТЬ КНЯГИНИ ЛИВЕН

Тучи Восточного кризиса, сгушавшиеся над Европой, разразились бурей Крымской войны. В исторической науке, начиная с работы Э. Доде, сложилось мнение, воспринятое затем и другими исследователями, что Ливен оказалась в этом случае не особенно проницательной, и советы, посылаемые ею императору Николаю I перед Крымской войной, свидетельствовали, что она неправильно оценивала позицию французского правительства, считая, что Франция не вступит в войну. Однако из писем Ливен никак нельзя сделать вывод, что она недооценила всей сложности ситуации, находясь под впечатлением миролюбивых заявлений графа Морни, сводного брата Наполеона III, с которым была дружна, не видела франко-английского сближения и создания антирусской коалиции. Но ситуация была, действительно, очень неопределенная, неясная, подразумевавшая разные варианты разрешения конфликта, и все это очень тонко было подмечено княгиней. Она писала из Парижа в начале сентября 1853 г.: «Всегда Восток, то есть всегда неопределенность»⁸⁷⁸. Действительно, даже после оккупации Россией Дунайских княжеств Наполеон III все еще колебался в принятии окончательного решения, какую линию занять по отношению к России. В этих колебаниях, очевидно, сказалась борьба, которая велась в окружении Наполеона между сторонниками России, стремившимися не доводить дело до разрыва с ней и пытавшимися использовать все средства для мирного урегулирования конфликта, и сторонниками Англии, считавшими необходимым действовать более решительно⁸⁷⁹.

Гизо придерживался сходного с Дарьей Христофоровной мнения. Они обменивались впечатлениями и наблюдениями, и логич-

⁸⁷⁵ *Greville Ch.* Op. cit. P. 454.

⁸⁷⁶ *Dino D.* Op. cit. T. 4. P. 40.

⁸⁷⁷ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Т. 2. Д. 1664. Т. 10. Ч. 2. Л. 126 об.

⁸⁷⁸ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Т. 2. Д. 1664. Т. 11. Ч. 1. Л. 2 об.

⁸⁷⁹ *Кухарский П.Ф.* Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941. С. 117.

но, что их позиции сближались. И Гизо, как и Ливен, досталось от потомков; так получилось, что из его высказываний, вырванных из контекста, порой составлялось не вполне объективное представление о его идеях. Так, в опубликованной переписке Гизо с Лор де Гаспарен в кратком обзоре писем содержится фраза: «Гизо не верит в Крымскую войну». Между тем по прочтении письма от 1 августа 1853 г. складывается совершенно иное впечатление. Оно, действительно, начинается весьма характерной фразой: «Я никогда не верил и не верю в войну»⁸⁸⁰. Но дальше – содержание вовсе не такое оптимистичное. Гизо писал: «Мы приближаемся к развязке. Император Николай ошибся. Он считал, что Европа находится в затруднительном состоянии, что она разобщена и поэтому позволит ему укрепиться на Востоке и закроет на это глаза. Ему особенно не нравится то, что его не оставляют наедине с Турцией; он хотел бы исчерпать этот вопрос без посредников. Может быть, создается видимость этого, но действительность будет против него. Это серьезный удар и по его влиянию в Турции, и по его престижу»⁸⁸¹.

Даже после Синопского сражения 18 (30) ноября 1853 г., воспринятого на Западе как «избиение младенца» и вступления в ночь с 3 на 4 января 1854 г. английских и французских кораблей в Черное море, Гизо с Ливен надеялись на мир. В то же время, считая войну нелепой, Гизо не был согласен с мнением некоторых из своих коллег относительно ее невозможности. Этот политик, всегда стремившийся к компромиссам и мирному урегулированию возникающих разногласий, писал Лор де Гаспарен 28 января: «Вот мы и на пороге войны. Я не знаю, как ее можно избежать. Война без мотива в делах, без страсти в людях, ведомая единственно из-за неуклюжести актеров и зевак-зрителей. Эти ничтожные причины могут иметь огромные трагические последствия. Война, локальная и морская, вначале, может стать и, вероятно, станет континентальной, всеобщей, революционной. И тогда, при тех крупницах здравого смысла, что есть в массах, и при той скромной энергии, что присутствует у правительств, что станет с миром?»⁸⁸².

В другом письме Гизо отмечал, что Франция не имела прямых выгод от этой войны, которая, по его мнению, могла лишь значи-

тельно укрепить позиции Великобритании: «Публика начинает серьезно беспокоиться. Спрашивают себя, зачем Франция вмешалась в эту борьбу влияний между Англией и Россией на Востоке? Почему она содействует разрушению одной из второстепенных морских держав (имеет в виду Россию. – *Н.Т.*) и установлению морского преобладания Англии в Черном море и в других регионах? Публика может сколько угодно задаваться подобными вопросами; правительство остается и будет оставаться союзником Англии»⁸⁸³.

9 (21) февраля 1854 г. последовал царский манифест «О прекращении политических сношений с Англией и Францией». Сразу после этого княгиня Ливен, как русская подданная, была вынуждена покинуть столицу Франции и уехала в Брюссель. Она очень болезненно воспринимала свой отъезд. Гизо, оставшийся во Франции, писал Лор де Гаспарен 3 марта: «Княгиня Ливен уехала неделю назад, печальная и страдающая»⁸⁸⁴. Гизо приезжал к ней на несколько дней в апреле. По его словам, «война совсем не нравится французам, и только очень незначительная часть ее поддерживает»⁸⁸⁵. Второй раз Гизо приезжал в Брюссель в октябре.

1 января 1855 г. Ливен вернулась в Париж. С этого времени и до конца своей жизни она оставалась в Париже. Княгиня дожила до подписания мирного договора, но ей недолго пришлось пользоваться благами спокойной жизни. В январе 1857 г. Дарья Христофоровна заболела бронхитом, который очень быстро принял тяжелую форму. В ночь с 26 на 27 января она умерла на руках Гизо и сына Павла. Гизо писал своей старшей дочери: «Она умерла этой ночью, в полночь. За час до этого она меня попросила уйти, как и своего сына и всех остальных; она сказала, что хочет спать... За мной пришли через час. Она умерла без страданий, в полном согласии со своей душой, со своим очаровательным умом. Эти качества были ей присущи и стали ее второй натурой; ее заблуждения проистекали от ее образования и светской жизни. Вчера днем она сказала: «Досадно, что я не умерла сегодня; я себя чувствую готовой»⁸⁸⁶. Старший сын, Александр, приехал из Италии уже после смерти матери.

⁸⁸⁰ François Guizot et Madame Laure de Gasparin. P. 398.

⁸⁸¹ Ibid. P. 399.

⁸⁸² François Guizot et Madame Laure de Gasparin. P. 405.

⁸⁸³ Witte H. Op. cit. P. 302.

⁸⁸⁴ François Guizot et Madame Laure de Gasparin. P. 406.

⁸⁸⁵ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Т. 2. Д. 1664. Т. 12. Ч. 1. Л. 135. Письмо от 26.03(4.04).1854.

⁸⁸⁶ Witte H. Op. cit. P. 311.

Через час после смерти княгини Павел передал Гизо письмо, написанное Ливен накануне. «Благодарю Вас за двадцать лет привязанности, любви и счастья, – писала она. Княгиня завещала Гизо восемь тысяч франков ежегодной пожизненной ренты и карету. Княгиня часто говорила своему другу: «Я не жалею, что Вы не богаты, мне это даже нравится. Но я не могу примириться с тем, что у Вас нет кареты». Сто тысяч франков наличными было завещано ее племяннику Константину Бенкендорфу⁸⁸⁷.

Перед смертью княгиня выразила желание, чтобы ее тело было перевезено в Курляндию и погребено рядом с ее сыновьями в семейном склепе, в их родовом имении Межотне, в Курляндии, близ Митавы (ныне территория Латвии). Она была похоронена в черном бархатном платье фрейлины российского императорского двора и княжеской короне, с распятием из слоновой кости в руках.

После смерти княгини Гизо, рассылая письма с известием об этом трагическом событии, писал их на так называемой «бумаге вдовца», с широкими черными краями, что опять вызвало слухи о его браке с княгиней. С другой стороны, уже на следующий день после кончины Ливен, Гизо отправился на заседание Французской академии, что спровоцировало живое негодование в обществе⁸⁸⁸. Аналогичные упреки в свое время уже обрушивались на него, когда он появился на заседании парламента через несколько дней после смерти сына. Но, как и Ливен, именно в политике и общественной деятельности он мог искать утешения и забвения. Сам он в письме дочери отмечал, что ему предстоит сделать «ужасное усилие», чтобы присутствовать на заседании в Академии⁸⁸⁹.

Со смертью Ливен Гизо потерял женщину, которую любил больше двадцати лет. Но, потеряв одну Доротею, он мог обрести другую. По крайней мере, так полагала Доротея Дино. Она давно симпатизировала Гизо, хотя в начале 1830-х предпочитала ему Тьера. Во время революции 1848 г. Доротея предложила ему укрыться в ее имении Саган, в Нижней Силезии, однако Гизо с Ливен предпочли Англию.

Судьба этих двух женщин, двух Доротей, оказалась теснейшим образом переплетена: долгие годы, начиная со времени их знаком-

ства в Лондоне⁸⁹⁰, они были подругами или, точнее, подругами-соперницами. Их судьбы оказались связанными и после смерти княгини Ливен: Межотне, где была похоронена Ливен, принадлежало ее свекрови, Шарлотте Карловне Ливен. А прежней хозяйкой этого имения являлась мать Доротеи Дино, Вильгельмина Саган, герцогиня Курляндская. Это было родовое имение герцогов Курляндских.

Смерть Дарьи Христофоровны позволила герцогине Дино быть более свободной в выражении своих чувств. 11 февраля она писала Гизо: «Я очень много думаю о Вас... В сердце есть тайные и забытые уголки, которые вдруг обнаруживаются, если в них постучаться»⁸⁹¹. С этого времени Дино и Гизо были в постоянной переписке. В сентябре 1857 г. Доротея писала ему: «Вы всегда были очень благожелательные ко мне. Зачастую мы с Вами придерживались одного и того же мнения по самым разным вопросам. Долгие часы моей жизни отмечены прелестью наших разговоров и воспоминаний, связанных с самыми важными и насыщенными годами моего прошлого»⁸⁹². Когда в начале 1858 г. тяжело заболела Полина, дочь Доротеи, и она из Ниццы приехала в Париж, Гизо был очень внимателен к своей приятельнице.

Однако вскоре тяжело заболела сама герцогиня Дино; болезнь спровоцировало дорожное происшествие, случившееся недалеко от замка Саган: лошади во время грозы понесли, карета опрокинулась, и герцогиня получила серьезные травмы. С тех пор она не оправилась. 20 сентября 1862 г. Гизо, последний рыцарь Доротеи, писал Баранту: «Г-жа Талейран умирает в Сагане. В последнее время она мне написала лишь несколько карандашных строк. Теперь она не пишет вовсе, и новости, доходящие до меня, все более и более тревожны. Она очень страдает. Это редкая и возвышенная натура...»⁸⁹³.

Когда Гизо писал это письмо, он еще не знал, что накануне, 19 сентября 1862 г., Доротея, княгиня Курляндская, герцогиня Дино, герцогиня Талейран и Саган навсегда закрыла свои прекрасные черно-голубые глаза. Она была похоронена в Сагане, в часовне, построенной ею возле замка, рядом с сестрой Вильгельминой и сы-

⁸⁸⁷ *Dino D.* Op. cit. T. 4. P. 244.

⁸⁸⁸ *Ibidem.*

⁸⁸⁹ *Witte H.* Op. cit. P. 312.

⁸⁹⁰ В 1830–1834 гг. князь Талейран занимал пост посла Франции в Великобритании, и Доротея Дино пребывала вместе с ним в Лондоне.

⁸⁹¹ *Duroy M.* La Duchesse de Dino, égérie de Talleyrand, princesse de Courlande. Paris, 2002. P. 333.

⁸⁹² *Ibid.* P. 334.

⁸⁹³ *Barant P.* Souvenirs du baron de Barante. 1782–1866. V.1–8. Paris, 1890–1901, T. 8. P. 357.

ном Луи. А она сама хотела обрести вечный покой в Валансе, рядом с Талейраном⁸⁹⁴.

У Гизо осталась только его семья. С 1851 по 1874 гг. у него появилось девять внуков, пять девочек и четыре мальчика. Особенно Гизо любил Жанну, вторую дочь Генриэтты, родившуюся в 1855 г. Гизо читает им свою пятитомную «Историю Франции, рассказанную моим внукам», имевшую огромный издательский успех. Гизо очень хотел, чтобы Валь-Рише превратилось в настоящее семейное гнездо. Все вместе они жили там до 1867 г., после чего Конрад окончательно перебрался в Париж. Корнелис, управлявший Валь-Рише с 1855 г., остался здесь навсегда⁸⁹⁵.

Если дочери радовали Гизо, то Гийом был его постоянной болью. Когда Гийому исполнилось семь лет, его отец стал министром иностранных дел. И, несмотря на то, что отец по много раз в день заходил к детям в комнаты, приводил их в свой кабинет, мальчик чувствовал себя заброшенным. В тринадцать лет у него обнаруживается литературный талант, он становится победителем ряда конкурсов, чем отец очень гордился. Но разразилась Февральская революция, семья переехала в Англию, страну, которую Гийом совсем не знал. Отец становится его репетитором, они изучают Тацита и Фукидида. Вернувшись в Париж, Гийом возобновляет учебу, но он был не приспособлен к продолжительной серьезной деятельности. Он развлекается с друзьями и актрисами, курит сигары, бывшие тогда в большой моде. В 1857 г., будучи в Германии, он отправляется в Гамбург, европейскую игорную столицу, и становится заядлым игроком. Он восхищается «Мадам Бовари» Гюстава Флобера, присутствует на премьере «Тангейзера» Вагнера 13 марта 1861 г. Он был талантливым человеком; в 1853 г. получил приз Французской академии за изучение комедии Менандра, и эта работа спустя два года была опубликована. В 1856 г. для «Библиотеки железных дорог» он написал эссе «Альфред Великий, или Англия при англосаксах», получившее благожелательный отзыв в прессе. Он изучает право, но и это ему быстро надоедает. Ему скучно жить, скучно работать⁸⁹⁶. Тогда отец решает его женить. Невесту, Габриэль Вердье

де Фло, подыскали в родном городе отца, в Ниме, и 26 апреля 1860 г. сыграли свадьбу. Гизо давно знал семью невесты; ее сестра была замужем за сыном его школьного друга. Родители – из уважаемой религиозной семьи, обеспечившие дочь солидным приданым. Если на выбор мужей своих дочерей Гизо не влиял, то брак сына, напротив, почти полностью был его творением. Однако счастье длилось недолго. Отец подозревал, что сын не оставит привычек своей холостяцкой молодости. Более того, Гизо был вынужден оплачивать долги сына: он выплатил 37 тыс. франков из 52 тыс. долга, продав в том числе дом своего брата Жан-Жака. Карьера Гийома также не сложилась, хотя он и читал курс лекций в Коллеж де Франс. Благодаря посредничеству А. Тьера и Ж. Фавра ему был предложен пост посла в Афинах, но он отказался⁸⁹⁷.

ФРАНСУА ГИЗО И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ ФРАНЦУЗСКОГО ОБЩЕСТВА

В современной Франции более шестидесяти процентов населения относят себя к католикам, протестантами себя считают всего лишь два процента французов, и около трети французского общества состоит из людей, индифферентных к религии. Да и в целом для людей, причисляющих себя к христианам, религиозность не имеет ортодоксального характера. Французы, воспитанные на идеях Декарта и Просвещения, воспринимают религию, прежде всего, как совокупность неких морально-культурных принципов, ценностей и традиций.

Однако Франция, как и христианская Европа, пришла к такому отношению к религии очень непростым путем. Во Франции этот путь был весьма тернист и драматичен, свидетельством чему явились кровавые гугенотские или гражданские войны, а события Варфоломеевской ночи 1572 г. до сих пор воспринимаются как крайнее проявление религиозного фанатизма. Как известно, гугеноты, получив ряд определенных прав и уступок по Нантскому эдикту 1598 г., подписанному Генрихом IV, который сам неоднократно менял веру, были их лишены в 1685 г. по «эдикту Фонтенбло». Около 200 тыс. наиболее активных и предприимчивых французов-гугенотов были

⁸⁹⁴ О герцогине Дино см.: Тяньшина Н.П. Доротея Дино: alter-ego Талейрана // Новая и новейшая история. 2015. № 6. С. 177–198.

⁸⁹⁵ Theis L. Op. cit. P. 200.

⁸⁹⁶ Ibid. P. 204–205.

⁸⁹⁷ Ibid. P. 210–211.

вынуждены покинуть пределы родины, спасаясь от религиозных преследований, и трудиться на благо Германии, Швейцарии и других стран, способствуя развитию их, а не французской капиталистической экономики⁸⁹⁸.

Только в 1787 г. гугеноты были восстановлены в своих политических и экономических правах, однако начавшаяся спустя два года Революция заставила французозов на долгое время забыть о толерантности как в узком, так и в широком смысле этого слова. В то же время, попытка якобинцев создать новую религию, установить культ Верховного существа в условиях традиционного общества, даже радикализованного революционными идеями, оказалась неудачной.

Потрясение, вызванное Революцией, привело к тому, что первые постреволюционные годы во Франции были отмечены антипросветительской реакцией, сопровождавшейся усилением консервативных тенденций, стремлением обрести скрепы, связывающие общество. Это выразилось и в укреплении позиции католической церкви, особенно в годы правления Карла X. Именно ультраконсервативная политика этого короля, откровенно пренебрегавшего принципами Революции и конституционной Хартией 1814 г., привела летом 1830 г. к очередному революционному взрыву.

Восемнадцать лет правления Луи Филиппа явились не только апогеем политического либерализма, но и протестантизма, точнее, либерального протестантизма. Это было время, когда политики и мыслители протестантского вероисповедания во многом определяли политическое развитие страны⁸⁹⁹. Общее число протестантов в то время составляло два процента населения.

Франсуа Гизо стал наиболее ярким олицетворением идей либерального протестантизма. Ним, родной город Гизо, являлся центром гугенотства, а дед Гизо был пастором. Детство в Ниме, учеба в Женеве способствовали росту его симпатий к протестантизму и Реформации. Он писал впоследствии: «...Реформация XVI века оказала современному миру две огромные услуги: она способствовала возрождению христианской веры даже у ее противников; она

⁸⁹⁸ Об истории протестантизма и протестантов во Франции см.: *Cabanel P. Histoire des protestants en France. XVI–XXI siècle. Paris, 2012.*

⁸⁹⁹ В годы Июльской монархии в нижней палате парламента, Палате депутатов, протестанты составляли от 5 до 7 % депутатов, в верхней палате, Палате пэров – 6,5 %. 42 % депутатов были коммерсантами, банкирами и промышленниками; 30 % – чиновниками.

внушила... европейскому обществу идею бесповоротного движения к свободе»⁹⁰⁰. Немалое влияние на формирование мировоззрения Франсуа оказала его мать, женщина очень набожная.

Когда после окончания обучения в Женеве двадцатилетний Франсуа оказался в Париже, с целью изучения права, многих современников поразила пуританская строгость юноши. Он постоянно посещал храм, и, как отмечал французский исследователь Луи Теис, как бы демонстрировал свое религиозное рвение. В 1806 г. он написал восторженное письмо тогдашнему кумиру интеллектуальной молодежи, Франсуа-Рене де Шатобриану, автору не только «Эссе о революциях», но и «Гения христианства» и «Мучеников». Спустя шестьдесят лет Гизо снабдил своим предисловием очередное переиздание «Гения христианства».

В доме Стапфера, представителя Швейцарии в Париже, куда Гизо поступил на службу, он расширил свой интеллектуальный горизонт и в то же время сохранил верность своим религиозным убеждениям. Он писал матери в апреле 1808 г.: «Если я приобрету новые знания, то они будут служить только укреплению моей веры в Евангелие...»⁹⁰¹.

Обучая детей Стапфера, Гизо учился и сам. Стапфер, происходивший из древнего рода, женатый на французской гугенотке, был человеком весьма разностороннего ума; именно он ввел во Франции моду на Канта. В религии он был сторонником теизма, умеренного некоей долей рационализма.

Большое влияние на религиозные убеждения Гизо оказала Полина де Мелан, его первая жена, приведшая его к более «рациональной» вере. Именно Полина посеяла в душу Гизо семена некоего религиозного сомнения, может быть, религиозной индифферентности, хотя сама на смертном одре из-за любви и уважения к мужу приняла протестантизм.

Постепенно к европейскому протестантизму Стапфера у Гизо добавляется влияние чисто французского критицизма, смягченного интеллектуальными идеями Старого порядка, дух которых еще ощущался в салонах. К этому времени Ним и Женеве остались далеко, и Гизо, как он сам говорил, перестал быть набожным. Стремление рационально осмыслить религиозные догмы,

⁹⁰⁰ *Guizot F. L'Eglise et la société chrétiennes en 1861. P. 8.*

⁹⁰¹ *François Guizot et la Culture politique de son temps. P. 252.*

определить их соотношение со свободой – именно это занимало его больше всего.

Вплоть до 1850-х Бог мало присутствует в работах Гизо, идет ли речь об исторических или политических трудах. В его «Мемуарах», опубликованных в 1858–1867 гг., посвященных наиболее активному периоду его жизни, божественному отводится совсем не много места. В то же время его религиозные убеждения, его отношение к Богу прослеживаются уже в его ранних работах, начиная с 1820 г., когда он находился в оппозиции режиму Реставрации; в некоторых его лекциях 1820–1822 гг., прочитанных в Сорбонне и вошедших в «Историю происхождения представительного правления»; в его неоконченном трактате о политической философии.

В эти годы Гизо был не только активным публицистом, но и принимал практическое участие в деятельности целого ряда общественных организаций, в том числе протестантской направленности. С 1815 г. он являлся членом «папской консистории», своеобразного церковного совета у лютеран, и оставался им на протяжении шестидесяти лет. В 1817 г. он принял участие в создании «Общества содействия начальному образованию среди протестантов», в 1825 г. – «Протестантского общества страхования и взаимопомощи». В 1818 г. Гизо вступил в «Протестантское библейское общество», которому всегда свидетельствовал особую преданность, спустя десять лет стал президентом «Общества христианской морали», сменив на этом посту своего друга Виктора де Броя, и, в свою очередь, уступил этот пост в 1830 г. Бенжамену Констану. В этом обществе доминировал протестантский дух, было около двадцати пасторов и только два католических священника. Из трех его первых президентов двое были протестантами, третий, де Брой, был женат на убежденной и активной протестантке, дочери Жермены де Сталь.

Июльская революция 1830 г. привела либералов эпохи Реставрации к власти. Орлеанизм – это наиболее яркий пример либерально-консервативного синтеза, сочетания идей свободы и порядка, реформизма и следования традициям. В целом, это идеология компромисса и золотой середины, в том числе в отношении разума, рационализма и религии.

В то же время Июльская монархия породила соединение либеральных и антирелигиозных идей. Как отмечал французский исследователь Р. Ремон, Июльская революция была самой анти-

клерикальной из всех французских революций, за исключением Парижской Коммуны, и сопровождалась «взрывом внезапно проснувшегося народного антиклерикализма». Революция ознаменовала поражение иезуитов, чьи позиции были особенно сильны в системе среднего образования, отказ от проектов реставрации общества на религиозных началах, предпринятых Карлом X⁹⁰². Июльская революция разбудила старую ненависть к Бурбонам и повлекла за собой взрыв стихийной ярости против духовенства. Начало 1831 г. было отмечено даже актами религиозного вандализма в Париже и провинциальных городах: срубались кресты, священники подвергались публичным оскорблениям. Король Луи Филипп не решался открыто присутствовать при богослужении. Однако постепенно страсти улеглись, и правительство смогло провести ряд важных реформ.

Одной из важнейших сфер, которую предстояло модернизировать, являлось народное просвещение. С именем Гизо, о чем писалось выше, связана разработка закона о начальном образовании от 8 июня 1833 г. Как верно отмечал Г. де Брой, никто, лучше Гизо, не был подготовлен к выполнению этой миссии: протестанты всегда осознавали особую важность образования, нравственного и религиозного воспитания⁹⁰³.

Гизо был убежден: для того, чтобы начальное образование способствовало социальной стабильности общества, оно должно быть теснейшим образом связано с религиозным воспитанием. Начальная школа и церковь являются, по его мнению, двумя неразрывно связанными институтами. Г. де Брой именуется Гизо самым клерикальным министром народного просвещения во Франции в годы Июльской монархии. Гизо отмечал в «Мемуарах», что, когда он представил свой проект закона о начальном образовании, то встретил сопротивление его идее единства церкви и государства в деле начального образования. Он писал: «...доминирующим настроением, обнаруженным мной в Палате депутатов и в целом в обществе, было чувство недоверия и почти враждебности против церкви... Особенно опасались влияния священников в органах центральной власти; всем сердцем хотели защитить независимость муниципальных властей и самостоятельность учителей по отношению к духовенству»⁹⁰⁴.

⁹⁰² *Rémond R. L'anticléricalisme en France de 1815 à nos jours. Paris, 1976. P. 64.*

⁹⁰³ *Broglie G. Guizot. P. 149.*

⁹⁰⁴ *Guizot F. Mémoires... V. 3. P. 69.*

Согласно Гизо, Государство и Церковь (эти слова он всегда писал с заглавной буквы) являются необходимыми опорами народного образования. Он мечтал о примирении Церкви и Государства в деле нравственного и религиозного воспитания молодежи, как это осуществлялось в протестантских странах, опыт которых Гизо внимательно изучал.

Одно из ключевых понятий кальвинизма – это этика достижения. Труд воспринимается как богоугодное дело, а успешная экономическая деятельность является косвенным признаком предызбранности человека к спасению. В этом отношении Франсуа Гизо является типичным примером *self-made man*, только с учетом французской специфики понимания богатства и успешности человека: люди, которые смогли разбогатеть, не спешили вкладывать деньги в производство или торговлю, предпочитая приобретать землю. Поэтому Гизо, ставший весьма обеспеченным человеком, трудясь на поприще науки, образования и публицистики, а потом и министерской деятельности, приобрел, как уже отмечалось, имение Валь-Рише, расположенное в Нормандии, недалеко от Лизьё. Еще в 1830 г. он был избран членом Палаты депутатов от департамента Кальвадос, а спустя шесть лет купил здесь полуразрушенное старинное аббатство, окруженное вековыми деревьями. Гизо его восстановил; здесь он жил с конца июня, когда заканчивалась парламентская сессия, и до ее открытия в начале ноября. Вроде бы выбор этого региона был случаен: в 1830 г. освободилось депутатское место именно от этого департамента. Но, интересный факт: родители Жана Кальвина, столь почитаемого Гизо (современники утверждали, что Гизо даже внешне походил на «жневского папу»), происходили из Понт-л'Эвека, расположенного в непосредственной близости от Лизьё. В Валь-Рише Гизо проявил себя как рачительный хозяин огромного поместья, при этом в быту отличался умеренностью, во многом следуя кальвинистским принципам мирской аскезы. И при этом вошел в историю как автор лозунга «Обогащайтесь!».

После Революции 1848 г. свой вынужденный досуг Гизо занимал активной публицистической, научной и общественной деятельностью. Именно в эти годы он вновь обращается к вопросам, связанным с христианской религией.

Сам Гизо так определил основные этапы своей карьеры: «Я вступил в интеллектуальный мир через историю и философию истории.

Я посвятил свои лучшие годы общественным делам. Мне осталось изучить религиозные вопросы»⁹⁰⁵. «Это третье состояние моей жизни», – писал он⁹⁰⁶. В работе «Размышления о сущности христианской религии» (1866 г.) Гизо отмечал: «Я посвятил тридцать четыре года своей жизни, борясь... за установление политической свободы и сохранение порядка на основе закона. В этой борьбе и в этих испытаниях я понял, что значат в жизни человека христианская вера и свобода. Если Бог мне позволит... я бы хотел посвятить себя этим вопросам, пока у меня есть время и силы»⁹⁰⁷.

Материалист Гизо или идеалист? В своих исторических работах по истории цивилизации в Европе и во Франции, в «Истории Английской революции», в «Мемуарах» он не обращается к Богу как к первопричине мироздания. Здесь Гизо предстает как «радикальный детерминист», за что его упрекали защитники религиозной концепции. Так, Огюст Николя заметил, что в «Истории цивилизации в Европе» «все второстепенные причины возникновения европейской цивилизации замечательно представлены, но первопричина абсолютно недостаточна». Он отмечал, что божественное полностью отсутствует в системе Гизо, поэтому читать его книгу «не следует христианину»⁹⁰⁸. В «Анналах образования», журнале, который Гизо издавал в годы Реставрации, нет ссылок на религию; нигде он не ссылается на Бога и Провидение. В то же время, Гизо отнюдь не являлся атеистом. Ему была присуща фундаментальная вера в существование Бога, в творение, в бессмертие души. Это, по мнению французского биографа Гизо Шарля Пута, являлось только «естественной религией, деизмом савойского викария»⁹⁰⁹.

Гизо пытался объединить под единым понятием христианского Бога три принципа: веру, божественный разум и свободу в развитии общества. Он писал в 1836 г.: «Все противоречия исчезают в системе, которая признает в одно и то же время Бога и человека, провидение и человеческое действие, прощение и свободу». Он был уверен, что его система могла решить все противоречия, существующие в обществе. У Гизо Бог и религия находятся в состоянии им-

⁹⁰⁵ François Guizot et la Culture politique de son temps. P. 253.

⁹⁰⁶ Broglie G. Guizot. P. 451.

⁹⁰⁷ Guizot F. Méditations sur l'essence de la religion chrétienne. Paris, 1864. P. 28.

⁹⁰⁸ François Guizot et la Culture politique de son temps. P. 256–257.

⁹⁰⁹ Pouthas Ch. La jeunesse de Guizot. (1787–1814). Paris, 1936. P. 380. «Исповедания веры савойского викария» – своего рода книга в книге, одна из частей романа Ж. Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762).

манентной, ясно ощутимой реальности. Отсюда и так называемый «светский спиритуализм» Гизо. Он был человеком глубоко верующим, убежденным в человеческой слабости и греховности, но в то же время человеком «с твердой верой в разум и свободу, которые люди получили от Бога и которые стали их честью и правом на этой земле»⁹¹⁰.

Истинный характер христианства заключался для Гизо в том, чтобы стать «современной доктриной всех поколений, признающей все формы политической и социальной организации общества»⁹¹¹. Эти слова принадлежат Б. Констану, и Гизо полностью присоединился к ним.

Квинтэссенцией всех работ Гизо является защита и прославление принципа свободы человека. По мнению Гизо, основой христианства также является именно принцип свободы. Бог хотел, чтобы вера в него была свободной, и с этой точки зрения кальвинизм для Гизо соединяется с кантианством. Для Гизо религиозная свобода – «это свобода мысли, совести и человеческой жизни в предмете веры, свобода верить или не верить, свобода философов, священников и верующих»⁹¹². Свободный верить или нет, человек также свободен подчиняться или нет божественным предписаниям. Но, с тех пор, как человек решил верить, он имеет право сопротивляться тем, кто нарушает его законные права. Право на сопротивление угнетению, утверждал Гизо, является практической санкцией принципа свободы человека. Никакая власть не сможет быть легитимной, если она находится в противоречии с высшими законами, проистекающими из области божественного.

Для Гизо религиозная свобода состояла не только в имманентном праве каждого человека следовать своей вере. Важным проявлением религиозной свободы является «внутренняя организация общества, в которой люди объединяются на религиозной основе, то есть церковь, ее способы управления, отношения между священниками и верующими, существующие в ней правила и традиции...»⁹¹³.

Для Гизо религия и свобода неразделимы: если ставится под сомнение одна из них, то это угрожает и другой. Гизо писал в «Размыш-

лениях о христианской религии»: «Свобода нуждается в христианстве, христианство нуждается в свободе»⁹¹⁴. Он полагал, что свобода достигла наибольшего развития в таких странах, как Голландия, Великобритания и США, именно потому, что там была сильна христианская религия, причем, протестантского образца.

Гизо был убежден, что христианская религия является самым естественным и необходимым союзником современного общества, стремящегося стать свободным. Он понимал, что общество и религия испытывают друг к другу взаимное беспокойство и недоверие, отмечая, что религиозная свобода, то есть свобода верить отлично от других или не верить вообще, еще недостаточно гарантирована в различных государствах. Практиковать свободу в религии, по мнению Гизо, еще труднее, чем в политике; верующим труднее выдерживать нападки атеистов, чем правительству противостоять оппозиции⁹¹⁵. В то же время Гизо был убежден, что со временем свобода станет общепризнанным правом во всем цивилизованном мире⁹¹⁶.

В 1852 г. Гизо стал почетным президентом созданного тогда же Общества истории французского протестантизма. В этом же году он был избран президентом Общества содействия начальному образованию среди протестантов; в 1855 г. стал президентом Общества французского библейского протестантизма⁹¹⁷. В эти же годы он решил собрать свои более ранние работы и опубликовал их в 1852 г. под названием «Нравственные размышления и исследования». В этот сборник вошли и статьи, написанные еще в 1820-е, в частности «О бессмертии души» (октябрь 1827 г.), «Каков истинный смысл слова «вера»?» (январь 1828 г.), что свидетельствует как о неиссякаемом интересе Гизо к вопросам веры, так и верности своим убеждениям.

В самом начале 1860-х он неоднократно публично выступал с идеей защиты христианской веры как таковой, не разделяя ее на католическую и протестантскую ветви, и призывая к диалогу христианских конфессий. Если среди католиков такие идеи нашли поддержку, то либералы и ортодоксальные протестанты отнеслись к ним весьма неоднозначно, восприняв призыв Гизо к единству хри-

⁹¹⁰ François Guizot et la Culture politique de son temps. P. 262.

⁹¹¹ Ibid. P. 258.

⁹¹² Guizot F. L'Eglise et la société chrétiennes en 1861. P. 41.

⁹¹³ Ibid. P. 72.

⁹¹⁴ Guizot F. Méditations sur la religion chrétienne dans ses rapports avec l'état actuel des sociétés et des esprits. Paris, 1868. P. 51.

⁹¹⁵ Guizot F. Méditations sur l'essence de la religion chrétienne. P. 8.

⁹¹⁶ Ibid. P. 4.

⁹¹⁷ Broglie G. Op. cit. P. 452.

стиан как желание слияния всех религиозных конфессий⁹¹⁸. Более того, многие пасторы и ряд протестантских изданий поспешили отречься от него⁹¹⁹.

Такая реакция побудила Гизо публично выступить с разъяснением своей позиции, что он и сделал, опубликовав в конце 1861 г. работу под названием «Церковь и христианское общество в 1861 году». В этой работе он четко дал понять, что не выступает сторонником фузии, слияния католической и протестантской церквей, полагая, что «слияние различных христианских церквей и религиозное единство христиан не является возможным, поскольку оно не может быть ни истинным, ни продолжительным». Гизо объяснял невозможность фузии исходя из идеи свободы воли человека. Он писал, что «постоянный мир душ в рамках единой веры не заложен ни в природе, ни в предназначении человека. Человеческий род живет в трудах, в борьбе и в поисках истины, а не в состоянии спокойствия в недрах истины»⁹²⁰.

Понимая невозможность создания единой христианской церкви и вовсе не призывая к этому, Гизо ратовал за диалог между католиками и протестантами в условиях активной секуляризации общества, в котором набирали все большую популярность идеи атеизма. Именно «безбожие и неверие» Гизо считал главными врагами современного ему общества, и полагал, что католики и протестанты должны объединить свои усилия в борьбе с этим общим противником, поскольку, как писал Гизо, «если этот враг восторжествует, то все подвергнутся одному удару»⁹²¹.

Гизо был противником эволюционной теории Чарлза Дарвина, по крайней мере, в том, что касалось происхождения жизни на Земле и происхождения самого человека. Гизо писал, что «человек не есть обезьяна, преобразованная и усовершенствованная путем темного брожения элементов природы в течение ряда веков; такое притязательное объяснение происхождения человеческого вида есть одна гипотеза, плод воображения...»⁹²² Он допускал только одну версию происхождения человека – в результате акта творения⁹²³.

В то же время Гизо как историк и политик не говорит о Божественном авторитете как о первопричине мира. Для него сверхъестественное существует только в потенции, а не в действительности. В Боге заключен элемент вечности, в человеке – эволюция и изменчивость. Он писал: «В моем личном предназначении, как и в предназначении мира, я не вижу ни мотива, ни целей путей Божьих»⁹²⁴.

Итак, Гизо выступал не за соединение различных христианских конфессий в рамках одной церкви, а за их гармоничное взаимодействие, за взаимопомощь и поддержку. Такая же гармония, по его мнению, должна установиться в отношениях между церковью и государством.

Гизо не оспаривал идею необходимости отделения церкви от государства, полагая, что гражданское общество и церковь должны быть «глубоко разделенными, чтобы не иметь возможности подавлять друг друга». В то же время церковь и государство в целях достижения «взаимного счастья и блага» должны, по его убеждению, взаимодействовать друг с другом, чего, к его глубокому сожалению, он не наблюдал в современной ему Франции⁹²⁵.

Эти же взгляды Гизо развивал в статье «О религии в современных обществах» (февраль 1863). Он отмечал, что между религией и политикой должны установиться согласие и гармония, поскольку они «призваны действовать на одной и той же почве... и для достижения одного и того же результата...», что религия должна разрешить фундаментальные проблемы человеческого бытия и его индивидуального предназначения. По мнению Гизо, «политика, игнорирующая эти факторы... является бесплодной, не понимает духовных потребностей человека и не может руководить им в трудные времена»⁹²⁶.

С другой стороны, продолжает Гизо, земная жизнь человека – это не юдоль скорби и страданий, а общество вовсе не является сценой, на которой разворачивается человеческая трагедия. Земля – это предопределенное Богом первое отечество человека, а общество – это естественная среда обитания человека, созданная для него Богом. Земной мир и общественная жизнь, по мысли Гизо, не исчерпывают всего предназначения человека, но именно в этом мире человек ро-

⁹¹⁸ Guizot F. L'Eglise et la société chrétiennes en 1861. P. 2.

⁹¹⁹ Broglie G. Guizot. P. 452.

⁹²⁰ Guizot F. L'Eglise et la société chrétiennes en 1861. P. 9.

⁹²¹ Guizot F. Méditations et études morales. Paris, 1852. P. 24.

⁹²² Гизо Ф. Размышления о сущности христианской веры. М., 1865. С. 15.

⁹²³ Guizot F. L'Eglise et la société chrétiennes en 1861. P. 27–29.

⁹²⁴ François Guizot et la Culture politique de son temps. P. 257.

⁹²⁵ Guizot F. L'Eglise et la société chrétiennes en 1861. P. 49–51.

⁹²⁶ Guizot F. De la religion dans les sociétés modernes // Méditations et études morales. Paris, 1852. P. 32–34.

ждается и живет. Поэтому человек должен содействовать совершенствованию общественной жизни, содействовать «открыто и прилежно, каковы бы ни были формы организации общества и трудности этой миссии»⁹²⁷. Как видим, в этом подходе отчетливо прослеживаются кальвинистские идеи «мирского призвания» человека. Можно сказать, что эти идеи, сформулированные Гизо, предшествовали появлению трудов Макса Вебера, посвященные протестантской этике.

Итак, Гизо настаивал на мирном сосуществовании, на взаимодействии общества и религии. Причем он отстаивал идею неразрывной связи христианства и свободы. Более того, он полагал, что просвещение и свобода являются необходимыми условиями для развития религии. Современное общество с Декларацией прав человека и гражданина, с представительным правлением, подтвержденным Хартией 1814 г. и упроченным в 1830 г., по мнению Гизо, защищает религию от нее самой⁹²⁸.

Франция – страна католическая. Следовательно, Гизо имел в виду прежде всего католическую церковь, настаивая на ее взаимодействии с государством. Моральная, а следовательно, и социальная польза католицизма у Гизо не подвергается никакому сомнению, поскольку религия, по его мнению, одновременно является как условием общественного развития, так и средством сохранения традиций, преемственности. Конечно, Гизо стоит в стороне от утилитаристских концепций религии, но в то же время подчеркивает ее универсальный характер: она одна говорит одинаковым языком со всеми индивидами и классами общества, отсюда и ее существенная роль в системе образования, особенно начального.

В эти годы протестант Гизо очень много рассуждал о сущности католицизма, подчеркивая его неразрывную связь с современной Европой, и отмечая, что они «зародились в одной колыбели».

Французская цивилизация, по его мнению, имела в своей основе религиозную матрицу; современная Франция, сопротивляясь нашествию атеизма и рационализма, рехристианизируется, допускает, что католицизм должен совершенствоваться, а протестантизм должен занимать в этом процессе обновления свое историческое место, оставаясь в меньшинстве. Даже в политической деятельности, по мнению Л. Теиса, Гизо не испытывал никакого смущения, поддер-

живая католиков, когда, как ему казалось, это соответствовало национальным интересам Франции⁹²⁹. Эти идеи вызвали разочарование у его единомышленников, возмущавшихся, например, тем, что в 1842 г. он поддержал французскую католическую миссию на Таити в ущерб английской протестантской миссии, а пять лет спустя, в Швейцарии, встал на сторону католических кантонов.

В 1850-е гг. во Франции набирало силу движение либерального католицизма, с некоторыми из руководителей которого, в частности графом Шарлем де Монталамбером, герцогом А. де Броем, Гизо был тесно связан. Он сближается с позицией либеральных католиков и ратует за унионизм в религии. Гизо писал: «Христианин, протестант и либерал, я испытываю к этим пионерам христианской свободы в католической церкви чувство глубокой признательности»⁹³⁰. Дружба между Гизо и Монталамбером зародилась в 1852 г., после принятия последнего во Французскую академию, членом которой являлся и Гизо. Гизо писал ему: «Я искренно желаю, от всего сердца, прогресса католической церкви!.. Я хочу, чтобы Франция вновь стала католической, чтобы быть христианской... По-моему, острая борьба сейчас происходит не между католической и протестантской церквями. Франция не станет никогда протестантской... Оставайтесь христианами. Ни от Вас, ни от кого другого я не прошу ничего больше...»⁹³¹. Как видим, в середине XIX века Гизо настаивал на необходимости либеральной эволюции католицизма.

Это стало причиной того, что Гизо неоднократно обвиняли в отступничестве от протестантизма и в содействии католикам. Сам он писал о своей вере: «Я являюсь протестантом по убеждению и по происхождению. Я испытываю истинные симпатии ко всем христианам. Жизненный опыт и изучение истории укрепили мою веру в религию, в которой я был рожден»⁹³².

Жизненным и мировоззренческим кредо Гизо являлась идея компромисса и золотой середины. Это было характерно как для его политических пристрастий, так и для религиозных убеждений.

В области научной методологии работы Гизо стали колыбелью атеизма и социологии, хотя он отнюдь не был атеистом, да и к по-

⁹²⁷ Ibid. P. 35.⁹²⁸ François Guizot et la Culture politique de son temps. P. 259–269.⁹²⁹ Ibid. P. 261.⁹³⁰ Guizot F. Le Christianisme et le Spiritualisme // Revue des Deux mondes. 1869. 1 sept. P. 19.⁹³¹ Broglie G. Guizot. P. 457.⁹³² Guizot F. L'Eglise et la société chrétiennes en 1861. P. 8.

зитивизму Конта относился неоднозначно. Гизо лично знал Огюста Конта, с 1824 по 1830 гг. несколько раз беседовал с ним и, по его словам, был поражен «возвышенностью мыслей и твердостью духа» философа⁹³³. Гизо подчеркивал, что Конт был человеком «простым, честным, убежденным в правоте своего дела, верным своим идеям, но в то же время, гордым и надменным, уверенным в том, что открыл новую эру в науке»⁹³⁴. Как образно заметил Гизо, «христианская религия имела своих апостолов и миссионеров, говоривших от имени Бога. Конт же был апостолом и миссионером своей собственной веры»⁹³⁵. В значительной степени, Гизо был прав: позитивизм Конта надолго станет ведущим методологическим направлением.

В сфере религиозных вопросов Гизо не создал такой же строгой и стройной концепции, как в области общественного, исторического и политического развития. Не получив теологического образования, он развивал в своих работах, посвященных религии, идеи, порой ставившие в тупик многих его друзей, и вызывавшие живую критику у части его противников, как вне, так и внутри протестантизма. Его упрекали в желании реализовать сомнительный синтез католицизма и протестантизма, в выдумывании персональной религии, «начисто лишенной основания»⁹³⁶.

Конечно, определенная доля утопизма и прекраснотушия во взглядах Гизо присутствует. Осознавая нравственную важность религии в жизни общества, он опасался волны антиклерикализма и атеизма, захлестнувшей Францию. Протестант, он высоко оценивал важность католической церкви в процессе становления централизованного государства во Франции. Гизо считал, что церковь должна быть отделена от государства, но между этими институтами должны установиться отношения партнерства и сотрудничества, мирного сосуществования.

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Гизо, после 1848 г. уже двадцать лет как не занимавшийся политикой, за политической ситуацией во Франции и за ее пределами

наблюдал очень пристально. В сентябре 1868 г. он написал книгу «Франция и Пруссия ответственны перед Европой». В этой работе Гизо больше ставит вопросов, нежели дает ответов, рассуждая о том, как в ближайшее время будут развиваться франко-пруссские отношения. Именно противоречия между Францией и Пруссией он с полным основанием считал важнейшими в Европе в эти годы, после прусско-датской и особенно прусско-австрийских войн. И от того, окажутся ли Франция и Пруссия в состоянии войны, зависит, по его мнению, не только судьба собственно Франции и Пруссии, но и будущее всей Европы, поскольку война, если она произойдет, приведет к кардинальной перемене конфигурации сил в Европе. Именно поэтому Гизо и говорил, что Франция и Пруссия ответственны перед Европой: ее судьба находилась в руках французских и прусских политиков. Гизо даже называет состояние отношений между двумя странами дуэлью, и, соответственно, главную ответственность за исход этой дуэли возлагает на императора Наполеона III и канцлера Отто фон Бисмарка.

Гизо весьма высоко оценивал политические качества Наполеона III. По его мнению, Наполеон III удовлетворил свои воинственные амбиции двумя «правильными и блестящими войнами», в Крыму и Италии, втянув, правда, Францию в «химеричную и несчастную» войну в Мексике. «Этого мне кажется достаточным, чтобы рассчитаться с долгом по отношению к имени и достижениям Наполеона I»⁹³⁷. Однако, спустя два года, как известно, искушенный в тонкостях дипломатии Бисмарк спровоцирует Францию на объявление войны Пруссии.

Гизо не во всем одобряет Наполеона III. Оценивая расстановку сил, сформировавшуюся в Европе к концу 1860-х, он подчеркивал, что европейские державы, в том числе Франция и лично император Наполеон III, были сами виноваты в усилении Пруссии: они не препятствовали ей в войнах с Данией и Австрией⁹³⁸. Франция, по словам Гизо, спокойно наблюдала за стремительным усилением Пруссии под властью Бисмарка: «Не надо повторять очевидное: усиление Пруссии и ее безусловное доминирование в германских землях является для Франции очень важным»⁹³⁹. Как справедливо

⁹³³ Guizot F. Méditations sur l'état actuel de la religion chretienne. Paris, 1866. P. 250.

⁹³⁴ Guizot F. Mémoires... V. 3. P. 125–127.

⁹³⁵ Guizot F. Méditations sur l'état actuel de la religion chretienne. P. 254.

⁹³⁶ François Guizot et la Culture politique de son temps. P. 256–255.

⁹³⁷ Guizot F. La France et la Prusse responsables devant l'Europe. P. 93.

⁹³⁸ Ibid. P. 58.

⁹³⁹ Ibid. P. 63.

отмечал П. П. Черкасов, Наполеон III был буруеваем сомнениями – какую выгоду можно извлечь из австро-прусского конфликта для Франции? Отсюда его постоянные метания и переговоры то с Берлином, то с Веней, то с Флоренцией. В итоге, смутно ощущая нарастающую угрозу со стороны Пруссии, Наполеон III тем не менее не решился поддержать австрийского императора Франца-Иосифа, о чем впоследствии горько сожалел. Более того, он позволил своему младшему партнеру, Виктору-Эммануилу, принять предложение Вильгельма о военном союзе против Австрии. Император французов просчитался и в отношении боеспособности австрийцев, полагая, что война примет затяжной характер и ослабит обе стороны. Как отмечает П.П. Черкасов, «Наполеон надеялся, что в нужный момент он появится во главе армии на левом берегу Рейна и продикует Вильгельму свои условия об "исправлении" границы»⁹⁴⁰.

Что касается Бисмарка, то его военные успехи Гизо сравнивал с успехами Наполеона I, имея в виду победу прусской армии в битве при Садовой: «Со времен свержения императора Наполеона Европа не видела ничего более дерзкого, чем война Пруссии против Австрии в 1866 г., ни одного такого же быстрого и окончательного результата, как в битве при Садовой»⁹⁴¹.

Гизо лично не был знаком с Бисмарком, но много беседовал с людьми, знавшими его. Он приводит следующее высказывание о Бисмарке: «Есть только один честолюбец и храбрец в Европе – это господин Бисмарк». «Я не смог бы выразиться точнее», – отметил Гизо⁹⁴². Он так оценивал роль Бисмарка в деле грядущего объединения Германии: «Возбужденный, я не хочу сказать, опьяненный, своими успехами в датском вопросе, г-н Бисмарк разбудил и вывел на сцену великий немецкий вопрос; он приступил к завоеванию Пруссией доминирующего места в Германском союзе, к которому она так долго стремилась»⁹⁴³.

С одной стороны, Гизо выражал уверенность, что у Бисмарка и Наполеона III хватит мудрости не доводить противостояние до открытого конфликта; с другой стороны, он отмечал, что Европа была уже пропитана идеей грядущей войны: «Станным и, однако,

естественным делом является доминирующий характер нашей политической ситуации. Среди глубокого материального спокойствия упорное беспокойство владеет душами и нарушает ход дел. Будет у нас мир или война? Разговоры и мысли беспрестанно крутятся вокруг этого вопроса»⁹⁴⁴.

Но Гизо остается оптимистом, уповая на мудрость Бисмарка: «Я не знаю, каким он будет в будущем: очевидно, это натура пылкая, смелая, амбициозная, темпераментная; но с тех пор, как он находится у власти, он показал себя способным к сдержанности, осторожности и терпению. Я склонен верить, что он понимает, что сегодня для него самого и для его страны настало время развивать то, что уже достигнуто, и что он не бросится необдуманно в новые авантюры». Гизо надеялся, что с созданием в начале 1867 г. Северогерманского союза амбиции Пруссии и лично Бисмарка, получившего должность канцлера, будут удовлетворены. В заключение Гизо делал такой вывод: «Я вовсе не вижу, что военные страсти и сама возможность войны преобладают; повсюду я вижу преобладание настроений, интересов и желания мира»⁹⁴⁵. В то же время искренне надеясь на сохранение мира, Гизо считал, что Франция должна укреплять свой военный потенциал.

Однако Бисмарк оказался гораздо амбициознее в своих желаниях, спровоцировав Францию на войну с Пруссией, а Наполеон III, заявлявший, что империя – это мир⁹⁴⁶, 19 июля 1870 г. объявил Пруссии войну. Надежды Гизо на мир рассеялись, равно как и шапкозакидательские настроения французов и их уверенность в быстрой и легкой победе. Война, на которую правящие круги решились с легким сердцем, обернулась для империи катастрофой.

Начало войны Гизо встретил в Валь-Рише. Известия о поражениях Франции подкосили его физические силы. В то же время триумф Пруссии и ее притязания на Эльзас и Лотарингию придали ему сил, он снова взялся за перо. Его идея заключалась в том, чтобы нейтральные державы, прежде всего Великобритания, использовали бы свое дипломатическое влияние в целях ведения переговоров и заключения мира на условиях, приемлемых для чести и безопасности Франции. Он пишет письма своим английским друзьям.

⁹⁴⁰ Черкасов П.П. Александр II и Наполеон III. М., 2015. С. 298–299.

⁹⁴¹ Ibid. P. 61.

⁹⁴² Ibid. P. 59.

⁹⁴³ Ibid. 59.

⁹⁴⁴ Ibid. 3.

⁹⁴⁵ Ibid. P. 112.

⁹⁴⁶ Гизо был с этим вполне согласен, считая в целом политику Наполеона миролюбивой.

Письмо, адресованное мисс Мартин, должно было быть доведено до сведения министров; письмо, написанное Самюэлю Вильберфорсу, епископу Винчестерскому, было опубликовано. «Будущее Европы зависит от выбора, который предстоит сделать. Речь идет не о ближайшем будущем, а о будущем, может быть, столетия». Гизо хотел убедить своих адресатов в способности Франции к сопротивлению⁹⁴⁷. Относительно Эльзаса и Лотарингии он отмечал: «Разве эти провинции не являлись, на протяжении двух веков, полностью присоединенными к Франции и признанными французскими всеми договорами..?»⁹⁴⁸.

2 сентября 1870 г. французская армия во главе с маршалом Мак-Магоном под Седаном сдалась на милость победителя. Вместе с войсками в плену оказался и Наполеон III. 4 сентября в Париже было сформировано новое правительство – правительство «национальной обороны». Вечером того же дня оно объявило о роспуске Законодательного собрания и о предстоящих выборах в учредительное собрание. В тронном зале Тюильрийского дворца Франция была провозглашена республикой.

18 сентября министр иностранных дел правительства «национальной обороны» Жюль Фавр встретился с Бисмарком, который изложил ему свои условия мира: отказ Франции от Эльзаса, сдача крепостей Страсбург и Туль, оккупация немецкими войсками одного из парижских фортов – Мон-Валерьен.

Признать столь тяжкие условия перемирия значило дискредитировать республику. В сложившихся обстоятельствах республиканское правительство было обречено продолжать войну. Все попытки французских войск прорваться к столице успеха не имели. Капитуляция Меца 27 октября и сдача противнику Орлеана 4 декабря довершили военное поражение Франции.

В критическом положении оказался Париж. 27 декабря начался систематический обстрел столицы. Укрепления Парижа, за которые так ратовали Гизо, Тьер и Луи Филипп в 1840-е гг., город не спасли.

Гизо приветствовал героическую оборону Парижа: «Париж спас честь Франции», – писал он своему другу⁹⁴⁹. В открытом письме членам правительства «национальной обороны» Гизо призывал их

твердости по отношению к Германии, к обращению за посредничеством к великим державам. Это письмо было опубликовано во многих газетах оккупированных департаментов Франции⁹⁵⁰.

17 января 1871 г. Гизо написал на 28 страницах письмо английскому премьер-министру Уильяму Гладстону, с которым познакомился, еще будучи послом в Лондоне, и с которым иногда переписывался. Гизо настаивал на двух главных идеях: нейтралитет обоих берегов Рейна и сохранение европейского равновесия путем решения франко-немецкого конфликта на европейском конгрессе. Английское правительство ограничилось требованием достижения перемирия между воюющими сторонами⁹⁵¹.

23 января Фавр отправился в Версаль и пять дней спустя подписал перемирие. По его условиям Париж фактически капитулировал. Для ведения переговоров о мире Франция должна была провести выборы в Национальное собрание и сформировать «законное» правительство.

12 февраля в Бордо открылось Национальное собрание. Его председателем был избран республиканец Жюль Греви, а главой исполнительной власти Французской республики, как официально именовалось государство, – Адольф Тьер. Республику Гизо принял весьма холодно, являясь сторонником монархической фузии. Однако ему, как имевшему большое влияние в Англии и авторитет в европейской политике, был предложен пост посла в Великобритании, как в свое время такой пост предложил Луи Филипп Талейрану. Но Талейрану на тот момент было семьдесят пять лет, Гизо же – семьдесят четыре. Гизо ответил отказом: «Единственное, что мне подходит, это полная независимость и свобода мысли, слова и поведения. Так я действую с двадцати девяти лет»⁹⁵². На должность посла был назначен Альбер де Брой.

26 февраля Тьер подписал в Версале прелиминарный мирный договор. Франция теряла Эльзас и Лотарингию, а также обязывалась выплатить Германии контрибуцию в размере 5 млрд франков. Вплоть до уплаты контрибуции немецкие войска должны были оставаться во Франции. 10 мая во Франкфурте-на-Майне договор был подписан окончательно.

⁹⁴⁷ Broglie G. Guizot. P. 467.

⁹⁴⁸ Bardoux M.A. Guizot. Paris, 1894. P. 112.

⁹⁴⁹ Ibid. P. 113.

⁹⁵⁰ Broglie G. Guizot. P. 469.

⁹⁵¹ Ibid. P. 470.

⁹⁵² Ibid. P. 471–472.

С июля 1870 по июль 1871 г. Гизо провел в Валь-Рише. Чтобы побороть свою печаль, он решил написать историю Франции для юношества, которая вышла под названием «История Франции, рассказанная моим внукам». Цель была не просто просветительская: Гизо хотел показать, что в ходе своей истории Франция не раз терпела поражения, но всегда возрождалась. По договору с издательством он должен был написать пять томов; общий тираж издания должен был составить 15 тыс. экземпляров. В 1872–1874 гг. появились четыре тома; пятый том, посвященный царствованию Людовика XV и Людовика XVI, в котором повествование доводилось до 1789 г., был опубликован уже после смерти Гизо в 1876 г. и редактировался его дочерью Генриэттой. В 1877–1878 гг. Генриэтта опубликовала два тома «Истории Английской революции» и в 1880 г. два тома «Истории Франции с 1789 по 1848 гг., рассказанной г-ном Гизо и составленной г-жой де Витт, урожденной Гизо»⁹⁵³.

Как верно подметил Г. де Брой, к «Истории Франции, рассказанной внукам», иногда относятся снисходительно, как к книге для детей. Между тем над этой книгой Гизо трудился на протяжении тридцати пяти лет. Действительно, эта книга образовалась из «уроков» истории, которые Гизо давал вечерами своим детям и внукам. Но первые четыре тома отредактированы рукой профессионала-историка. Впервые в своей жизни Гизо отказался от научного стиля и теоретизации, просто желая показать историю Франции в ее важнейших событиях и деяниях великих людей. Эта книга была с восторгом встречена как широкой публикой, так и историками. Ипполит Тэн прислал Гизо свою книгу «Человеческий дух» с письмом, в котором были такие слова: «История Франции, рассказанная детям, – это продолжение закона 1833 г. Вы создали книгу, и вы создали школу»⁹⁵⁴.

28 февраля 1874 г. в возрасте сорока трех лет от туберкулеза умерла дочь Гизо, Полина. Гизо не видел ее умирающей, как двух своих жен и сына; она умерла в больнице в Каннах на руках сестры Генриэтты, в окружении мужа и семерых детей.

Незадолго до собственной смерти Гизо писал своей подруге графине де Мольен: «Я оставляю этот мир в большой тревоге

за то, когда он возродится. Я не знаю, когда, но я в это очень верю...»⁹⁵⁵.

Умер Гизо в своем имении Валь-Рише 12 сентября 1874 г. в возрасте восьмидесяти шести лет и был похоронен недалеко от Валь-Рише, в семейном склепе, где потом будут похоронены и другие члены семьи Гизо – Виттов – Шлюмбергер. В последнем письме Генриэтте Гизо писал: «Смерть – это единственное, что меня удивляет. Я уже давно жду только боли»⁹⁵⁶.

⁹⁵³ Broglie G. Guizot. P. 476.

⁹⁵⁴ Цит. по: Ibid. P. 477.

⁹⁵⁵ Bardoux M.A. Op. cit. P. 113.

⁹⁵⁶ Theis L. Op. cit. P. 201.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Несмотря на крушение политической карьеры и политических идеалов Франсуа Гизо в 1848 г., несмотря на непопулярность его внешнеполитического курса в глазах современников, идеи, сформулированные им, составили теоретическую основу французского умеренного либерализма и получили свое дальнейшее развитие в годы Третьей республики, хотя из орлеанистов по большому счету только А. Тьер смог вновь оказаться на вершине политического Олимпа. Внешнеполитические идеи Гизо во многом заложили контуры последующей, в том числе и современной, внешнеполитической линии Франции. Прежде всего, речь идет о пацифизме Гизо, его идеях мирного сосуществования государств с различным политическим строем, его стремлении разрешать возникающие между государствами споры мирным путем, его идеях европейской интеграции и роли Франции в этом процессе.

Драма Гизо, как и в целом орлеанистов, заключалась в том, что французское общество осознало приемлемость их внешнеполитического курса или, по крайней мере, вынужденно примирилось с ним лишь после поражения 1870 – 1871 гг., когда Седан напомнил о Ватерлоо. Вплоть до 1870 г. инерция внешнеполитического экспансионизма, рожденная революцией конца XVIII века и наилучшим образом воплотившаяся в наполеоновских войнах, продолжала будоражить французское общество.

Всегда и везде Гизо пытался следовать политике «золотой середины», называя свою политику одновременно «либеральной, консервативной и антиреволюционной». Срединную линию он пытался проводить в сфере внутренней политики, равноудаленной от крайностей деспотизма и анархии, радикализма и ультраконсерватизма. Этой же линии он придерживался и в сфере внешней политики, направленной на восстановление былого престижа и влияния Франции в Европе путем лавирования между либеральными и консервативными дворами. Протестант, он пытался примирить протестантизм и католицизм, а в последние годы своей жизни был

увлечен идеями социального католицизма. Однако такой компромиссный курс всегда очень сложно проводить, и Гизо позволил себя обольстить иллюзией людей «золотой середины», возможностью согласовывать противоречивые принципы и побеждать сразу и правых, и левых от имени третьей гипотетической силы.

Под конец жизни он стал настоящим патриархом, главой большой семьи. Он пережил смерть своих любимых женщин, сына Франсуа и дочери Полины. Много раз ему приходилось все начинать заново. Но он ко всем жизненным перипетиям относился стоически.

В Валь-Рише сейчас проживают потомки Гизо. К имению ведет узкая проселочная дорога, построенная еще во времена Гизо. Территория имения, расположенного в лесной глуши, является частной собственностью, и визиты туда запрещены. Однако автору этой книги благодаря любезности нынешней владелицы Валь-Рише посчастливилось побывать во внутренних помещениях главного дома, включая рабочий кабинет с портретами короля Луи Филиппа и паши Египта Мухаммеда Али и мемориальную комнату Гизо. В доме все сохранилось так, как было при жизни Гизо, даже сама атмосфера: родственники, родители с бутылочками детского питания, маленькие дети; в кабинете Гизо на диване – детские игрушки; в плетеном кресле на террасе, выходящей к огромному, необъятной ширины платану, помнящему самого Гизо, очень любившего деревья и цветы, – теннисная ракетка. Для посетителей Валь-Рише открыт только в день смерти Франсуа Гизо, 12 сентября. А улица, носящая имя Гизо, *rue Guizot*, существует во Франции лишь одна, в его родном Ниме...

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 728. Коллекция документов Рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца. Оп. 1. Т. 2. Д. 1664. Ч. 1–17. Письма княгини Д.Х. Ливен императрице Александре Федоровне. 1832–1856.

Ф. 1126. Оп. 1. Д. 424. Письма Д. Ливен брату А.Х. Бенкендорфу.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. ДД. 88, 134, 211, 197, 198, 199.

Ф. 137. Отчеты МИД России. Оп. 475. Д. 5.

Ф. 161. Главархив. II–3. Оп. 77. Д. 1.

Ф. 187. Посольство в Париже. Оп. 524. Д. 161.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 467. Оп. 1. Д. 180.

Публицистические работы, мемуары, парламентские выступления Ф. Гизо

Гизо Ф. История Английской революции. Т. 1–3. СПб., 1868.

Гизо Ф. История цивилизации в Европе. СПб., 1892.

Гизо Ф. История цивилизации во Франции. Т. 1–4. М., 1877–1881.

Гизо Ф. Размышления о сущности христианской веры. М., 1865.

Гизо Ф. Сэр Роберт Пиль // Русский вестник. 1856. Т. 5. № 9–10.

Guizot F. L' Eglise et la société chrétienne en 1861. Paris, 1861.

Guizot F. L' Histoire parlementaire de la France. Т. 1–5. Paris, 1863–1864.

Guizot F. La France et la Prusse responsables devant l' Europe. Paris, 1868.

Guizot F. Le Christianisme et le Spiritualisme // Revue des Deux mondes. 1869. 1 sept. P. 19.

Guizot F. Méditations et études morales. Paris, 1852.

Guizot F. Méditations sur l' état actuel de la religion chrétienne. Paris, 1866.

Guizot F. Méditations sur l' essence de la religion chrétienne. Paris, 1864.

Guizot F. Méditations sur la religion chrétienne dans ses rapports avec l' état actuel des sociétés et des esprits. Paris, 1869.

Guizot F. Mélanges biographiques et littéraires. Paris, 1868.

Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. V. 1–8. Paris, 1858–1867.

Guizot F. Trois générations. 1789–1814–1848. Paris, 1863.

Guizot F. De la démocratie en France. Paris, 1849.

Guizot F. Du gouvernement de la France depuis la Restauration et du Ministère actuel. Paris, 1820.

Guizot F. Des moyens de gouvernement et d' opposition dans l' état actuel de la France. Paris, 1821.

Guizot F. Du gouvernement représentatif et de l' état actuel de la France. Paris, 1816.

Переписка Ф. Гизо

François Guizot et Madame Laure de Gasparin. Documents inédits. (1830–1864). Paris, 1934.

Lettres de François Guizot et de la princesse Lieven. Préface de J. Schlumberger. Т. 1–3. Paris, 1963–1964.

Johnson D. Guizot et lord Aberdeen en 1852. Echange de vues sur la réforme électorale et la corruption // Revue moderne et contemporaine. Т. 5. Janvier–mars. 1958.

Публикации документов, мемуары, дневники, переписка,
парламентские выступления

- Гюго В. Посмертные записки. 1838–1875. М., 2007.
- Княгиня Д. Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. Январь 1903 – январь 1904.
- Токвиль А. Воспоминания Алексиса Токвиля, изданные графом Токвилем. М., 1893.
- Шатобриан Ф.Р. де. Замогильные записки. М., 1995.
- Apponyi R. Vingt-cinq ans à Paris. (1826–1850). Journal du compte Rodolphe Apponyi, attaché de l' ambassade d' Autriche à Paris. Т. 2. Paris, 1913.
- Au temps de la guerre Crimée. Correspondance inédite du comte de Morny et de la princesse de Lieven // La Revue des Deux Mondes. 1966. Février. 1, 15.
- Barante P. de. Souvenirs du baron de Barante. 1782–1866. V. 1–8. Paris, 1890–1901.
- Barrot O. Mémoires posthumes de Odilon Barrot. V. 1–4. Paris, 1875–1876.
- Boigne E.-A. Mémoires de la comtesse de Boigne. Т. 1–4. Paris, 1908.
- Broglié duc de. Les Souvenirs, 1795–1870. V. 1– 4. Paris, 1886.
- Castellane E.V.E.B. Journal du maréchal de Castellane (1804–1862). Т. 1–3. Paris, 1896.
- Dechappe m-me, Dechappe L. L' Histoire par les textes. La France contemporaine 1814–1914. Histoire politique. Paris, 1927.
- Dino Dorothee (duchesse de Talleyrand et de Sagan). Cronique de 1831 à 1862. Т. 1–4. Paris, 1909–1910.
- Discours parlementaires de M. Thiers. Т. 1–15. Paris, 1879–1883.
- Flers M. Le roi Louis-Philippe: vie anecdotique, avec 130 lettres ou documents. 1773–1850. Paris, 1891.
- Gordon G.H. The correspondence of lord Aberdeen and princess Lieven. 1832–1854. V. 1. 1832–1848. London, 1938.
- Greville Ch. Les quinze premières années de regne de la reine Victoria. Paris, 1889.
- Lamartine A. de. Lamartine par lui-même. Paris, 1892.
- Lettres du Prince Metternich à la comtesse Lieven. 1818–1819. Ed. par J. Hanoteau. Paris, 1909.
- Letters of princess Lieven to lady Holland. 1847–1857. Oxford, 1956.

- The Lieven-Palmerston correspondence. 1828–1856. London, 1943.
- Lord Aberdeen. Souvenirs et Papiers diplomatiques // La Revue des deux mondes. Т. 34. 1861.
- Louis Philippe. Pensées et opinions de Louis Philippe sur les affaires de l' état. Paris, 1850.
- Metternich. Mémoires, documents et écrits divers laissée par le prince de Metternich. Т. 1–8. Paris, 1880–1884.
- Revue Rétrospective ou archives secrètes du dernier gouvernement. 1830–1848. Paris, 1848.
- Sainte-Beuve C.-A. Chroniques parisiennes (1843–1845). Paris, 1876.

Публицистика

- Арсеньев К.К. Записки Гизо. Испанские дела: министерство Моле и коалиция // Русский вестник. 1861.
- Вязинский Г. Защитники парламентаризма и оппозиционная литература во Франции // Русский вестник. 1858. Т. 17. Октябрь, кн. II. Гизо и его Записки // Отечественные записки. 1858. Т. 118. № 5–6. Гизо и его записки // Отечественные записки. 1858. Т. 119. № 7–8. Знаменитые современники. Франсуа Гизо // Телескоп. 1834. Ч. 21. № 23–26. С. 463.
- Литературные заметки (по поводу статьи о мемуарах Гизо, помещенных в № 6 «Отечественных записок» за 1858 г.). // Русский вестник. 1858. Т. 15. Июнь. Кн. II.
- Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация // Русский вестник. 1858. Т. 15. № 5–6.
- Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Водворение Июльской монархии // Русский вестник. 1859. Т. 21, май. Кн. I.
- Bavoux E. Alger. Voyage politique et descriptif dans le Nord de l' Afrique. Т. 1–2. Paris, 1841.
- Blânc L. Histoire de dix ans. 1830–1840. Paris, 1848. Т. 1–5.
- Capefigue J.-B. Le gouvernement de juillet, les partis et les hommes politiques. 1830 à 1835. Т. 1–2. Bruxelles, 1836. Т. 1
- Duez. Critique des Mystères de la Russie et de l' ouvrage de M. de Custines: La Russie en 1839, suivie de l' extrait du voyage de l' empereur. Paris, 1847.
- Lavergne L. Royer-Collat, orateur et politique // Revue des Deux Mondes. Т. 35. Sept.–oct. 1861.

Pitot F. Les colonies françaises. Paris, 1845.

Witte H. Monsieur Guizot dans sa famille et avec ses amis (1787–1874). Paris, 1881.

Газетная и журнальная периодика (отдельные номера)

Московские ведомости. 1841.

Русский инвалид. 1842, 1846, 1847.

Северная пчела. 1843.

Сын отечества. 1839, 1842, 1843, 1848.

Le Journal des Débats. 1842.

Le Moniteur universel. 1840, 1844.

Le National. 1844, 1846.

La Patrie. Journal politique, commercial, littéraire, judiciaire. 1846.

La Réforme. 1843, 1844, 1845, 1846, 1847.

La Revue des deux mondes. 1847. Т. 17, 19, 20.

Le Siècle. 1842.

ЛИТЕРАТУРА

Бутенко В.А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 1. 1814–1820. СПб., 1913.

Грей Дж. Поминки по просвещению. М., 2003.

Грюнвальд К. Образование франко-русского союза. М., 1968.

Дебидур А. Дипломатическая история Европы. 1814–1878. Т. 1–2. Ростов-на-Дону, 1995.

Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004.

Зелдин Т. Франция. 1848–1945: честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург, 2004.

История Алжира в новое и новейшее время. М., 1992.

История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995.

Капанов Р.М. Франсуа Гизо: У истоков либерального европеизма // Европейский альманах. История. Традиция. Культура. М., 1990.

Киселева Е.В. Либералы «конституционалисты» в эпоху Реставрации во Франции. 1814–1830 гг. / В кн. Европейский либерализм в новое время. Теория и практика. М., Институт всеобщей истории РАН. 1995.

Княгиня Шаховская-Глебова-Стрешнева. Княгиня Ливен. М., 1904.

Кухарский П.Ф. Франко-русские отношения накануне Крымской войны. Л., 1941.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Изд. второе. Т. 3. М., 1938.

Ланда Р.Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830–1918). М., 1976.

Майский И.М. Испания. 1808–1917. Исторический очерк. М., 1957.

Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1–15. СПб., 1877–1905.

Мартен-Фюжсье А. Элегантная жизнь, или Как возник «весь Париж». 1815–1848. М., 1998.

Мильчина В. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб., 2004.

Мовсесян А.Г. Либерализм и экономика. М., 2003.

Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). Отв. реды: *Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатьев.* М., 1999.

Рохау А.Л. История Франции от низвержения Наполеона до восстановления Империи. 1814–1852. Ч. 1–2. СПб., 1865–1866.

Согрин В.В., Патрушев А.И., Токарева Е.С., Фадеева Т.М. Либерализм Запада XVII–XX веков. М., 1995.

Тяньшина Н.П. Восемь лет без права переписки // Родина. № 3. 2013.

Тяньшина Н.П. Доротея Дино: alter-ego Талейрана // Новая и новейшая история. 2015. № 6.

Тяньшина Н.П. Княгиня Д.Х. Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009.

Тяньшина Н.П. Политическая борьба во Франции по вопросам политики в годы Июльской монархии. М., 2005.

Тяньшина Н.П. Протекционизм или свобода торговли? К вопросу об экономической политике Франции в годы Июльской монархии // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. Сб. научных трудов. Вып. III. М., 2012.

- Тяньшина Н.П.* Революция от скуки, или Как французы изменили своей традиции не устраивать революцию зимой // Родина. 2012. № 3.
- Тяньшина Н.* Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма. М., 2000.
- Тарле Е.В.* Крымская война // Соч. в 12 тт. Т. 8. М., 1959.
- Федосова Е.И.* Франция и Венская система. (К вопросу о постоянно действующих и временных факторах внешней политики) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1996. № 5.
- Франция в период реставрации Бурбонов. Июльская революция 1830 года // История Европы. Т. 5. М., 2000.
- Черкасов П.П.* Александр II и Наполеон III. М., 2015.
- Черкасов П.П.* Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1792–1867 гг.). М., 2008.
- Чудинов А.В.* Смена вех: 200-летие революции и российская историография // Французский ежегодник. М., 2002.
- Шеремет В.И.* Османская империя и Западная Европа, II треть XIX в. М., 1986.
- Хмелева Н.Г.* Алжирское государство эмира Абд аль-Кадира и его оценка французской историографией в XIX и XX вв. // Арабские страны. История. Экономика. М., 1977.
- Bagge D.* Les Idées politiques en France sous la Restauration. Paris, 1952.
- Brogie G.* Guizot. Paris, 1990.
- Brogie G. de.* La Monarchie de Juillet. 1830–1848. Paris, 2011.
- Brogie G.* L'Orleanisme. La ressource libéral de la France. Paris, 1981.
- Bruyère-Ostells V.* Napoléon III et le seconde Empire. Paris, 2004.
- Cabanel P.* Histoire des protestants en France. XVI–XXI siècle. Paris, 2012.
- Caron J.-C.* La France de 1815 à 1848. Paris, 1993.
- Chevallier J.-J.* Histoire des institutions et des régimes politiques de la France de 1789 à nos jours. Paris, 1985.
- Cromwell J.L.* Dorothea Lieven: a Russian Princess in London and Paris, 1785–1857. Jefferson, 2007.
- Daudet E.* Une vie d'ambassadrice au siècle dernier. La princesse de Lieven. Paris, 1904.
- Daumard A.* Maisons de Paris et propriétaires parisiens au XIX-e siècle. Paris, 1965.

- Delbez L.* Les grands courants de la pensée politique française depuis le XIX siècle. Paris, 1970.
- Dupuy M.* La Duchesse de Dino, égérie de Talleyrand, princesse de Courlande. Paris, 2002.
- François Guizot et la Culture politique de son temps. Colloque de la Fondation Guizot – Val-Richer. Paris, 1991.
- Furet F.* La Révolution de Turgot à Jules Ferry. 1770–1880. Paris, 1988.
- Girard L.* Les libéraux français. 1814–1875. Paris, 1985.
- Gontard M.* L'enseignement secondaire en France de la fin de l'Ancien Régime à la loi Falloux. 1750–1850. Paris, 1984.
- Histoire général de l'enseignement et de l'education en France. V. 1–4. Paris, 1981.
- Histoire de la France. La France de la bourgeoisie. 1815–1850. Paris, 1970.
- Jore L.* L'océane Pacifique au temps de la Restauration et de la Monarchie de juillet. (1815–1848). Paris, MCMLIX.
- Marten J.* L'Empire renaissant. 1789–1871. L'aventure coloniale de la France. Paris, 1987.
- Marten C.* Histoire de l'Algerie française. 1830–1962. Paris, 1963.
- Martin-Fugier A.* Louis-Philippe et sa famille. 1830–1848. Paris, 2013.
- Mastellone S.* La politique étrangère de Guizot // Revue d'Histoire diplomatique. 1957.
- Meyer J., Tarrade J., Rey-Golzeiguer A., Thobie J.* Histoire de la France coloniale des origine à 1914. Paris, 1991.
- Ovsinska A.* La politique de la France envers l'Allemagne à l'époque de la monarchie de Juillet. 1830–1848. Warszawa, 1974.
- Ponteil F.* Histoire de l'enseignement en France. Les grandes étapes. 1789–1964. Paris, 1966.
- Ponteil F.* Les classes bourgeoises et l'avènement de la démocratie. Paris, 1968.
- Rémond R.* L'anticléricalisme en France de 1815 à nos jours. Paris, 1976.
- Rémond R.* La droite en France de la première Restauration a la V-em République. Paris, 1963.
- Rémond R.* La vie politique en France. 1789–1848. T. 1–2. Paris, 1965.

Renouvin P. Histoire des relations international. Т. 1–8. Paris, 1953–1858.

Robert V. Le temps des banquets. Politique et symbolique d' une génération (1818–1848). Paris, 2010.

Rosanvallon P. La monarchie impossible. Les Chartes de 1814 et de 1830. Paris, 1994.

Rosanvallon P. Le moment Guizot. Paris, 1985.

Simon J. Thiers, Guizot, Rémusat. Paris, 1885.

Terlinden Ch. Histoire de la Belgique contemporaine. 1830–1914. Т. 1–3. Bruxelles, 1928.

Theis L. François Guizot. Paris, 2008.

Thureau-Dangin P. Histoire de la monarschie de juillet. V. 1–7. Paris, 1884–1892.

Touchard J. Histoire des idées politiques. Paris, 1962.

Trenard L. La Revolution Belge vue par la presse lilloise // Les relations franco-belges de 1830 à 1934. Actes du Colloque de Metz 15–16 novembre 1974. Metz, 1975.

Triomphe P. L' Europe de François Guizot. Paris, 2002.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН⁹⁵⁷

Абд аль-Кадир, эмир, лидер алжирского сопротивления – 268, 270, 272–274, 276–278, 281

Абердин Дж.Г., лорд, английский политик, один из лидеров тори – 149, 155, 162, 167, 184, 186, 187, 190, 191, 194–199, 205–208, 241–243, 263, 278, 291, 294, 295, 297

Аделаида, принцесса, сестра короля Луи Филиппа – 308

Александр I, российский император – 28

Александра Федоровна, российская императрица, супруга Николая I – 156, 197

Альберт, принц-консорт, супруг королевы Виктории – 160, 192, 198, 205

Андре, барон д', французский дипломат, второй секретарь посольства Франции в России – 238, 241, 245

Аппоньи Р., граф, австрийский дипломат, посол в Риме и Париже – 184, 192, 193, 212, 215, 239, 254, 260

Араго Э., французский политический деятель – 62, 142

Артуа Ш.-Ф. де Бурбон, король Франции Карл X – 39, 43, 44, 46–49, 51, 52, 60, 61, 118, 136, 176, 232, 285, 311, 315, 326, 329

Ассис Ф., герцог де, супруг испанской королевы Изабеллы II – 208

Барант П. де, барон, французский историк, политик и дипломат – 25, 29–31, 37, 79, 146, 185, 197, 236–238, 240, 245–246, 315, 323

Барант Э., сын П. де Баранта – 237–238

Барро О., французский политик, конституционный монархист, лидер «династической левой» – 52, 59–61, 87, 173, 176, 201, 210, 226, 230, 265, 296, 298, 303.

Бенкендорф А.Х., граф, генерал-адъютант, шеф жандармов и главный начальник Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии – 149, 238

Беррийская М.К., герцогиня, жена герцога Беррийского – 61

Беррье П.-А., французский политический деятель, лидер легитимистов в парламенте – 61, 62

Брессон Ш., граф, французский дипломат – 207–209, 257

⁹⁵⁷ В указатель не включен Ф. Гизо – Н.Т.

Бордоский Г. де Бурбон, герцог, граф де Шамбор, Генрих V, сын герцога Беррийского, внук Карла X – 52, 61, 232

Брой Л.-В., герцог, французский политический деятель, пэр Франции – 9, 29–31, 46, 51, 58, 146, 150, 165, 173, 175, 181, 221, 234, 269, 299, 307, 328

Брой, герцогиня, супруга герцога де Броя – 150

Бруннов Ф.И., барон, граф, российский дипломат – 236

Буалеконт, французский дипломат – 223, 226, 231

Буань (урожд. д'Осмон) Ш.Л.Э.А., графиня, хозяйка салона в Париже, мемуаристка – 152, 307

Буржуа, французский дипломат – 253, 254, 269–275, 278–283

Бюжо Т.Р., маршал, французский военный – 267, 269–275, 278–283

Вале С.-Ш., маршал, французский военный – 268

Веллингтон А.У., герцог, английский полководец и государственный деятель, тори – 160, 300

Виктория, английская королева – 9, 160, 191, 192, 195, 196, 205, 206, 209, 212, 241–243, 291

Витт Конрад, зять Ф. Гизо – 317

Витт Корнелис, зять Ф. Гизо – 317

Гаспарен Л., жена О. де Гаспарена, мэра Оранжа – 45, 156, 309, 320, 321

Гизо Андре Франсуа, отец Ф. Гизо – 12, 13

Гизо (Витт) Генриэтта, дочь Ф. Гизо – 12, 45, 146, 314, 317

Гизо Гийом, сын Ф. Гизо – 45, 146, 314, 317, 324, 325

Гизо Жан-Жак, брат Ф. Гизо – 12

Гизо (Витт) Полина, дочь Гизо – 45, 146, 314, 317

Гизо Франсуа, сын Ф. Гизо – 20, 45, 146, 147

Гизо С.-Э. (урожд. Бонисель), мать Ф.П.Г. Гизо – 12–17, 49, 146, 147, 156, 314, 327

Гревилл Ч., английский политический деятель – 153, 196, 197, 315

Грей Ч., граф, английский государственный деятель, министр – 149

Гренвил Т.Л.Г., граф, английский политический деятель и дипломат – 161

Гренвил (урожд. Кавендиш) Г.Э., супруга графа Гренвила – 158

Гюго В.М., французский поэт, писатель – 152, 167, 169, 198, 218, 273, 304, 307, 308, 315

Делессер Г., префект парижской полиции – 307

Дибич И.И., фельдмаршал, русский военный и политический деятель – 232

Дилон Э., вторая супруга Ф. Гизо – 44, 45, 49, 146, 317

Дино Д., (урожд. принцесса Курляндская) герцогиня, супруга племянника Ш.-М. Талейрана Э. де Талейрана-Перигора, герцога де Дино – 154, 155, 183, 184, 317, 318, 322–324

Дювержье де Горанн, французский политический деятель и писатель – 31, 60, 310

Дюпен де л' Эр, французский политический деятель – 51, 61

Дюперре Г.В., французский политический и военный деятель, адмирал – 285, 290

Дюпти-Туар, французский военный, адмирал – 286–289, 291–293, 300, 301

Дюшатель Ш.-М., французский политический деятель – 167, 310, 312, 313, 318

Дюфор А.-Ж.-С., французский политический деятель – 298

Жарнак Ф., граф, французский дипломат – 208, 295–297

Жирарден Э., французский публицист – 307, 310

Жордан К., французский политический деятель – 29–31, 79

Жуанвильский Ф., принц, сын короля Луи Филиппа, контр-адмирал – 194, 216, 217, 272, 277, 278, 280, 308

Изабелла II, королева Испании – 183, 205–209, 212

Кавеньяк Г., французский политический деятель – 49, 63

Каннинг Дж., английский политический деятель – 290

Каррель А., французский журналист и публицист – 46, 49

Каули Г., английский политический деятель, дипломат – 192, 193, 195, 288

Киселев Н.Д., российский дипломат – 187, 193, 194, 196, 199, 203, 211, 225, 228, 237–240, 243–247, 264, 278, 296, 297, 299, 300

Констан Б., французский публицист и политический философ – 31, 51, 68, 75, 328, 332

Ламарк М., французский военный и политический деятель – 59

Ламартин А.-М.-Л., французский поэт-романтик, депутат, министр Временного правительства в 1848 г. – 142, 190, 218, 305

Ламеннэ Ф.Р., французский публицист и философ – 64

Лафайет М.-Ж., маркиз, генерал, командующий французской Национальной гвардии – 31, 46, 49, 50, 51, 59, 60, 173

Лаффит Ж., французский политический деятель и предприниматель – 31, 56, 59, 173

Ледрю-Роллен А.О., французский политический деятель – 27, 62, 63
 Леопольд I, король Бельгии – 192, 200, 205–207, 212, 219, 315
 Ливен Александр Х., св. князь, старший сын Д.Х. Ливен – 321
 Ливен Артур Х., св. князь, пятый сын Д.Х. Ливен – 149
 Ливен Георгий Х., св. князь, четвертый сын Д.Х. Ливен – 149
 Ливен Д.Х., св. княгиня, супруга князя Х.А. Ливена – 9, 146, 148, 149, 150–158, 161, 162, 166, 167, 184, 185, 187, 188, 191–198, 299, 307, 315–323
 Ливен Павел Х., князь, второй сын Д.Х. Ливен – 321
 Ливен Ш.К., св. княгиня, мать Х.А. Ливена – 323
 Ливен Х.А., св. князь, второй сын Ш.К. Ливен, российский военный деятель и дипломат, супруг Д.Х. Ливен – 148, 149, 155
 Луи Филипп, король французов – 5, 43, 51, 52, 58, 61, 64, 88, 103, 134, 157, 164, 165, 166–168, 170, 172–178, 182, 183, 190–192, 194–201, 205–212, 223, 224, 228, 232, 233, 239–243, 248, 250, 251, 257, 260, 268, 273, 278, 283, 285, 292, 293, 296, 297, 299, 300, 302, 304, 305, 308, 309, 312–315, 326, 329, 342, 343
 Луиза-Фернанда, испанская инфанта, сестра королевы Изабеллы II – 183, 205, 206, 209, 211
 Людовик XVIII, французский король – 22, 23, 24, 26–28, 34, 35, 43, 79, 126

Мадзини Дж., итальянский политический деятель – 218, 219
 Мако де, морской министр, адмирал – 195, 198, 292
 Мария Амелия, французская королева, супруга Луи Филиппа – 192, 312, 313
 Мария Кристина, регентша Испании, мать Изабеллы II – 205–208
 Мария Луиза, старшая дочь короля Луи Филиппа, супруга короля Бельгии Леопольда I – 192, 194, 200
 Мартиньяк Ж.Б.Ф.Г., граф, французский министр – 44–46, 136
 Мезон Н.Ж., маркиз, маршал Франции – 236
 Мелан П., французский публицист и литератор, первая супруга Ф. Гизо – 16–20, 146, 148, 327
 Мельбурн У., лорд, английский политический деятель – 157
 Мериме П., французский писатель – 153
 Меттерних – Виннебург К.В.Л. князь, австрийский государственный деятель и дипломат – 149, 184, 185, 214, 215, 217, 222, 223, 225, 228, 229, 254, 257, 259, 260, 261, 263, 264, 315
 Минье Ф., французский историк и публицист – 46, 104
 Моген Ф., французский политический деятель – 59, 173

Моле Л., граф, французский политический деятель – 60, 87, 88, 146, 152, 166, 193, 268, 269, 307, 313, 318
 Мольен, графиня, придворная дама королевы Марии Амелии – 344
 Монпансье Л.А.Ф., герцог, сын короля Луи Филиппа – 183, 194, 206–212, 308, 312
 Монталиве М.К.Б., граф, пэр Франции, министр внутренних дел – 136, 198
 Монталамбер Ш. де, французский политический деятель, писатель – 64, 224, 229, 337
 Мортемар К.Л.В., де Рошешуар, принц де Тонне-Шарант, герцог, французский дипломат – 51
 Монтескье, аббат, французский политический деятель – 19, 24
 Монтескье Ш.-Л., французский философ-просветитель – 29, 34, 113
 Мухаммед Али-паша, правитель Египта – 163, 164, 347

Наполеон I, французский император – 20–29, 36, 46, 56, 63, 81, 90–92, 116–118, 123, 126, 135, 137, 161, 169, 170, 172, 316, 339, 349
 Наполеон III Бонапарт (он же Шарль Луи Наполеон Бонапарт, Луи Наполеон, граф де Сен-Лё), французский император – 188, 316, 318, 319, 339–342
 Немурский Л.Ш.Ф., герцог, сын короля Луи Филиппа – 194, 200, 304, 308, 312
 Нессельроде К.В., граф, министр иностранных дел России – 149, 233, 235, 236, 238–244, 247, 265
 Нессельроде (урожд. Гурьева) М.Д., графиня, супруга К.В. Нессельроде – 155, 236
 Николай I, российский император – 149, 155, 173, 175, 185, 197, 232–234, 237–243, 246–249, 263, 281, 297, 319, 320
 Норманби К.-Г., лорд, маркиз английский политический деятель и дипломат – 212, 307

Омальский Г.-Е.-Ф.-Л., герцог, четвертый сын короля Луи Филиппа – 194, 205, 275, 305
 Орлеанский Ф., герцог Шартрский, старший сын короля Луи Филиппа – 240, 241, 251, 265, 304
 Орлов А.Ф., граф, российский военный и политический деятель – 232

Пакье Э.Д., барон (впоследствии герцог), глава Палаты пэров, канцлер – 26, 31, 315

Пален П.П., граф, фон дер, российский дипломат – 168, 183, 185, 202, 235, 237–240

Пальмерстон Г.Дж.Т., лорд, виконт, английский государственный деятель – 157–159, 161, 162, 186, 187, 208, 209, 211, 212, 225, 264, 277

Пальмерстон Э. (урожд. Каупер), супруга лорда Г.Дж. Пальмерстона – 158

Перье К., французский политический деятель, министр – 49, 51, 58, 60, 136, 173, 175, 211, 220

Перье О.К., французский дипломат, сын К. Перье — 239–241

Пий IX, папа римский – 213, 216

Пиль Р., сэр, английский государственный деятель — 185–187, 197, 202, 208, 241, 279, 280, 295, 298

Полиньяк Ж., князь, французский политический деятель – 46–49

Помаре IV, королева Таити – 287, 288, 291, 293, 294, 301

Поццо ди Борго Ш.-А., граф, российский дипломат – 160, 182, 233, 235, 239

Притчард, протестантский миссионер, английский консул на Таити – 196, 198, 281, 283, 287, 291–300

Рамбуто К.-Ф., префект Парижа – 307

Рейхштадтский Ф.Ж., герцог, сын Наполеона I – 63

Рекамье (урожд. Бернар) Ж., хозяйка влиятельного литературно-политического салона в Париже – 152

Ремюза Ф.-М.-Ш., граф, французский политический деятель – 19, 29, 49, 115, 133, 309, 310

Ришелье А.-Э., герцог, французский и российский политический деятель – 28, 35, 75, 79, 83

Робеспьер М., деятель Французской революции, лидер якобинцев – 13, 63

Руайе-Коллар П.-П., французский политический деятель и философ – 22, 24–26, 29–33, 35, 37–39, 69, 73–76, 79, 84, 110, 114, 115, 126

Руссен А.-Р., барон, французский политический и военный деятель, адмирал – 290, 292

Руссо Ж.-Ж., французский мыслитель-просветитель – 15, 113, 331

Себастьяни О.-Ф.-Б., граф, французский военный и политический деятель, маршал Франции – 51, 195

Сент-Бев Ш.О., французский писатель и литературный критик – 293, 299

Сент-Олер Л.-К., граф, французский государственный деятель, дипломат, историк – 146, 195, 205, 206, 212, 233, 242, 290

Сталь Ж. де, французская писательница, политический деятель и публицист – 20, 104 238

Стапфер, швейцарский дипломат – 16–18, 327

Сульт Н., герцог Далматский, маркиз, французский военный и государственный деятель – 61, 160, 164, 165, 167–169, 176, 177, 188, 193, 203, 215, 237, 249, 253, 276, 281, 289

Талейран-Перигор Ш.-М., князь Беневентский, герцог Дино, французский политический деятель и дипломат – 24, 28, 155, 260, 323, 324, 343

Токвиль А. де, французский политик и писатель – 297

Тьер А., французский политический деятель, историк – 46, 49, 51, 60, 61, 87–89, 123, 131, 139, 141, 151, 160–165, 167–169, 176, 183, 189, 211, 213, 218, 226, 230, 236, 252–254, 260, 261, 265, 269, 282, 289, 310, 322, 325, 342, 343, 346

Фонтене, виконт, французский дипломат – 258

Фридрих-Вильгельм III, король Пруссии – 253

Фридрих-Вильгельм IV, король Пруссии – 253, 259

Холланд, леди, хозяйка лондонского салона – 316

Чарторыйский А., князь, российский государственный деятель, глава Временного правительства Польши, лидер умеренной части польской эмиграции в Париже – 235, 247

Черкасов П.П., российский историк – 340

Чернышев А.И., граф, военный министр – 232

Шатобриан Ф.Р. де, французский писатель, мыслитель – 17, 60, 152, 327

Научное издание

ТАНЬШИНА НАТАЛИЯ ПЕТРОВНА

ФРАНСУА ГИЗО:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ

Монография

Редактор *Дубовец В. В.*

Оформление обложки *Удовенко В. Г.*

Компьютерная верстка *Дорожкина О. Н., Потрахов И. А.*

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования МПГУ
119571, Москва, Вернадского пр-т, д. 88, оф. 446.
Тел.: (499) 730-38-61
E-mail: izdat@mpgu.edu

Подписано в печать 26.02.2016. Формат 60x90/16.
Бум. офсетная. Печать цифровая. Объем 22,75 п. л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 484.

ISBN 978-5-4263-0312-6

9 785426 303126